

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhukovskiyvasily.ru/ Приятного чтения!

Собрание сочинений в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский

Орлеанская дева.
Драматическая поэма.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ:

Карл Седьмой*, король французский.

Королева Изабелла*, или Изабо, * его мать.

Агнеса Сорель*.

Филипп Добрый*, герцог Бургундский.

Граф Дюнуа*.

Ла Гир*.

Дю Шатель*.

Архиепископ реймский.

Шатильон, бургундский рыцарь.

Рауль, лотарингский рыцарь.

Тальбот*, главный вождь англичан.

Английские вожди: Лионель*, Фастольф*.

Монгомери, валлиец.

Французские, бургундские, английские рыцари.

Чиновники орлеанские.

Английский герольд.

Тибо д'Арк, земледелец.

Его дочери: Алина, Луиза, Иоанна

Их женихи: Этьен, Арман, Раймонд

Бертранд, поселянин.

Черный рыцарь.

Угольщик.

Его жена.

Пажи.

Солдаты.

Народ.

Придворные.

Епископы.

Маршалы.

Чиновники.

Дамы, дети и пр.

действие происходит в 1430 году.

Пролог

Сельское место; впереди, на правой стороне, часовня и в ней образ богоматери; на левой стороне высокий ветвистый дуб.

Тибо д'Арк, Этьен, Арман, Раймонд, Алина, Луиза, Иоанна.

Тибо

Так, добрые соседи, нынче мы
Еще французы, граждане, свободно
Святой землей отцов своих владеем;
А завтра... как узнать? чьи мы? что наше?
Во всех местах пришелец торжествует;
Везде врагов знамена; их конями
Истоптаны отеческие нивы;
Париж врата их войскам отворил,
И древняя корона Дагоберта*
Досталась в добычу иноземцу*;
Внук королей* без трона, без приюта,
Скитается в своей земле, как странник;
Знатнейший пэр*, ближайший из родных,
Против него с врагами в заговоре;
Родная мать* ему готовит гибель;
Деревни, города пылают; тихо
Еще у нас в долинах... но дойдет,
Дойдет и к нам гроза опустошенья.
Итак, друзья, пока еще есть воля,
Я дочерей хочу пристроить с богом:
Для женщины против времен опасных
Необходим заботливый защитник;
А с кем любовь, тому в бедах легко.
Этьен, тебе понравилась Алина;
У нас поля соседственно граничат,
Сердца же заодно... такой союз
Угоден богу... Ты, Арман, ни слова;
А ты глаза, Луиза, опустила...
Друзья, друзья, вы встретились сердцами –
Не мне вас разлучать. К чему богатство?
Кто в наши дни богат? Теперь все наше
До первого врага или пожара;
Теперь один спасительный приют:
Грудь верная испытанного мужа.
Луиза

Арман.

Арман

(подавая ей руку)

□□Твой навсегда.

Луиза

□□□□А ты, сестра?

Тибо

На каждую дам тридцать десятин,
И огород, и двор, и стадо – бог
Благословил меня, благословит
И вас.
Алина

□□ Утешь отца, сестра Иоанна,
Пусть в этот день устроится три счастья.
Тибо

Подите; завтра мы сыграем свадьбу,
И пир на всю деревню; приготовьте,
что надобно.
Алина, Луиза, Арман и Этьен уходят.

□□□ Твои, Жаннета, сестры
Выходят замуж, их судьба счастлива,
При старости они мое веселье;
Одна лишь ты мне горе и печаль.
Раймонд

Сосед, на что Жаннету огорчать?
Тибо

(указывая на Раймонда)

Вот юноша прекрасный, честный; с ним
Никто у нас в деревне не сравнится;
Тебе он отдал душу; три весны
Как он, задумчивый, с желаньем тихим,
С безропотным, покорным постоянством
Вздыхает по тебе; а ты молчишь,
Ты холодно сама в себе таишься;
И ни один из наших поселян
Улыбкою твоею не утешен.
Смотрю: ты в полноте прекрасной жизни;
Пора надежд, весна твоя пришла;
Цветешь... но я напрасно ожидаю,
Чтобы любовь в душе твоей созрела;
Прискорбно это мне. Боюсь, но вижу,
что над тобой ошиблася природа;
я не люблю души холодной, черствой,
Бесчувственной в поре прекрасной чувства.
Раймонд

Не принуждай ее, мой честный Арк.
Любовь моей Иоанны есть прекрасный
Небесный плод: прекрасное свободно,
Оно медлительно и тайно зреет.
Теперь ее веселье жить в горах;
К нам в хижины, жилища суеты,
С вершины их она сходить боится.
Нередко я с благоговеньем тихим
Из дола вслед за ней смотрю, когда
Она одна в величии над стадом
Стоит и взор склоняет в размышленьи
На мелкие обитатели земные.
Я вижу в ней тогда знаменованье
Чего-то высшего, и часто мнится,
что из других времен пришла она.
Тибо

А это мне противно! для чего
Чуждаться ей своих сестер веселых?
Всегда встает до ранних петухов,
чтобы бродить по высотам пустынным;
И в страшный час – в который человек
Доверчивей теснится к человеку –
Украдкою, как птица, друг развалин,
В туманное жилище привидений,
В ночную тьму бежит, чтоб горный ветер
Подслушивать на темном перекрестке.
Зачем она всегда на этом месте?
Зачем сюда гонять ей стадо? Часто

Видал я, как она час целый в думе
Под этим деревом друидов*, где
Боится быть счастливое созданье,
Сидит недвижима... а здесь не пусто;
Здесь водится недобрый с давних лет;
У стариков ужасные преданья
Сохранены об этом старом дубе;
И часто шум каких-то голосов
Нам слышится в его печальных ветвах.
Однажды мне случилось запоздать;
Меня вела дорога мимо дуба,
И вдруг мне видится: под ним сидит
Туманное, а что?.. не знаю! тихо
Иссохшею рукой приподняло
Широкую одежду и меня
Как будто бы манило... сотворив
Молитву, я бежал скорее прочь.
Раймонд

(указывая на образ в часовне)

Не верю я; не козни сатаны,
А чудотворный лик пречистой девы
Ее всегда приводит в это место.
Тибо

Нет, нет! и сны и страшные виденья
Меня, мой друг, тревожат не напрасно:
Три ночи я все вижу, будто в Реймсе
Она сидит на королевском троне;
Семь ярких звезд венцом на голове;
В ее руке какой-то чудный скипетр,
И из него три белые лилеи,
И я – ее отец – и обе сестры,
И герцоги, и графы, и прелаты,
И сам король пред нею на коленях...
Моей ли хижине такая слава?
Нет, это не к добру; то знак паденья;
Иносказательно мне этот сон
Ее души изобразил надменность;
Убожества она стыдится; бог
Ей даровал богатство красоты,
Ее щедрей всех наших поселянок
Благословил чудесными дарами...
И гордость грешная зашла к ней в душу;
А гордостью и ангелы погибли,
И ею враг в свои нас ловит сети.
Раймонд

Но кто ж скромней, кто непорочней в нравах
Твоей смиренныя Иоанны? Старшим
Сестрам она с веселым сердцем служит;
В селе у нас она всех выше... правда,
Но где найдешь работницу прилежней?
Бывал ли ей и низкий труд противен?
Ты видишь, под ее рукой чудесно
Твои стада и жатвы процветают;
На все, к чему она коснется, сходит
Непостижимое благословенье.
Тибо

Непостижимое... так, правда! ужас
Объемлет при таком благословенье.
Ни слова; я молчу; молчать мне должно...
Мне ль вызывать на суд свое дитя?
Могу лишь остеречь; могу молиться;
Но остеречь мой долг... Оставь сей дуб;
Не будь одна; не рой кореньев в полночь;

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu

Не составляй из сока их питья
И не черти в песке волшебных знаков.
Нам в области духов легко проникнуть;
Нас ждут они, и молча стерегут,
И, тихо внемля, в бурях вылетают.
Не будь одна: в пустыне искушитель
Перед самим создателем явился.
Бертранд входит с шлемом в руках.

Раймонд

Молчи, идет Бертранд; он возвратился
Из города. Но что несет он?
Бертранд

Вы
Дивитесь, что с таким добром я к вам
Являюсь?
Тибо

Подлинно; откуда взял
Ты этот шлем? На что знак бед и смерти
Принес ты к нам, в жилище тишины?
Иоанна, которая до сих пор не принимала никакого участия в том, что вокруг нее
происходило, становится внимательнее и подходит ближе.

Бертранд

И сам едва могу я объяснить,
Как мне достался он. Я покупал
Железные изделия в Вокулёре*;
На площади толпилась тьма народа
Вкруг беглецов, лишь только прибежавших
С недоброю из Орлеана вестью;
Весь город был в волнении; сквозь толпу
С усилием я продирался... вдруг
Цыганка смуглая со мной столкнулась;
В руках у ней был этот шлем; она,
Пронзительно в глаза мне посмотрев,
Сказала: «Ты, я знаю, ищешь шлема:
Вот шлем, не дорог он, возьми». – «На что? –
я отвечал ей. – К латникам пойдя;
Я земледелец, мне нет нужды в шлеме». –
Но я никак не мог отговориться;
«Возьми, возьми! – она одно твердила, –
Теперь для головы стальная кровля
Приютнее всех каменных палат». –
И так из улицы одной в другую
Она за мной гналась с этим шлемом.
Я посмотрел: он был красив и светел;
Был рыцарской достоин головы;
Я взял его, чтоб ближе разглядеть;
Но, между тем как я стоял в сомнении,
Она из глаз моих как сон пропала:
Ее толпой народа унесло...
И этот шлем в моих руках остался.
Иоанна

(ухватясь за него поспешно)

Отдай мне шлем.
Бертранд

На что? Такой наряд
Не девичьей назначен голове.
Иоанна

(вырывая шлем)

Отдай, он мой и мне принадлежит.
Тибо

Иоанна, что с тобой?
Раймонд

Оставь ее;
В ней мужеством наполнена душа,
И ей убор воинственный приличен.
Ты помнишь сам, как прошлую весной
Она в горах здесь волка одолела,
Ужасного для стад и пастухов.
Одна, одна, душою львица, дева
Чудовище сразила и ягненка
Исторгнула из челюстей кровавых.
Чью б голову сей шлем ни украшал,
Но ей приличней он.
Тибо

Бертранд, какая
Беда еще случилась? Что сказали
Бежавшие из Орлеана?
Бертранд

Боже,
Помилуй короля и наш народ!
Мы в двух больших сражениях разбиты*;
Враги в середине Франции; все взято
До самых берегов Луары; войски
Со всех сторон сошлись под Орлеан,
И страшная осада началась.
Тибо

Как! север весь уже опустошен,
А хищникам все мало; к югу мчатся
С войной...
Бертранд

Бесчисленный снаряд осадный
Со всех сторон придвинут к Орлеану.
Как летом пчел волнующийся рой,
Слетайся, жужжит кругом улья,
Как саранча, на нивы темной тучей
Обрушившись, кипит необозримо:
Так Орлеан бесчисленно народы
Осыпали, в одно столпившись войско;
От множества племен разноязычных
Наполнен стан глухим, невнятным шумом;
И всех своих землевластитель герцог
Бургундский в строй с пришельцами поставил:
Из Литтиха, из Генего, из Гента,
Богатого и бархатом и шелком,
Из мирного Брабанта, из Намура,
Из городов Зеландии приморских,
Блистающих опрятностью веселой,
От пажитей голландских, от Утрехта,
От северных Фризландии пределов
Под знамена могущего Бургунда
Сошлись полки разрушить Орлеан.
Тибо

О горестный, погибельный раздор;
На Францию оружие французов!
Бертранд

И, броню покрывшись, Изабелла,
Мать короля, князей баварских племя,

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu

Примчалась в стан врагов и разжигает
Их хитрыми словами на погибель
Того, кто жизнь приял у ней под сердцем.
Тибо

Срази ее проклятием господь!
Богоотступница, погибнешь ты,
Как некогда Иезавель погибла.
Бертранд

Заботливо осадой управляет
Рушитель стен, ужасный Салисбури*;
С ним Лионель, боец с душой звериной;
И вождь Тальбот, один судьбу сражений
Свершающий убийственным мечом;
Они клялись, в отваге дерзновенной,
Всех наших дев предать на посрамленье,
Сразить мечом, кто встретится с мечом.
Придвинуты к стенам четыре башни,
И, городом владычествуя грозно,
С их высоты убийства жадным оком,
Невидимый, считает Салисбури
На улицах поспешных пешеходов.
Уж много бомб упало в город; церкви
В развалинах; и сам великолепный
Храм богоматери грозит паденьем.
Бесчисленны подкопы под стенами;
Весь Орлеан стоит теперь над бездной
И робко ждет, что вдруг под ним она,
Гремящая, разверзится и вспыхнет.
Иоанна слушает с великим, беспрестанно усиливающимся вниманием и наконец
надевает на голову шлем.

Тибо

Но где Сантраль*? Что сделалось с Ла Гиром?
Где Дюнуа, отечества надежда?
С победою вперед стремится враг –
А мы об них не знаем и не слышим.
И что король? Ужель он равнодушен
К потере городов, к бедам народа?
Бертранд

Король теперь с двором своим в Шиноне*;
Людей взять негде, все полки разбиты.
Что смелый вождь? Что рыцарей отважность,
Когда нет сил, когда все войско в страхе?
Нас бог казнит; ниспосланный им ужас
К бесстрашнейшим запал глубоко в душу;
Все скрылося; все вызовы напрасны;
Как робкие бегут к за градам овцы,
Послышавши ужасный волчий вой,
Так, древней чести изменив, французы
Спешат искать защиты в крепких замках.
Едва один нашелся храбрый рыцарь:
Он слабый полк собрал и к королю
С шестнадцатью знаменами идет.
Иоанна

(поспешно)

Кто этот рыцарь?
Бертранд

□□□Бодрикур*; но трудно
От поисков врага ему укрыться:
Две армии преследуют его.
Иоанна

Но где же он? Скажи скорей, что слышно?
Бертранд

На переход один от Вокулёра
Стоит он лагерем.
Тибо

□□□□Молчи, Иоанна;
Ты говоришь о том, чего не смылишь.
Бертранд

Уверившись, что враг неодолим,
И помощи от короля не чая, –
Чтобы спастись от ига иноземцев
И сохранить себя законной власти, –
Решились граждане Вокулёра
Могущему Бургунду покориться.
Но с тем, чтоб он их принял договор:
Чтоб возвратил нас древнему престолу,
Как скоро мир опять меж ними будет.
Иоанна

(вдохновенно)

С кем договор? Ни слова о покорстве!
Спаситель жив; грядет, грядет он в силе!..
Могущий враг падет под Орлеаном!
Исполнилось! для жатвы он созрел!..
Своим серпом вооружилась дева;
Пожнет она кичливые надежды;
Сорвет с небес продерзостную славу,
Взнесенную безумцами к звездам..
Не трепетать! вперед! не пожелтеет
Еще на ниве клас и круг луны
На небесах еще не совершится –
А ни один уже британский конь
Не будет пить из чистых вод Луары.
Бертранд

Ах! в наши дни чудес уж не бывает.
Иоанна

Есть чудеса!.. Взовьется голубица
И налетит с отважностью орла
На ястребов, терзающих отчизну;
И низразит она сего Бургунда
Цареотступника, сего Тальбота,
Сторукого громителя небес,
С ругателем святыни Салисбури;
И побегут толпы островитян,
Затрепетав, как агнцы, перед нею..
Господь в ней будет! Бог всеильный брани
Пошлет свое дрожащее создание:
Творец земли себя в смиренной деве
Явит земле... зане он всемогущий!
Тибо

Какой в ней дух пророчит?
Раймонд

□□□□Этот шлем
Воинственно воспламенил в ней душу;
Взгляните на нее: глаза как звезды,
И все лицо ее преобразилось.
Иоанна

Как! древнему престолу пасть? Стране,

Избранной славою, под вечным солнцем
Прекраснейшей, счастливому Эдему,
Стране, творцу любезной, как зеница
Его очей, рабою быть пришельца?..
Здесь рухнула неверных сила; здесь
Был первый крест, спасенья знак, воздвигнут;
Здесь прах лежит Святого Людовика*;
Иерусалим отсюда завоеван*...
Бертранд

Вы слышите?.. Откуда вдруг открылся
Такой ей свет?.. О! дочь чудесной,
Сосед, тебя господь благословил.
Иоанна

Нам не иметь властителей законных,
Воспитанных единым с нами небом?
Для нас король наш должен умереть,
Неумирающий, защитник плуга,
Хранитель стад, плодотворитель нив,
Невольникам дарующий свободу,
Скликающий пред трон свой наши грады,
Покров бессилия, гроза злодейства,
Без зависти возвышенный над миром,
И человек и ангел утешенья
На вражеской земле?.. Престол законных
Властителей и в пышности своей
Для слабого приют; при нем на страже
И Власть и Милость; стать пред ним боится
Виновный; пред него с надеждой правый
Идет в лицо судьи смотреть без страха...
Но царь-пришлец, чужой страны питомец,
Пред кем отцов священный прах не скрыт
У нас в земле, земли невзлюбит нашей.
Кто нашим юношам товарищ не был,
Кому язык наш в душу не бежит,
Тот будет ли для нас отец в короне?
Тибо

Да защитит всевышний короля
И Францию! Нам, мирным поселянам,
Меч незнаком; нам бранного коня
Не укротить; мы будем ждать смиренно,
Кого нам даст владыкою победа!
Сражения успех есть божий суд.
Король наш тот, кто был миропомазан
В священном Реймсе*, кто приял державу
Над древними гробами Сен-Дени*...
Друзья, пора к работе; помни каждый
Ближайший долг свой; пусть князья земные
Земную власть по жеребью берут!
А нам смотреть в тиши на разрушенье:
Покорной нам земли оно не тронет;
Пускай пожжет селенья наши пламень,
Пускай кони притопчут наши нивы –
С молодой весной взойдет молодая жатва,
А низкие легко восстанут кровли.
Все, кроме Иоанны, уходят.

Иоанна

(долго стоит в задумчивости)

Простите вы, холмы, пол родные;
Приютно-мирный, ясный дол, прости;
С Иоанной вам уж боле не видаться,
Навек она вам говорит: прости.
Друзья-луга, древа, мои питомцы,

Вам без меня и цвесь и доцветать;
Ты, сладостный долины голос, эхо,
Так часто здесь игравшее со мной,
Прохладный грот, поток мой быстротечный,
Иду от вас и не приду к вам вечно.
Места, где все бывало мне услодой,
Отныне вы со мной разлучены;
Мои стада, не буду вам оградой..
Без пастыря бродить вы суждены;
Досталось мне пасти иное стадо
На пажитях кровавья войны.
Так вышнее назначило избранье;
Меня стремится не суетных желанье.
Кто некогда, гремя и пламенея,
В горящий куст к пророку нисходил,
Кто на царя воздвигнул Моисея,
Кто отрока Давида укрепил –
И с сильным в бой стал пастырь не бледнея, –
Кто пастырям всегда благоволил,
Тот здесь вещал ко мне из сени древа:
«Иди о мне свидетельствовать, дева!
Надеть должна ты латы боевые,
В железо грудь младую заковать;
Страшись надежд, не знай любви земныя:
Венчальных свеч тебе не зажигать;
Не быть тебе душой семьи родныя;
Цветущего младенца не ласкать..
Но в битвах я главу твою прославлю;
Всех выше дев земных тебя поставлю.
Когда начнет бледнеть и смелый в брани
И роковой пробьет отчизне час –
Возьмешь мою ты орифламму* в длани
И мощь врагов сорвешь, как жница клас;
Поставишь их надменной власти грани,
Преобразишь во плач победный глас,
Дашь ратным честь, дашь блеск и силу трону
И Карла в Реймс введешь принять корону».
Мне обещал небесный извещение,
Исполнилось... и шлем сей послан им.
Как бранный огонь, его прикосновение,
С ним мужество, как божий херувим..
В кипящий бой несет души стремление;
Как буря, пыл ее неукротим..
Се битвы клич! полки с полками стали!
Взвились кони, и трубы зазвучали!
(Уходит)

Действие первое
Явление I
Дюнуа, Дю Шатель

Дюнуа

Нет! доле не стерплю; пора покинуть
Нам короля, который сам бесславно
Себя покинул. Кровь бунтует в жилах,
И душу всю я выплакать готов,
Смотря на бедную отчизну... Боже!
Разбойники мечами города,
Старинные жилища чести, делят
И выдают их ржавые ключи
С покорностью врагу... а мы, мы здесь
В бездействии покоя расточаем
Священные спасения часы.
Лишь весть пришла, что Орлеан в осаде, –
Спешу свою Нормандию покинуть,
Лечу сюда в надежде, что король,
Готовый в бой, полки уж вывел в поле...

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu

Но что ж? Он окружен толпой шутов;
В кругу своих беспечных трубадуров
Заботится разгадывать загадки
И лишь пиры дает своей Агнесе.
Как будто все спокойно!.. Коннетабль*,
Терпенье потеряв, уже решился
Расстаться с ним... и я, и я расстанусь;
Пора судьбе на власть его предать.
Дю Шатель

Но вот и он.
Явление II
Те же и король Карл.

Король

Друзья, скажу вам новость:
Наш коннетабль прислал мне меч свой; он...
Он просится в отставку... в добрый час!
Брюзгливец мне уж сделался несносен;
Все не по нем; лишь он один все знает.
Дюнуа

Ах! твердый муж бесценен в наше время;
Расстаться с ним мне было б тяжело.
Король

Друг Дюнуа привык противоречить...
Но сам же ты всегда с ним был в раздоре.
Дюнуа

Я признаюсь: он горд, досаден, скучен;
Век ничего он кончить не умел...
Но в пору он узнал сие искусство:
Он прочь идет, когда остаться – стыд.
Король

Я вижу, ты в своем веселом нраве;
Смущать его не стану... Дю Шатель,
Король Рене* прислал ко мне послов;
Они певцы, их имя знаменито;
Их угостить хочу великолепно,
И каждому по цепи золотой...
(К Дюнуа)

К чему твой смех?
Дюнуа

Ты цепи золотые
Куешь словами.
Дю Шатель

Государь, твоя
Казна уж вся давно истощена,
И денег нет...
Король

Найди; певец высокий
Без почести отселе не пойдет;
Для нас при нем наш мертвый жезл цветет;
Он жизни ветвь бессмертно-молодую
Вплетает в наш безжизненный венец;
Властителю совластвует певец;
Переселясь в обитель неземную,
Из легких снов себе он зиждет трон;
Пусть об руку идет с монархом он:
Они живут на высотах созданья.
Дю Шатель

О государь, до сих пор щадил
Твой слух: для нас была еще надежда;
Но все сказать велит необходимость:
Не о дарах нам думать, нет! о том,
Где завтра хлеб найти себе насущный.
Растрчено все золото твое,
И наши все сокровищницы пусты;
С роптаньем ждет условной платы войско,
Грозясь твои покинуть знамена;
Не в силах я твой королевский дом
И скудную рукою содержать.
Король

Но разве нам уж средства не осталось?
Отдай в залог, что можно заложить.
Дю Шатель

Все, государь, напрасно: на три года
Доходы все вперед заложены.
Дюнуа

А срок придет... ни денег, ни залогов!
Король

Еще у нас земель богатых много.
Дюнуа

Пока щадит их бог и меч Тальбота;
Но Орлеан в осаде; сдайся он –
Тогда паси овец с своим Рене.
Король

Насчет Рене ты любишь ум острить;
Но этот твой безобластный король
Мне в дар прислал сокровище бесценно.
Дюнуа

Избави бог! не право ль на Неаполь?
Несчастный дар! оно в цене упало,
С тех пор как он пасет своих овец.
Король

То ясная забава, шутка, праздник,
Который он душе своей готовит:
Средь ужасов сущности мрачной
Он сотворил невинный, чистый мир;
Он царское, великое замыслил:
Призвать назад то время старины,
Те дни любви, когда любовь вздымала
Грудь рыцарей великим и прекрасным,
Когда в суде присутствовали жены,
Суровое смягчая нежным чувством.
В сих временах живет незлобный старец;
И в той красе, какой они пленяют
Нас в дедовских преданьях, в древних песнях –
Как божий град на светлых облаках,
Он мыслит их переселить на землю.
Он учредил верховный Суд любви,
Где рыцарей дела судимы будут,
Где чистых жен святое будет царство,
Где чистая любовь для нас воскреснет –
И он меня избрал Царем любви.
Дюнуа

Не столько я еще забыт природой,
Чтоб отвергать владычество любви;
Я сын ее, она дала мне имя,

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu

И в областях любви мое наследство;
Моим отцом был Орлеанский принц –
Он не встречал красавиц непреклонных;
Зато не знал и крепких вражьих замков.
Ты хочешь быть царем любви по праву?
Храбрейшим будь из храбрых. В старых книгах
Случалось мне читать, что неразлучны
Любовь и рыцарская бодрость были;
Не пастухи, слышал я, а герои
За круглый стол садились в древни годы.
Лишь тот, чья грудь защитой красоте,
Берет ее награду... Место боя
Перед тобой – сразись за трон наследный;
Опасность ждет – стань с рыцарским мечом
За честь венца, за славу жен прекрасных.
Когда ж, сломив врагов, из их когтей
Кровавую корону смело вырвешь –
Тогда твой час, тогда царю прилично
Венцом любви чело свое украсить.
Король

(вошедшему пажу)

Что скажешь?
Паж

□□Ждут гонцы из Орлеана.
Король

Впусти.
Паж уходит.

□□Они пришли просить защиты...
Что отвечать? И сам я беззащитен.
Явление III
Те же, орлеанские чиновники.

Король

Какую весть, граждане Орлеана,
Вы принесли? Что мой надежный город?
Все так же ли с отважным постоянством
Упорную осаду отражает?
Чиновник

Ах! государь, мы в крайности; погибель
Час от часу неизбежимей; сбиты
Все внешние твердыни; каждый приступ
Лишает нас и войска и земли;
Уж на стенах защитники редуют;
Всечасно в бой выходит рать; но с боя
Немногие приходят в город; скоро
Постигнет нас беда ужасней – голод.
В такой беде высокий Рошепьер*,
Наместник твой, обычаем старинным
С врагом вступил в последний договор:
Чтоб город сдать через двенадцать дней,
Когда к нему не подоспеет войска,
Могущего осаду отразить.
Дюнуа показывает досаду.

Король

Двенадцать дней! как мало!
Чиновник

□□□□□Неприятель
Нас пропустил, и мы пришли тебя

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu

О помощи спасительной молить.
Будь жалостлив, не медли, государь,
Иль Орлеан для Франции погибнет.
Дюнуа

Возможно ль?.. Как Сантраль мог согласиться
На гнусный этот договор?
Чиновник

«Нет!»
Никто не смел о сдаче и помыслить,
Пока был жив Сантраль великодушный.
Дюнуа

Его уж нет?
Чиновник

«Сражаясь на стене,
За короля он с честью погиб.
Король

Сантраль погиб! Ах! в нем одном погибло
Мне войско храбрых.
Входит рыцарь и говорит тихо с Дюнуа, который

показывает изумление и негодование.

«Что еще случилось?»
Дюнуа

К тебе прислал Дуглас*: его шотландцы
Волнуются, грозятся отступить,
Когда не дашь задержанной им платы.
Король

(к Дю Шателю)

Ты слышишь?
Дю Шатель

(пожимая плечами)

«Что могу я?»
Король

«Обещай.
Продать, что есть, в залог полкоролевства.
Дю Шатель

Напрасно все: они словам не верят.
Король

Они мое надежнейшее войско;
Ужель теперь, теперь меня покинут?
Чиновник

(на коленях)

О государь, спаси твой Орлеан.
Король

(в отчаянии)

Могу ль родить вам войско из земли?
В моей руке созреет ли вам жатва?
Вот грудь моя; мое пусть вырвут сердце;
Пусть выбьют из него монету; жизнью
Готов купить вам золото и войско.

Те же и Агнеса с ларчиком в руках.

Король

(бежит к ней навстречу)

Агнеса, ты ль? Приди, мой утешитель;
Дай руку мне в ужасный час беды;
Отчаянье в мою теснится душу;
Но ты моя... не все еще погибло.
Агнеса

О государь!
(Смотря на предстоящих в смятении)

□□□Что слышу?.. Дюнуа,
Ужели?
Дюнуа

□□Правда.
Агнеса

□□□Как! такая крайность?
Солдатам платы нет, бунтует войско?
Дю Шатель

Всё правда.
Агнеса

(отдавая ему ларчик)

□□Вот вам деньги; здесь мои
Алмазы; серебро мое расплавьте
В монету; замки все мои в залог;
В залог мои прованские поместья;
Все в золото, чтоб войско успокоить!
Скорей! беги, не медли, Дю Шатель.
Король

Что, Дюнуа? Что, Дю Шатель? Еще ли
я беден? Нет... Взгляните на нее;
Она со мной породю равна;
Кровь Валуа не благородней крови
Ее отцов; престола украшеньем
Была б она... но ей престол не лестен.
Моею быть – одно ее желанье.
Дарами ль я ее осыпал?.. Нет!
Весенний первый цвет иль редкий плод –
Вот все мои дары... Всё в жертву мне,
И ничего на жертву от меня.
И что ж теперь?.. Последнее вверяет
Она моей обманчивой судьбе.
Дюнуа

Она тебе в безумстве не уступит;
Она свое в горящий дом бросает
И бочку Данаид наполнить мыслит.
Тебя ей не спасти, себя лишь вместе
С тобою погубить.
Агнеса

□□□□Не верь ему;
Он жертвовал тебе стократно жизнью..
Ему ль дрожать за золото мое?
И не давно ль тебе с веселым сердцем
Я отдала все то, что драгоценней
И золота и перлов? Мне ли ныне

Лишь для себя спасать земное счастье?
Пойдем, все лишние убранства жизни
Отбросим прочь... О друг! дай мне примером
Высокого пожертвованья быть;
Преобрати свой двор в военный стан
И золото – в железо; брось отважно
Все, все за твой обиженный венец.
Пойдем! беды и бедность пополам;
Пора нам сесть на бранного коня;
Пусть солнце льет свой жар на нашу грудь,
Пусть кровлю нам будут облака;
Пусть будет нам подушкой острый камень.
Безропотно снесет суровый ратник
Свою беду, когда король пример
И твердости и самоотверженья.
Король

(усмехаясь)

Итак, должно обещанное сбыться:
Давно, давно монахиня в Клермоне
В пророческом жару мне предсказала,
Что женщина сразит моих врагов
И мой престол наследный завоюет.
Я мнил ее найти в британском стане,
Ее искал я в материнском сердце..
Но здесь она, спасительница славы;
В священный Реймс за нею мы пойдем;
Победу даст любовь моей Агнесы.
Агнеса

Ты победишь мечом своих друзей.
Король

Раздор врагов другая нам надежда.
Уже молва мне верная сказала,
Что охладел к союзу англичан
Мой родственник, бургундский герцог; скоро
Узнаю все; к Филиппу я Ла Гира
Послал, чтоб он озлобленного пэра
Склонил на мир и дружбе возвратил.
Всечасно жду ответа.
Дюнуа

(смотря в окно)

□□□□Рыцарь здесь;
Сейчас сошел с коня он у крыльца.
Король

Желанный гость!.. Друзья, теперь решится:
К победе ль нам идти иль уступить?
Явление V
Те же, Ла Гир.

Король

Скажи, Ла Гир, надежда или смерть?
Чего нам ждать? Скорей, двумя словами!
Ла Гир

Твой меч – вот вся теперь для нас надежда.
Король

Итак, непримирим надменный герцог.
Но что же он тебе сказал в ответ?
Ла Гир

Еще не дав произнести мне слова,
Потребовал он с гордостью, чтоб выдан
Был Дю Шатель: он мыслит и поныне,
Что Дю Шатель убил его отца.
Король

Когда ж такой постыдный договор
Отвергнем мы...
Ла Гир

□□□Тогда и мир отвергнут.
Король

И ты мое исполнил повеленье?
Сказал, что я готов с ним на мосту*
У Монтеро*, где пал его отец,
Сразиться?..
Ла Гир

□□Я твою перчатку бросил;
Я объявил, что ты, забыв свой сан,
Идешь с ним в бой на жизнь и смерть как рыцарь.
Но гордо он отвечивал: «Нет нужды
Сражаться мне за то, что уж мое.
Когда же Карл столь жадничает боя,
То пусть найдет меня под Орлеаном:
У стен его я завтра с войском буду».
Так отвечал с презрительным он смехом.
Король

Но что ж? Ужель в парламенте моем
Совсем умолк священный голос правды?
Ла Гир

Немеет он пред дерзким буйством партий;
Парламентом и ты и весь твой род*
Отрешены навеки от престола.*
Дюнуа

Безумное властительство толпы!
Король

Но виделся ль ты с матерью моею?
Ла Гир

С твоею матерью?..
Король

□□□□Что королева?
Ла Гир

Скажу ли все?.. Был день коронованья,
Когда вошел я в Сен-Дени; граждáne,
Как на триумф, разубраны все были;
Я видел ряд торжественных ворот –
И в них вступал с надменностью британец;
Усыпан был цветами путь; и, словно
Спасение отчизны торжествуя,
Рукоплескал народ за колесницей.
Агнеса

Рукоплескал... предавши короля
И растерзав отеческое сердце!
Ла Гир

Таясь в толпе, я видел, как Ланкастер*,
Дитя, сидел на королевском троне
Святого Людвига, как близ него

Стояли гордые Бедфорд* и Глостер*,
Как наш Филипп, Бургундский герцог, брат твой,
Произносил пред ним обет подданства.
Король

Неверный брат! предатель нашей чести!
Ла Гир

Ребенок оробел и спотыкнулся,
Всходя на трон по ступеням высоким.
«Недобрый знак!» – слышалось в народе,
И поднялся отсюда громкий хохот.
Но что же?.. Вдруг твоя родная мать...
О вечный стыд!.. приблизилась... скажу ли?
Король

Скажи.
Ла Гир

И, на руки схватив младенца,
Его сама на трон твой посадила.
Король

О, сердце матери!
Ла Гир

Бургундцы сами,
Грабители, привыкшие к убийству,
При виде сем зарделись от стыда.
Но что ж она?.. Взглянувши на толпу,
Сказала вслух: «Французы, я для вас
Большую ветвь здоровою сменила;
Для вас навек отвергнула я сына,
Исчадие безумного отца».
Дюнуа

Чудовище!
Король

Вы слышали, друзья?
Чего ж вам ждать? Спешите возвратиться
В свой Орлеан и гражданам скажите,
Что сам король их клятвы разрешает.
Не у меня спасенья им искать.
Пускай идут с покорностью к Бургундцу;
Он милостив; его прозвание: Добрый.
Дюнуа

Возможно ли?.. Покинуть Орлеан?
Чиновник

О государь, не отнимай от нас
Твоей руки; не отдавай на жертву
Грабительству британцев Орлеана;
В твоём венце он самый лучший перл;
Он верностью к законным королям
Всегда был знаменит.
Дюнуа

Но разве мы
Разбиты?.. Мы ль покинем поле чести,
За Орлеан меча не обнажив?
Как? Не пролив ни капли крови, ты
Осмелишься ничтожным словом вырвать
Из сердца Франции твой лучший город?
Король

Довольно кровь лилась; напрасно все;

Рука небес на мне отяготела;
Везде мои разбиты войска; я
Парламентом отвергнут; мой Париж
И весь народ врагу рукоплескают;
И кровные преследуют меня;
И все мой враг – сама родная мать...
Мы перейдем немедля за Луару;
Не устоять против руки небес:
Она теперь на нас за иноземца.
Агнеса

Что слышу?.. Мы ль, в самих себе отчаясь,
Отечества постыдно отречемся?
Достойно ли тебя такое слово?
Нет, матери чудовищное дело
Минутно твой геройский дух смутило.
Войди в себя; будь снова твердый муж;
С величием беде противостань,
И победишь...
Король

(в горестной задумчивости)

□□□Усилия напрасны;
Ужасная свершается судьба
Над родом Валуа*; его сам бог
Отринул; мать злодействами погибель
Накликала на мой несчастный дом;
Отец мой был безумцем двадцать лет;
Безвременно моих трех старших братьев
Сразила смерть... то божий приговор:
Погибнет все Шестого Карла племя.
Агнеса

В тебе оно воскреснет обновленным.
О! верь в себя! судьбою не напрасно
Ты, младший брат, твоих погибших братьев
Был пережить назначен; не напрасно
Ты на престол нежданный возведен;
Твоя, твоя прекрасная душа
Есть избранный целитель тяжких ран,
Отечеству раздором нанесенных;
Пожар войны гражданской ты потушишь;
Мне сердце говорит: ты дашь нам мир
И Франции создатель новый будешь.
Король

Не я... крутым и бурным временам
В правители сильнейший кормщик нужен.
Счастливить мог бы я народ спокойный –
Но с дикостью бунтующей не слажу;
Не мне мечом кровавым разверзть
Себе сердца, запершиися в злобе.
Агнеса

Народ твой слеп; он призраком обманут;
Сей тяжкий сон не может продолжиться;
День недалек: пробудится любовь
К законным королям – в груди французов
Она всегда жива и неизменна, –
Пробудятся и ненависть и ревность,
Врожденные двум нациям противным,
И гордый враг своим погибнет счастьем...
Не отходи ж от поприща побед,
Воюй, борись за каждый шаг земли;
Обороняй, как собственную грудь,
Твой Орлеан – скорей все переправы
Разрушь, скорее все сожги мосты,

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu
Ведущие за грань твоей державы,
Туда, где нет уж чести, за Луару.
Король

Что мог, то все я сделал; сам, как рыцарь,
Я был готов на смертный поединок
За мой венец... но вызов мой отвергнут.
Я тщетно жизнь моих народов трачу;
Все города мои валяются в прах.
Иль, матери свирепой уподобясь,
Своих детей на жертву сам я брошу?
Нет, лучше сам погибну, их спасая!
Дюнуа

О боже! то ль язык монарха? Так ли
Венец свой должно уступать?.. Последний
Твой подданный отважно отдает
И кровь и жизнь за мнение, за любовь
И ненависть свою; всё жертва партий
Во времена войны междоусобной!
Тогда свой плуг бросает земледелец;
Старик, дитя кидаются к мечу;
И гражданин свой город, пахарь ниву
Своей рукою жгут; и каждый рвется
Тебе служить иль вред тебе нанести,
Чтоб отстоять души своей желанье.
Никто не даст пощады и не примет,
Как скоро честь зовет и биться должно
За идола иль бога своего.
Итак, отбрось изнеженную жалость –
Она душе монарха неприлична;
Пускай война сама свой огонь потушит;
Не ты ее безумно воспалил.
Народ за трон себя щадить не должен –
Таков закон и вечный жребий света;
Иного мы, французы, не признаем;
И стыд той нации, которой жаль
Все положить за честь свою святую.
Король

(к чиновникам)

Подите! вам защитой небеса;
А я для вас ничто.
Дюнуа

□□□□Да отвратится ж
Навеки бог победы от тебя,
Как ты от Франции! Когда ты сам
Себя оставил – мы должны расстаться.
Не Англия с бунтующим бургундцем –
Твой робкий дух тебя сгоняет с трона.
Природный дар французских королей
Геройство – ты ж не мужем быть рожден.
(К чиновникам)

Монарха нет у вас; но я за вами!
Я затворюсь в родимый Орлеан
И с ним в его развалинах погибну...
(Хочет идти)

Агнеса

О государь! останови его;
Он на словах жесток, но сердцем верен,
Как золото; он твой; тебя он любит;
Он за тебя лил кровь... прольет и ныне...
Признайся, Дюнуа, ты далеко

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh

Был заведен досадой благородной..
А ты прости его суровой дружбе..
Ах! дайте мне, пока не разгорелся
В сердцах огонь вражды непримиримой,
Завременно быть вашим миротворцем.
Дюнуа смотрит на короля и ждет ответа.

Король

(к Дю Шателю)

Мы перейдем Луару; на суда
Вели скорей все нагружать..
Дюнуа

(поспешно Агнесе)

Прости.
(Уходит с чиновниками)

Агнеса

Стой, Дюнуа!.. Теперь мы беззащитны!..
Беги за ним, Ла Гир, смягчи его.
Явление VI
Король, Агнеса, Дю Шатель.

Король

Ужели трон единственное благо?
Ужель расстаться с ним так тяжело?..
О нет! я зло несноснейшее знаю:
Игрушкой быть сих дерзких, гордых душ;
Покорствовать; жить милостью вассалов;
От грубой их надменности зависеть –
Вот бедствие, вот жребий нестерпимый.
Не легче ли судьбе своей поддаться?
(К Дю Шателю)

Исполни мой приказ.
Дю Шатель

(на коленях)

О государь!
Король

Ни слова! решено, поди.
Дю Шатель

Нет! нет!
Склонись на мир с Филиппом, государь;
Другого нет спасенья для тебя.
Король

Какой совет!.. Но разве ты забыл,
Что жизнь твоя ценою примиренья?
Дю Шатель

Вот голова моя; я за тебя
Не раз ее носил в сраженье.. ныне
Я за тебя ж несу ее на плаху.
Иного средства нет; предай меня
На произвол неумолимой злобы;
Пускай вражда в моей крови потухнет.
Король

(с горестью)

Как! до того ль дошло?.. Мои друзья,
Которым вся душа моя открыта,
Мне путь стыда к спасенью выбирают!
Теперь свою всю бедность узнаю:
На честь мою доверенность погибла.
Дю Шатель

О нет!..
Король

□□Молчи! не раздражай меня!
Хотя бы сто престолов мне терять –
Я не спасусь погибелию друга..
Исполни то, что я велел, иди;
Чтоб на суда немедленно грузились.
Дю Шатель

Иду.
Явление VII
Король, Агнеса.

Король

□□Не унывай, моя Агнеса.
Есть Франция для нас и за Луарой.
Агнеса

Какой должна я страшный встретить день!
Король идти в изгнание осужден;
Семейный дом покинуть должен сын
И с милою расстаться колыбелью..
О родина, прекрасная земля,
Прости, тебя мы вечно не увидим!
Явление VIII
Те же, Ла Гир.

Агнеса

Ла Гир, ты здесь? А Дюнуа?
(Смотрит на него пристально)

□□□□□□но что?
Сверкает взор твой... говори, Ла Гир,
Иль новая беда?
Ла Гир

□□□□Беды прошли;
Нам небеса опять благоприятны.
Агнеса

Возможно ль? Как?
Ла Гир

(королю)

□□□Скорее орлеанских
Чиновников вели позвать.
Король

□□□□Зачем?
Ла Гир

Судьба войны на нашей стороне:
Дано сражение; мы победили.
Король

Ла Гир, меня ты льстишь молвой напрасной.

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu
Мы победили? Нет, то слух неверный.
Ла Гир

Поверишь ты чудеснейшему скоро.
Но вот идет архиепископ; с ним
И Дюнуа.
Агнеса

□□□□ сладкий цвет победы!..
Как скоро плод небесный он приносит:
Согласие и мир!
Явление IX
Те же, архиепископ, Дюнуа, Рауль.

Архиепископ

□□□□ Граф, государь,
Забудьте гнев, друг другу дайте руку;
Раздору места нет; за нас всевышний.
Король и Дюнуа обнимаются.

Король

Друзья, мое сомненье разрешите;
Я верю вам и верить вам страшусь;
Когда и как столь быстро перемена
Чудесная свершилась?
Архиепископ

(Раулю)

□□□□ Говори.
Рауль

Шестнадцать было нас знамен; мы шли
Примкнуть к тебе; наш храбрый предводитель
Был рыцарь Бодрикур из Вокулёра.
Но только мы достигли фермантонских
Высот и в дол, Ионной орошенный,
Спустились... вдруг явился нам вдали
Равнину всю занявший неприятель.
Хотим назад... возвратный путь захвачен;
Спасенья нет; победа невозможна;
Храбрейшие упали духом; ратник
Оружие готов был кинуть; тщетно,
Советуясь, вожди искали средства
К отпору – средства нет... Но в этот миг
Свершается неслыханное чудо:
Из глубины густой дубовой рощи
Выходит к нам девица, яркий шлем
На голове; идет, как божество,
Прекрасная и страшная на взгляд,
И темными кудрями по плечам
Летают волосы... и вдруг чело
Сиянием небесным обвилось,
Когда она, приблизившись, сказала:
«Что медлите, французы? На врага!
Будь он морских песков неисчислимей...
За вас господь и дева пресвятая!»
И вмиг она из рук знаменосца
Исторгла знамя; с ним вперед, и в страшном
Величии пошла перед рядами.
Мы, изумясь, безмолвные, невольно
За дивною воительницей вслед...
И на врага ударили, как буря.
Оторопев, ударом оглушенный,
Недвижимый, испуганными смотрит
Очами он на гибельное чудо...

И вдруг – как будто стал господний ужас
Ему в лицо – он дрогнул и бежит,
Бросая щит и меч; и по равнине
В единый миг все войско разметалось;
Забыто все; невнятен клик вождей;
Преследуем, разимый без отпора,
Бежит он, глаз не смея обратить:
В реку стремглав и конь и всадник мчатся...
И то была не битва, но убийство;
На месте их две тысячи легло,
Но более в волнах реки погибло...
А наши все остались невредимы.
Король

Неслыханно! чудесно!
Агнеса

□□□□Кто она?
Рауль

Один король сию узнает тайну.
Пророчицей, посланницею бога
Она себя зовет и обещает
До совершения луны прогнать
Врага и снять осаду Орлеана.
Ей веруя, народ сраженья жаждет;
И скоро здесь она сама явится.
Звон колоколов и шум за сценою.

Вы слышите... шумит народ... Она!
Король

(к Дю Шателю)

Введи ее сюда.
(Архиепископу)

□□□□Но что мне думать?
Победа нам от девы!.. И когда же?
Когда лишь бог один спасти нас может.
Естественно ль? И где закон природы?
Скажи, отец, поверить ли мне чуду?
Голоса за сценою

Да здравствует спасительница, дева!
Король

Идет.
(К Дюнуа)

□□Займи мое на время место;
Пророчицу мы опыту подвергнем;
Когда с небес ей послано всезнанье –
Она сама откроет короля.
Явление X
Прежние, Иоанна, за нею чиновники орлеанские и множество рыцарей, которые
занимают всю глубину сцены. С величием выступает она вперед и осматривает
предстоящих одного за другим.

Дюнуа

(с важностию)

Ты ль, дивная*...
Иоанна

(прерывает его, величественно)

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu

Ты бога испытуешь;

Не на своем ты месте, Дюнуа;
Вот тот, к кому меня послало небо.

(Решительно приближается к королю, преклоняет перед ним колени, потом встает и на несколько шагов отступает)

Дюнуа сходит с места. Король остается один посреди сцены.

Король

Мое лицо ты видишь в первый раз;
Кто дал тебе такое откровенье?
Иоанна

Я видела тебя... но только там,
Где ты никем не зрим был, кроме бога.
(Приближается и говорит таинственно)

Ты помнишь ли, что было в эту ночь?
Тогда, как все кругом тебя заснуло
Глубоким сном, – но ты ль, покинув ложе,
С молитвою пред господом простерся?
Вели им выйти... я твою молитву
Тебе скажу.
Король

Что богу я поверил,
Не потаю того и от людей.
Открой при них моей молитвы тайну –
Тогда твое признаю назначенье.
Иоанна

Ты произнес пред богом три молитвы;
И первую молил ты, чтоб всевышний –
Когда твой трон стяжанием неправым
Иль незаглаженной из древних лет
Виною обременен и тем на нас
Навлечена губящая война –
Тебя избрал мирительною жертвой
И на твою покорную главу
Излил за нас всю чашу наказанья.
Король

(отступая с трепетом)

Но кто же ты, чудесная?.. Откуда?
Все в изумлении.

Иоанна

Другая же твоя была молитва:
Когда уже назначено всевышним
Тебя лишит родительского трона
И все отнять, чем праотцы твои,
Венчаные, владели в сей земле, –
Чтоб сохранить тебе три лучших блага:
Спокойствие души самодовольной,
Твоих друзей и верную Агнесу.
Король закрывает лицо и плачет. Движение изумления в толпе. Иоанна, помолчав,
продолжает.

Скажу ль твою последнюю молитву?
Король

Довольно; верую; сего не может
Единый человек; с тобой всевышний!
Архиепископ

Откройся ж нам, всезнающая, кто ты?
В каком краю родилась? Кто и где
Счастливые родители твои?
Иоанна

Святой отец, меня зовут Иоанна;
Я дочь простого пастуха; родилась
В местечке Дом-Реми, в приходе Тула;
Там стадо моего отца пасла
Я с детских лет; и я слыхала часто,
Как набежал на нас островитянин
Неистовый, чтоб сделать нас рабами,
Чтоб посадить на трон наш иноземца,
Немилорода, как столицей
И Францией властительствовал он..
И я в слезах молила богоматерь:
Нас от цепей пришельца защитить,
Нам короля законного сберечь.
И близ села, в котором я родилась,
Есть чудотворный лик пречистой девы –
К нему толпой приходят богомольцы, –
И близ него стоит священный дуб,
Прославленный издревле чудесами;
И я в тени его сидеть любила,
Пася овец, – меня стремил сердце, –
И всякий раз, когда в горах пустынных
Случалось ягненку затеряться,
Пропадного являл мне дивный сон,
Когда под тем я дубом засыпала.
И раз – всю ночь с усердною молитвой,
Забыв о сне, сидела я под деревом –
Пречистая предстала мне; в руках
Ее был меч и знамя, но одета
Она была, как я, пастушкой и сказала:
«Узнай меня, восстань; иди от стада;
Господь тебя к иному призывает.
Возьми мое святое знамя, меч
Мой опояшь и им неустрасимо
Рази врагов народа моего,
И проведи помазанника в Реймс,
И увенчай его венцом наследным».
Но я сказала: «Мне ль, смиренной деве,
Неопытной в ужасном деле брани,
На подвиг гибельный такой дерзать?» –
«Дерзай, – она рекла мне, – чистой деве
Доступно все великое земли,
Когда земной любви она не знает».
Тогда моих очей она коснулась..
Подъемлю взор: исполнено все небо
Сияющих крылатых серафимов;
И в их руках прекрасные лилеи;
И в воздухе провеял сладкий голос..
И так пречистая три ночи сряду
Являлась мне и говорила: «Встань,
Господь тебя к иному призывает».
Но в третью ночь она, являсь во гневе,
Мне строгое сие вещала слово:
«Удел жены – тяжелое терпенье;
Возьми твой крест, покорствуй небесам;
В страдании земное очищенье;
Смиранный здесь – возвышен будет там».
И с словом сим она с себя одежду
Пастушки сбросила, и в дивном блеске
Явилась мне царицею небес,
И на меня с утехой поглядела,
И медленно на светлых облаках
К обители блаженства полетела.
Все тронуты. Агнеса в слезах закрывает лицо руками.

Архиепископ

(по долгом молчании)

Должно молчать перед глаголом неба
Сомнение премудрости земной:
Здесь истине событие свидетель;
Единый бог подобное творит.
Король

Достоин ли я милости такой?..
Всевидящий, необольстимый, ты,
Свидетель душ, в моей душе читаешь.
Иоанна

Покорности всегда господь доступен;
Смирился ты – тебя он возвеличил.
Король

Итак, с врагом могу еще бороться?
Иоанна

Я Францию во власть твою предаю.
Король

И Орлеан не будет завоеван?
Иоанна

Скорей назад Луара потечет.
Король

И Реймса я с победою достигну?
Иоанна

По трупам их тебя в него введу.
Все предстоящие рыцари, показывая мужество, гремят копьями и щитами.

Дюнуа

Вели ей стать пред нашим войском; слепо
За дивною мы бросимся вослед.
Нам вождь ее пророческое око;
А верный ей защитник – этот меч.
Ла Гир

Будь мир на нас, будь враг в союзе с адом –
Не дрогнем, стой она лишь впереди;
Мы рады в бой. Чудесная, веди!
Сам бог побед поидет с тобою рядом.
Король

Так, я тебе свое вверяю войско;
Его вожди твою признают власть.
Прими сей меч, сей знак верховной силы,
Покинутый строптивым полководцем, –
Его кладу в достойнейшую руку;
И будь отныне ты...
Иоанна

□□□□Постой, дофин,
Орудие могущества земного
Не совершит победы. Меч другой,
Предызбранный сразить врага, я знаю.
Чудесным сном мне этот меч указан:
Мне ведомо то место, где он скрыт.
Король

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu

Где?
Иоанна

□□В городе старинном Фьербуа
Кладбище есть святой Екатерины;
На древнем том кладбище есть палата,
Где множество набросано оружій –
Военная добыча древних лет, –
Меж ними скрыт мой меч обетованный.
Примета ж: три лилеи золотые
Иссечены на лезвии булатном.
Найди сей меч – в нем сила и победа.
Король

Немедленно исполнить, Дю Шатель.
Иоанна

И белое хочу носить я знамя,
Обшитое пурпурной полосой.
Изобразить на нем святую деву
С спасителем-младенцем на руках
И под ее стопами шар земной:
В ее руке такое было знамя.
Король

Исполню все.
Иоанна

(к архиепископу)

□□□Святой архиепископ,
Моей главы коснись твоей рукою
И дочь свою, отец, благослови.
(Становится на колени)

Архиепископ

Не нам тебя благословлять; тобою
Сошло на нас благословенье... С богом
Гряди; а мы, и в мудрости своей,
Слепцы.
Паж

□□Герольд от графа Салисбури.
Иоанна

Введи; господь приводит к нам его.
Явление XI
Те же, герольд.

Король

Кем послан ты, герольд? С какою вестью?
Герольд

Найду ли здесь я Карла Валуа*?
Дюнуа

Презрительный ругатель, как дерзаешь
Ты короля законного французов
Здесь, на его земле, не признавать?
Твой сан тебе защита; без того...
Герольд

Один король законный у французов;
Но он теперь живет в британском стане.
Король

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
(к Дюнуа)

Спокойся, друг... доканчивай, герольд!
Герольд

Военачальник мой, жалея крови,
Которая пролита и прольется,
Свой грозный меч в ножнах остановил;
И, гибнущий спасая Орлеан,
С тобой вступить желает в договор.
Король

В какой?
Иоанна

□□Позволь мне именем твоим
Сказать ответ герольду.
Король

□□□□Говори,
Тебе решить судьбу войны иль мира.
Иоанна

Кто говорит, герольд, в твоём лице?
Герольд

Граф Салисбури, вождь британцев.
Иоанна

□□□□Лжешь,
Герольд; одни живые говорят;
Итак, твой вождь здесь говорить не может.
Герольд

Но вождь мой жив – и здоровым и силой
Исполнен он, врагам на истребленье.
Иоанна

Вчера был жив – а нынче на заре
Убит он выстрелом из Орлеана,
Когда стоял на башне Латурнель.
Смеешься ты моей чудесной весте;
Но верь не мне – своим глазам, герольд.
Ты, в лагерь свой вступая, будешь встречен
Печальными его похоронами.
Теперь скажи: в чем ваше предложенье?
Герольд

Когда тебе все тайное открыто –
Его сама ты знаешь без меня.
Иоанна

Но знать его не нужно мне теперь.
Внимай, герольд, внимай и повтори
Мои слова британским полководцам:
Ты, английский король, ты, гордый Глостер,
И ты, Бедфорд, бичи моей страны,
Готовьтесь дать всевышнему отчет
За кровь пролитую; готовьтесь выдать
Ключи градов, отъятых вопреки
Святейшего божественного права.
От господа предызбранная дева
Несет вам мир иль гибель – выбирайте!
Вещаю здесь, и ведомо да будет:
Не вам, не вам всевышний завещал
Святую Францию – но моему
Владыке, Карлу; он от бога избран;
И вступит он в столицу с торжеством,

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
Любовию народа окруженный...
Теперь, герольд, спеши к твоим вождям;
Но знай, когда с сей вестью до стана
Достигнешь ты – уж дева будет там
С кровавою свободой Орлеана.
(Уходит)

Все за нею.

Действие второе

Явление I

Место, окруженное утесами. Ночь.

Тальбот, Лионель, герцог Бургундский, Фастольф, Шатильон, солдаты.

Тальбот

Здесь можем мы, под этими скалами,
Разбить шатры; здесь место безопасно;
Сюда сберем скорее беглецов,
Расстроенных внезапною и страхом.
По высотам расставить стражу; правда,
Преследовать не будут ночью нас;
Хотя б они имели крылья – нам
Нельзя теперь бояться нападения;
Но все нужна предосторожность; враг
Успехом ободрен, а мы разбиты.
Фастольф уходит с солдатами.

Лионель

Разбиты! мы! неверная судьба!
Возможно ли постигнуть, чтоб француз
Торжествовал и нас бегущих видел...
О Орлеан! могила нашей славы,
Честь Англии погибла пред тобой!
Постыдное, презрительное бегство!
Поверят ли грядущие лета,
Чтоб женщиной был прогнан победитель
При Пуатье, Креки и Азинкуре*?
Герцог

Утешимся, не силой человека
Разбиты мы, но силой чародейства.
Тальбот

Нет, силой нашего безумства.. Герцог,
Ужель и ты испуган привиденьем?
Но суеверие, не оправданье
Для робких; первый ты бежал с твоими.
Герцог

Но кто же устоял? Все побежало.
Тальбот

Нет, прежде всех твое крыло смешалось.
Не вы ли в лагерь к нам вломились с воплем:
«Пропали! ад за Францию воюет!»
И не тогда ль смятенье стало общим?
Лионель

Вы первые бежали, это правда.
Герцог

На первых нас ударил неприятель.
Тальбот

Он угадал, что вы не устоите,

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu
что робкие и храбрых увлекут.
Герцог

Как?.. Я ль один виною пораженья?
Лионель

Свидетель бог, без вас бы Орлеана
Не потерять нам...
Герцог

□□□Так! но потому,
что вы без нас его б и не видали.
кто вам открыл во Францию дорогу?
кто руку вам защитную простер
при выходе на брег враждебно-чуждый?
кем Генрих ваш в Париже коронован?
кто покорил ему сердца французов?..
не будь моя могущая рука
вожатый ваш – вы дыма б не видали,
встающего вдаль с французской кровли.
Лионель

Так, будь в словах напыщенных победа –
ты был бы здесь один завоеватель.
Герцог

Раздражены утратой Орлеана,
хотите вы всю желчь напрасной злобы
на верного союзника пролить.
но кто ж у вас похитил Орлеан?
не вы ли? Он готов был покориться –
кто помешал?.. корысть и зависть ваша.
Тальбот

не для тебя его мы осаждали.
Герцог

уйди я с войском... что б тогда вы были?
Лионель

все то ж, что в день победы Азинкурской,
когда с тобой и с Францией одни
мы сладили.
Герцог

□□□но цену дорогую
за мой союз регент ваш заплатил.
Тальбот

он стоит нам теперь еще дороже:
он чести нас лишил пред Орлеаном.
Герцог

молчи, Тальбот, иль будешь сожалеть!
за тем ли я отечества отрекся
и на себя навлек позор измены,
чтобы сносить ругательства пришельцев?
зачем я здесь? за что сражаюсь с Карлом?
когда служить неблагодарным должно –
верней служить родному королю.
Тальбот

мы знаем: ты в переговоры с Карлом
уже вступил... поверь, что от измены
себя мы защитим.
Герцог

□□□великий боже,

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu
что слышать мне досталось?.. Шатильон,
Собрать полки! сейчас отступим..
Шатильон уходит.

Лионель

□□□□□С богом.
Британия всегда торжествовала,
Когда ее надежный меч один
Разил, не ждав союзников неверных.
Всяк за себя сражайся; кровь француза
С британскою не породнится кровью.
Явление II
Те же, королева Изабелла.

Королева

Возможно ли? Что слышу, полководцы?
Какой враждебный дух вас обуял?
Вы на себя раздором безрассудным
Постыдную накличете погибель.
В согласии теперь спасенье наше..
Останови полки свои, Филипп;
А ты, Тальбот достойно-славный, руку
В знак мира дай обиженному другу..
Тебя зову на помощь, Лионель,
Скажи вождям мирительное слово.
Лионель

Нет! я молчу; мне все равно; и лучше
Разрознить то, чему нельзя быть вместе.
Королева

Ужель и здесь владычествует ад,
Столь гибельно смутивший нас в сраженье?
Скажите, кто зачинщик был? Тальбот,
Ты ль, выгоду свою пренебрегая,
Достоинство союзника обидел?
Но что начнешь, союз его отринув?
Не им ли ваш король на троне нашем?
Кого венчал, того и развенчать
Ему легко. Пускай нахлынет вся
Британия на наши берега..
Не победит, когда согласны будем:
Лишь Франция для Франции опасна.
Тальбот

Союзника надежного я чту,
Но долг вождя предателей беречься.
Герцог

Кто пренебрег коварно благодарность,
Тому знаком и лжи язык бесстыдный.
Королева

Как, герцог, ты ль забудешь честь и руку
Подать руке, еще облитой кровью
Предательски убитого отца?
Безумие поверить, чтоб дофин,
К погибели тобою приведенный,
Тебе свой стыд простить от сердца мог.
Над бездной он и пасть в нее готов..
Ты ль сам свое творенье уничтожишь?
Здесь, здесь твои друзья; в союзе тесном
С Британией спасение твое.
Герцог

О мире я с дофином и не мыслил;

Но как молчать?.. Могу ль снести презренья
И дерзкую хвастливость пришлецов?
Королева

Не обвиняй горячности минутной.
Прискорбен вождь: победой он обманут;
В несчастье мы все несправедливы;
Спешите же с ним обняться; примиритесь,
Пока раздор еще не разгорелся.
Тальбот

Что скажешь, герцог? Кто душою прав,
Тому легко покорствовать рассудку;
Я убежден советом королевы.
Забудь мои поспешные слова
И руку мне залогом дружбы дай.
Герцог

Согласен, вот рука; необходимость
Велит мне гнев правдивый укротить.
Дают друг другу руку.

Лионель

(смотря на них, про себя)

Надежен мир, подписанный мегерой.
Королева

В сраженья мы разбиты, полководцы,
И счастье не за нас; но бодрость нашу
Сразит ли неуспех? Пускай дофин,
Отчаясь в защите неба, ад
В сообщники зовет... напрасно губит
Он душу; ад его не защитит.
Будь дева их вождем победоносным –
За вас его разгневанная мать.
Лионель

Нет, королева, мой совет; в Париж
Вам возвратиться; нам не нужно женщин.
Тальбот

Так, признаюсь, с тех пор как в стане вы,
Нам ни на что благословенья нет.
Герцог

Подите; вам при войске быть не должно;
На вас глядит неблагоприятно ратник.
Королева

(смотря на каждого с изумлением)

И ты за них! и ты к неблагодарным,
Филипп, пристал, ругаться надо мной!
Герцог

Нет, королева, рать теряет бодрость;
Противно ей за вас идти в сраженья.
Королева

Возможно ль? Вас едва я примирила –
И вы меня согласны уж отречься.
Но знать хочу, в союзе мы иль нет?
Не за одно ль сражаемся мы дело?
Тальбот

Не за одно; мы рыцарски стоим

За честь отечества, за наше право.
Герцог

Я за отца убийцам отомщаю;
Сыновний долг вложил мне в руку меч.
Тальбот

Но, признаюсь, поступки ваши с сыном
И человечеству и божеству
Противны.
Королева

Проклят будь он в чадах чад;
Над матерью своею он ругался.
Герцог

Он мстил за честь супруга и отца.
Королева

Он быть дерзнул судьей моих деяний;
Он мать свою на ссылку осудил.
Мне, мне его простить? Скорей погибну!
Скорей, чем дать ему престол наследный...
Тальбот

Вы честь свою готовы посрамить.
Королева

Не знаете вы, слабые сердца,
Что чувствует обиженная мать.
Без меры я люблю и ненавижу;
Чем ближе к сердцу враг – и будь он сын, –
Тем ненависть моя непримиримей.
Когда он грудь, питавшую его,
Дерзнул пронзить в богоотступной злобе:
Сама своей рукою истреблю
Я бытие, дарованное мною.
Но вы за что ведете с ним войну?
На трон его какое ваше право?
Обидой ли, нарушенным ли долгом
Он на себя навлек гоненье ваше?
О нет! корысть и зависть ваш закон.
Но мне он сын – властна я ненавидеть.
Тальбот

Так, мать свою по мщенью знает он.
Королева

Ругатели презренные, не вам
Правдивый свет коварством обмануть.
На Францию разбойнически руку
Простерли вы, британцы, – но по праву
Здесь шагу нет земли, подвластной вам;
Вы хищники. А ты, Бургундский герцог,
Ты, обесславленный прозваньем: добрый,
Не ты ль врагам свою отчизну продал?
Не ты ль отцов наследие пришьелцу,
Грабителю отдал на разграбленье?
А все твердит язык ваш: справедливость.
О лицемеры, вас я презираю.
На мне личины нет; с лицом открытым
Иду на суд; пусть судит свет... Простите!
(Уходит)

Явление III
Тальбот, герцог, Лионель.

Тальбот

Вот женщина!..
Лионель

Что делать, полководцы?
Все ль отступить иль, быстро обратившись,
Решительным ударом истребить
Бесславию последнего сраженья?
Герцог

Мы слабы; все расстроены полки;
И ратником владычествует ужас.
Тальбот

Нас победил слепой, минутный страх –
Незапное могущество мгновенья;
Но робкого воображенья призрак
Исчезнет сам, увиденный вблизи;
И мой совет: с рассветом переправить
Через реку все воинство и стать
В лицо врагу.
Герцог

Подумайте.
Лионель

Но, герцог,
Что думать здесь? Минута драгоценна;
Теперь для нас один удар отважный
Решит навек: бесчестье или честь.
Тальбот

Так, решено, и завтра мы сразимся,
Чтоб истребить мечту, перед которой
Все наше войско в страхе цепенеет.
Увидим мы: Тальботова меча
Осмелится ль отведать чародейка?
Когда она со мною выйдет в бой –
Тогда одним все кончено ударом;
Когда же нет (и, верьте, не посмеет),
Тогда и страх волшебный истреблен.
Лионель

Дай мне, Тальбот, с ней выйти в поединок.
Не обнажив меча, ее живую
В виду всего их войска принесу
В британский стан.
Герцог

Не слишком на себя
Надейся, Лионель
Тальбот

Сведи нас бог –
Ее ласкать рука моя не станет.
Теперь пойдем; истраченные силы
Возобновим минутою покоя;
Но только день займется – на сраженье.
Уходят.

Явление IV
Темная ночь. Вдали показывается Иоанна в шлеме, в панцире; остальная одежда
женская; в руках ее знамя. За нею Дюнуа, Ла Гир, множество рыцарей и солдат. Они
сперва являются на высотах, осторожно пробираются между утесами, потом сходят на
сцену.

Иоанна

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
(оказавшим ее рыцарям)

Между тем беспрестанно подходит войско; оно занимает наконец всю глубину театра.

Мы стражу обошли – и вот их лагерь;
Нам мрак не изменил; теперь пора
С себя сложить покров безмолвной ночи;
Пусть в ужасе погибельную близость
Узнает нашу враг... Ударьте разом,
Воскликнув: бог и дева!
Солдаты

(гремя оружием)

□□□□Бог и дева!
Стражи

(за сценою)

К оружию!
Иоанна

□□□Огня! зажечь шатры!
Пускай пожар удвоит их тревогу!
Извлекь мечи! рубить и истреблять!
Все солдаты обнажают мечи и бегут за сцену; Иоанна хочет за ними следовать.

Дюнуа

(удерживает ее)

Иоанна, стой; свое ты совершила;
Мы введены тобой в средину стана,
И в руки нам врага ты предала –
Довольна будь, от боя удались
И нам оставь кровавую расправу.
Ла Гир

Так, пролагай для войска путь победы;
Неси пред ним святую орифламму;
Но до меча сама не прикасайся,
Чтоб о тебе не ведал бог сражений,
Обманчив он, и слеп, и беспощаден.
Иоанна

Кто путь мне заградит? Кто остановит
Мной властвующий дух?.. Лети, стрела,
Куда ее стрелок послал могучий.
Где гибель, там должна Иоанна быть;
Не в этот час, не здесь она падет;
Ей короля в короне видеть должно;
Доколь она всего не совершила –
Ее главы не тронет вражья сила.
(Уходит)

Ла Гир

Друг Дюнуа, пойдем за ней; пусть будет
Ей наша грудь защитой.
Уходят.

Явление V
Английские солдаты бегут через сцену, потом Тальбот.

Один солдат

□□□□дева! дева!
Другой

Кто?
Первый

□□дева в лагере!
Другой

□□□□не может быть!
Как в лагерь ей зайти?
Третий

□□□□на облаках
Примчалась, с ней все бесы заодно!
Множество бежит через сцену.

Спасайтесь!.. бегите!.. все пропало!
Тальбот

(за ними)

Куда вы?.. Стой! Не видят и не слышат.
Разрушена покорность, страх бунтует:
Как будто ад все ужасы свои
Наслал на нас, и вдруг одно безумство
Постигло всех; и робкий и бесстрашный
Бегут; врагу отпора нет; весь лагерь
внезапная погибель охватила.
Ужель во мне одном осталась память,
А всё вокруг меня в чаду безумства?
Итак, опять бежать от малодушных,
Во всех боях бежавших перед нами! –
Но кто ж сия владычица судьбы,
Ужасная решительница битвы,
Дающая и львиную отважность,
И ратный дух, и силу малодушным?
Обманщица ль под маскою геройства
В презренный страх бесстрашных приведет?
И женщина ль – о вечный стыд! – исторгнет
Из рук моих награду славы?
Солдат

(бежит через сцену)

□□□□дева!
Беги! беги! спасайся, полководец!
Тальбот

(гонится за ним с мечом и убивает его)

Безумец! вот тебе мое спасенье!
Никто не смей о бегстве поминать!
(Уходит)

Явление VI

Сцена открывается. На высотах виден пылающий английский лагерь. Бегство и преследование; стук оружия и гром барабанов. Через несколько времени является Монгомери.

Монгомери

Куда бежать?.. Кругом враги, везде погибель!
Там вождь разгневанный, карающим мечом
Дорогу заслонив, навстречу смерти гонит;
А здесь ужасная... повсюду, как пожар
Губительный, она свирепствует... И нет
Защитного куста, пещеры темной нет.
Зачем переплывал я море?.. Бедный! бедный!
Обманутый любимую мечтой, я здесь

Искал в бою прекрасной славы... что ж нашел?
Моей судьбы неодолимая рука
Меня в сей бой на гибель привела... Почто
Не на берегу моей Саверны я теперь,
В доме родительском, где мать я покинул
В печали, где моя цветущая невеста?
Иоанна является на утесе, освещенная пламенем пожара.

О страх!.. Что вижу я?.. Ужасная идет;
Из пламени, сияя грозно, поднялась
Она, как мрачное страшилище из ада...
Куда спасусь?.. За мною огненные очи
Уж погнались; уже бросает на меня
Издали неизбежных взоров сеть;
Я чувствую, уже волшебный узел мне
Опутал ноги; я прикован к месту, силы
Для бегства нет; я принужден – хоть вся душа
Противится – смотреть на смертоносный образ.
Иоанна делает несколько шагов и опять останавливается.

Подходит... Буду ль ждать, чтоб грозная ко мне
Приблизилась?.. Моля о жизни, обниму
Ее колена; может быть, ее смягчу;
В ней сердце женщины; слезам она доступна.
(Хочет идти к ней навстречу)

Иоанна быстрыми шагами к нему подступает.

Явление VII
Монгомери, Иоанна

Иоанна

Стой! ты погиб; британка жизнь тебе дала.
Монгомери

(падает пред нею на колени)

Помедли, грозная; не опускай руки
На беззащитного; я бросил меч и щит;
Я пред тобой обезоруженный, в слезах;
Оставь мне свет прекрасной жизни; мой отец
Богат поместьями в цветущей стороне
Валлийской, где Саверна по густым лугам
Катит веселый свой поток; там много нив
Обильных у него; и золото и серебро
Он даст, чтоб выкупить единственного сына,
Когда к нему дойдет молва его неволи.
Иоанна

Обманутый, погибший, в руку девы ты
В неумолимую достался; из нее
Ни избавления, ни выкупа уж нет;
Когда б у крокодила ты во власти был,
Когда бы трепетал под тяжелой лапой тигра
Или детей младых у львицы истребил –
Тебе осталась бы надежда на пощаду.
Но встреча с девою смертельна... Я вступила
С могуществом, нездешним, строгим, недоступным,
Навек в связующий ужасно договор:
Все умерщвлять мечом, что мне сражений бог
Живущее пошлет на встречу роковую.
Монгомери

Ужасна речь твоя, но взор твой ясно-тих;
И, зрима вблизи, уже ты не страшна;
Всю душу мне пленил твой милый, кроткий лик...
Ах! женской прелестью и нежностью твоей

Молю тебя: смягчись над младостью моею.
Иоанна

Не уповай на нежный пол мой; не зови
меня ты женщиной... Подобно бестелесным
духам, не знающим земного сочетанья,
не приобщаюсь я породе человека.
Престань молить... под этой броней сердца нет.
Монгомери

Душевластительным, святым любви законом,
перед которым все смиряется, молю:
смягчись; на родине меня невеста ждет,
прекрасная, как ты, в прекрасном цвете жизни;
и ждет она возврата моего в печали.
О! если ты сама любовь знавала, если
ждешь счастья от любви – не разрывай жестоко
двух сочетавшихся любовью сердец.
Иоанна

Ты именуешь здесь богов земных и чуждых,
не чтимых мной и мной отверженных; вотще
зовешь любовь, не знаю я об ней, и вечно
моя душа не будет знать ее закона.
Готовься жизнь оборонять – твой час настал.
Монгомери

Увы! смягчись моих родителей судьбою;
они ждут сына... о своих ты вспомни, верно
и день и ночь они тоскуют по тебе.
Иоанна

Несчастный! ты ж родителей напомнил мне.
Но сколько здесь от вас бесчадных матерей!
и сколько чад осиротелых и невест,
безбрачно овдовевших!.. Пусть теперь узнают
и матери британские, как тяжко тратить
надежду жизни, милых чад! пусть ваши вдовы
поймут, что значит скорбь по милых невозвратных!
Монгомери

Увы, погибну ли на чуже, не оплакан?
Иоанна

Но кто вас звал в чужую землю – истреблять
цветущее богатство нив, нас из домов
семейных выгонять и пламенный войны
вносить в спокойное святилище градов?..
мечтали вы, в надменности души своей,
свободно дышащим французам дать неволю
и Францию великую, как челн покорный,
пустить вослед за вашим гордым кораблем...
О вы, безумцы! наш державный герб прибит
к престолу бога; легче вам сорвать звезду
с небес, чем хижину единую похитить
у Франции неразделимо-вечной... Час
возмездия ударил; ни один живой
не проплывет в обратный путь святого моря,
сей грани, божеством уставленной меж нами,
которую безумно вы переступили.
Монгомери

(опускает ее руку)

и так погибнуть, смерть ужасную увидеть?..
Иоанна

Умри, друг... и зачем так робко трепетать

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu

Пред смертью, пред неизбежною!.. Смотри,
кто я? Простая дева; бедною пастушкой
Родилась я; и меч был чужд моей руке,
Привыкнувшей носить невинно-легкий посох...
Но вдруг, отъятая от пажитей домашних,
От груди милого отца, от милых сестр,
Я здесь должна... должна – не выбор сердца, голос
Небес меня влечет – на гибель вам, себе
Не в радость, призраком карающим бродить,
Носить повсюду смерть, потом... быть жертвой смерти.
И не взойдет мне день свидания с семьею;
Еще для многих вас погибельна я буду;
И много сотворю вдовиц; но наконец
Сама погибну... и свершу свою судьбу.
Сверши ж свою и ты... берись за бодрый меч,
И бой начнем за милую добычу жизни.
Монгомери

(встает)

Итак, когда ты смертная, когда мечу
Подвластна, как и мы, – сразимся; мне, быть может,
За Англию назначено отмстить.
Я жребий свой кладу в святую руку бога;
А ты, призвав на помощь весь твой страшный ад,
Отступница, дерись со мной на жизнь и смерть.
(Схватывает меч и щит и нападает на нее. Вдали раздается военная музыка. Через
несколько минут Монгомери падает)

Иоанна

Твой рок привел тебя ко мне... прости, несчастный!
(Отходит от него и останавливается в размышлении)

О благодатная! что ты творишь со мною?
Ты невоинственной руке даруешь силу;
Неумолимостью вооружаешь сердце;
Тешится жалость в душу мне; рука, готовясь
Сразить живущее создание, трепещет,
Как будто храм божественный ниспровергая;
Один уж блеск изъятаго меча мне страшен...
Но только повелит мой долг – готова сила;
И неизбежный меч, как некий дух живой,
Владычествует сам трепещущей рукой.
Явление VIII

Иоанна, рыцарь с опущенным забралом.

Рыцарь

Ты здесь, отступница?.. Твой час ударил;
Тебя давно ищу на поле ратном;
Страшилище, созданье сатаны,
Исчезни; в ад сокройся, призрак адский.
Иоанна

Кто ты?.. Тебя послал не добрый ангел
Навстречу мне... по виду не простой
Ты ратник; мнится мне, ты не британец;
Бургундский герб ты носишь на щите,
И меч мой сам склонился пред тобою.
Рыцарь

Проклятая! не княжеской руке
Тебя бы поразить; под топором
Презренным палача должна бы ты
На плахе умереть – не с честью пасть
Под герцогским Бургундии мечом.
Иоанна

Итак, ты сам державный этот герцог?
Рыцарь

(поднимая забрало)

Я!.. Трепещи, конец твой наступил;
Теперь тебе не в помощь чародейство;
Лишь робких ты досель одолевала –
Муж твердый ждет тебя...
Явление IX
Те же, Дюнуа, Ла Гир.

Дюнуа

□□□□Постой, Филипп;
Не с девами, но с рыцарями бейся;
Мы защищать пророчицу клялися;
Нам прежде грудь пронзить твой должен меч.
Герцог

Я не страшусь ни хитрой чародейки,
Ни вас, рабов презренных чародейства.
Стыдися, Дюнуа; красней, Ла Гир;
Унизили вы рыцарскую храбрость;
Вы сан вождей на сан оруженосцев
Отступницы коварной променяли...
Я жду вас, бьемся... Тот в защите бога
Отчаялся, кто ад зовет на помощь.
Обнажают мечи.

Иоанна

(становится между ними)

Стой!
Герцог

□□Прочь!
Иоанна

□□□Ла Гир, останови их. Нет!
Не должно здесь французской литься крови;
И не мечом решить сей спор; иное
На небесах назначено; я говорю,
Остановитесь; мне внемлите; духу
Покорствуйте, гласящему во мне.
Дюнуа

Зачем ты мой удерживаешь меч?
Он дать готов кровавое решение;
Готов упасть карательный удар,
Отмщающий отечества обиду.
Иоанна

Ни слова, Дюнуа... Ла Гир, умолкни.
Я с герцогом Бургундским говорю.
Все молчат.

Что делаешь, Филипп? И на кого
Ты обнажил убийства жадный меч?
Сей Дюнуа – сын Франции, как ты;
Сей храбрый – твой земляк и сослуживец;
И я сама – твоей отчизны дочь;
Все мы, которых ты обрек на гибель,
Принадлежим тебе, тебя готовы
Принять в объятия, склонить колена
Перед тобой почтительно желаем,

И для тебя наш меч без острия.
В твоём лице, под самым вражьи́м шлемом,
Мы зрим черты любимого монарха.
Герцог

Волшебница, ты жертву обольстить
Приманкою сладкоречивой мыслишь;
Но не меня тебе поймать; мой слух
Оборонен от сети слов коварных;
Твоих очей пылающие стрелы
От твердых лат души моей отпрянут...
Что медлишь, Дюнуа?.. Сразимся; биться
Оружием должны мы, не словами.
Дюнуа

Сперва слова, потом удары; стыдно
Бояться слов; не та же ль это робость,
Свидетельство неправды?
Иоанна

□□□□Нас не крайность
Влечет к твоим стопам, и не пощады
С покорностью мы просим... оглянись!
Британский стан лежит в кровавом пепле,
И поле все покрыли ваши трупы;
Ты всюду гром трубы французской внемлешь...
Всевышний произнес: победа наша!
Но лаврами прекрасного венца
С тобою мы готовы поделиться...
О! возвратись; враг милый, перейди
Туда, где честь, где правда и победа.
Небес посланница, сама я руку
Тебе даю; спасительно хочу я
Тебя увлечь в святое наше братство;
Господь за нас! все ангелы его –
Ты их не зришь – за Францию воюют;
Лилеями увенчаны они;
И белизне сей чистой орифламмы
Подобится святое наше дело;
Его символ: божественная дева.
Герцог

Прельстительны слова коварной лжи –
Ее ж язык простой язык младенца;
И адский дух, вселившийся в нее,
Невинности небесной подражает.
Нет! страшно ей внимать... К мечу! мой слух,
Я чувствую, слабей моей руки.
Иоанна

Ты мнишь, что я волшебница, что ад
Союзник мой... но разве миротворство,
Прощение обид есть дело ада?
Согласие ль из тьмы его исходит?
Что ж человечески-прекрасней, чище
Святой борьбы за родину? Давно ли
Сама с собой природа в споре, небо
С неправой стороны и ад за правду?
Когда же то, что я сказала, свято –
Кто мог внушить его мне, кроме неба?
Кто мог сойти ко мне, в мою долину,
Чтобы душе неопытной открыть
Великую властителей науку?
Я пред лицом монархов не бывала,
Язык мой чужд искусству слов... но что же?
Теперь тебя должна я убедить –
И ум мой светел, зрю дела земные;
Судьба держав, народов и царей

Ясна душе младенческой моей;
Мои слова как стрелы громовые.
Герцог

(Смотрит на нее с изумлением)

Что я? и что со мной?.. Какая сила
Мой смутный дух незапно усмирила?..
Обманчив ли сей трогательный вид?
Нет! чувствую, не адский обольститель
Меня влечет; мне сердце говорит:
С ней бог, она небес благовеститель.
Иоанна

Он тронут... так, он тронут; не напрасно
Молила я... лицо его безгневно!
Его глаза миролюбиво-ясны...
Скорей... покинуть меч... и сердце к сердцу!
Он плачет... он смиряется... он наш!
(И меч и знамя выпадают из рук ее; она бежит к герцогу, обнимает его в сильном
движении)

Ла Гир и Дюнуа бросают мечи и стремятся в объятия герцога.

Действие третье
Явление I
Дворец короля Карла в Шалоне на Марне.

Дюнуа, Ла Гир.

Дюнуа

Мы верные друзья и сослуживцы,
Мы за одно вооружились дело,
Беды и смерть делили дружно мы.
Ужель теперь любовь нас разлучит,
Превратною судьбой не разлученных?
Ла Гир

Принц, выслушай.
Дюнуа

□□□Ла Гир, ты любишь деву;
И тайный твой мне замысел известен.
Я знаю, ты пришел сюда просить
У короля Иоанниной руки.
Не может быть, чтоб храбрости твоей
Он отказал в награде заслуженной;
Но знай, Ла Гир, чтоб ею обладать,
Сперва со мной...
Ла Гир

□□□Спокойся, Дюнуа.
Дюнуа

Не блеском я минутной красоты,
Как юноша кипящий, очарован;
Любви моя упорная душа
До встречи с сей чудесною не знала;
Но здесь она, предызбранная богом
Избавить Францию, моя невеста;
И ей моя душа при первой встрече
Любовию и клятвой отдалась.
Могучий муж могучую подругу
Сопутником житейским избирает;
Я сильную, пылающую грудь
Хочу прижать ко груди равносильной.
Ла Гир

Не мне с тобой достоинством равняться,
Не мне с твоей великой славой спорить;
С кем Дюнуа идет в единоборство,
Покорно тот без боя отступи.
Но вспомни, кто она; дочь земледельца.
Приличен ли тебе такой союз?
Кто твой отец? и с кровью королей
Смешается ль простая кровь пастушки?
Дюнуа

Она небесное дитя святой
Природы, как и я; равны мы саном.
И принцу ли бесславно руку дать
Ей, ангелов невесте непорочной?
Блистательней земных корон сияют
Лучи небес кругом ее главы;
Невидимы, ничтожны и презренны
Пред нею все величия земли;
Поставьте трон на трон, до самых звезд
Воздвигнитесь... но все вам не достигнуть
Той высоты, на коей предстоит
Нам в ангельском величестве она.
Ла Гир

Пускай решит король.
Дюнуа

Нет! ей одной
Решить. Она свободу нам спасла –
Пускай сама останется свободна.
Явление II
Те же, король, Дю Шатель, Шатильон, Агнеса.

Ла Гир

Вот и король.
Король

(к Шатильону)

Он будет? Он готов
Меня признать и дать обет подданства?
Шатильон

Так, государь; в Шалоне всенародно
Желает пасть Филипп, Бургундский герцог,
К твоим стопам; и мне он повелел
Приветствовать тебя как короля,
Законного владыку своего;
За мною вслед он скоро сам здесь будет.
Агнеса

Он близко, день стократ благословенный!
Желанный день согласия и мира!
Шатильон

С ним двести рыцарей; перед тобой
Готов склонить свои колена герцог;
Но мыслит он, что ты того не стерпишь
И родственно простишь ко брату руки.
Король

Моя душа летит к нему навстречу.
Шатильон

Желает он, чтоб о вражде минувшей
Не помянуть при первой вашей встрече.

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
Король

Минувшее навеки позабыто;
Лишь ясные дни в будущем я вижу.
Шатильон

За всех своих ходатайствует герцог:
Прощение без исключения всем.
Король

Всем! всем! они опять мое семейство!
Шатильон

Не исключать и королевы, если
На мир с тобой она согласна будет.
Король

Не я воюю с ней, она со мною;
Конец вражде, когда ей мир угоден.
Шатильон

Двенадцать рыцарей залогом мира.
Король

Мне слово свято.
Шатильон

Пусть архиепископ
Пред алтарем присягой обоюдной
Спасительный союз сей утвердит.
(Посмотрев на Дю Шателя.)

Здесь есть один... присутствием своим
Он возмутит свиданья сладость.
Дю Шатель удаляется молча.

Король

Друг,
Поди; пускай смирит Филиппа время;
Дотоль его присутствия чуждайся.
(Смотрит за ним вослед, потом бежит и нему и обнимает его.)

О верный друг, ты более хотел
За мой покой на жертву принести.
Шатильон

(подавая свиток)

Здесь прочие означены статьи.
Король

Всё наперед бесспорно утверждаю.
Что дорого за друга? – Дюнуа,
Возьми с собой сто рыцарей избранных
И к герцогу с приветствием спешу.
Должны надеть зеленые венки
Солдаты все для встречи братьев; город
Торжественно убрать, и звон
Колоколов пускай провозгласит,
Что Франция с Бургундией мирится.
Но что?.. Трубят!
Звук трубы.

Паж

(вбегая поспешно)

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu
Бургундский герцог в город
Вступает.
Дюнуа

□□Рыцари, к нему навстречу!
(Уходит с Ла Гиром и Шатильоном)

Король

Агнеса, плачешь?.. Ах! и у меня
Нет сил для этой радостной минуты;
Сколь много жертв досталось смерти прежде,
Чем мирно мы увидеться могли.
Но стихнула свирепость бури; день
Сменил ночную тьму; настанет время,
И нам плоды прекрасные созреют.
Архиепископ

(смотря в окно)

Народ со всех сторон; и нет ему
Дороги; на руках его несут,
Сорвав с коня; целуют платье, шпоры...
Король

О добрый мой народ! огонь во мщенье!
Огонь в любви!.. Как скоро, примиренный,
Он позабыл, что этот самый герцог
Его отцов и чад убийцей был.
Всю жизнь одна минута поглощает.
Агнеса, укрепись; восторг твой сильный
Его душе быть может укоризной;
Чтоб здесь ничто его не оскорбляло.
Явление III

Герцог Бургундский, Дюнуа, Ла Гир, Шатильон, два рыцаря из свиты герцога и
прежние. Герцог останавливается и дверях; король делает движение, чтобы к нему
подойти, но герцог его предупреждает; он хочет преклонить колена, но король
принимает его в объятия.

Король

Ты нас предупредил; тебе навстречу
Хотели мы; твои кони крылаты.
Герцог

Они к стопам монарха моего
Несли меня...
(Увидя Агнесу)

□□□Прекрасная Агнеса,
Вы здесь?.. Позвольте мне обычай наш
Аррасский сохранить; в моем краю
Прекрасный пол ему не прекословит.
(Целует ее в лоб)

Король

Молва идет, что твой блестящий двор
Учтивостью обычаев отличен,
Что он любви и красоты столица.
Герцог

Вас, государь, молва не обманула:
Моя земля – отечество красавиц.
Король

Но про тебя молва гласит иное:
Что будто ты в любви непостоянен

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
И верности не веришь.

Герцог

Государь,
Неверием неверный и наказан;
Заране вы достигли сердцем то,
Что поздно мне открыто бурной жизнью.
(Увидя архиепископа, подает ему руку)

Вы здесь, отец; вы вечно там, где честь.
Благословите; кто вас хочет встретить,
Тот праведной стези не покидай.
Архиепископ

Благодарю всевышнего! Я радость
Вкусил вполне и свет готов покинуть:
Мои глаза прекрасный день сей зрели.
Герцог

(Агнесе)

До нас дошло, что все свои алмазы
Вы отдали, дабы сковать из них
Оружие против меня... ужели
Вам так была нужна моя гибель?
Но спор наш кончен; все должно найтись,
Что в нем утрачено; алмазы ваши
Нашлись; войне вы жертвовали ими –
Их от меня примите знаком мира.
(Берет у одного из пришедших с ним ларчик и подает его Агнесе)

Она смотрит в недоумении на короля.

Король

Возьми; то мне залог, вдвойне священный,
Прекрасный любви и примиренья.
Агнеса плачет; король тронут; все смотрят на них с чувством.

Герцог

(посмотря на всех, бросается в объятия к королю)

О государь!
В эту минуту три бургундские рыцаря бегут к Дюнуа, Ла Гиру и архиепископу и
обнимают их. Герцог несколько минут держит короля в объятиях.

И вас я мог отречься?
И вам я недруг был?
Король

Молчи! ни слова!
Герцог

Я мог врага венчать короной вашей,
Пришельцу дать обет подданства, гибель
Законному монарху приготовить?
Король

Спокойся; все забыто; этот миг
Всему, всему замена; то была
Судьба или враждебная звезда.
Герцог

Заглажу все; поверьте, все заглажу;
И вам за все страдания воздам;
Вся Франция во власти вашей будет;
Ни одного села им не похитить.

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu
Король

В союзе мы – какой же враг опасен?
Герцог

О, верьте, я спокоен сердцем не был,
Воюя против вас. Когда б вы знали...
(Указывая на Агнесу)

Но для чего ж ее вам не прислать?
Ее слезам кто б мог не покориться?
Теперь всему конец; сам ад не властен
Нас разлучить, прижавших сердце к сердцу;
Узнал свое теперь я место; здесь,
При вас свое я странничество кончил.
Архиепископ

В союзе вы – и Франция, как феникс,
Подыметя из пепла своего;
Загладится войны кровавый след;
Сожженные селенья, города
Блистательней восстанут из развалин,
И жатвою поля зазеленеют.
Но падшие раздора жертвой – их
Уже не воскресить! и слезы, в вашей
Вражде пролитые, пролиты были
И будут; расцветет другое племя,
Но прежнее все жертвой бед увяло...
Пробудятся ль отцы для счастья внуков?
Таков раздора плод: для вас, монархи,
Урок сей; божество меча ужасно;
Его могущества не испытайте: раз
Исторгнувшись с войной, оно уже, –
Как сокол, с вышины на крик знакомый
Слетающий к стрелку, – не покорится
Напрасному призыванью человека;
И не всегда к нам вовремя, как ныне,
Спасение небесное нисходит.
Герцог

О государь! при вас небесный ангел.
Но где ж она? Что медлит?..
Король

Где Иоанна?
Почто в торжественно-счастливый миг
Не видим мы создательницы счастья?
Архиепископ

Ее душе противен, государь,
Веселый блеск роскошного двора.
Когда ее глас божий не стремится
В среду людей, застенчиво она
Скрывается от взоров любопытных;
Как скоро нет заботы ей о благе
Отечества – она в беседе с богом;
И всюду с ней его благословенье.
Явление IV
Прежние, Иоанна в панцире, но без шлема; на голове ее венок из белых роз.

Король

Иоанна, ты священницей пришла
Благословить тобою утвержденный
Союз.
Герцог

Ужасна ты была в сраженьи;

Но сколь мила в спокойной красоте!
Иоанна, я исполнил свой обет;
Довольна ль мною ты?
Иоанна

□□□□Себя, Филипп,
Возвысил ты смирением своим.
Доселе нам в пожарном блеске брани
Являлся ты кометою бедоносной;
И благостью теперь ты нам сияешь.
(Осматриваясь)

Все рыцари в торжественном собранье;
И светлая горит в очах их радость;
Лишь одного несчастного я зрела..
Тоскует он при общем торжестве.
Герцог

кто он? Каким тяжелым преступленьем
Обременен, чтоб милости не верить?
Иоанна

Дерзнет ли он приблизиться? Скажи..
И он у ног твоих. О! доверши
Прекрасный подвиг твой; нет примиренья,
Когда душа не вся еще свободна!
Отравой нам целебное питье,
Когда в святом мирительном сосуде
Хотя одна есть ненависти капля.
Не может быть обиды столь кровавой,
Чтоб ты ее в сей день не позабыл.
Герцог

я понимаю.
Иоанна

□□□Так! и ты простишь;
Не правда ль, друг?.. Войди же, Дю Шатель;
Своих врагов всех милует Филипп;
И ты прощен.
Герцог

□□□Что делаешь со мною,
Иоанна?.. Знаешь ли, чего ты просишь?
Иоанна

Приветливо, без исключенья, всех
Зовет в свой дом гостеприимец, добрый;
Как небеса вселенную свободно,
Так друга и врага объемлет милость;
Без выбора, повсюду блеском равным
В неизмеримости сияет солнце;
Всем жаждущим растениям равно
Дает свою живую росу небо;
На всех, для всех добро нисходит свыше.
Герцог

Не властен я упорствовать пред нею;
Моя душа в руках ее как воск..
Приблизься, Дю Шатель.. Не оскорбись,
О тень отца, что руку я свою
В сразившую тебя влагаю руку;
Не оскорбитесь вы, боги смерти,
Что изменил я страшной клятве мщенья;
У вас, во тьме подземного покоя,
Не бьется сердце; там все вечно, все
Неизменяемо.. но все иное
Здесь на земле, под ясным блеском солнца;

Здесь человек, живым влекомый чувством,
Игралище всеильного мгновенья.
Король

(Иоанне)

О! как тебя благодарить, Иоанна?
Прекрасно ты свершила свой обет;
Ты всю мою судьбу преобразила:
Мои друзья со мной примирены,
Мои враги низринуты во прах,
У хищника мои отняты земли,
И всё тобой... Что дам тебе в награду?
Иоанна

Будь в счастье человек, как был в несчастье;
На высоте величия земного
Не позабудь, что значит друг в беде;
То испытал ты в горьком униженье;
К беднейшему в народе правосудным
И милостивым будь: из бедной кущи
Тебе извел спасительницу бог...
Вся Франция твою признает власть;
Ты праотцем владык великих будешь;
Потомки от тебя своею славой
Затмят твоих предшественников славу;
И род твой будет цвезть, доколь любовь
Он сохранит к себе в душе народа;
Лишь гордостью погибнуть может он;
И в низкой хижине, откуда ныне*
Спаситель вышел твой, таится грозно
Для правнуков виновных истребленье.
Герцог

Пророчица, наставленная небом,
Когда тебе в грядущем тайны нет,
Скажи и мне о племени моем:
Продлится ли величие его?
Иоанна

Филипп, я зрю тебя во блеске, в силе;
Близ трона ты, и выше гордый дух
Стремится возлететь; под облака
Он смелое свое возносит зданье;
И сильная рука из высоты
Строение гордыни остановит...
Но не страшись, не рушится твой дом;
Он девою для славы сохранится;
И скиптроносные монархи, сильных
Народов пастыри, от ней родятся;
Могущие, они с двух славных тронов*
Дадут закон и знаемому свету
И новому, сокрытому всевышним
Еще за мглой морей непереплытых.
Король

О! если дух открыл тебе, поведай:
Сей дружеский, спасительный союз –
Продлится ль он, чтобы и внукам нашим,
Как нам, благотворить?
Иоанна

(помолчав)

□□□□Владыки мира,
Страшится раздора; не будите
Вражды в ее ужасном логовище;
Рассвирепев, не стихнет; от нее

Ужасное родится поколение;
Она пожар пожаром зажигает...
Но я молчу. Спокойно в настоящем
Ловите счастье, а мне оставьте
Грядущее безмолвием закрыть.
Агнеса

Иоанна, ты в душе моей читаешь;
Ты ведаешь, хочу ль мирских величий...
Скажи и мне пророческое слово.
Иоанна

Небесный дух являет мне одну
Великую всемирного судьбину...
Твоя ж судьба в твоей душе таится.
Дюнуа

Но что ж тебе самой назначил бог?
Откройся нам, небесная. О! верно
Тебя ждет лучшее земное счастье,
В награду за твое смирение.
Иоанна

(задумчиво и смиренно показав на небо)

□□□□Счастье
На небесах у вечного отца.
Король

Поверь его монарху твоему;
И почтено твое да будет имя
Во Франции; пускай тебе дивятся
Позднейшие потомки... да свершится
Теперь же долг мой; на колена!
Иоанна становится на колена; король вынимает меч и прикасается им к ней.

□□□□Сим
Прикосновением меча, Иоанна,
Король тебе дарует благородство;
Восстань, твоя возвышена порода,
И самый прах отцов твоих прославлен;
Лилея Франции твой герб; знатнейшим
Отныне будь равна высоким саном;
Твоя рука будь первому из первых
Великою наградой; мне ж оставь
Тебе найти достойного супруга.
Дюнуа

Моя она; ее и в низкой доле
Я выбрал сердцем – честь не возвышает
Моей любви, ни доблести ее;
Перед лицом монарха моего я,
В присутствии святого мужа церкви,
Готов ее наречь моей супругой,
Готов подать ей княжескую руку,
Когда мой дар принять благоволит.
Король

Неизъяснимая, за чудом чудо
Творишь ты... Так, я верю, для тебя
Возможно все; ты в этом гордом сердце,
Любовию досель не побежденном,
Любовь произвела.
Ла Гир

□□□□Краса Иоанны
Есть кроткое души ее смирение;
Она всего великого достойна –

Но чужды ей и гордые желанья
И почестей блестящая ничтожность;
Простой удел, любовь простого сердца
С моей рукой я предлагаю ей...
Король

И ты, Ла Гир? Два равных пред тобою
Соперника по мужеству и сану,
Иоанна... ты врагов со мной сдружила,
Мой трон возвысила; ужель теперь
Меня лишишь друзей моих вернейших?
Для одного награда; но достойны
Равно награды оба; отвечай.
Агнеса

Ее душа внезапно смутилась,
И девственным стыдом она краснеет.
О! дайте ей спроситься с сердцем, тайну
С подругой верной разделить и душу
Передо мной открыть непринужденно;
Теперь мой час; как нежная сестра,
Приблизиться могу я к строгой деве,
Чтоб женское с заботливостью женской
Размыслить вместе с ней. Оставьте нас
Решить наедине.
Король

Пойдем.
Иоанна

Постойте;
Нет, государь, мои пылают щеки
Не пламенем смятенного стыда;
И то, что я могу сказать ей втайне,
То я скажу и пред лицом мужей...
О рыцари! своим избраньем вы
Великую мне делаете честь;
Но разве я для суетных величий
Покинула отеческую паству?
Для брачного ль венца я грудь младую
Одела в сталь и панцирь боевой?
Нет, призвана я к подвигу иному;
Лишь чистою свершится девою он;
Я на земле воительница бога;
Я на земле супруга не найду.
Архиепископ

Быть на земле сопутницей супруга
Есть жребий женщины; храня закон
Природы, божеству она угодна;
И, совершив указанное небом,
Тебя пославшим в бой, ты броню скинешь,
Ты перейдешь к судьбе своей смиренной,
Покинутой для бранного меча;
Не девственной руке им управлять.
Иоанна

Святой отец, еще не знаю я,
Куда меня пошлет могучий дух;
Придет пора, и он не промолчит,
И покорюсь тогда его велению;
Теперь же он велит начатый подвиг
Свершить: еще монарх мой не увенчан;
Еще елей главы его избранной
Не освятил; еще он не король.
Король

Но мы идем стезей прямою к Реймсу.

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu
Иоанна

И медлить нам не должно; враг повсюду;
Дорогу нам он мыслит заградить;
Но сквозь него промчу к победе вас.
Дюнуа

Когда же все, Иоанна, совершится,
Когда войдем с тобою в стены Реймса,
Склонишь ли ты внимание тогда...
Иоанна

Когда господь велит, чтоб я с победой
Из грозных борьбы со смертью вышла,
Тогда всему конец; тогда пастушке
Уж места нет в обители монарха.
Король

(взяв ее за руку)

Теперь тебе лишь голос духа внятен;
Любовь молчит в груди, горящей богом;
Но верь, она молчать не вечно будет;
Утихнет брань; победа приведет
К нам ясный мир; в сердца вольется радость;
Нежнейшие пробудятся в них чувства...
Тогда об них проведаешь и ты;
Тогда впервой печали сладкой слезы
Прольют твои глаза, и будешь сердцем,
Исполненным донине только неба,
С любовью искать земного друга;
Всех ныне ты для счастья спасла –
И одному тогда ты будешь счастьем.
Иоанна

(посмотрев на него с унылым негодованием)

Иль, утомясь божественным явленьем,
Уж хочешь ты разбить его сосуд
И благовестницу верховной воли
Низвести во прах ничтожности земной?
О маловерные! сердца слепые!
Величие небес кругом вас блещет;
Их чудеса пред вами без покрова;
А я для вас лишь женщина... безумцы!
Но женщине ль под броню железной
Мешаться в бой, водить мужей к победе?
Погибель мне, когда, господне мщенье
Нося в руке, я суетную душу
Отдам любви, от бога запрещенной;
О нет! тогда мне лучше б не родиться;
Ни слова более; не раздражайте
Моей душой владеющего духа;
Один уж взор желающего мужа
Есть для меня и страх и оскверненье.
Король

Умолкните; ее не преклонить.
Иоанна

Вели, вели греметь трубе военной;
Спокойствие меня теснит и мучит;
Стремительно зовет моя судьба
Меня от сей бездейственности хладной;
И строгий глас твердит мне: довершай.
Явление V
Те же, рыцарь (вбегают поспешно).

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
Король

Что сделалось?
Рыцарь

□□□Близ Марны неприятель;
Он строится в сраженье.
Иоанна

(вдохновенно)

□□□□Бой и брань!
Теперь душа от уз своих свободна...
Друзья, к мечам; а я устрою войско.
(Уходит поспешно)

Король

(Ла Гиру)

Поди за ней. Перед стенами Реймса
Они хотят сорвать с меня корону.
Дюнуа

Их мчит не мужество, но безнадежной
Свирепости отчаянный порыв.
Король

(герцогу)

Филипп, тебя я не зову; но час
Настал минувшее загладить.
Герцог

□□□□□Будешь
Доволен мной.
Король

□□□Я сам дорогой чести
Хочу идти пред войсками моими,
Хочу в виду венчательного Реймса
Венец мой заслужить. Моя Агнеса,
Твой рыцарь говорит тебе: прости!
Агнеса

(подает ему руку)

Не плачу я; моя душа спокойна;
На небесах живет моя надежда;
На то ль даны столь явные залого
Спасенья их, чтоб после нам погибнуть?..
Ты победишь; то сердца предвещанье;
И в Реймсе нам назначено свиданье.
Все уходят. Сцена переменяется; видно открытое поле: на нем рассыпаны группы
деревьев; за сценою слышны военные инструменты, выстрелы, стук оружия;
сражающиеся пробегают через сцену; наконец все тихо; сцена пуста.

Явление VI
Тальбот выходит раненный, опираясь на Фастольфа, за ним солдаты, скоро потом
Лионель.

Тальбот

Под этими деревьями, друзья,
Меня оставьте; сами в бой подите;
Чтоб умереть, помощник мне не нужен.
Фастольф

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu
Несчастный день! враждебная судьба!
(К Лионелю)

Зачем пришел ты, Лионель? Смотри,
Наш храбрый вождь от раны умирает.
Лионель

Да сохранит нас небо! встань, Тальбот.
Не время нам о ранах помышлять;
Вели ожить природе; одолей
Бунтующую смерть.
Тальбот

□□□□Напрасно все;
Судьба произнесла: должна погибнуть
Во Франции британская держава;
Последнее отчаянною битвой
Я истощил, чтоб рок сей отвратить;
И здесь лежу, разбит стрелой громовой,
Чтоб более не встать. Потерян Реймс –
Париж спасайте.
Лионель

□□□Нет для нас Парижа;
Он договор с дофином заключил.
Тальбот

(срывая с себя повязку)

Бегите ж вы, кровавые потоки,
Противно мне смотреть на это солнце.
Лионель

Мне ждать нельзя; Фастольф, на этом месте
Вождю опасно быть; нам отстоять
Его не можно: нас теснят ужасно;
Ряды расстроены; за девою вслед
Они бегут – и всё, как буря, ломают.
Тальбот

Безумство, ты превозмогло; а я
Погибнуть осужден. И сами боги
Против тебя не в силах устоять.
О гордый ум, ты, светлое рожденье
Премудрости, верховный основатель
Создания, правитель мира, что ты?
Тебя несет, как бурный конь, безумство;
Вотще твоя узда; ты бездну видишь;
И сам в нее с ним падаешь неволью;
Будь проклят тот, кто в замыслах великих
Теряет жизнь, кто мудро выбирает
Себе стезю вернейшую. Безумству
Принадлежит земля.
Лионель

□□□□Тальбот, тебе
Не много здесь минут осталось; вспомни
О боге...
Тальбот

□□Если б мы разбиты были,
Как храбрые от храбрых, – нам отрадой
Была бы мысль, что мы в руке судьбы,
Играющей землю самовластно;
Но жалкой быть игрушкою мечты...
Иль наша жизнь, вся отданная бурям,
Не стоила славнейшего конца?
Лионель

Тальбот, прости; дань слез моих тебе
Я принесу, как друг твой, после битвы,
Когда останусь цел... теперь иду;
Еще судьба на поле боевом
Свой держит суд и жребии бросает;
Простимся до другого света; краток
Разлуки миг за долгую любовь.
(Уходит)

Тальбот

Минута кончит все; отдам земле
И солнцу все, что здесь во мне сливалось
В страдание и в радость так напрасно;
И от могучего Тальбота, славой
Наполнившего свет, на свете будет
Одна лишь горсть летучей пыли. Так
Весь гибнет человек – и вся нам прибыль
От тягостной борьбы с суровой жизнью
Есть убеждение в небытии
И хладное презренье ко всему,
Что мнилось нам великим и желанным.
Явление VII
Король, герцог, Дюнуа, Дю Шатель и солдаты входят.

Герцог

Сражение решено.
Дюнуа

□□□□Победа наша.
Король

(заметив Тальбота)

Но кто же там, покинутый, лежит
В борении с последнею минутой?
По броне он не ратник рядовой.
Скорей! помочь, когда еще не поздно!
К Тальботу приближаются солдаты.

Фастольф

Не приближайтесь, прочь! почтенье к смерти
Того, кто был так страшен вам живой!
Герцог

Что вижу я? Тальбот лежит в крови.
(Приближается к нему)

Тальбот, взглянув на него быстро, умирает.

Фастольф

Не подходи, предатель ненавистный!
Твой вид смутит последний взор героя.
Дюнуа

Тальбот, погибельный, неодолимый,
Столь малое пространство для тебя,
Которого желаньям исполинским
Всей Франции обширной было мало!
(Преклоняет меч перед королем)

Теперь приветствую вас королем;
Дрожал венец на вашей голове,
Пока душа жила еще в сем теле.

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
Король

(посмотрев молча на мертвого)

Не мы его сразили – некто высший!
На землю Франции он лег, как бодрый
Боец на щит, которого не выдал.
(К воинам)

Возьмите.
Труп Тальботов выносят.

□□Мир его великой тени;
Здесь памятник ему достойный будет;
В середине Франции, где он геройски
Свой кончил путь, покойся прах его;
Столь далеко враги не заходили,
И лучшее надгробие ему
То место, где его найдут во гробе.
Фастольф

(подавая меч королю)

Я пленник ваш.
Король

(возвращая ему меч)

□□□Нет, рыцарь, и война
Священный долг умеет чтить; свободно
Ты своего проводишь полководца...
Но, Дю Шатель... моя Агнеса в страхе;
Спеши ее обрадовать победой;
Скажи, что я и жив и невредим,
Что в Реймсе жду ее к коронованью.
Дю Шатель уходит.

Явление VIII
Те же, Ла Гир.

Дюнуа

Ты здесь, Ла Гир? но где Иоанна?
Ла Гир

□□□□Как?
Она не с вами? Я ее покинул
В сраженье близ тебя.
Дюнуа

□□□Я побежал
На помощь к королю; я был в надежде,
Что ты останешься при ней...
Герцог

□□□□Недавно
Я видел сам в густой толпе врагов
Ее распущенное знамя...
Дюнуа

□□□□Боже!
Страшусь я: где она? Скорее к ней
На помощь. Может быть, ее далеко
Замчало мужество. Одна, быть может,
Она, толпой стесняемая, бьется
И тщетно ждет защиты от друзей.
Король

Спешите.
Дюнуа

□□я бегу.
Ла Гир

□□□□И я.
Герцог

□□□□Мы все.
Все уходят поспешно.

Явление IX

Другое место на поле сражения; утесы, деревья; вдали башни Реймса, освещенные заходящим солнцем. Рыцарь в черном панцире с опущенным забралом. Иоанна преследует его, он останавливается.

Иоанна

Коварный, я твою узнала хитрость;
Обманчиво притворным бегством ты
меня сюда увлек из жаркой битвы,
чтобы своих спасти от грозной встречи
с моим мечом; но сам теперь погибнешь.
Черный рыцарь

Почто за мной ты гонишься? Почто
так бешено к моим стопам пристала?
Не суждено мне пасть твоей рукой.
Иоанна

Противен ты душе моей, как ночь,
которой цвет ты носишь; истребить
тебя с лица земли неодолимо
влечет меня могущее желанье.
Скажись, кто ты? Открой забрало. Если б
передо мной Тальбот не пал в сраженье,
тогда бы я сказала: ты Тальбот.
Черный рыцарь

Иль смолкнул глас пророческого духа?
Иоанна

Нет, громко он вещает мне, что здесь
моя беда стоит с тобою рядом.
Черный рыцарь

Иоанна д'Арк, с победою до Реймса
дошла ты – стой! не дале! будь довольна
своим венцом и счастье отпусти,
служившее тебе рабом покорным;
не жди, чтобы оно забунтовало;
ласкает нас, но верность ненавидит
и никому не служит до конца.
Иоанна

Почто ты мне велишь с моей дороги
сойти, забыв начатый мною подвиг?
Свершу его, исполню свой обет.
Черный рыцарь

Могучая, ты все ниспровергаешь;
покорен бой тебе – но удержишь
от боя; мне поверь, пока не поздно.
Иоанна

Не выпущу меча я из руки,
доколь враги не втоптаны во прах.

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
Черный рыцарь

Смотри же, там сияют башни Реймса;
Туда твой путь; ты видишь, блещет купол
Соборная величественной церкви –
В нее вступить ты можешь с торжеством,
В ней увенчать монарха, свой обет
Исполнить, но... Иоанна, не входи
В ту церковь; мне поверь и возвратись.
Иоанна

Но кто же ты, прельститель двуязычный?
Ты мнишь меня смутить и ужаснуть
Обманчивым пророчеством...
Черный рыцарь хочет уйти.

(Она заступает ему дорогу)

□□□□Постой;
Ответствуй мне иль гибни...
(Хочет ударить в него мечом)

Черный рыцарь

(прикасается к ней рукой, и она остается неподвижна)

□□□□Умерщвляй
Одно лишь смертное.
Гром и молния; рыцарь исчезает.

Иоанна

(долго молчит в изумлении, потом, опомнившись, говорит)

□□□□То был не здешний
И не живой... то было привиденье,
Враждебный дух, изникнувший из ада,
Чтобы смутить во мне святую веру.
Но мне с мечом владыки моего
Кто страшен? Нет, иду; зовет победа;
Пусть на меня весь ад вооружится;
Жив бог – моя надежда не смутится.
(Хочет идти)

Ей навстречу Лионель.

Явление X
Иоанна, Лионель.

Лионель

Отступница, готовься в бой; погибнуть
Один из нас на этом месте должен;
Храбрейшие тобой умерщвлены;
Герой Тальбот в объятиях моих
С великою душой своей расстался;
Отмщу за храброго, иль будь одна
Для нас судьба; но пасть ли мне иль нет,
Ты прежде знать должна, кого твой рок
С тобою свел, – я Лионель, последний
Британский вождь, еще не побежденный.
(Нападает на нее)

Через минуту она вышибает из руки его меч.

О счастье!
(Борется с нею)

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu
Иоанна во время борьбы срывает с него шлем, и он остается с непокрытой головой;
поднявши меч, чтобы его поразить, она говорит:

Иоанна

□□□Умри! святая дева
Моей рукой тебя приносит в жертву.
(В эту минуту ее глаза встречаются с глазами Лионеля; пораженная видом его, она
стоит неподвижна, и рука ее опускается)

Лионель

Что медлишь? Что удар твой задержало?
Взяв честь, возьми и жизнь; я не хочу
Пощады; я в твоих руках.
Она подает ему знак рукою, чтобы он бежал.

□□□□□Бежать
Мне должно? Быть обязанным тебе
Презренной жизнью? Скорей погибнуть!
Иоанна

(отвратив глаза)

И знать я не хочу, что жизнь твоя
Была в моих руках...
Лионель

□□□□Я ненавижу
Тебя и дар твой; не хочу пощады:
Не медли, поражай того, кто сам
Сразить тебя хотел.
Иоанна

□□□□Убей меня
И удались.
Лионель

□□□Что слышу?
Иоанна

(закрыв лицо руками)

□□□□Горе мне!
Лионель

(приближаясь к ней)

Молва идет, что ни один британец
Тобой не пощажен; за что же мне
Пощада одному?
Иоанна

(собравшись с духом, поднимает меч, чтобы его поразить; но, опять взглянув на
него, опускает руку)

□□□□Святая дева!
Лионель

Почто зовешь святую? О тебе
Не ведает она; ты небесами
Отвержена.
Иоанна

(в сильнейшем отчаянии)

□□□О горе, горе! что
я сделала? Нарушен мой обет.

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
(Ломает в горести руки)

Лионель

(смотрит на нее с участием и подходит ближе)

Несчастливая, жалею о тебе;
Ты трогаешь меня; со мной одним
Великодушною была ты; сердце
Мое тебя, я чувствую, простило;
С участием оно к тебе стремится.
Скажи, кто ты? откуда?
Иоанна

Прочь! беги!
Лионель

Мне жаль твоей цветущей красоты,
Жаль младости твоей; твой милый образ
Теснится в душу мне, и я хотел бы
Тебя спасти, но как и чем спасу?
Поди за мной; оставь союз свой страшный;
Оставь погибельный свой меч.
Иоанна

Увы!
Носить его я недостойна.
Лионель

Брось
Его; иди со мной!
Иоанна

(в ужасе)

С тобой? О небо!
Лионель

Пойдем; еще тебя спасти возможно,
И я тебя спасу... но поспеши;
Моя душа печалью непонятной
Томится по тебе... невыразимым
Желанием спасти тебя полна.
(Берет ее за руку, вдаль показываются Дюнуа и Ла Гир)

Иоанна

О боже! Дюнуа... они уж близко;
Беги, тебя найдут.
Лионель

Я твой защитник.
Иоанна

О нет! Беги! умру, когда погибнешь.
Лионель

Иль дорог я тебе?
Иоанна

О пресвятая!
Лионель

Увидимся? услышу ль о тебе?
Иоанна

Нет, никогда...
Лионель

□□□Сей меч в залог, что я
Тебя найду.
(Вырывает из рук ее меч)

Иоанна

□□□Ты смеешь, безрассудный!
Лионель

Теперь я уступаю силе; мы
Увидимся.
(Уходит поспешно)

явление XI
Дюнуа, Ла Гир, Иоанна.

Ла Гир

□□□Она! она!
Дюнуа

□□□□Иоанна,
Спокойна будь; друзья твои с тобою.
Ла Гир

Не Лионель ли там бежит?
Дюнуа

□□□□Оставь
Его; Иоанна, битва решена;
Реймс отворил ворота; весь народ
Бежит толпой навстречу королю.
Ла Гир

Но что она?.. Шатается, бледнеет.
Дюнуа

Ты ранена?
Иоанна падает к ним на руки.

□□□Снять панцирь! рана
В плече, и легкая.
Ла Гир

□□□□Но льется кровь.
Иоанна

Пускай она с моею льется жизнью.
(Лишается памяти)

Действие четвертое
Явление I

Богато убранная зала; колонны обвиты гирляндами из цветов; вдали слышны флейты и
гобои; они играют во все продолжение первой сцены.

Иоанна

(стоит в задумчивости и слушает, потом говорит)

Молчит гроза военной непогоды;
Спокойствие на поле боевом;
Везде шумят по стогнам хороводы;
Алтарь и храм блистают торжеством.
И зиждутся из ветвей пышны входы,
И гордый столб обвит живым венцом,
И гости ждут венчательного пира;
Готовы трон, корона и порфира.

И все горит единым вдохновеньем,
И груди всем подъемлет мысль одна,
И счастье волшебным упоеньем
Сдружило все, что рознила война;
Гордится франк своим происхожденьем,
Как будто всем отчизна вновь дана,
И с честью примирена корона;
Вся Франция в собрании у трона.
Лишь я одна, великого свершитель,
Ему чужда бесчувственной душой;
Их счастья, их славы хладный зритель,
Я прочь от них лечу моей мечтой;
Британский стан – любви моей обитель,
Ищу врагов желаньем и тоской;
Таюсь друзей, бегу в уединенье
Сокрыть души преступное волненье.
Как! мне любовь пылать?
Я клятву страшную нарушу?
Я смертному дерзну отдать
Творцу обещанную душу?
Мне, усладительнице бед,
Вождю спасенья и побед,
Любить врага моей отчизны?
Снесу ли сердца укоризны?
Скажу ль о том сиянью дня?
И стыд не истребит меня!
Звуки инструментов за сценою сливаются в тихую, нежную мелодию.

Горе мне! какие звуки!
Пламень душу всю проник,
Милый слышится мне голос,
Милый видится мне лик.
Возвратися, буря брани!
Загрямите, стрелы, копья!
Вы ударьте, строй на строй!
Битва, дай душе покой!
Тише, звуки! замолчите,
Обольстители души!
Непонятым упоеньем
Вы ее очаровали;
Слезы льются от печали.
(Помолчав, с большею живостью)

Могла ли я его сразить? О, как
Сразить, узрев его прекрасный образ?
Нет, нет, себя скорей бы я сразила.
Виновна ль я, склонясь душой на жалость?..
И грех ли жалость?.. Как?.. Скажи ж, Иоанна,
Была ль к другим ты жалостлива в битве?
И жалости ль покорен был твой меч,
Когда младый валлиец пред тобою
Лежал в слезах, вотще моля о жизни?
О сердце хитрое, ты ль небеса
Всезрящие заманишь в ослепленье?
Нет, нет, тебя влекло не сожаленье.
Увы! почто дерзнула я приметить
Его лица младую красоту?
Несчастливая, сей взор – твоя погибель;
Орудия слепого хочет бог.
Идти за ним должна была ты слепо;
Но волю ты дала очам узреть –
И от тебя щит божий отклонился,
И адская тебя схватила сеть.
(Задумывается, вслушивается в музыку; потом говорит)

Ах! почто за меч воинственный
Я мой посох отдала
И тобою, дуб таинственный,

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu

Очарована была?
Мне, владычица, являла ты
Свет небесного лица;
И венец мне обещала ты..
Недостойна я венца.
Зрела я небес сияние,
Зрела ангелов в лучах..
Но души моей желание
Не живет на небесах.
Грозной силы повеление
Мне ль, бессильной, совершить?
Мне ли дать ожесточение
Сердцу, жадному любить?
Нет, из чистых небожителей
Избирай твоих свершителей;
С неприступных облаков
Призови твоих духов,
Безмятежных, не желающих,
Не скорбящих, не теряющих..
Деву с нежною душой
Да минует выбор твой.
Мне ль свирепствовать в сражении?
Мне ль решить судьбу царей?..
Я пасла в уединении
Стадо родины моей..
Бурный путь мне указала ты,
В дом царей меня ввела;
Но.. лишь гибель мне послала ты..
Я ль сама то избрала?
Явление II
Агнеса, Иоанна.

Агнеса

(идет в сильном волнении чувства к Иоанне, хочет броситься к ней на шею, но, одумавшись, падает перед нею на колена.)

Нет, нет! во прах перед тобою..
Иоанна

(стараясь ее поднять)

□□□□Встань,
Агнеса, ты свой сан позабываешь.
Агнеса

Оставь меня; томительная радость
Меня к твоим ногам бросает – сердце
Пред божеством излить себя стремится;
Незримого в тебе боготворю.
Наш ангел ты; тобою мой властитель
Сюда введен; готов обряд венчанья;
Стоит король в торжественной одежде;
Собираются кругом монарха пэры,
Чтобы нести регалии во храм;
Народ толпой бежит к соборной церкви;
Повсюду клик и звон колоколов..
Кто даст мне сил снести такое счастье?
Иоанна поднимает ее. Агнеса смотрит на нее пристально.

Лишь ты одна сурово равнодушна,
Ты благ, тобой даруемых, не делишь,
Ты холодно глядишь на нашу радость;
Ты видела величие небес
И счастья земному неприступна.
Иоанна в сильном движении схватывает ее за руку, потом задумчиво опять ее опускает.

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu

О! если б ты узнала сладость чувства;
Войны уж нет; сложи твой бранный панцирь
И грудь открой чувствительности женской...
Моя душа, горящая любовью,
Чуждается тебя вооруженной.
Иоанна

Чего ты требуешь?
Агнеса

□□□□Обезоружь
Себя, покинь твой меч; любовь страшится
Окованной железом тяжким груди;
Будь женщина, и ты любовь узнаешь.
Иоанна

Мне, мне себя обезоружить? Нет,
Я побегу с открытой грудью в бой...
Навстречу смерти... нет, тройной булат
Пусть будет мне защитой от ваших
Пиров и от меня самой.
Агнеса

□□□□Иоанна,
Граф Дюна, великодушный, славный,
К тебе горит святым, великим чувством;
О! верь мне, быть любовью героя
Удел прекрасный... но любить героя
Еще прекраснее...
Иоанна отвращается в сильном волнении.

□□□□Ты ненавидишь
Его?.. Нет, нет, его не любишь ты;
Но ненависть... лишь тот нам ненавистен,
Кто милого из наших рук исторгнул;
Но для тебя нет милого; ты сердцем
Спокойна... Ах! когда б оно смягчилось!
Иоанна

Жалей меня, оплачь мою судьбу.
Агнеса

Чего ж тебе недостает для счастья?
Все решено: отчизна спасена;
С победою, торжественно в свой Реймс
Вступил король, и слава твой удел;
Тебя народ честит и обожает;
Во всех устах твоя хвала; ты гений,
Ты божество сих праздников веселых,
И сам король не столь в своей короне
Величествен, как ты.
Иоанна

□□□□О! если б скрыться
Могла во тьме подземной я от вас!
Агнеса

Что слышу? Как понять тебя, Иоанна?
И ныне кто ж взглянуть дерзнет на свет,
Когда тебе глаза потупить должно?..
Мне, мне краснеть, мне, низкой пред тобою,
Не смеющей и мыслию постигнуть
Величия души твоей прекрасной.
Открою ль все ничтожество мое?
Не славное спасение отчизны,
Не торжество побед, не обновленный
Престола блеск, не шумный пир народа
Мне радости причина; нет, один

Живет в моей душе – иному чувству
В ней места нет – он, сей боготворимый;
Его народ приветствует; его
Бегут встречать; пред ним цветы бросают –
И он, для всех единственный, – он мой.
Иоанна

Счастливица, завидую тебе;
Ты любишь там, где любит все; ты смеешь
Свободно, вслух изречь свое блаженство;
Перед людьми его ты не таишь;
Их общий пир есть пир твоей любви;
И этот весь бесчисленный народ,
Ликующий с тобой в одних стенах, –
Прекрасное твое он чувство делит;
Тебя приветствует, тебя венчает;
Ты с радостью всеобщей заодно;
Твоей душе небесный день сияет;
Любовью все твоей озарено.
Агнеса

(падая в ее объятия)

О радость! мой язык тебе понятен;
Иоанна, ты... любви ты не чужда;
Что чувствую, ты выразила сильно;
И ободренная душа моя
Доверчиво тебе передается...
Иоанна

(вырываясь из ее объятий)

Прочь, прочь! беги меня; не заражайся
Губительным сообществом моим;
Поди, будь счастлива; а мне дай скрыть
Во мрак мой стыд, мой страх, мое страданье.
Агнеса

Я трепещу; ты мне непостижима;
Но кто ж тебя постигнул? Кто проник
Во глубину твоей великой тайны?
Кто может ведать, что святому сердцу,
Что чистоте души твоей понятно?
Иоанна

Нет, нет, ты чистая, святая ты;
Когда б в мою ты внутренность проникла,
Ты б от меня, как от врага, бежала.
Явление III
Иоанна, Агнеса, Дюнуа и Ла Гир со знаменем Иоанны.

Дюнуа

Мы за тобой, Иоанна; все готово;
Король тебя зовет: в ряду вельмож,
Ближайшая к монарху, ты должна
Пред ним нести святую орифламму.
Он признает и хочет всенародно
Перед лицом всей Франции признать,
Что лишь тебе одной принадлежит
Вся честь сего торжественного дня.
Иоанна

О боже! мне предшествовать ему?
Мне перед ним нести святое знамя?
Дюнуа

Кому ж, Иоанна? Чья рука посмеет

Святыни сей коснуться? Это знамя
Носила ты в сраженье; им должна ты
И торжество победное украсить.
Ла Гир

Вот знамя; поспешим; король, вожди
И весь народ зовут тебя, Иоанна.
(Хочет подать ей знамя, она отступает с ужасом)

Иоанна

Прочь, прочь!
Ла Гир

□□Иоанна, что с тобой? Трепещешь
Пред собственным ты знаменем своим!
Узнай его, оно твое, ты им
Победу нам дала; взгляни, на нем
Сияет лик владычицы небесной.
(Развертывает знамя)

Иоанна

(в ужасе смотря на знамя)

Она, она!.. в таком являлась блеске
Она передо мной... Смотрите, гневом
Омрачено ее чело; и грозно
Сверкает взор, к преступнице склоненный.
Агнеса

Ты вне себя; опомнись, ты виденьем
Обманчивым испугана; тот образ...
Он слабыя, земной руки созданье;
Сама ж она небес не покидала.
Иоанна

О грозная! карать ли ты пришла?
Где молнии твои? Пускай сразят
Они мою преступную главу.
Разрушен наш союз; я посрамила,
Унизила твое святое имя.
Дюнуа

Что слышу я! какой язык ужасный!
Ла Гир

(к дю Шателю)

Как изъяснить ее волненье, рыцарь?
Дю Шатель

Я вижу то, чего давно боялся.
Дюнуа

Как? что ты говоришь?
Дю Шатель

□□□□Того открыть,
Что думаю, не смею я; но дай бог,
Чтоб было все уж кончено, и наш
Король уж коронован был.
Ла Гир

□□□□Иоанна,
Иль ужас тот, который разливала
Ты знаменем своим, оборотился
Против тебя? Узнай его, Иоанна;

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh

Одним врагам погибельно оно;
Для Франции оно символ спасенья.
Иоанна

Так, так, оно спасительно для верных;
Лишь на врагов оно наводит ужас.
Слышен марш.

Дюнуа

Возьми его, возьми; ты слышишь, ход
Торжественный уж начался; пойдем.
Принуждают ее взять знамя; она берет его с видимым отвращением и уходит; все
прочие за нею.

Явление IV

Площадь перед кафедральною церковью. Вдали множество народа. Берtrand, Арман,
Этьен выходят из толпы; за ними вскоре Алина и Луиза. Вдали слышен марш.

Берtrand

Уж музыка играет; идут; скоро
Увидим их; но где бы лучше нам
Остановиться? Там, на площади,
Иль здесь, на улице, чтоб посмотреть
На ход вблизи?
Этьен

Нет, сквозь толпу народа
Нам не пройти; от конных и от пеших
Простора нет; все улицы набиты;
У тех домов есть место; там увидеть
Нам можно все.
Арман

Какая бездна! скажешь,
Что здесь вся Франция; и так велико
Народное стремленье, что и мы
Из Лотарингии своей далекой
Сюда с толпой пришли.
Берtrand

Да кто же будет
Один дремать в своем углу, когда
Великое свершается в отчизне?
Истратили довольно крови мы,
Чтоб голове законной дать корону;
А наш король, наш истинный король,
Которого мы в Реймсе коронуем,
Ужель он здесь быть должен встречен хуже
Парижского, который в Сен-Дени
По милости пришельца коронован;
Тот не француз, кто в этот славный день
Не будет здесь с другими и от сердца
Не закричит: да здравствует король!

Явление V

Прежние, Луиза, Алина.

Луиза

Сестрица, мы увидим здесь Иоанну;
Как бьется сердце!
Алина

Мы ее увидим
В величестве и в почести и скажем:
То наша милая сестра Иоанна.
Луиза

Пока меня глаза не убедили,
До тех пор все не буду верить я,
Чтоб та, которую все называют
Здесь Орлеанской девою, была
Сестра Иоанна, бѣз вести от нас
Пропавшая.
Алина

Увидишь и поверишь.
Берtrand

Молчите, идут.

Явление VI

Впереди идут музыканты; за ними дети в белых платьях, с венками в руках; потом два герольда; отряд воинов с алебардами; чиновники в парадных платьях; два маршала с жезлами; Бургундский герцог с мечом; Дюнуа с скипетром; другие вельможи с короною, державою, королевским жезлом; за ними рыцари в орденских одеждах; певчие с кадьльницами; два епископа с святою ампулою; архиепископ с крестом; за ним Иоанна с знаменем; она идет медленными, неровными шагами, наклонив голову; ее сестры, увидя ее, знаками показывают радость и удивление; за Иоанною следует король под балдахинем, который несут бароны; за королем придворные чиновники; потом опять отряд воинов. Когда все входят в церковь, марш умолкает.

Явление VII

Луиза, Алина, Арман, Этьен, Берtrand.

Алина

Видел ли сестру?
Арман

Что шла пред королем, в богатых латах,
Со знаменем в руках?
Алина

Да; то Иоанна,
Сестра.
Луиза

На нас она не поглядела;
Она не думала, что сестры близко;
Была бледна, смотрела вниз, дрожала
Под знаменем своим... мне стало грустно;
Я не могла обрадоваться ей.
Алина

Теперь мы видели Иоанну в славе
И в почести; но кто б мог то подумать
В то время, как она у нас в горах
Пасла овец?
Луиза

Отцу недаром снилось,
Что в Реймсе он и мы перед Иоанной
Стоять с почтеньем будем; вот та церковь,
Которая привиделась ему.
И все сбылось. Но знаешь ли? Отцу
С тех пор и страшные виденья были...
Ах! мне она жалка, мне тяжело видеть
Ее в таком величии.
Берtrand

Пойдем.
Что здесь стоять? Не лучше ль протесниться
Нам в церковь? Там увидим весь обряд.
Алина

Пойдем; быть может, там с сестрой Иоанной
Мы встретимся.
Луиза

Мы видели ее,
Довольно с нас; воротимся в село.
Алина

Как, не сказав ни одного ей слова?
Луиза

Она теперь не нам принадлежит;
Лишь общество князей и полководцев
Прилично ей; на что же нам тесниться
К блестящему величеству ее?
И с нами быв, она была не наша.
Алина

Иль думаешь, что ей нас будет стыдно,
Что нас она теперь пренебрежет?
Бертранд

И сам король нас не стыдится; он
Здесь ласково всем кланялся; хотя
Она теперь стоит и высоко,
Но наш король все выше.
Трубы и литавры в церкви.

Арман

В церковь! в церковь!
Идут и пропадают в толпе народа.

Явление VIII

Тибо в черном платье, за ним Раймонд, который старается его удержать.

Раймонд

Воротимся, мой добрый Арк, уйдем
Отсюда; здесь все празднует; твое
Уныние обидно для веселых...
Чего нам ждать? Зачем здесь оставаться?
Тибо

Ты видел ли несчастное мое
Дитя? Всмотрелся ли в ее лицо?
Раймонд

Ах! поскорей... прошу тебя, уйдем.
Тибо

Приметил ли, как робко шла она,
С каким лицом расстроеным и бледным?
Несчастливая, она свой жребий знает...
Но час настал ее спасти, я им
Воспользуюсь.
(Хочет идти)

Раймонд

Куда? чего ты хочешь?
Тибо

Хочу ее внезапно поразить,
Хочу ее с ничтожной славы сбросить,
Хочу ее насильно возвратить
Отверженному ею богу.

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
Раймонд

□□□□Ах!
Подумай прежде, что ты начинаешь;
Ты сам свое дитя погубишь.
Тибо

□□□□Так!
Жила б душа – пускай погибнет тело.
Иоанна выбегает из церкви без знамени; народ окружает ее, теснится к ней, целует
ее платье и препятствует ей приблизиться.

Смотри, идет; на ней лица нет; ужас
Ее из церкви гонит; божий суд
Преследует ее...
Раймонд

□□□□Прости, отец;
С надеждой я пришел и без надежды
Уйду; я видел дочь твою и знаю,
Что для меня навек она пропала.
(Уходит. Тибо удаляется на противоположную сторону)

Явление IX
Иоанна, народ; потом ее сестры.

Иоанна

(приближаясь)

Я не могу там оставаться – духи
Преследуют меня; органа звук,
Как гром, мой слух терзает; своды храма
Дрожат и пасть готовы на меня;
Хочу вздохнуть под вольным небом; там
В святилище оставила я знамя
И никогда к нему не прикоснусь...
Казалось мне, что видела я милых
Моих сестер, Луизу и Алину.
Они, как сон, мелькнули предо мной...
Ах! то была мечта; они далёко,
Далёко; мне уж их не возвратить,
Как детского потерянного счастья.
Алина

(выходя из толпы)

Жаннета!
Луиза

(подбегая к ней)

□□Милая сестра!
Иоанна

□□□□О боже!
Итак, я видела не сон; вы здесь,
Со мной; опять знакомый слышу голос;
Опять могу в степи сей многолюдной
Родную грудь прижать к печальной груди.
Алина

Она узнала нас; она все та же
Добросердечная сестра Жаннета.
Иоанна

О милые! вы из такой далекой,
Далекой стороны пришли сюда,

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
чтоб свидеться со мной; вы мне простили,
что из села я, не сказавшись вам,
ушла и вас как будто отреклася.
Луиза

То воля божия была.
Алина

Молва
О чудесах твоих сошла и к нам:
Мы не могли противиться стремленью
И, родину спокойную покинув,
Пришли сюда взглянуть на славный праздник,
Пришли твое величие увидеть.
Мы не одни...
Иоанна

Как? и отец? он здесь...
Он здесь... но где же он? Зачем он скрылся?
Алина

Отца здесь нет.
Иоанна

О боже! нет!.. ужели
Свое дитя он видеть не хотел?
Но с вами он хотя благословенье
Свое прислал мне...
Луиза

Он не знал, что мы
Сюда пошли...
Иоанна

Не знал? Но для чего ж
Не знал он?.. Вы молчите, вы глаза
Потупили?.. Скажите, где отец?
Алина

С тех пор, как ты ушла...
Луиза

(делая ей знаки)

Алина!
Алина

Он
Задумчив стал.
Иоанна

Задумчив?
Луиза

Будь спокойна;
Ты лучше нас отца, Жаннета, знаешь;
Его всегда предчувствие тревожит;
Но он утешится, когда мы скажем,
что видели тебя, что ты жива
И счастлива.
Алина

Не правда ли, Жаннета,
Ты счастлива? Чему ж и быть иному
В такой чести, в такой великой славе?
Иоанна

Ах! счастлива; я с вами, ваш голос

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu

Опять услышала; он мне напомнил
Отечество, домашние луга;
Там я пасла стада свои беспечно;
Там счастлива была я, как в раю..
И не видать уж мне такого счастья.
(Скрывает лицо на груди Луизы)

Арман, Этьен и Берtrand показываются в отдалении и не смеют подойти.

Алина

Арман, Этьен, не бойтесь, подойдите,
Сестра узнала нас; она все так же
Смиренна и тиха; и к нам теперь
Гораздо ласковей, чем прежде.
Они приближаются и хотят подать ей руку; Иоанна смотрит на них неподвижными
глазами и впадает в задумчивость; потом говорит в изумлении.

Иоанна

Где я?
Мои друзья, не правда ль? Все то было
Один лишь долгий сон? Я в Дом-Реми;
Под деревом друидов я заснула;
Теперь проснулася, и вокруг меня
Знакомые, приветливые лица
Моих родных? Об этих королях,
Сраженьях, подвигах мне только снилось:
То были тени; вокруг меня они
Носились под тем волшебным дубом,
Иначе как зайти вам в Реймс? Как мне
Самой быть в Реймсе? Нет, не покидала
Я Дом-Реми; признайтесь, друзья,
Обрадуйте мне сердце.
Луиза

Нет, мы в Реймсе,
Иоанна, и тебе не снилось; ты
Великое свершила наяву;
Опомнись, погляди вокруг себя,
Дотронься до своих блестящих лат.
Иоанна кладет руку на грудь, приходит в себя и вздрагивает.

Берtrand

Тебе твой шлем из рук моих достался.
Арман

Не диво, что тебе все это мнится
Чудесным сном; какой быть может сон
Чудеснее того, что ты свершила?
Иоанна

Ах! убежим; я с вами возвращусь
К отцу, в село.
Луиза

Так, милая, пойдем.
Иоанна

Они меня здесь славят без заслуги;
Но с вами я, друзья, была младенцем;
Вы слабою меня знавали, вы
Не мыслите меня боготворить –
Вы любите меня.
Алина

Ты хочешь бросить

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu
Свое величие?
Иоанна

□□□□Хочу, друзья,
С себя сорвать убор тот ненавистный,
Который нас сердцами разлучил;
Хочу опять пастушкой быть смиренной,
Покорною рабою вам служить
И горестным загладить покаяньем
Безумное величие мое.
Трубы.

Явление X

Король выходит из церкви в короне и порфире, Агнеса, архиепископ, герцог Бургундский, Дюнуа, Ла Гир, Дю Шатель, рыцари, придворные, народ.

Народ

(кричит во время шествия короля)

Да здравствует король!
Гремят трубы; по мановению короля герольды подают знак, и все умолкает.

Король

□□□□Народ мой добрый,
Благодарю за верность и любовь.
Мне отдал бог отцов моих корону,
Народа меч ее завоевал;
Еще на ней кровь подданных видна,
Но мир ее оливою украсит.
Благодарим защитников престола,
А нашим всем врагам даем прощенье;
К нам милостив господь всевышний был –
И первое будь наше слово: милость.
Народ

Да здравствует король!
Король

□□□□досель незримо
Сам бог венчал французских королей,
Но видимо из рук его прияли
Мы свой венец.
(Указывая на Иоанну)

□□□Народ, перед тобою
Чудесная посланница небес;
Она престол законный защитила,
Она разрушила пришельца власть;
Ее пускай народная любовь
Защитницей отечества признает,
Да будет ей воздвигнут здесь алтарь.
Народ

Да здравствует спасительница-дева!
Трубы.

Король

(к Иоанне)

Скажи, когда ты нам равна породой,
Какое здесь тебе угодно счастье?
Но если ты сошла на время с неба,
Чтоб нас спасти под видом смертной девы,
То просвети земные наши очи;
Преобразись, дай видеть нам твой светлый,

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu
Бессмертный лик, в каком тебя лишь небо
Видало, чтоб тебя могли мы в прахе
Боготворить.
Всеобщее молчание; все глядят на Иоанну.

Иоанна

(вдруг восклицает)

□□□О боже! мой отец!

Явление XI

Тибо выходит из толпы и становится прямо против Иоанны.

Множество голосов

Ее отец!

Тибо

□□□Так, горестный, несчастный
Ее отец, пришедший сам предать
На суд свое дитя.
Герцог

□□□□Что это значит?

Дю Шатель

Ужасный свет увидим мы теперь.

Тибо

(к королю)

Ты думаешь: могущество небес
Тебя спасло – ты, государь, обманут;
Народ, ты ослеплен; вы спасены
Искусством адовым.
Все отступают в ужасе.

Дюнуа

□□□□Безумство!

Тибо

□□□□Нет!

Безумец ты и все вы! Как поверить,
Чтобы господь, создатель, вседержитель
Себя явил в такой ничтожной твари?
Увидим мы: перед лицом отца
Отважится ль она обман свой хитрый,
Которым вас прельстила, подтвердить?
Ответствуй мне во имя трисвятого:
Принадлежишь ли ты к святым и чистым?
Всеобщее молчание; все глаза устремлены на Иоанну; она стоит неподвижно.

Агнеса

Она молчит!

Тибо

□□□Она должна молчать
Пред именем, пред коим ад и небо
Безмолвствуют. Она – святая, небом
Нам посланная? Нет, на месте страшном,
Под деревом волшебным, где издревле
Нечистый дух гнездится, было все
Придуманно; там вечность продала
Она врагу, чтоб славою минутной
Здесь, на земле, ее он возвеличил.
Герцог

Ужасно!.. Но отцу поверить должно;
Отцу ли дочь свою оклеветать!
Дюнуа

Безумец, кто жестокому безумцу,
Губящему детей своих, поверит?
Агнеса

(к Иоанне)

Ах! отвечай; молю тебя, прерви
Ужасное твое молчанье; мы
Не усомнимся; нас единым словом
Из уст твоих ты можешь убедить;
Но отвечай; отвергни клевету,
Скажи, что ты невинна, и поверим.
Иоанна молчит.

(Агнеса отступает от нее с ужасом)

Ла Гир

Она испугана; внезапный ужас
Сковал язык ее; сам божий ангел
От клеветы такой оцепенеет...
Приди в себя, очувствуйся; невинность
Имеет взгляд непобедимо сильный;
Как молния, сразит он клевету;
Иоанна, подыми свой чистый взор,
Воздвигнися во гневе благородном,
Чтоб пристыдить, чтоб наказать сомненье,
Срамящее святую добродетель.
Иоанна молчит; Ла Гир, ужаснувшись, отступает; движение в народе увеличивается.

Дюнуа

Почто дрожит народ? Чего страшатся
Вожди и рыцари? Она невинна.
Я княжеским моим ручаюсь словом;
И здесь бросаю я перчатку; кто
Отважится назвать ее виновной?
Сильный удар грома; все трепещут.

Тибо

От имени гремящего там бога
Я говорю: Иоанна, отвечай,
Скажи, что ты невинна, что врага*
Нет в сердце у тебя*, и в клевете
Изобличи отца.
Другой, сильнейший удар; народ разбегается во все стороны.

Герцог

□□□□! защити,
Создатель, нас! какие страшны знаки!
Дю Шатель

(королю)

Уйдите, государь.
Архиепископ

□□□□Я вопрошаю
Во имя бога: что велит тебе
Молчать – твоя невинность иль вина?
Ты слышала гремящий божий голос?

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu
Возьми сей крест – когда он за тебя.
Иоанна стоит неподвижно; новые сильные удары грома; король, Агнеса, архиепископ,
герцог, Ла Гир и Дю Шатель уходят.

явление XII
Дюнуа, Иоанна.

Дюнуа

Иоанна, я назвал тебя невестой;
Я с первого тебе поверил взгляда;
Так думаю я и теперь; я верю
Иоанне более, чем этим знакам,
Чем говорящему на небе грому.
Понятно мне молчание твое:
То благородный гнев; себя закрыв
Святой невинностью, ты подозренью
Презренному не хочешь дать ответа;
Пренебреги его – но мне откройся;
Я в чистоте твоей не усомнился;
Не говори ни слова; дай лишь руку
В залог, что ты себя моей руке
И делу правому вверяешь смело.
(Он подает ей руку; она отворачивается с трепетом; Дюнуа смотрит на нее в
изумлении и ужасе)

явление XIII
Иоанна, Дю Шатель, Дюнуа, потом Раймонд.

Дю Шатель

Иоанна д'Арк, король тебе позволил
Покинуть Реймс; тебе отворены
Ворота; не страшись – никто тебя
Не оскорбит; король твоя защита..
Граф Дюнуа, вам быть здесь неприлично;
Какой конец!..
Он уходит; Дюнуа несколько времени молчит, потом бросает взгляд на Иоанну и
медленно удаляется; Иоанна остается одна; наконец является Раймонд; он
останавливается в отдалении, смотрит на нее в горестном молчании; потом подходит
к ней и берет ее за руку.

Раймонд

□□□Воспользуйся минутой;
На улицах все пусто; дай мне руку;
Иди за мной; я буду твой защитник.
При взгляде на него она подает первый знак чувства; смотрит быстро ему в лицо,
потом на небо; потом с живостью берет его за руку, и они уходят.

Действие пятое

явление I

Густой, дикий лес; вдали хижина угольщика; темно; ужасная гроза; слышны
выстрелы. Угольщик и его жена.

Угольщик

Какая сильная гроза! все небо
В огне; среди бела дня ночь, и страшно
Бушует ветер. Видишь ли, как гнутся
Деревья, как бунтуют их вершины?
И эта на небе война – пред нею
И дикий зверь смиряется и робко
В свой темный лог уходит – лишь одних
Людей она не может усмирить:
Сквозь шум грозы, сквозь гром и вихорь слышны
Мне выстрелы; и оба войска так
Одно к другому близко, что теперь

Лишь только этот лес их разделяет;
Того и жди, что битва загорится.
Жена

Помилуй нас, господь; враги разбиты
Уж наголову были; отчего ж
Они опять так сделались отважны?
Угольщик

Уж им теперь король наш не опасен;
С тех пор как дева стала в Реймсе ведьмой,
Нечистый дух нам боле не помощник,
И все пошло вверх дном.
Жена

□□□□Смотри, смотри,
Кто там идет?
Явление II
Те же, Иоанна, Раймонд.

Раймонд

□□□Здесь хижина, Иоанна;
Иди за мной, мы здесь найдем приют;
Ты выбилась из сил; уж третий день,
Как по лесу безлюдному ты бродишь,
Лишь дикими кореньями питаюсь.
Гроза мало-помалу утихает; становится ясно.

Здесь угольщик живет; поди сюда,
Иоанна.
Угольщик

□□Вы устали; отдохните
У нас; чем бог послал, мы тем охотно
Вас угостим.
Жена

□□□На ней военный панцирь:
К чему это?.. Но, правда, в наше время
И женщине всего приличней латы;
Я слышала, что королева-мать
Явилась опять у англичан,
Надела шлем и панцирь и живет
В их лагере, как ратник; и давно ли
Пастушка, дочь крестьянина простого,
За короля сражалась?..
Угольщик

□□□□Замолчи;
Поди из хижины ей принеси
Напиться.
Она уходит в хижину.

Раймонд

□□Видишь ли, Иоанна? Люди
Не все безжалостны, и в диком лесе
Есть добрые сердца; развеселись;
Гроза прошла, на небе ясно, солнце
В безоблачном сиянии заходит.
Угольщик

Конечно, вы идете к нашим войскам;
Остерегитесь: здесь недалеко
Поставили свой лагерь англичане,
И по лесу ежеминутно бродят
Отряды их.

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
Раймонд

□□□Беда нам; как от них
Спастишь?
Угольщик

□□Останьтесь здесь; мой мальчик скоро
Воротится из города; он вас
Оврагами лесными проведет
В французский лагерь; нам тропинки все
Знакомы здесь.
Раймонд

(Иоанне)

□□□Сними свой шлем и панцирь;
Они тебя не защитят, лишь только
Врагам откроют.
Иоанна трясет головою.

Угольщик

□□□Отчего она
Такая грустная?.. Но тише, кто там?
Явление III
Угольщикова жена выходит из хижины со стаканом воды, сын их и прежние.

Жена

Наш мальчик; он из Реймса воротился.
Пей с богом.
(Подает Иоанне стакан)

Угольщик

□□Что ты скажешь? Что там слышно?
Сын

(увидя, что мать его подает стакан Иоанне, и узнав ее, бросается к ней и
вырывает из рук ее стакан)

Прочь! что ты делаешь? Кому напиться
Ты принесла?.. Ведь это чародейка.
Угольщик и жена его

(вместе)

Помилуй нас небесный царь.
(Крестятся и убегают)

Явление IV
Раймонд, Иоанна.

Иоанна

(с кротостию)

□□□□Ты видишь!
Проклятие за мною по следам;
Все от меня бежит; беги и ты;
Спасайся, друг; покинь меня.
Раймонд

□□□□Тебя
Покинуть! мне! теперь!.. но кто же будет
Твоим проводником?
Иоанна

Я не одна;
Есть проводник; ты слышал гром небесный;
Моя судьба ведет меня; я к цели
Моей, и не искав ее, дойду.
Раймонд

Но этот лес опасен: англичане
Толпятся здесь; они клялись тебе
Отмстить. А там французы; и они
Против тебя... Куда же ты пойдешь?
Иоанна

Чему не должно быть, того со мной
Не будет.
Раймонд

Кто ж тебе здесь пищи станет
Искать? Кто здесь тебя оборонит
От зверя дикого, от злых людей?
Кто будет за тобой ходить в болезни
И нищете?
Иоанна

Я знаю все коренья
И травы – от овец я научилась
Целебные от вредных отличать;
Я знаю ход светил и облаков;
Мне внятен шум потоков сокровенных...
Для человека здесь не много нужно;
Природа жизнь богата.
Раймонд

Правда;
Но должно бы тебе войти в себя,
Покаяться, и примириться с богом,
И возвратиться в недра церкви...
Иоанна

Друг,
И ты меня винишь?
Раймонд

Я принужден;
Твое безмолвное признание...
Иоанна

Как?
Ты, не покинувший меня в беде,
Единое мне верное творенье,
Ты, мне отдавшийся, когда весь свет
Отрекся от меня, и ты считаешь
Меня отступницей, забывшей бога!..
Раймонд молчит.

Ах! это тяжело.
Раймонд

Как, в самом деле,
Ты не волшебница, Иоанна?
Иоанна

Я
Волшебница!
Раймонд

А эти чудеса,
Ты с помощью небесной их свершила?
Иоанна

С какою же иной?
Раймонд

Но для чего же
Молчала ты пред страшным обвиненьем?
Теперь ты говоришь; а при народе,
При короле, где ты должна была
Ответствовать, была ты как немая.
Иоанна

Я той судьбе в молчанье покорилась,
Которую мой бог, мой повелитель,
Назначил мне.
Раймонд

Но разве дать ответа
Ты не могла отцу?
Иоанна

От бога было,
Что было от отца; и испытанье
Отеческое будет.
Раймонд

Голос неба
Твою вину свидетельствовал им.
Иоанна

И потому, что небо говорило,
Молчала я.
Раймонд

Как? Ты единым словом
Могла очиститься – и ты решилась
Оставить свет в погибельном обмане?
Иоанна

То не обман; то было испытанье.
Раймонд

И этот стыд стерпела ты безвинно,
С покорностью, без ропотного слова?
О! я тебе дивлюсь; мой ум мутится;
В моей груди поворотилось сердце;
Я сам твоей вины не постигал,
И сладко мне словам твоим поверить...
Но кто б вообразил, что сердце в силах
Безмолвствовать пред ужасом таким?
Иоанна

Была ли б я посланницею бога,
Когда б его не чтитла слепо власти?
И я не так несчастна, как ты мыслишь;
Я в нищете – но в низкой нашей доле
Несчастье ль нищета? Меня изгнали,
Нет места, где мне голову склонить –
Но знать себя в степи я научилась;
Лишь там была борьба в моей душе,
Где вокруг меня сияла честь; весь свет
Моей судьбе завидовал, а я
Была несчастней всех... Но все прошло;
И я исцелена; и эта буря,
Грозившая природе разрушеньем,
Была мне друг; с землею и меня
Она очистила; во мне спокойно;
Пусть будет то, чему быть должно, – я
Уж слабости не ведаю в себе.

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
Раймонд

Пойдем, пойдем, изобличим неправду,
Пускай твою невинность свет узнает.
Иоанна

Кто ослепил их очи, тот один
И просветит их; не дозревши, плод
Судьбы не упадет; наступит день –
И буду я оправдана пред ними;
И кто теперь меня клянет и гонит,
Тот свой обман признает, и в слезах
Моей судьбе отказано не будет.
Раймонд

Как, буду ль ждать в молчании, чтоб случай...
Иоанна

(с кротостью взяв его за руку)

Друг, ты одно естественное видишь;
И пелена земная омрачает
Твой взор – но я бессмертное глазами
Здесь видела... Без бога не падет
И волос с нашей головы. Взгляни
На заходящее там солнце – завтра
Оно опять взойдет среди сиянья;
Так верно день наступит оправданья.
Явление V
Королева Изабелла с солдатами и прежние.

Королева

(еще за сценою)

Здесь в лагерь английский дорога.
Раймонд

□□□□Боже!
Погибли! неприятель!
Солдаты выходят на сцену; увидя Иоанну, они отступают в ужасе.

Королева

□□□□Что случилось?
Что испугало вас? Куда бежите?
(Увидя Иоанну, невольно содрогается)

Что вижу я?
(Одумавшись, быстро к ней подходит)

□□□Остановися, сдайся;
Ты пленница моя.
Иоанна

□□□□Сдаюсь.
Раймонд убегает в отчаянии.

Королева

□□□□В оковы!
Солдаты робко подходят к Иоанне; она протягивает руку; на нее налагают цепи.

Вот та ужасная, перед которой
В сраженьи вы, как овцы, разбегались;
Она себя не в силах защитит;
Чудесная для тех, кто верил чуду;
Лишь женщина при встрече с твердым мужем.

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
(К Иоанне)

Зачем покинула ты войско? Где
Граф Дюнуа, твой рыцарь и защитник?
Иоанна

Меня изгнали.
Королева

□□□Как, тебя изгнали?
Мой сын тебя изгнал?
Иоанна

□□□□К чему вопросы?
Я пленница твоя; реши мой жребий.
Королева

Изгнал; за то, что был тобой спасен
От гибели, и в Реймсе коронован,
И королем французским сделан; в этом
Я сына узнаю... Вы! отведите
Ее в наш лагерь; пусть увидит войско
Страшилище, пугавшее его;
Она волшебница? В безумстве вашем
И в вашей робости – ее волшебство;
Она сама безумная: она
За короля пожертвовала жизнью –
И королевскую теперь награду
Пускай узнает. – Прямо к Лионелю
Ее ведите; я ему с ней вместе
Передаю окованное счастье
Французов... Я сама за вами скоро
Последую; идите.
Иоанна

□□□□К Лионелю?
Нет, лучше умертви меня.
Королева

□□□□Идите.
(Уходит с частью солдат)

Явление VI
Иоанна, солдаты.

Иоанна

(к солдатам)

Британцы, вы ль потерпите, чтоб я
Из ваших рук живая вышла? Выньте
Мечи; вонзите их мне в сердце, бросьте
К ногам вождя мой труп окровавленный:
О! вспомните, что я храбрейших ваших
Товарищей сразила беспощадно,
Что я лила ручьями кровь британцев.
Что от меня столь многие из вас
С отчизною свиданья лишены;
Отмстите мне; убийцу умертвите;
Она у вас в руках; вы не всегда
Столь слабою увидите ее.
Начальник

Исполните, что велено.
Иоанна

□□□□О боже!
Ужель мне быть несчастною вполне?..

Владычица, иль ты непримирима?
Иль я совсем отвержена тобою?
Не внемлет бог; не сходит божий ангел;
Спят чудеса; и небо затворилось.
(Следует за солдатами)

Явление VII
Французский лагерь.

Дюнуа, архиепископ, Дю Шатель.

Архиепископ

Спокой твое негодование, принц;
Король нас ждет; ужель теперь покинешь
Ты дело общее, когда все гибнет,
Когда рука могущая в защиту
Отечеству нужна?
Дюнуа

□□□□Но что причиной
Нам новых бед? Что подняло врага?
Все было решено: победа наша;
Враг истреблен; окончена война...
Спасительницу вы изгнали – сами
Теперь спасайтесь; а мне противен
Тот лагерь, где ее уж боле нет.
Дю Шатель

Не отпускай нас, принц, с таким ответом.
Подумай...
Дюнуа

□□Дю Шатель, молчи; тебя
Я ненавижу; ты мой первый враг;
В ее душе ты первый усомнился.
Архиепископ

Но кто ж из нас мог веру сохранить
В тот страшный день, когда сам божий гром
Против нее свидетельствовал с неба?
Мы были все поражены; кто мог
При ужасе таком не обезуметь?..
Но заблуждение прошло; мы видим
Ее опять в той прелести, в какой
Она являлась нам, и в страхе мыслим,
Что тяжкая неправда совершилась;
Король раскаялся; Бургундский герцог
Себя винит; в отчаянье Ла Гир,
И мрачная унылость в каждом сердце.
Дюнуа

Она обманщица? О! если б с неба
Святая истина сойти хотела –
Ее черты она бы приняла;
И если где живут здесь на земле
Невинность, верность, правда, чистота –
То на ее устах, то в светлом взоре
Ей жить должно им.
Архиепископ

□□□Лишь чуду свыше
Рассеять мрак ужасной этой тайны,
Для ока смертного непостижимой;
Но что ни совершись – всё мы виновны
В одном: иль мы в союзе были с адом,
Иль божию посланницу изгнали;
И вышний гнев за наше преступленье

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
Несчастное отечество казнит.
Явление VIII
Паж, прежние, потом Раймонд.

Паж

Граф, молодой пастух пришел к вам; он
Усильно просит, чтоб ему вам лично
Сказать два слова дали; он о деве
Известие принес.
Дюнуа

□□□□Скорей ввести
Его сюда!.. известие о ней!
(Бежит навстречу к Раймонду)

Где, где она?
Раймонд

□□□Благодаренье богу,
Что с вами здесь святой наш архипастырь,
Несчастливых друг, подпора притесненных;
Он будет мой заступник.
Дюнуа

□□□□Где Иоанна?
Архиепископ

Ответствуй нам, мой сын.
Раймонд

□□□□Ах! верьте мне,
Не хитрая волшебница она.
Свидетель бог и все его святые;
Вы и народ обмануты; невинность
Изгнали вы; посланницу господню
Отвергнули.
Дюнуа

□□□Но где она? Скажи.
Раймонд

Я был ее проводником; в Арденнском
Лесу скитались мы, и там она
Все исповедала передо мною;
Я в муках умереть готов, и царства
Небесного пускай мне не видать,
Когда она, как ангел, не безгрешна.
Дюнуа

Сам божий день души ее не чище;
Но где она?
Раймонд

□□□О! если вам господь
К ней душу обратил – то поспешите
Ее спасти; она у англичан
В плену.
Дюнуа

□□В плену!
Архиепископ

□□□Несчастливая!
Раймонд

□□□□В Арденнах,
Где вместе мы пристанища искали,

Попалась нам навстречу королева;
Она ее велела оковать
И в неприятельский послала лагерь...
Погибнуть в муках ей; о! поспешите
С защитою к защитнице своей.
Дюнуа

К оружию! бей сбор! все войско в строй!
Вся Франция беги за нами в бой;
В залоге честь; обругана корона;
Разрушена престола оборона;
В руках врага палладиум святой;
Всё за нее; всей крови нашей мало.
(Обнажает меч)

Спасти ее во что бы то ни стало.
(Уходит)

Явление IX

Башня; наверху ее отверстие. Иоанна, Лионель, Фастольф, потом королева.

Фастольф

(входя)

Не укротить бунтующий народ;
Как бешеный, он требует, чтоб выдал
Ты пленницу ему на жертву; силой
Его не одолеть; убей ее
И выбрось к ним ее кровавый труп;
Другим ничем не усмирится войско.
Королева

(входит)

Уж лестницы приставлены к стене;
Хотят взять приступом наш замок... Слышишь
Их крик?... Дождешься ли, чтоб силой
Они сюда вломились? Мы погибнем;
Ее не защитить; отдай ее.
Лионель

Пускай бунтуют; мне не страшен приступ;
Мой замок крепок; я скорей в его
Обломках погребусь, чем дерзкой воле
Бунтовщиков поддамся... Отвечай,
Иоанна, мне; решился быть моею –
И за тебя я драться с целым светом
Готов.
Королева

Стыдись, британский вождь.
Лионель

□□□□ТВОИ

Отвергнули тебя; неблагодарной
Отчизне ты ничем уж не должна;
Предатели, спасенные тобою,
Тебя покинули – они не смели
За честь твою сразиться; я ж осмелюсь
С моим, с твоим народом за тебя
Сразиться... Мне казалось прежде,
Что жизнь мою ты дорожила;
Тогда врагом стоял я пред тобою –
А ныне я единственный твой друг.
Иоанна

Из всех врагов народа моего

Ты ненавистнейший мне враг; меж нами
Быть общего не может; не могу
Тебя любить... Но если ты склонен
Ко мне душой, то пусть во благо будет
Твоя любовь для наших двух народов;
Вели твоим полкам мою отчизну
Немедленно покинуть; возврати
Мне все ключи французских городов,
Похищенных войной; отдай всех пленных
Без выкупа; вознагради за все,
Что здесь разорено, и дай залого
Священной верности – тогда тебе
От имени монарха моего
Я предлагаю мир.
Королева

□□□□Ты смеешь нам,
Безумная, в цепях давать законы?
Иоанна

Решись завременно; ты должен будешь
Решиться; Франции не одолеть;
Нет, нет, тому не быть! скорей она
Для ваших войск обширным гробом будет.
Храбрейшие из вас погибли; вспомни
О родине; подумай о возврате;
Уже давно пропала ваша слава;
И вашего могущества уж нет.
Явление X

Один из военачальников входит поспешно.

Военачальник

Скорее, вождь, устрой полки в сраженье;
Французское поколебалось войско;
Они идут, знамена распустив;
Долина вся оружием сверкает.
Иоанна

Идут, идут! теперь вооружись,
Британия! теперь отведай силы!
Ударил час; увидим, чья победа!
Фастольф

Безумная, твоя напрасна радость;
Из этих стен живая ты не выйдешь!
Иоанна

Пускай умру – народ мой победит;
Для храбрых я уж боле не нужна.
Лионель

Я презираю их; во всех сраженьях
Мы с ними ладили, доколе эта
Рука за них не поднялась. Меж ними
Одна была достойна уваженья;
И ту они изгнали... Друг, пойдем;
Теперь наш час; пришла пора напомнить
Им страшный день Креки и Пуатье.
Вы, королева, здесь останьтесь; вам
Вверяю пленницу.
Фастольф

□□□□Как? нам ее
Покинуть за собой?
Иоанна

□□□□Стыдися, воин,

Ты женщины окованной робеешь.
Лионель

(Иоанне)

Дай слово мне, что ты искать свободы
Не станешь.
Иоанна

□□Нет, свободу возвратить
Живейшее желание мое.
Королева

В тройную цепь ее закуйте; жизнью
Клянусь вам, что она не убежит.
На Иоанну налагают цепи, которые окружают и руки ее и все тело.

Лионель

Иоанна, ты сама того хотела;
Еще не поздно; будь за нас и знамя
Британское возьми, и ты свободна;
И те враги, которые так крови
Твоей хотят, твою признают волю.
Фастольф

Пойдем, пойдем.
Иоанна

□□□Не трать напрасно слов;
Они идут: спешి обороняться.
Трубы; Лионель уходит.

Фастольф

Вы знаете, что делать, королева,
Когда не к нам наклонится фортуна,
Когда не мы победу...
Королева

(вынимая кинжал)

□□□□Будь спокоен;
Я ей не дам торжествовать.
Фастольф

(Иоанне)

□□□□Теперь
Ты знаешь жребий свой; молися ж небу,
Чтоб твой народ оно благословило.
(Уходит)

Явление XI
Иоанна, королева, солдаты.

Иоанна

Я буду за него молиться; кто
Язык мой окует?.. Но что я слышу?
Военный марш народа моего;
Как мужественно он гремит мне в душу!
Победа Франции! Британцам гибель!
Вперед, мои бесстрашные, вперед!
Иоанна близко; знамя перед вами
Она нести не может, как бывало;
Она в цепях – но дух ее свободно
Стремится в бой за вашей бранной песнью.

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
Королева

(одному из солдат)

Взойди на башню; с ней все поле видно;
Рассказывай, что там случится..
Солдат всходит на башню.

Иоанна

□□□□Дружно!
Мужайся, мой народ! то бой последний;
Еще победа – и врага не стало!
Королева

Что видишь там?
Солдат

□□□Сошлись... Вот кто-то скачет,
Как бешеный, на вороном коне,
Покрытый тигром; вслед за ним жандармы*.
Иоанна

Граф Дюнуа! вперед, мой бодрый витязь!
Победа там, где ты.
Солдат

□□□□Бургундский герцог
Ударил на мост.
Королева

□□□Смерть тебе, предатель!
Солдат

Ему Фастольф дорогу заступил;
Сошли с коней – дерутся, грудь на грудь –
Бургундцы с нашими перемешались.
Королева

Узнал ли ты дофина? Не видать ли
Там королевских знаков?
Солдат

□□□□Все в пыли
Смешалось; ничего не различишь.
Иоанна

Когда б мой взор имел он иль на башне
Стояла я – ничто б не ускользнуло
От зоркости моей; и вдалеке
От ворона орла б я отличила.
Солдат

Теперь во рву ужасная тревога..
Тут все вожди..
Королева

□□□А наше знамя?
Солдат

□□□□Веет.
Иоанна

О! если б я хотя в пролом стены
Смотреть на них могла; тогда б и взор мой
Сражением повелевал.
Солдат

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu

□□□□Бегут!
Бегут! победа!
Королева

□□□кто бежит?
Солдат

□□□□Французы!
Бургундцы; поле все покрылось ими.
Иоанна

О боже! до того ль меня покинешь?
Солдат

Какой-то раненый упал... на помощь
Бегут толпы... то, верно, вождь...
Королева

□□□□Француз
Иль наш?
Солдат

□□Снимают шлем; граф Дюнуа.
Иоанна

(в отчаянии порывается из цепей)

А я в цепях!
Солдат

□□□Вот кто-то в голубой
Богатой мантии с шитьем и с белым
Пером на шлеме... он несется прямо
На наших.
Иоанна

(с живостью)

□□То король, мой государь!
Солдат

Конь испугался – прынул – и упал –
Он бьется под конем – он в стременах
Запутался – к нему помчались наши –
Уж близко – вот они – он окружен.
Иоанна сопровождает каждое слово его отчаянным движением.

Иоанна

Иль ангелов на небесах не стало?
Королева

(с ругательным смехом)

Теперь пора... Защитница, спасай!
Иоанна

(бросившись на колена)

Господь, господь! в беде моей жестокой
На небеса твои, с надеждой, с верой,
В тоске, в слезах, я душу посылаю;
Всесилен ты – тончайшей паутине
Тебе легко дать крепость твердой стали;
Всесилен ты – тройным железным узам
Тебе легко дать брэнность паутины;
Ты повелишь, и цепь сия падет;
И сей тюрьмы расступится стена;

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh

Ты дивный бог, с тобой слепец Самсон
И в слабости могущество низринул;
Тебя призвав, он столб переломил –
И на врага упали своды храма.
Солдат

Победа!
Королева

□□Что?
Солдат

□□□Король взят в плен.
Иоанна

(вскочив)

□□□□Нет! с нами
Бог!

(Она схватила обеими руками свои цепи и разом перервала их; потом бросилась на
близ стоявшего воина, вырвала из рук его меч и убежала; все остались неподвижны
от изумления и ужаса)

Явление XII
Прежние, кроме Иоанны.

Королева

(после долгого молчания)

Что это? Во сне ль я? Где она?
И эту цепь она перервала!
Своим глазам поверить я не смею.
Солдат

(с башни)

Она на крыльях; вихрем мчится.
Королева

□□□□Где
Она?
Солдат

□□Ударил в средину битвы;
Мой взор за ней не поспевает – вдруг
И там, и тут, и в тысяче местах
Является она – там раздвоит
Толпу – там сломит строй – все перед ней
Бежит и падает – французы стали,
Опять построились – о горе! наши
Рассыпались – оружие бросают –
Знамена пали...
Королева

□□□Как? Ужель она
Отымет верную у нас победу?
Солдат

Она пробилась к королю – и сильной
Рукою вырвала его из битвы –
К ней бросился Фастольф – он опрокинут –
Вождь окружен – его схватили.
Королева

□□□□Стой,
Ни слова более сойди!
Солдат

□□□□Бегите!
Спасайтесь! они хотят ударить
На замок наш.
(Сходит с башни)

Королева

(вынимая меч)

□□□Обороняйтесь! стойте!
Явление XIII
Ла Гир вбегает с солдатами; королевины солдаты бросают оружие.

Ла Гир

(почтительно входя к ней)

Поддайтесь победе, королева;
Все ваши рыцари в плену; без нужды
Не должно крови лить; мои услуги
Я предлагаю вам... Куда велите
Вас проводить?
Королева

□□□Туда, где нет дофина;
Мне все равно, лишь бы его не встретить.
(Отдает меч и следует за Ла Гиром)

Явление XIV
Поле сражения; назади сцены солдаты с распущенными знаменами; впереди король и герцог Бургундский; на руках у них лежит Иоанна, смертельно раненная и неподвижная; они тихо подвигаются вперед; Агнеса вбегает.

Агнеса

(бросаясь к королю)

Ты жив, освобожден, ты снова мой!
Король

Освобожден... но вот цена свободы;
Смотри!
(Указывает на Иоанну)

Агнеса

□□Иоанна! Боже! умирает.
Герцог

Скончалась; улетел наш ангел; тихо,
Безгорестно, как спящее дитя,
Она лежит, и райский мир сияет
В чертах ее лица; уже дыханье
Не подымает груди ей; но жизнь
Чувствительна еще в руке горячей.
Король

Ее уж нет; она уж не проснется;
Ее глаза померкли для земного;
И с высоты преобразенный ангел
Не зрит ни слез, ни угрызений наших.
Агнеса

Она жива; она глаза открыла.
Герцог

Иль хочешь к нам из гроба воротиться?

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
Иль смерть покорна ей?.. Она встает.
Иоанна

(осматриваясь)

Где я?
Герцог

□□С твоим народом, посреди
Твоих, Иоанна.
Король

□□□Здесь твои друзья;
Здесь твой король.
Иоанна

(долго смотрев неподвижными
глазами)

□□□Ах! нет! вы в заблужденье;
Я не волшебница.
Король

□□□□Ты ангел чистый;
Мы были слепы; наш был ум в затменье.
Иоанна

(осматриваясь с веселой улыбкою)

Итак, опять с народом я моим;
И не отвержена; и не в презренье;
И не клянут меня; и я любима...
Так! все теперь опять я узнаю:
Вот мой король... вот Франции знамена...
Но моего не вижу... Где оно?
Без знамени явиться не могу;
Его мой бог, владыка мой мне вверил;
Его должна перед господний трон
Я положить; теперь с ним показаться
Я смею: я ему не изменила.
Король

(отвратив глаза)

Подайте знамя... вот оно; возьми.
Она берет его, подымается и стоит, никем не будучи поддерживаема; небо сияет
ярким блеском.

Иоанна

Смотрите, радуга на небесах;
Растворены врата их золотые;
Средь ангелов – на персях вечный сын –
В божественных лучах стоит она
И с милостью ко мне простерла руки;
О, что со мною?.. Мой тяжелый панцирь
Стал легкою крылатою одеждой...
Я в облаках... я мчуся быстротечно...
Туда... туда... земля ушла из глаз;
Минута скорбь, блаженство бесконечно.
Знамя выпадает из рук ее, и она, мертвая, на него опускается – все стоят в
горестном молчании. Король подает знак, и тихо склоняют на нее все знамена, так
что она совершенно ими закрыта.

Сказки

Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-Царевиче, о хитростях Кощея
Бессмертного и о премудрости Марьи-Царевны, Кощеевой дочери*

Жил-был царь Берендей до колен борода. Уж три года
Был он женат и жил в согласье с женою; но все им
Бог детей не давал, и было царю то прискорбно.
Нужда случилась царю осмотреть свое государство;
Он простился с царицей и восемь месяцев ровно
Пробыл в отлучке. Девятый был месяц в исходе, когда он,
К царской столице своей подъезжая, на поле чистом
В знойный день отдохнуть рассудил; разбили палатку;
Душно стало царю под палаткой, и смерть захотелось
Выпить студеной воды. Но поле было безводно...
Как быть, что делать? А плохо приходит; вот он решился
Сам объехать все поле: авось, попадетса на счастье
Где-нибудь ключ. Поехал и видит колодезь. Поспешно
Спрянув с коня, заглянул он в него: он полон водою
Вплоть до самых краев; золотой на поверхности ковшик
Плавает. Царь Берендей поспешно за ковшик – не тут-то
Было: ковшик прочь от руки. За янтарную ручку
Царь с нетерпеньем то правой рукою, то левой хватает
Ковшик; но ручка, проворно виляя и вправо и влево,
Только что дразнит царя и никак не дается.
Что за причина? Вот он, выждавши время, чтоб ковшик
Стал на место, хватъ его разом справа и слева –
Как бы не так! Из рук ускользнувши, как рыбка нырнул он
Прямо на дно колодца и снова потом на поверхность
Выплыл, как будто ни в чем не бывал. «Постой же! (подумал
Царь Берендей) я напьюсь без тебя», и, недолго сбираясь,
Жадно прильнул он губами к воде и струю ключевую
Начал тянуть, не заботясь о том, что в воде утонула
Вся его борода. Напившись вдоволь, поднять он
Голову хочет... ан нет, погоди! не пускают; и кто-то
Царскую бороду держит. Упершись в ограду колодца,
Силится он оторваться, трясет, вертит головою –
Держат его, да и только. «Кто там? пустите!» – кричит он.
Нет ответа; лишь страшная смотрит со дна образина:
Два огромные глаза горят, как два изумруда;
Рот разинутый чудным смехом смеется; два ряда
Крупных жемчужин светятся в нем, и язык, меж зубами
Выставясь, дразнит царя; а в бороду впутались крепко
Вместо пальцев клешни. И вот наконец сиповатый
Голос сказал из воды: «Не трудися, царь, понапрасну;
Я тебя не пушу. Если же хочешь на волю,
Дай мне то, что есть у тебя и чего ты не знаешь».
Царь подумал: «Чего ж я не знаю? Я, кажется, знаю
Все!» И он отвечал образине: «Изволь, я согласен».
«Ладно! – опять сиповатый послышался голос. – Смотри же,
Слово сдержи, чтоб себе не нажить ни попрека, ни худа».
С этим словом исчезли клешни; образина пропала.
Честную выручив бороду, царь отряхнулся, как гоголь,
Всех придворных обрызгал, и все царю поклонились.
Сев на коня, он поехал; и долго ли, мало ли ехал,
Только уж вот он близко столицы; навстречу толпами
Сыплет народ, и пушки палят, и на всех колокольнях
Звон. И царь подъезжает к своим златоверхим палатам –
Там царица стоит на крыльце и ждет; и с царицей
Рядом первый министр; на руках он своих парчевую
Держит подушку; на ней же младенец, прекрасный как светлый
Месяц, в пеленках колышется. Царь догадался и ахнул.
«Вот оно то, чего я не знал! Уморил ты, проклятый
Демон, меня!» Так он подумал и горько, горько заплакал;
Все удивились, но слова никто не промолвил. Младенца
На руки взявши, царь Берендей любовался им долго,
Сам его взнес на крыльцо, положил в колыбельку и, горе
Скрыв про себя, по-прежнему царствовать начал. О тайне
Царской никто не узнал; но все примечали, что крепко
Царь был печален – он все дожидался; вот придут за сыном;
Днем он покоя не знал, и сна не ведал он ночью.
Время, однако, текло, а никто не являлся. Царевич
Рос не по дням – по часам; и сделался чудо-красавец.

Вот наконец и царь Берендей о том, что случилось,
Вовсе забыл... но другие не так забывчивы были.
Раз царевич, охотой в лесу забавляясь, в густую
Чащу заехал один. Он смотрит: все дико; поляна;
Черные сосны кругом; на поляне дуплистая липа.
Вдруг зашумело в дупле; он глядит: вылезает оттуда
Чудный какой-то старик, с бородою зеленой, с глазами
Также зелеными. «Здравствуй, Иван-царевич, – сказал он. –
Долго тебя дожидались мы; пора бы нас вспомнить». –
«Кто ты?» – царевич спросил. «Об этом после; теперь же
Вот что ты сделай: отцу своему, царю Берендею,
Мой поклон отнеси да скажи от меня: не пора ли,
Царь Берендей, должок заплатить? Уж давно миновалось
Время. Он сам остальное поймет. До свиданья». И с этим
Словом исчез бородатый старик. Иван же царевич
В крепкой думе поехал обратно из темного леса.
Вот он к отцу своему, царю Берендею, приходит.
«Батюшка царь-государь, – говорит он, – со мною случилось
Чудо». И он рассказал о том, что видел и слышал.
Царь Берендей побледнел как мертвец. «Беда, мой сердечный
Друг, Иван-царевич! – воскликнул он, горько заплакав. –
Видно, пришло нам расстаться!..» И страшную тайну о данной
Клятве сыну открыл он. «Не плачь, не крушися, родитель, –
Так отвечал Иван-царевич, – беда невелика.
Дай мне коня; я поеду; а ты меня дожидайся;
Тайну держи про себя, чтоб о ней здесь никто не проведал,
Даже сама государыня-матушка. Если ж назад я
К вам по прошествии целого года не буду, тогда уж
Знайте, что нет на свете меня». Снарядили как должно
В путь Ивана-царевича. Дал ему царь золотые
Латы, меч и коня вороного; царица с мощами
Крест на шею надела ему; отпели молебен;
Нежно потом обнялися, поплакали... с богом! Поехал
В путь Иван-царевич. Что-то с ним будет? Уж едет
День он, другой и третий; в исходе четвертого – солнце
Только успело зайти – подъезжает он к озеру; гладко
Озеро то, как стекло; вода наравне с берегами;
Все в окрестности пусто; румяным вечерним сияньем
Воды покрытые гаснут, и в них отразился зеленый
Берег и частый тростник – и все как будто бы дремлет;
Воздух не веет; тростинка не тронется; шороха в струйках
Светлых не слышно. Иван-царевич смотрит, и что же
Видит он? Тридцать хохлатых сереньких уток подле
Берега плавают; рядом тридцать белых сорочек
Подле воды на травке лежат. Осторожно поодаль
Слез Иван-царевич с коня; высокой травкою
Скрытый, подполз и одну из белых сорочек тихонько
Взял; потом угнезвился в кусте дожидаться, что будет.
Уточки плавают, плещутся в струйках, играют, ныряют...
Вот наконец, поиграв, поныряв, поплескавшись, подплыли
К берегу; двадцать девять из них, побежав с перевалкой
К белым сорочкам, оземь ударились, все обратились
В красных девиц, нарядились, порхнули и разом исчезли.
Только тридцатая уточка, на берег выйти не смея,
Взад и вперед одна-одинешенька с жалобным криком
Около берега бьется; с робостью вытянув шейку,
Смотрит туда и сюда, то вспорхнет, то снова присядет...
Жалко стало Ивану-царевичу. Вот он выходит
К ней из-за кустика; глядь, а она ему человеческим
Голосом вслух говорит: «Иван-царевич, отдай мне
Платье мое, я сама тебе пригожуся». Он с нею
Спорить не стал, положил на травку сорочку и, скромно
Прочь отошедши, стал за кустом. Вспорхнула на травку
Уточка. Что же вдруг видит Иван-царевич? Девица
В белой одежде стоит перед ним, молода и прекрасна
Так, что ни в сказке сказать, ни пером описать, и, краснея,
Руку ему подает и, потупив стыдливые очи,
Голосом звонким, как струны, ему говорит: «Благодарствуй,

Добрый Иван-царевич, за то, что меня ты послушал;
Тем ты себе самому услужил, но и мною доволен
Будешь: я дочь Кощей бессмертного, Марья-царевна;
Тридцать нас у него, дочерей молодых. Подземельным
Царством владеет Кощей. Он давно уж тебя поджидает
В гости и очень сердит; но ты не пекись, не заботься,
Сделай лишь то, что я тебе присоветую. Слушай:
Только завидишь Кощей-царя, упади на колена,
Прямо к нему поползи; затопают он – не пугайся;
Станет ругаться – не слушай; ползи да и только; что после
Будет, увидишь; теперь пора нам». И Марья-царевна
В землю ударила маленькой ножкой своей; расступилась
Тотчас земля, и они вместе в подземное царство спустились.
Видят дворец Кощей бессмертного; высечен был он
Весь из карбункула камня и ярче небесного солнца
Все под землей освещал. Иван-царевич отважно
Входит: Кощей сидит на престоле в светлой короне;
Блещут глаза, как два изумруда; руки с клешнями.
Только завидел его вдалеке, тотчас на колени
Стал Иван-царевич. Кощей же затопал, сверкнуло
Страшно в зеленых глазах, и так закричал он, что своды
Царства подземного дрогнули. Слово Марьи-царевны
Вспомня, пополз на карачках Иван-царевич к престолу;
Царь шумит, а царевич ползет да ползет. Напоследок
Стало царю и смешно. «Добро ты, проказник, – сказал он, –
Если тебе удалось меня рассмешить, то с тобою
Ссоры теперь заводить я не стану. Милости просим
К нам в подземельное царство; но знай, за твое послушанье
Должен ты нам отслужить три службы; сочтемся мы завтра;
Ныне уж поздно; поди». Тут два придворных проворно
Под руки взяли Ивана-царевича очень учтиво,
С ним пошли в покой, отведенный ему, отворили
Дверь, поклонились царевичу в пояс, ушли, и остался
Там он один. Беззаботно он лег на постелю и скоро
Сном глубоким заснул. На другой день рано поутру
Царь Кощей к себе Ивана-царевича кликнул:
«Ну, Иван-царевич, – сказал он, – теперь мы посмотрим,
Что-то искусен ты делать? Изволь, например, нам построить
Нынешней ночью дворец: чтоб кровля была золотая,
Стены из мрамора, окна хрустальные, вокруг регулярный
Сад, и в саду пруды с карасями; если построишь
Этот дворец, то нашу царскую милость заслужишь;
Если же нет, то прошу не пенять... головы не удержишь!» –
«Ах ты, Кощей окаянный, – Иван-царевич подумал, –
Вот что затеял, смотри пожалуй!» С тяжелой кручиной
Он возвратился к себе и сидит пригорюнясь; уж вечер;
Вот блестящая пчелка к его подлетела окошку,
Бьется об стекла – и слышит он голос: «Впусти!» Отворил он
Дверку окошка, пчелка влетела и вдруг обернулась
Марьей-царевной. «Здравствуй, Иван-царевич; о чем ты
Так призадумался?» – «Нехотя будешь задумчив, – сказал он. –
Батюшка твой до моей головы добирается». – «Что же
Сделать решился ты?» – «Что? Ничего. Пускай его снимет
Голову; двух смертей не видать, одной не минуешь». –
«Нет, мой милый Иван-царевич, не должно терять нам
Бодрости. То ли беда? Беда впереди; не печалься;
Утро вечера, знаешь ты сам, мудренее: ложися
Спать; а завтра пораньше встань; уж дворец твой построен
Будет; ты ж только ходи с молотком да постукивай в стену». –
Так все и сделалось. Утром, ни свет ни заря, из каморки
Вышел Иван-царевич... глядит, а дворец уж построен.
Чудный такой, что сказать невозможно. Кощей изумился;
Верить не хочет глазам. «Да ты хитрец не на шутку, –
Так он сказал Ивану-царевичу, – вижу, ты ловок
На руку; вот мы посмотрим, так же ли будешь догадлив.
Тридцать есть у меня дочерей, прекрасных царевен.
Завтра я всех их рядом поставлю, и должен ты будешь
Три раза мимо пройти и в третий мне раз без ошибки

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu
Младшую дочь мою, Марью-царевну, узнать; не узнаешь –
С плеч голова. Поди». – «Уж выдумал, чучела, мудрость, –
Думал Иван-царевич, сядя под окном. – Не узнать мне
Марью-царевну... какая ж тут трудность?» – «А трудность такая, –
Молвила Марья-царевна, пчелкой влетевши, – что если
я не вступлюся, то быть беде неминуемой. Всех нас
Тридцать сестер, и все на одно мы лицо; и такое
Сходство меж нами, что сам отец наш только по платью
Может нас различать». – «Ну что же мне делать?» – «А вот что:
Буду я та, у которой на правой щеке ты заметишь
Мошку. Смотри же, будь осторожен, взглядишь хорошенько,
Сделать ошибку легко. До свиданья». И пчелка исчезла.
Вот на другой день опять Ивана-царевича кличет
Царь Кощей. Царевны уж тут, и все в одинаком
Платье рядом стоят, потупив глаза. «Ну, искусник, –
Молвил Кощей, – изволь-ка пройтись три раза мимо
Этих красавиц, да в третий раз потрудись указать нам
Марью-царевну». Пошел Иван-царевич; глядит он
В оба глаза: уж подлинно сходство! И вот он проходит
В первый раз – мошки нет; проходит в другой раз – все мошки
Нет; проходит в третий и видит – крадется мошка,
Чуть заметно, по свежей щеке, а щека-то под нею
Так и горит; загорелось и в нем, и с трепещущим сердцем:
«Вот она, Марья-царевна!» – сказал он Кощей, подавши
Руку красавице с мошкой. «Э! э! да тут, примечаю,
Что-то нечисто, – Кощей проворчал, на царевича с сердцем
Выпучив оба зеленые глаза. – Правда, узнал ты
Марью-царевну, но как узнал? Вот тут-то и хитрость;
Верно, с грехом пополам. Погоди же, теперь доберуся
я до тебя. Часа через три ты опять к нам пожалуй;
Рады мы гостю, а ты нам свою премудрость на деле
Здесь покажи: зажгу я соломинку; ты же, покуда
Будет гореть та соломинка, здесь, не трогаясь с места,
Сшей мне пару сапог с оторочкой; не диво; да только
Знай наперед: не сошьешь – долой голова; до свиданья».
Зол возвратился к себе Иван-царевич, а пчелка
Марья-царевна уж там. «Отчего опять так задумчив,
Милый Иван-царевич?» – спросила она. «Поневоле
Будешь задумчив, – он ей отвечал. – Отец твой затеял
Новую шутку: шей я ему сапоги с оторочкой;
Разве какой я сапожник? Я царский сын; я не хуже
Родом его. Кощей он бессмертный! видали мы много
Этих бессмертных». – «Иван-царевич, да что же ты будешь
делать?» – «Что мне тут делать? Шить сапогов я не стану.
Снимет он голову – черт с ним, с собакой! какая мне нужда!» –
«Нет, мой милый, ведь мы теперь жених и невеста;
я постараюсь избавить тебя; мы вместе спасемся
или вместе погибнем. Нам должно бежать; уж другого
Способа нет». Так сказав, на окошко Марья-царевна
Плюнула; слюнки в минуту примерзли к стеклу; из каморки
Вышла она потом с Иваном-царевичем вместе,
Двери ключом заперла и ключ далеко зашвырнула.
За руки взявшись потом, они поднялись и мигом
Там очутились, откуда сошли в подземельное царство:
То же озеро, низкий берег, муравчатый, свежий
Луг, и, видят, по лугу свежему бодро гуляет
Конь Ивана-царевича. Только почуял могучий
Конь седока своего, как заржал, заплясал и помчался
Прямо к нему и, примчавшись, как вкопанный в землю
Стал перед ним. Иван-царевич, не думая долго,
Сел на коня, царевна за ним, и пустились стрелюю.
Царь Кощей в назначенный час посылает придворных
Слуг доложить Ивану-царевичу: что-де так долго
Мешкать изволите? Царь дожидается. Слуги приходят;
Заперты двери. Стук! стук! и вот из-за двери им слюнки,
Словно как сам Иван-царевич, ответствуют: буду.
Этот ответ придворные слуги относят к Кощей;
Ждать-подождать – царевич нейдет; посылает в другой раз

Тех же послов рассерженный Кощей, и та же всё песня:
 Буду; а нет никого. Взбесился Кощей. «Насмехаться,
 что ли, он вздумал? Бегите же; дверь разломать и в минуту
 За ворот к нам притащить неучтивца!» Бросились слуги...
 Двери разломаны... вот тебе раз; никого там, а слюнки
 Так и хохочут. Кощей едва от злости не лопнул.
 Ах! он вор окаянный! люди! люди! скорее
 Все в погоню за ним!.. я всех перевешаю, если
 Он убежит!..» Помчалась погоня.. «Мне слышится топот», –
 Шепчет Ивану-царевичу Марья-царевна, прижавшись
 Жаркою грудью к нему. Он слезает с коня и, припавши
 Ухом к земле, говорит ей: «Скачут, и близко». – «Так медлить
 Нечего», – Марья-царевна сказала, и в ту же минуту
 Сделалась речкой сама, Иван-царевич железным
 Мостиком, черным вороном конь, а большая дорога
 На три дороги разбилась за мостиком. Быстро погоня
 Скачет по свежему следу; но, к речке примчавшись, стали
 В пень Кошеевы слуги: след до мостика виден;
 Дале ж и след пропадает и делится на три дорога.
 Нечего делать – назад! Воротились разумники. Страшно
 Царь Кощей разозлился, о их неудаче услышав.
 «Черти! ведь мостик и речка были они! догадаться
 Можно бы вам, дуралеям! Назад! чтоб был непременно
 Здесь он!..» Опять помчалась погоня.. «Мне слышится топот», –
 Шепчет опять Ивану-царевичу Марья-царевна.
 Слез он с седла и, припавши ухом к земле, говорит ей:
 «Скачут, и близко». И в ту же минуту Марья-царевна
 Вместе с Иваном-царевичем, с ними и конь их, дремучим
 Сделались лесом; в лесу том дорожек, тропинок числа нет;
 По лесу ж, кажется, конь с двумя седоками несется.
 Вот по свежему следу гонцы примчались к лесу;
 Видят в лесу скакунов и пустились вдогонку за ними.
 Лес же раскинулся вплоть до входа в Кошеево царство.
 Мчатся гонцы, а конь перед ними скачет да скачет;
 Кажется, близко; ну только б схватить; ан нет, не дается.
 Глядь! очутились они у входа в Кошеево царство,
 В самом том месте, откуда пустились в погоню; и скрылось
 Всё: ни коня, ни дремучего лесу. С пустыми руками
 Снова явились к Кощею они. Как цепная собака,
 Начал метаться Кощей. «Вот я ж его, плута! Коня мне!
 Сам поеду, увидим мы, как от меня отвертится!»
 Снова Ивану-царевичу Марья-царевна тихонько
 Шепчет: «Мне слышится топот»; и снова он ей отвечает:
 «Скачут, и близко». «Беда нам! Ведь это Кощей, мой родитель
 Сам; но у первой церкви граница его государства;
 Далее ж церкви скакать он никак не посмеет. Подай мне
 Крест твой с мощами». Послушавшись Марьи-царевны, снимает
 С шеи свой крест золотой Иван-царевич и в руки
 Ей подает, и в минуту она обратилась в церковь,
 Он в монаха, а конь в колокольню – и в ту же минуту
 С свитою к церкви Кощей прискакал. «Не видал ли проезжих,
 Старец честной?» – он спросил у монаха. «Сейчас проезжали
 Здесь Иван-царевич с Марьей-царевной; входили
 В церковь они – святым помолились да мне приказали
 Свечку поставить за здравье твое и тебе поклониться,
 Если ко мне ты заедешь». – «Чтоб шею сломить им, проклятым!» –
 Крикнул Кощей и, коня повернув, как безумный помчался
 С свитою назад, а примчавшись домой, пересек беспощадно
 Всех до единого слуг. Иван же царевич с своею
 Марьей-царевной поехали дале, уже не бояся
 Боле погони. Вот они едут шажком; уж склонялось
 Солнце к закату, и вдруг в вечерних лучах перед ними
 Город прекрасный. Ивану-царевичу смерть захотелось
 В этот город заехать. «Иван-царевич, – сказала
 Марья-царевна, – не езд; недаром вешее сердце
 Ноет во мне: беда приключится». – «Чего ты боишься,
 Марья-царевна? Заедем туда на минуту; посмотрим
 Город, потом и назад». – «Заехать нетрудно, да трудно

Выехать будет. Но быть так! ступай, а я здесь останусь
Белым камнем лежать у дороги; смотри же, мой милый,
Будь осторожен: царь, и царица, и дочь их царевна
Выдут навстречу тебе, и с ними прекрасный младенец
Будет; младенца того не целуй: поцелуешь – забудешь
Тотчас меня; тогда и я не останусь на свете,
С горя умру, и умру от тебя. Вот здесь, у дороги,
Буду тебя дожидаться я три дни; когда же на третий
День не придешь... но прости, поезжай». И в город поехал,
С нею простоя, Иван-царевич один. У дороги
Белым камнем осталась Марья-царевна. Проходит
День, проходит другой, напоследок проходит и третий –
Нет Ивана-царевича. Бедная Марья-царевна!
Он не исполнил ее наставленья: в городе вышли
Встретить его и царь, и царица, и дочь их царевна;
Выбежал с ними прекрасный младенец, мальчик-кудряшка,
Живчик, глазенки как ясные звезды; и бросился прямо
В руки Ивану-царевичу; он же его красотою
Так был пленен, что, ум потерявши, в горячие щеки
Начал его целовать; и в эту минуту затмилась
Память его, и он позабыл о Марье-царевне.
Горе взяло ее. «Ты покинул меня, так и жить мне
Незачем боле». И в то же мгновенье из белого камня
Марья-царевна в лазоревый цвет полевой превратилась.
«Здесь, у дороги, останусь, авось мимоходом затопчет
Кто-нибудь в землю меня», – сказала она, и росинки
Слез на листьях голубых заблестали. Дорогой в то время
Шел старик; он цветок голубой у дороги увидел;
Нежной его красотою пленясь, осторожно он вырыл
С корнем его, и в избушку свою перенес, и в корытце
Там посадил, и полил водой, и за милым цветочком
Начал ухаживать. Что же случилось? С той самой минуты
Всё не по-старому стало в избушке; чудесное что-то
Начало деяться в ней: проснется старик – а в избушке
Всё уж как надобно прибрано; нет нигде ни пылинки.
В полдень придет он домой – а обед уж состряпан, и чистой
Скатертью стол уж накрыт: садися и ешь на здоровье.
Он дивился, не знал, что подумать; ему напоследок
Стало и страшно, и он у одной ворожейки-старушки
Начал совета просить, что делать. «А вот что ты сделай, –
Так отвечала ему ворожейка, – встань ты до первой
Ранней зари, пока петухи не пропели, и в оба
Глаза гляди: что начнет в избушке твоей шевелиться,
То ты вот этим платком и накрой. Что будет, увидишь».
Целую ночь напролет старик пролежал на постеле,
Глаз не смыкая. Заря занялася, и стало в избушке
Видно, и видит он вдруг, что цветок голубой встрепенулся,
С тонкого стебля спорхнул и начал летать по избушке;
Все между тем по местам становилось, повсюду сметалась
Пыль, и огонь разгорался в печурке. Проворно с постели
Прянул старик и накрыл цветочек платком, и явилась
Вдруг пред глазами его красавица Марья-царевна.
«Что ты сделал? – сказала она. – Зачем возвратил ты
Жизнь мне мою? Жених мой, Иван-царевич прекрасный,
Бросил меня, и я им забыта». – «Иван твой царевич
Женится нынче. Уж свадебный пир приготовлен, и гости
Съехались все». Заплакала горько Марья-царевна;
Слезы потом отерла; потом, в сарафан нарядившись,
В город крестьянкой пошла. Приходит на царскую кухню;
Бегают там повара в колпаках и фартуках белых;
Шум, возня, стукотня. Вот Марья-царевна, приближась
К старшему повару, с видом умильным и сладким, как флейта,
Голосом молвила: «Повар, голубчик, послушай, позволь мне
Свадебный спечь пирог для Ивана-царевича». Повар,
Занятый делом, с досады хотел огрызнуться; но слово
Замерло вдруг у него на губах, когда он увидел
Марью-царевну; и ей отвечал он с приветливым взглядом:
«В добрый час, девица-красавица; все что угодно

Делай; Ивану-царевичу сам поднесу я пирог твой».
Вот пирог испечен; а званые гости, как должно,
Все уж сидят за столом и пируют. Услужливый повар
Важно огромный пирог на узорном серебряном блюде
Ставит на стол перед самым Иваном-царевичем; гости
Все удивились, увидя пирог. Но лишь только верхушку
Срезал с него Иван-царевич – новое чудо!
Сизый голубь с белой голубкой порхнули оттуда.
Голубь по столу ходит; голубка за ним и воркует:
«Голубь, мой голубь, постой, не беги; обо мне ты забудешь
Так, как Иван-царевич забыл о Марье-царевне!»
Ахнул Иван-царевич, то слово голубки услышав;
Он вскочил как безумный и кинулся в дверь, а за дверью
Марья-царевна стоит уж и ждет. У крыльца же
Конь вороной с нетерпенья, оседланный, взнузданный, пляшет.
Нечего медлить; поехал Иван-царевич с своею
Марьей-царевной; едут да едут, и вот приезжают
В царство царя Берендея они. И царь и царица
Приняли их с весельем таким, что такого веселья
Видом не видано, слыхом не слыхано. Долго не стали
Думать, честным пирком да за свадебку; съехались гости,
Свадьбу сыграли; я там был, там мед я и пиво
Пил; по усам текло, да в рот не попало. И все тут.
Спящая царевна*
Жил-был добрый царь Матвей;
Жил с царицею своею
Он в согласье много лет;
А детей все нет как нет.
Раз царица на лугу,
На зеленом берегу
Ручейка была одна;
Горько плакала она.
Вдруг, глядит, ползет к ней рак;
Он сказал царице так:
«Мне тебя, царица, жаль;
Но забудь свою печаль;
Понесешь ты в эту ночь:
У тебя родится дочь». –
«Благодарствуй, добрый рак;
Не ждала тебя никак...»
Но уж рак уполз в ручей,
Не слышав ее речей.
Он, конечно, был пророк;
Что сказал – сбылося в срок:
Дочь царица родила.
Дочь прекрасна так была,
Что ни в сказке рассказать,
Ни пером не описать.
Вот царем Матвеем пир
Знатный дан на целый мир;
И на пир веселый тот
Царь одиннадцать зовет
Чародеек молодых;
Было ж всех двенадцать их;
Но двенадцатой одной,
Хромоногой, старой, злой,
Царь на праздник не позвал.
Отчего ж так оплошал
Наш разумный царь Матвей?
Было то обидно ей.
Так, но есть причина тут:
У царя двенадцать блюд
Драгоценных, золотых
Было в царских кладовых;
Приготовили обед;
А двенадцатого нет
(Кем украдено оно,
Знать об этом не дано).

«Что ж тут делать? – царь сказал. –

Так и быть!» И не послал

Он на пир старухи звать.

Собрались пировать

Гости, званные царем;

Пили, ели, а потом,

Хлебосольного царя

За прием благодаря,

Стали дочь его дарить:

«Будешь в золоте ходить;

Будешь чудо красоты;

Будешь всем на радость ты

Благонравна и тиха;

Дам красавца жениха

Я тебе, мое дитя;

Жизнь твоя пройдет шутя

Меж знакомых и родных...»

Словом, десять молодых

Чародеек, одарив

Так дитя наперерыв,

Удалились; в свой черед

И последняя идет;

Но еще она сказать

Не успела слова – глядь!

А незваная стоит

Над царевной и ворчит:

«На пиру я не была,

Но подарок принесла:

На шестнадцатом году

Повстречаешь ты беду;

В этом возрасте своем

Руку ты веретенном

Оцарапаешь, мой свет,

И умрешь во цвете лет!»

Проворчавши так, тотчас

Ведьма скрылася из глаз;

Но оставшаяся там

Речь домолвила: «Не дам

Без пути ругаться ей

Над царевною моею;

Будет то не смерть, а сон;

Триста лет продлится он;

Срок назначенный пройдет,

И царевна оживет;

Будет долго в свете жить;

Будут внуки веселить

Вместе с нею мать, отца

До земного их конца».

Скрылась гостья. Царь грустит;

Он не ест, не пьет, не спит:

Как от смерти дочь спасти?

И, беду чтоб отвести,

Он дает такой указ:

«Запрещается от нас

В нашем царстве сеять лен,

Прясть, сучить, чтоб веретен

Духу не было в домах;

Чтоб скорей как можно прях

Всех из царства выслать вон».

Царь, издав такой закон,

Начал пить, и есть, и спать,

Начал жить да поживать,

Как дотоле, без забот.

Дни проходят; дочь растет;

Расцвела, как майский цвет;

Вот уж ей пятнадцать лет...

Что-то, что-то будет с ней!

Раз с царицею своею

Царь отправился гулять;
Но с собой царевну взять
Не случилось им; она
Вдруг соскучилась одна
В душной горнице сидеть
И на свет в окно глядеть.
«Дай, – сказала наконец, –
Осмотрю я наш дворец».
По дворцу она пошла:
Пышных комнат нет числа;
Всем любитесь она;
Вот, глядит, отворена
Дверь в покой; в покое том
Вьется лестница винтом
Вкруг столба; по ступеням
Всходит вверх и видит – там
Старушоночка сидит;
Гребень под носом торчит;
Старушоночка прядет
И за пряжею поет:
«Веретенце, не ленись;
Пряжа тонкая, не рвись;
Скоро будет в добрый час
Гостьяжданная у нас».
Гостьяжданная вошла;
Пряха молча подала
В руки ей веретено;
Та взяла, и вмиг оно
Укололо руку ей...
Все исчезло из очей;
На нее находит сон;
Вместе с ней объемлет он
Весь огромный царский дом;
Все утихнуло кругом;
Возвращаясь во дворец,
На крыльце ее отец
Пощатнулся, и зевнул,
И с царицею заснул;
Свита вся за ними спит;
Стража царская стоит
Под ружьем в глубоком сне,
И на спящем спит коне
Перед ней хорунжий сам;
Неподвижно по стенам
Мухи сонные сидят;
У ворот собаки спят;
В стойлах, головы склонив,
Пышны гривы опустив,
Кони корму не едят,
Кони сном глубоким спят;
Повар спит перед огнем;
И огонь, объятый сном,
Не пылает, не горит,
Сонным пламенем стоит;
И не тронется над ним,
Свившись клубом, сонный дым;
И окрестность со дворцом
Вся объята мертвым сном;
И покрыл окрестность бор;
Из терновника забор
Дикий бор тот окружил;
Он навек загородил
К дому царскому пути:
Долго, долго не найти
Никому туда следа –
И приблизиться беда!
Птица там не пролетит,
Близко зверь не пробежит,

Даже облака небес
На дремучий, темный лес
Не навеет ветерок.
Вот уж полный век протек;
Словно не жил царь Матвей –
Так из памяти людей
Он изгладился давно;
Знали только то одно,
Что средь бора дом стоит,
Что царевна в доме спит,
Что проспять ей триста лет,
Что теперь к ней следу нет.
Много было смельчаков
(По сказанью стариков),
В лес брались они сходить,
Чтоб царевну разбудить;
Даже бились об заклад
И ходили – но назад
Не пришел никто. С тех пор
В неприступный, страшный бор
Ни старик, ни молодой
За царевной ни ногой.
Время ж все текло, текло;
Вот и триста лет прошло.
Что ж случилось? В один
День весенний царский сын,
Забавляясь ловлей, там
По долинам, по полям
С свитой ловчих разъезжал.
Вот от свиты он отстал;
И у бора вдруг один
Очутился царский сын.
Бор, он видит, темен, дик.
С ним встречается старик.
С стариком он в разговор:
«Расскажи про этот бор
Мне, старинушка честной!»
Покачавши головой,
Все старик тут рассказал,
Что от дедов он слышал
О чудесном боре том:
Как богатый царский дом
В нем давным-давно стоит,
Как царевна в доме спит,
Как ее чудесен сон,
Как три века длится он,
Как во сне царевна ждет,
Что спаситель к ней придет;
Как опасны в лес пути,
Как пыталася дойти
До царевны молодежь,
Как со всяким то ж да то ж
Приключалось: попадал
В лес, да там и погибал.
Был детина удалой
Царский сын; от сказки той
Вспыхнул он, как от огня;
Шпоры втиснул он в коня;
Прянул конь от острых шпор
И стрелой помчался в бор,
И в одно мгновенье там.
Что ж явилось очам
Сына царского? Забор,
Ограждавший темный бор,
Не терновник уж густой,
Но кустарник молодой;
Блещут розы по кустам;
Перед витязем он сам

Расступился, как живой;
В лес въезжает витязь мой:
Всё свежо, красно пред ним;
По цветочкам молодым
Пляшут, блещут мотыльки;
Светлой змейкой ручейки
Вьются, пенятся, журчат;
Птицы прыгают, шумят
В густоте ветвей живых;
Лес душист, прохладен, тих,
И ничто не страшно в нем.
Едет гладким он путем
Час, другой; вот наконец
Перед ним стоит дворец,
Зданье – чудо старины;
Ворота отворены;
В ворота въезжает он;
На дворе встречает он
Тьму людей, и каждый спит:
Тот как вкопанный сидит;
Тот не двигаясь идет;
Тот стоит, раскрывши рот,
Сном пресекся разговор,
И в устах молчит с тех пор
Недоконченная речь;
Тот, вздремав, когда-то лечь
Собрался, но не успел:
Сон волшебный овладел
Прежде сна простого им;
И, три века недвижим,
Не стоит он, не лежит
И, упасть готовый, спит.
Изумлен и поражен
Царский сын. Проходит он
Между сонными к дворцу;
Приближается к крыльцу;
По широким ступеням
Хочет вверх идти; но там
На ступенях царь лежит
И с царицей вместе спит.
Путь наверх загорожен.
«Как же быть? – подумал он. –
Где пробраться во дворец?»
Но решился наконец,
И, молитву сотворя,
Он шагнул через царя.
Весь дворец обходит он;
Пышно все, но всюду сон,
Гробовая тишина.
Вдруг глядит: отворена
Дверь в покой; в покое том
Вьется лестница винтом
Вкруг столба; по ступеням
Он взошел. И что же там?
Вся душа его кипит,
Перед ним царевна спит.
Как дитя, лежит она,
Распылалась от сна;
Молод цвет ее ланит;
Меж ресницами блестит
Пламя сонное очей;
Ночи темная темней,
Заплетенные косой
Кудри черной полосой
Обвились кругом чела;
Грудь как свежий снег бела;
На воздушный, тонкий стан
Брошен легкий сарафан;

Губки алые горят;
Руки белые лежат
На трепещущих грудях;
Сжаты в легких сапожках
Ножки – чудо красотой.
Видом прелести такой
Отуманен, распален,
Неподвижно смотрит он;
Неподвижно спит она.
Что ж разрушит силу сна?
Вот, чтоб душу насладить,
Чтоб хоть мало утолить
Жадность пламенных очей,
На колени ставши, к ней
Он приблизился лицом:
Распалительным огнем
Жарко рдеющих ланит
И дыханьем уст облит,
Он души не удержал
И ее поцеловал.
Вмиг проснулась она;
И за нею вмиг от сна
Поднялось все кругом:
Царь, царица, царский дом;
Снова говор, крик, возня;
Все как было; словно дня
Не прошло с тех пор, как в сон
Весь тот край был погружен.
Царь на лестницу идет;
Нагулявшись, ведет
Он царицу в их покой;
Сзади свита вся толпой;
Стражи ружьями стучат;
Мухи стаями летят;
Приворотный лает пес;
На конюшне свой овес
Доедает добрый конь;
Повар дует на огонь,
И, треща, огонь горит,
И струю дым бежит;
Всё бывалое – один
Небывалый царский сын.
Он с царевной наконец
Сходит сверху; мать, отец
Принялись их обнимать.
Что ж осталось досказать?
Свадьба, пир, и я там был
И вино на свадьбе пил;
По усам вино бежало,
В рот же капли не попало.
Война мышей и лягушек*

(отрывок)

Слушайте: я расскажу вам, друзья, про мышей и лягушек.
Сказка ложь, а песня бль, говорят нам; но в этой
Сказке моей найдется и правда. Милости ж просим
Тех, кто охотник в досужный часок пошутить, посмеяться,
Сказки послушать; а тех, кто любит смотреть исподлобья,
Всякую шутку считая за грех, мы просим покорно
К нам не ходить и дома сидеть да высиживать скуку.
Было прекрасное майское утро. Квакун двадесятый,
Царь знаменитой породы, властитель ближней трясины,
Вышел из мокрой столицы своей, окруженный блестящей
Свитой придворных. Вприпрыжку они взобрались на пригорок,
Сочной травой покрытый, и там, на кочке усевшись,
Царь приказал из толпы его окружавших почетных
Стражей вызвать бойцов, чтоб его, царя, забавляли
Боем кулачным. Вышли бойцы; началось; уж много
Было лягушечьих морд царю в угожденье разбито;

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu
Царь хохотал; от смеха придворная квакала свита
Вслед за его величеством; солнце взошло уж на полдень.
Вдруг из кустов молодец в прекрасной беленькой шубке,
С тоненьким хвостиком, острым, как стрелка, на тоненьких ножках
Выскочил; следом за ним четыре таких же, но в шубах
Дымного цвета. Рысцей они подбежали к болоту.
Белая шубка, носик в болото уткнув и поднявши
Правую ножку, начал воду тянуть, и, казалось,
Был для него тот напиток приятнее меда; головку
Часто он вверх подымал, и вода с усастого рыльца
Мелким бисером падала; вдоволь напившись и лапкой
Рыльце обтерши, сказал он: «Какое раздолье студеной
Выпить воды, утомившись от зноя! Теперь понимаю
То, что чувствовал Дарий, когда он, в бегстве из мутной
Лужи напившись, сказал: я не знаю вкуснее напитка!»
Эти слова одна из лягушек подслушала; тотчас
Скачет она с донесеньем к царю: из леса-дѣ вышли
Пять каких-то зверков, с усами турецкими, уши
Длинные, хвостики острые, лапки как руки; в осоку
Все они побежали и царскую воду в болоте
Пьют. А кто и откуда они, неизвестно. С десятком
Стражей Квакун посылает хорунжего Пышку проведать,
Кто незваные гости; когда неприятели – взять их,
Если дадутся; когда же соседи, пришедшие с миром, –
Дружески их пригласить к царю на беседу. Сошедши
Пышка с холма и увидя гостей, в минуту узнал их:
«Это мыши, неважное дело! Но мне не случилось
Белых меж ними видать, и это мне чудно. Смотрите ж, –
Спутникам тут он сказал, – никого не обидеть. Я с ними
Сам на словах объяснюся. Увидим, что скажет мне белый».
Белый меж тем с удивленьем великим смотрел, приподнявши
Уши, на скачущих прямо к нему с пригорка лягушек;
Слуги его хотели бежать, но он удержал их,
Выступил бодро вперед и ждал скакунов; и как скоро
Пышка с своими к болоту приблизился: «Здравствуй, почтенный
Воин, – сказал он ему, – прошу не взыскать, что без спросу
Вашей воды напился я; мы все от охоты устали;
В это же время здесь никого не нашлось; благодарны
Очень мы вам за прекрасный напиток; и сами готовы
Равным добром за ваше добро заплатить: благодарность
Есть добродетель возвышенных душ». Удивленный такую
Умною речью, ответствовал Пышка: «Милости просим
К нам, благородные гости; наш царь, о прибытии вашем
Сведав, весьма любопытен узнать: откуда вы родом,
Кто вы и как вас зовут. Я послан сюда пригласить вас
С ним на беседу. Рады мы очень, что вам показалась
Наша по вкусу вода; а платы не требуем: воду
Создал господь для всех на потребу, как воздух и солнце».
Белая шубка учтиво ответствовал: «Царская воля
Будет исполнена; рад я к его величеству с вами
Вместе пойти, но только сухим путем, не водою;
Плывать я не умею; я царский сын и наследник
Царства мышинога». В это мгновенье, спустившись с пригорка,
Царь Квакун со свитой своей приближался. Царевич
Белая шубка, увидя царя с такою толпою,
Несколько струсил, ибо не ведал, доброе ль, злое ль
Было у них на уме. Квакун отличался зеленым
Платьем, глаза навывкат сверкали, как звезды, и пузом
Громко он, прядая, шлепал. Царевич Белая шубка,
Вспомнивши, кто он, робость свою победил. Величаво
Он поклонился царю Квакуну. А царь, благосклонно
Лапку подавши ему, сказал: «Любезному гостю
Очень мы рады; садись, отдохни; ты из дальнего, верно,
Края, ибо до сих пор тебя нам видать не случилось».
Белая шубка, царю поклоняясь опять, на зеленой
Травке уселся с ним рядом; а царь продолжал: «Расскажи нам,
Кто ты? кто твой отец? кто мать? и откуда пришел к нам?
Здесь мы тебя угостим дружелюбно, когда, не таясь,

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh

Правду всю скажешь: я царь и много имею богатства;
Будет нам сладко почтить дорогого гостя дарами». –
«Нет никакой мне причины, – ответствовал Белая шубка, –
Царь-государь, утаивать истину. Сам я породы
Царской, весьма на земле знаменитой; отец мой из дома
Древних воинственных Бубликов, царь Долгохвост Иринарий
Третий; владеет пятью чердаками, наследием славных
Предков, но область свою он сам расширил войнами:
Три подполья, один амбар и две трети ветчинни
Он покорил, победивши соседних царей; а в супруги
Взявши царевну Прасковью-Пискуню белую шкурку,
Целый овин получил он за нею в приданое. В свете
Нет подобного царства. Я сын царя Долгохвоста,
Петр Долгохвост, по прозванию Хват. Был я воспитан
В нашем столичном подполье премудрым Онуфрием крысой.
Мастер я рыться в муке, таскать орехи; вскребаюсь
В сыр и множество книг уж изгрыз, любя просвещение.
Хватом же прозван я вот за какое смелое дело:
Раз случилось, что множество нас, молодых мышеняток,
Бегало по полю взапуски; я как шальной, раззадорясь,
Вспрыгнул с разбегу на льва, отдохавшего в поле, и в пышной
Гриве запутался; лев проснулся и лапой огромной
Стиснул меня; я подумал, что буду раздавлен, как мошка.
С духом собравшись, я высунул нос из-под лапы;
«Лев-государь, – ему я сказал, – мне и в мысль не входило
Милость твою оскорбить; пощади, не губи; неровён час,
Сам я тебе пригожуся». Лев улыбнулся (конечно,
Он уж покушать успел) и сказал мне: «Ты, вижу, забавник.
Льву услужить ты задумал. Добро, мы посмотрим, какую
Милость окажешь ты нам? Ступай». Тогда он раздвинул
Лапу; а я давай бог ноги; но вот что случилось:
Дня не прошло, как все мы испуганы были в подпольях
Наших львиным рыканьем: смутилась, как будто от бури,
Вся сторона; я не струсил; выбежал в поле и что же
В поле увидел? Царь Лев, запутавшись в крепких тенетах,
Мечется, бьется как бешеный; кровью глаза налились,
Лапами рвет он веревки, зубами грызет их; и было
Все то напрасно; лишь боле себя он запутывал. «Видишь,
Лев-государь, – сказал я ему, – что и я пригодился.
Будь спокоен: в минуту тебя мы избавим». И тотчас
Созвал я дюжину ловких мышат; принялись мы работать
Зубом; узлы перегрызли тенет, и Лев распутлялся.
Важно кивнув головою косматой и нас допустивши
К царской лапе своей, он гриву расправил, ударил
Сильным хвостом по бедрам и в три прыжка очутился
В ближнем лесу, где вмиг и пропал. По этому делу
Прозван я Хватом, и славу свою поддержать я стараюсь;
Страшного нет для меня ничего; я знаю, что смелым
Бог владеет. Но должно, однако, признаться, что всюду
Здесь мы встречаем опасность; так бог уж землю устроил.
Всё здесь воюет: с травой Овца, с Овцою голодный
Волк, Собака с Волком, с Собакой Медведь, а с Медведем
Лев; Человек же и Льва, и Медведя, и всех побеждает.
Так и у нас, отважных Мышей, есть много опасных,
Сильных гонителей: Совы, Ласточки, Кошки, а всех их
Злее козни людские. И тяжко подчас нам приходит.
Я, однако, спокоен; я помню, что мне мой наставник
Мудрый, крыса Онуфрий, твердил: беды нас смиренью
учат. С верой такою ничто не беда. Я доволен
Тем, что имею: счастию рад, а в несчастье не хмурюсь».
Царь Квакун со вниманием слушал Петра Долгохвоста.
«Гость дорогой, – сказал он ему, – признаюсь откровенно:
Столь разумные речи меня в изумленье приводят.
Мудрость такая в такие цветущие лета! Мне сладко
Слушать тебя: и приятность и польза! Теперь опиши мне
То, что случилось когда с мышиным вашим народом,
Что от врагов вы терпели и с кем когда воевали». –
«Должен я прежде о том рассказать, какие нам козни

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh

Строит наш хитрый двуногий злодей, Человек. Он ужасно
Жаден; он хочет всю землю заграбить один и с Мышами
В вечной вражде. Не исчислить всех выдумок хитрых, какими
Наше он племя избыть замышляет. Вот, например, он
Домик затеял построить: два входа, широкий и узкий;
Узкий заделан решеткой, широкий с подъемною дверью.
Домик он этот поставил у самого входа в подполье.
Нам же сдуру на мысли взбрело, что, поладить
С нами желая, для нас учредил он гостиницу. Жирный
Кус ветчины там висел и манил нас; вот целый десяток
Смелых охотников вызвались в домик забраться, без платы
В нем отобедать и верные вести принести нам.
Входят они, но только что начали дружно висячий
Кус ветчины тормозить, как подъемная дверь с превеликим
Стуком упала и всех их захлопнула. Тут поразило
Страшное зрелище нас: увидели мы, как злодеи
Наших героев таскали за хвост и в воду бросали.
Все они пали жертвой любви к ветчине и к отчизне.
Было нечто и хуже. Двуногий злодей наготовил
Множество вкусных для нас пирожков и расклатал их,
Словно как добрый, по всем закоулкам; народ наш
Очень доверчив и ветрен; мы лакомки; бросилась жадно
Вся молодежь на добычу. Но что же случилось? Об этом
Вспомнить – мороз подирает по коже! Открылся в подполье
Мор: отравой злодей угостил нас. Как будто шальные
С пиру пришли удальцы: глаза навывкат, разинув
Рты, умирая от жажды, взад и вперед по подполью
Бегали с писком они, родных, друзей и знакомых
Боле не зная в лицо; наконец, утомясь, обессилев,
Все попадали мертвые лапками вверх; запустела
Целая область от этой беды; от ужасного смрада
Трупов ушли мы в другое подполье, и край наш родимый
Надолго был обезмышен. Но главное бедствие наше
Ныне в том, что губитель двуногий крепко сдружился,
Нам ко вреду, с сибирским котом, Федотом Мурлыкой.
Кошачий род давно враждует с мышиним. Но этот
Хитрый котиче Федот Мурлыка для нас наказание
Божие. Вот как я с ним познакомился. Глупым мышонком
Был я еще и не знал ничего. И мне захотелось
Высунуть нос из подполья. Но мать-царица Прасковья
С крысой Онуфрием крепко-накрепко мне запретили
Норку мою покидать; но я не послушался, в щелку
Выглянул: вижу камнем выстланный двор; освещало
Солнце его, и окна огромного дома светились;
Птицы летали и пели. Глаза у меня разбежались.
Выйти не смея, смотрю я из щелки и вижу, на дальнем
Крае двора зверок усастый, сизая шкурка,
Розовый нос, зеленые глазки, пушистые уши,
Тихо сидит и за птичками смотрит; а хвостик, как змейка,
Так и виляет. Потом он своею бархатной лапкой
Начал усастое рыльце себе умыть. Облилося
Радостью сердце мое, и я уж сбирался покинуть
Щелку, чтоб с мыльным зверком познакомиться. Вдруг зашумело
Что-то вблизи; оглянувшись, так я и обмер. Какой-то
Страшный урод ко мне подходил; широко шагая,
Черные ноги свои подымал он, и когти кривые
С острыми шпорами были на них; на уродливой шее
Длинные косы висели змеями; нос крючковатый;
Под носом трясся какой-то мохнатый мешок, и как будто
Красный с зубчатой верхушкой колпак, с головы перегнувшись,
По носу бился, а сзади какие-то длинные крючья,
Разного цвета, торчали снопом. Не успел я от страха
В память прийти, как с обоих боков поднялись у урода
Словно как парусы, начали хлопать, и он, раздвоивши
Острый нос свой, так заорал, что меня как дубиной
Треснуло. Как прибежал я назад в подполье, не помню.
Крыса Онуфрий, услышав о том, что случилось со мною,
Так и ахнул. «Тебя помиловал бог, – он сказал мне, –

Свечку ты должен поставить уроду, который так кстати
Криком своим тебя испугал; ведь это наш добрый
Сторож петух; он горлан и с своими большой забияка;
Нам же, мышам, он приносит и пользу: когда закричит он,
Знаем мы все, что проснулись наши враги; а приятель,
Так обольстивший тебя своей лицемерною харей,
Был не иной кто, как наш злодей записной, объедало
Кот Мурлыка; хорош бы ты был, когда бы с знакомством
К этому плуту подъехал: тебя б он порядком погладил
Бархатной лапкой своею; будь же вперед осторожен».
Долго рассказывать мне об этом проклятом Мурлыке;
Каждый день от него у нас недочет. Расскажу я
Только то, что случилось недавно. Разнесся в подполье
Слух, что Мурлыку повесили. Наши лазутчики сами
Видели это глазами своими. Вскружилось подполье;
Шум, беготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска, –
Словом, мы все одурели, и сам мой Онуфрий премудрый
С радости так напился, что подрался с царицей и в драке
Хвост у нее откусил, за что был и высечен больно.
Что же случилось потом? Не разведавши дела порядком,
Вздумали мы kota погребать, и надгробное слово
Тотчас поспело. Его сочинил поэт наш подпольный
Клим, по прозванию Бешеный Хвост; такое прозвание
Дали ему за то, что, стихи читая, всегда он
В меру вилял хвостом, и хвост, как маятник, стучал.
Всё изготовив, отправились мы на поминки к Мурлыке;
Вылезло множество нас из подполья; глядим мы, и вправду
Кот Мурлыка в ветчинне висит на бревне, и повешен
За ноги, мордою вниз; оскалены зубы; как палка,
Вытянут весь; и спина, и хвост, и передние лапы
Словно как мерзлые; оба глаза глядят не моргая.
Все запищали мы хором: «Повешен Мурлыка, повешен
Кот окаянный; довольно ты, кот, погулял; погуляем
Нынче и мы». И шесть смельчаков тотчас взобрались
Вверх по бревну, чтоб Мурлыкины лапы распутать, но лапы
Сами держались, когтями вцепившись в бревно; а веревки
Не было там никакой, и лишь только к ним прикоснулись
Наши ребята, как вдруг распустились когти, и на пол
Хлопнулся кот, как мешок. Мы все по углам разбежались
В страхе и смотрим, что будет. Мурлыка лежит и не дышит,
Ус не тронется, глаз не моргнет; мертвец, да и только.
Вот, ободрясь, из углов мы к нему подступать понемногу
Начали; кто посмелее, тот дернет за хвост, да и тягу
Даст от него; тот лапкой ему погрозит; тот подразнит
Сзади его языком; а кто еще посмелее,
Тот, подкравшись, хвостом в носу у него пощекочет.
Кот ни с места, как пень. «Берегитесь, – тогда нам сказала
Старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти
Были знакомы (у ней он весь зад ободрал, и насилу
Как-то она от него уплела), – берегитесь: Мурлыка
Старый мошенник; ведь он висел без веревки, а это
Знак недобрый; и шкурка цела у него». То услыша,
Громко мы все засмеялись. «Смейтесь, чтоб после не плакать, –
Мышь Степанида сказала опять, – а я не товарищ
Вам». И поспешно, созвав мышеняток своих, убралася
С ними в подполье она. А мы принялись как шальные
Прыгать, скакать и kota тормошить. Наконец, поуставши,
Все мы уселись в кружок перед мордой его, и поэт наш
Клим, по прозванию Бешеный Хвост, на Мурлыкино пузо
Влезши, начал оттуда читать нам надгробное слово,
Мы же при каждом стихе хохотали. И вот что прочел он:
«Жил Мурлыка; был Мурлыка кот сибирский,
Рост богатырский, сизая шкурка, усы как у турка;
Был он бешен, на краже помешан, за то и повешен,
Радуйся, наше подполье!..» Но только успел проповедник
Это слово промолвить, как вдруг наш покойник очнулся.
Мы бежать... Куда ты! пошла ужасная травля.
Двадцать из нас осталось на месте; а раненых втрое

Более было. Тот воротился с ободренным пузом,
Тот без уха, другой с отъеденной мордой; иному
Хвост был оторван; у многих так страшно искусаны были
Спины, что шкурки мотались, как тряпки; царицу Прасковью
Чуть успели в нору уволочь за задние лапки;
Царь Иринарий спасся с рубцом на носу; но премудрый
Крыса Онуфрий с Климом-поэтом достались Мурлыке
Прежде других на обед. Так кончился пир наш бедою».

.....
Кот в сапогах*

Жил мельник. Жил он, жил и умер,
Оставивши своим трем сыновьям
В наследство мельницу, осла, кота
И... только. Мельницу взял старший сын,
Осла взял средний; а меньшому дали
Кота. И был он крепко недоволен
Своим участком. «Братья, – рассуждал он, –
Сложившись, будут без нужды; а я,
Изжаривши кота, и съев, и сделав
Из шкурки муфту, чем потом начну
Хлеб добывать насущный?» Так он вслух,
С самим собою рассуждая, думал;
А Кот, тогда лежавший на печурке,
Разумное подслушав рассужденье,
Сказал ему: «Хозяин, не печалься;
Дай мне мешок да сапоги, чтоб мог я
Ходить за дичью по болоту – сам
Тогда увидишь, что не так-то беден
Участок твой». Хотя и не совсем
Был убежден котом своим хозяин,
Но уж не раз случалось замечать
Ему, как этот Кот искусно вел
Войну против мышей и крыс, какие
Выдумывал он хитрости и как
То, мертвым притворясь, висел на лапах
Вниз головой, то пудрил мукой,
То прятался в трубу, то под кадушкой
Лежал, свернувшись в ком; а потому
И слов Кота не пропустил он мимо
Ушей. И подлинно, когда он дал
Коту мешок и нарядил его
В большие сапоги, на шею Кот
Мешок надел и вышел на охоту
В такое место, где, он ведал, много
Водилось кроликов. В мешок насыпав
Трухи, его на землю положил он;
А сам вблизи как мертвый растянулся
И терпеливо ждал, чтобы какой невинный,
Неопытный в науке жизни кролик
Пожаловал к мешку покушать сладкой
Трухи; и он недолго ждал; как раз
Перед мешком его явился глупый,
Вертлявый, долгоухий кролик; он
Мешок понюхал, поморгал ноздрями,
Потом и влез в мешок; а Кот проворно
Мешок стянул снурком и без дальнейших
Приветствий гостя угостил по-свойски.
Победою довольный, во дворец
Пошел он к королю и приказал,
Чтобы о нем немедля доложили.
Велел ввести Кота в свой кабинет
Король. Вошел, он поклонился в пояс;
Потом сказал, потупив морду в землю:
«Я кролика, великий государь,
От моего принес вам господина,
Маркиза Карабаса (так он вздумал
Назвать хозяина); имеет честь
Он вашему величеству свое

Глубокое почтение изъявить
И просит вас принять его гостинец». –
«Скажи маркизу, – отвечал король, –
что я его благодарю и что
я очень им доволен». Королю
Откланявшись, Кот пошел домой;
Когда ж он шел через дворец, то все
Вставали перед ним и жали лапу
Ему с улыбкой, потому что он
Был в кабинете принят королем
И с ним наедине (и, уж конечно,
О государственных делах) так долго
Беседовал; а Кот был так учтив,
Так обходителен, что все дивились
И думали, что жизнь свою провел
Он в лучшем обществе. Спустя немного
Отправился опять на ловлю Кот,
В густую рожь засел с своим мешком
И там поймал двух жирных перепелок.
И их немедленно он к королю,
Как прежде кролика, отнес в гостинец
От своего маркиза Карабаса.
Охотник был король до перепелок;
Опять позвать велел он в кабинет
Кота и, перепелок сам принявши,
Благодарить маркиза Карабаса
Велел особенно. И так наш Кот
Недели три-четыре к королю
От имени маркиза Карабаса
Носил и кроликов и перепелок.
Вот он однажды сведал, что король
Сбирается прогуливаться в поле
С своею дочерью (а дочь была
Красавица, какой другой на свете
Никто не видывал) и что они
Поедут берегом реки. И он,
К хозяину поспешно прибежав,
Ему сказал: «Когда теперь меня
Послушаешься ты, то будешь разом
И счастлив и богат; вся хитрость в том.
Чтоб ты сейчас пошел купаться в реку;
Что будет после, знаю я; а ты
Сиди себе в воде, да полоскайся,
Да ни о чем не хлопочи». Такой
Совет принять маркизу Карабасу
Нетрудно было; день был жаркий; он
С охотою отправился к реке,
Влез в воду и сидел в воде по горло.
А в это время был король уж близко.
Вдруг начал Кот кричать: «Разбой! разбой!
Сюда, народ!» – «Что сделалось?» – подъехав,
Спросил король. «Маркиза Карабаса
Ограбили и бросили в реку;
Он тонет». Тут, по слову короля,
С ним бывшие придворные чины
Все кинулись ловить в воде маркиза.
А королю Кот на ухо шепнул:
«Я должен вашему величеству донести,
что бедный мой маркиз совсем раздет;
Разбойники все платье унесли».
(А платье сам, мошенник, спрятал в куст.)
Король велел, чтобы один из бывших
С ним государственных министров снял
С себя мундир и дал его маркизу.
Министр тотчас разделся за кустом;
Маркиза же в его мундир одели,
И Кот его представил королю;
И королем был ласково он принят.

А так как он красавец был собою,
То и совсем не мудрено, что скоро
И дочери прекрасной королевской
Понравился; богатый же мундир
(Хотя на нем и не совсем в обтяжку
Сидел он, потому что брюхо было
У королевского министра) вид
Ему отличный придавал – короче,
Маркиз понравился; и сесть с собой
В коляску пригласил его король;
А сметливый наш Кот во все лопатки
Вперед бежать пустился. Вот увидел
Он на лугу широком косарей,
Сбиравших сено. Кот им закричал:
«Король проедет здесь; и если вы
Ему не скажете, что этот луг
Принадлежит маркизу Карабасу,
То он вас всех прикажет изрубить
На мелкие куски». Король, проехав,
Спросил: «Кому такой прекрасный луг
Принадлежит?» – «Маркизу Карабасу», –
Все закричали разом косари
(В такой их страх привел проворный Кот).
«Богатые луга у вас, маркиз», –
Король заметил. А маркиз, смиренный
Принявши вид, отвечивал: «Луга
Изрядные». Тем временем поспешно
Вперед ушедший Кот увидел в поле
Жнецов: они в снопы вязали рожь.
«Жнецы, – сказал он, – едет близко наш
Король. Он спросит вас: чья рожь? И если
Не скажете ему вы, что она
Принадлежит маркизу Карабасу,
То он вас всех прикажет изрубить
На мелкие куски». Король проехал.
«Кому принадлежит здесь поле?» – он
Спросил жнецов. «Маркизу Карабасу», –
Жнецы ему с поклоном отвечали.
Король опять сказал: «Маркиз, у вас
Богатые поля». Маркиз на то
По-прежнему отвечивал смиренно:
«Изрядные». А Кот бежал вперед
И встречных всех учил, как королю
Им отвечать. Король был поражен
Богатствами маркиза Карабаса.
Вот наконец в великолепный замок
Кот прибежал. В том замке людоед
Волшебник жил, и Кот о нем уж знал
Всю подноготную; в минуту он
Смекнул, что делать: в замок смело
Вошел, он попросил у людоеда
Аудиенции; и людоед,
Приняв его, спросил: «Какую нужду
Вы, Кот, во мне имеете?» На это
Кот отвечал: «Почтенный людоед,
Давно слух носится, что будто вы
Умеете во всякий превращаться,
Какой задумаете, вид; хотел бы
Узнать я, подлинно ль такая мудрость
Дана вам?» – «Это правда; сами, Кот,
Увидите». И мигом он явился
Ужасным львом с густой, косматой гривой
И острыми зубами. Кот при этом
Так струсил, что (хоть был и в сапогах)
В один прыжок под кровлей очутился.
А людоед, захохотавши, принял
Свой прежний вид и попросил Кота
К нему сойти. Спустившись с кровли, Кот

Сказал: «Хотелось бы, однако, знать мне,
Вы можете ль и в маленького зверя,
Вот, например, в мышонка, превратиться?» –
«Могу, – сказал с усмешкой людоед. –
Что ж тут мудреного?» И он явился
Вдруг маленьким мышонком. Кот того
И ждал; он разом: цап! и съел мышонка.
Король тем временем подъехал к замку,
Остановился и хотел узнать,
Чей был он. Кот же, рассчитавшись
С его владельцем, ждал уж у ворот,
И в пояс кланялся, и говорил:
«Не будет ли угодно, государь,
Пожаловать на перепутье в замок
К маркизу Карабасу?» – «Как, маркиз, –
Спросил король, – и этот замок вам же
Принадлежит? Признаться, удивляюсь;
И будет мне приятно побывать в нем».
И приказал король своей коляске
К крыльцу подъехать; вышел из коляски;
Принцессе ж руку предложил маркиз;
И все пошли по лестнице высокой
В покои. Там в пространной галерее
Был стол накрыт и полдник приготовлен
(На этот полдник людоед позвал
Прятелей, но те, узнав, что в замке
Король был, не вошли и все домой
Отправились). И, сев за стол роскошный,
Король велел маркизу сесть меж ним
И дочерью; и стали пировать.
Когда же в голове у короля
Вино позашумело, он маркизу
Сказал: «Хотите ли, маркиз, чтоб дочь
Моя за вас я выдал?» Честь такую
С неимоверной радостью принял
Маркиз. И свадьбу вмиг сыграли. Кот
Остался при дворе, и был в чины
Произведен, и в бархатных являлся
В дни табельные сапогах. Он бросил
Ловить мышей, а если и ловил,
То это для того, чтобы немного
Себя развлечь и сплин, который нажил
Под старость при дворе, воспоминаньем
О светлых днях минувшего рассеять.
Тюльпанное дерево*
Однажды жил, не знаю где, богатый
И добрый человек. Он был женат
И всей душой любил свою жену;
Но не было у них детей; и это
Их сокрушало, и они молились,
Чтобы господь благословил их брак;
И к господу молитва их достигла.
Был сад кругом их дома; на поляне
Там дерево тюльпанное росло.
Под этим деревом однажды (это
Случилось в зимний день) жена сидела
И с яблока румяного ножом
Снимала кожу; вдруг ей острый нож
Легонько палец оцарапал; кровь
Пурпурной каплею на белый снег
Упала; тяжело вздохнув, она
Подумала: «О! если б бог нам дал
Дитя, румяное как эта кровь
И белое как этот чистый снег!
И только что она сказала это, в сердце
Ее как будто что зашевелилось,
Как будто из него утешный голос
Шепнул ей: «Сбудется». Пошла в раздумье

Домой. Проходит месяц – снег растаял;
Другой проходит – все в лугах и рощах
Зазеленело; третий месяц миновался –
Цветы покрыли землю, как ковер;
Прошел четвертый – все в лесу деревья
Срослись в один зеленый свод, и птицы
В густых ветвях запели голосисто,
И с ними весь широкий лес запел.
Когда же пятый месяц был в исходе –
Под дерево тюльпанное она
Пришла; оно так сладко, так свежо
Благоухало, что ее душа
Глубокою, неведомой тоскою
Была проникнута; когда шестой
Свершился месяц – стали наливаться
Плоды и созреть; она же стала
Задумчивей и тише; наступает
Седьмой – и часто, часто под своим
Тюльпанным деревом она одна
Сидит, и плачет, и ее томит
Предчувствие тяжелое; настал
Осьмой – она в конце его больная
Слегла в постелю и сказала мужу
В слезах: «Когда умру, похорони
Меня под деревом тюльпанным»; месяц
Девятый кончился – и родился
У ней сынок, как кровь румяный, белый
Как снег; она ж обрадовалась так,
Что умерла. И муж похоронил
Ее в саду, под деревом тюльпанным.
И горько плакал он об ней; и целый
Проплакал год; и начала печаль
В нем утихать; и наконец утихла
Совсем; и он женился на другой
Жене, и скоро с нею прижил дочь.
Но не была ничем жена вторая
На первую похожа; в дом его
Не принесла она с собою счастья.
Когда она на дочь свою родную
Смотрела, в ней смеялась душа;
Когда ж глаза на сироту, на сына
Другой жены, невольно обращала,
В ней сердце злилось: он как будто ей
И жить мешал; а хитрый искуситель
Против него нашептывал всечасно
Ей злые замыслы. В слезах и в горе
Сиротка рос, и ни одной минуты
Веселой в доме не было ему.
Однажды мать была в своей каморке,
И перед ней стоял сундук открытый
С тяжелой, кованной железом кровлей
И с острым нутряным замком; сундук
Был полон яблок. Тут сказала ей
Марлиночка (так называли дочь):
«Дай яблочко, родная, мне». – «Возьми», –
Ей отвечала мать. «И братцу дай», –
Прибавила Марлиночка. Сначала
Нахмурилась мать; но враг лукавый
Вдруг что-то ей шепнул; она сказала:
«Марлиночка, поди теперь отсюда;
Обоим вам по яблочку я дам,
Когда твой брат воротится домой».
(А из окна уж видела она,
Что мальчик шел, и чудилось ей,
Что будто на нее с ним вместе злое
Шло искушение.) Кованный сундук
Закрыв, она глаза на двери дико
Уставила; когда ж их отворил

Малютка и вошел, ее лицо
Белее стало полотна; поспешно
Она ему дрожащим и глухим
Сказала голосом: «Вынь для себя
И для Марлиночки из сундука
Два яблока». При этом слове ей
Почудилось, что кто-то подле громко
Захотел; а мальчик, на нее
Взглянув, спросил: «Зачем ты на меня
Так страшно смотришь?» – «Выбирай скорее!» –
Она, поднявши кровлю сундука,
Ему сказала, и ее глаза
Сверкнули острым блеском. Мальчик робко
За яблоком нагнулся головой
В сундук; тут ей лукавый враг шепнул:
«Скорей!» И кровлею она тяжелой
Захлопнула сундук, и голова
Малютки, как ножом, была железным
Отрезана замком и, отскочивши,
Упала в яблоки. Холодной дрожью
Злодейку обдало. «Что делать мне?» –
Подумала она, смотря на страшный
Захлопнутый сундук. И вот она
Из шкапа шелковый платок достала,
И, голову отрезанную к шее
Приставив, тем платком их обвила
Так плотно, что приметить ничего
Не можно было, и потом она
Перед дверями мертвого на стул
(Дав в руки яблоко ему и к стенке
Его спиной придвинув) посадила;
И наконец, как будто не была
Ни в чем, пошла на кухню стряпать. Вдруг
Марлиночка в испуге прибежала
И шепчет: «Посмотри туда; там братец
Сидит в дверях на стуле; он так бел;
И держит яблоко в руке; но сам
Не ест; когда ж его я попросила,
Чтоб дал мне яблоко, не отвечал
Ни слова, не взглянул; мне стало страшно».
На то сказала мать: «Поди к нему
И попроси в другой раз; если ж он
Опять ни слова отвечать не будет
И на тебя не взглянет, подери
Его покрепче за ухо: он спит».
Марлиночка пошла и видит: братец
Сидит в дверях на стуле, бел как снег;
Не шевелится, не глядит и держит,
Как прежде, яблоко в руках, но сам
Его не ест. Марлиночка подходит
И говорит: «Дай яблочко мне, братец».
Ответа нет. Тут за ухо она
Тихонько братца дернула; и вдруг
От плеч его отпала голова
И покатила. С криком прибежала
Марлиночка на кухню: «Ах! родная,
Беда, беда! Я братца моего
Убила! Голову оторвала
Я братцу!» И бедняжка заливалась
Слезами и кричала криком. Ей
Сказала мать: «Марлиночка, уж горю
Не пособить; нам надобно скорей
Его прибрать, пока не воротился
Домой отец; возьми и отнеси
Его покуда в сад и спрячь там; завтра
Его сама в овраг я брошу; волки
Его съедят, и косточек никто
Не съест; перестань же плакать; делай,

что я велю». Марлиночка пошла;
Она, широкой белой простынею
Обвивши тело, отнесла его,
Рыдая, в сад, и там его тихонько
Под деревом тюльпанным положила
На свежий дерн, который покрывал
Могилку матери его... И что же?
Могилка вдруг раскрылася, и тело
Взяла, и снова дерн зазеленел
На ней, и расцвели на ней цветы,
И из цветов вдруг выпорхнула птичка,
И весело запела, и взвилась
Под облака, и в облаках пропала.
Марлиночка сперва оторопела;
Потом (как будто кто в ее душе
Печаль заговорил) ей стало вдруг
Легко – пошла домой и никому
О бывшем с нею не сказала. Скоро
Пришел домой отец. Не видя сына,
Спросил он с беспокойством: «Где он?» Мать,
Вся помертвев, поспешно отвечала:
«Ранехонько ушел он со двора
И все еще не возвращался». Было
Уж за полдень; была пора обедать,
И накрывать на стол хозяйка стала.
Марлиночка ж сидела в уголку,
Не шевелясь и молча; день был светлый;
Ни облачка на небе не бродило,
И тихо блеск полуденного солнца
Лежал на зелени дерев, и было
Повсюду все спокойно. Той порою
Спорхнувшая с могилы братца птичка
Летала да летала; вот она
На кустик села под окошком дома,
Где золотых дел мастер жил. Она,
Расправив крылышки, запела громко.
«Зла мачеха зарезала меня;
Отец родной не ведает о том;
Сестрица же Марлиночка меня
Близ матушки родной моей в саду
Под деревом тюльпанным погребла».
Услышав это, золотых дел мастер
В окошко выглянул; он так пленился
Прекрасной птичкою, что закричал:
«Пропой еще раз, милая пичужка!» –
«Я даром дважды петь не стану, – птичка
Сказала, – подари цепочку мне,
И запою». Услышав это, мастер
Богатую ей бросил из окна
Цепочку. Правой лапкою схвативши
Цепочку ту, свою запела песню
Звучней, чем прежде, птичка и, допевши,
Спорхнула с кустика с своей добычей,
И полетела далее, и скоро
На кровлю домика, где жил башмачник,
Спустилася и там опять запела:
«Зла мачеха зарезала меня;
Отец родной не ведает о том;
Сестрица же Марлиночка меня
Близ матушки родной моей в саду
Под деревом тюльпанным погребла».
Башмачник в это время у окна
Шил башмаки; услышав песню, он
Работу бросил, выбежал на двор
И видит, что сидит на кровле птичка
Чудесной красоты. «Ах! птичка, птичка, –
Сказал башмачник, – как же ты прекрасна
Поешь. Нельзя ль еще раз ту же песню

Пропеть?» – «Я даром дважды не пою, –
Сказала птичка, – дай мне пару детских
Сафьянных башмаков». Башмачник тотчас
Ей вынес башмаки. И, левой лапкой
Их взяв, свою опять запела песню
Звучней, чем прежде, птичка и, допевши,
Спорхнула с кровли с новою добычей,
И полетела далее, и скоро
На мельницу, которая стояла
Над быстрой речкою во глубине
Прохладный долины, прилетела.
Был стук и шум от мельничных колес,
И с громом в ней молот огромный жернов;
И в воротах ее рубили двадцать
Работников дрова. На ветку липы,
Которая у мельничных ворот
Росла, спустилась птичка и запела:
«Зла мачеха зарезала меня»,
Один работник, то услышав, поднял
Глаза и перестал рубить дрова.
«Отец родной не ведает о том»;
Оставили еще работу двое.
«Сестрица же Марлиночка меня»;
Тут пятеро еще, глаза на липу
Оборотив, работать перестали.
«Близ матушки родной моей в саду»;
Еще тут восемь вслушались в песню;
Остолбеневши, топоры они
На землю бросили и на певицу
Уставили глаза; когда ж она
Умолкнула, последнее пропев:
«Под деревом тюльпанным погребла»,
Все двадцать разом кинулись к липе
И закричали: «Птичка, птичка, спой нам
Еще раз песенку твою». На это
Сказала птичка: «Дважды петь не стану
Я даром; если же вы этот жернов
Дадите мне, я запою». – «Дадим,
Дадим!» – в один все голос закричали.
С трудом великим общей силой жернов
Подняв с земли, они его надели
На шею птичке; и она, как будто
В жемчужном ожерелье, отряхнувшись,
И крылышки расправивши, запела
Звучней, чем прежде, и, допев, спорхнула
С зеленой ветви, и умчалась быстро,
На шее жернов, в правой лапке цепь,
И в левой башмаки. И так она
На дерево тюльпанное в саду
Спустилась. Той порой отец сидел
Перед окном; по-прежнему в углу
Марлиночка; а мать на стол сбирала.
«Как мне легко! – сказал отец. – Как светел
И тепел майский день!» – «А мне, – сказала
Жена, – так тяжело, так душно!
Как будто бы собирается гроза».
Марлиночка ж, прижавшись в уголок,
Не шевелилася, сидела молча
И плакала. А птичка той порой,
На дереве тюльпанном отдохнувши,
Полетом тихим к дому полетела.
«Как на душе моей легко! – опять
Сказал отец. – Как будто бы кого
Родного мне увидеть». – «Мне ж, – сказала
Жена, – так страшно! все во мне дрожит;
И кровь по жилам льется как огонь».
Марлиночка ж ни слова; в уголку
Сидит, не шевелясь, и тихо плачет.

Вдруг птичка, к дому подлетев, запела:
«Зла мачеха зарезала меня»;
Услышав это, мать в оцепененье
Зажмурила глаза, заткнула уши,
Чтоб не видать и не слышать; но в уши
Гудело ей, как будто шум грозы,
В зажмуренных глазах ее сверкало,
Как молния, и пот смертельный тело
Ее, как змей холодный, обвивал.
«Отец родной не ведает о том».
«Жена, – сказал отец, – смотри, какая
Там птичка! Как поет! А день так тих,
Так ясен и такой повсюду запах,
Что скажешь: вся земля в цветы оделась.
Пойду и посмотрю на эту птичку». –
«Останься, не ходи, – сказала в страхе
Жена. – Мне чудится, что весь наш дом
В огне». Но он пошел. А птичка пела:
«Близ матушки родной моей в саду
Под деревом тюльпанным погребла».
И в этот миг цепочка золотая
Упала перед ним. «Смотрите, – он
Сказал, – какой подарок дорогой
Мне птичка бросила». Тут не могла
Жена от страха устоять на месте
И начала как в исступленье бегать
По горнице. Опять запела птичка:
«Зла мачеха зарезала тебя»,
А мачеха бледнела и шептала:
«О! если б на меня упали горы,
Лишь только б этой песни не слышать!» –
«Отец родной не ведает о том»;
Тут повалилася она на землю,
Как мертвая, как труп окостенелый.
«Сестрица же Марлиночка меня...»
Марлиночка, вскочив при этом с места,
Сказала: «Побегу, не даст ли птичка
Чего и мне». И, выбежав, глазами
Она искала птички. Вдруг упали
Ей в руки башмаки; она в ладоши
От радости захлопала. «Мне было
До этих пор так грустно, а теперь
Так стало весело, так живо!» –
«Нет, – простонала мать, – я не могу
Здесь оставаться; я задохнусь; сердце
Готово лопнуть». И она вскочила;
На голове ее стояли дыбом,
Как пламень, волосы, и ей казалось,
Что все кругом ее валилось. В двери
Она в безумье кинулась... Но только
Ступила за порог, тяжелый жернов
Бух!.. и ее как будто не бывало;
На месте же, где казнь над ней свершилась,
Столбом огонь поднялся из земли.
Когда же исчез огонь, живой явился
Там братец; и Марлиночка к нему
На шею кинулась. Отец же долго
Искал жены глазами; но ее
Он не нашел. Потом все трое сели,
Усердно богу помолясь, за стол;
Но за столом никто не ел, и все
Молчали; и у всех на сердце было
Спокойно, как бывает всякой раз,
Когда оно почувствует живей
Присутствие невидимого бога.
Сказка о Иване-Царевиче и Сером Волке*
Давным-давно был в некотором царстве
Могучий царь, по имени Демьян

Данилович. Он царствовал премудро;
И было у него три сына: Клим –
Царевич, Петр-царевич и Иван –
Царевич. Да еще был у него
Прекрасный сад, и чудная росла
В саду том яблоня; всё золотые
Родились яблоки на ней. Но вдруг
В тех яблоках царевых оказался
Великий недочет; и царь Демьян
Данилович был так тем опечален,
Что похудел, лишился аппетита
И впал в бессонницу. Вот наконец,
Призвав к себе своих трех сыновей,
Он им сказал: «Сердечные друзья
И сыновья мои родные, Клим –
Царевич, Петр-царевич и Иван –
Царевич, должно вам теперь большую
Услугу оказать мне; в царский сад мой
Повадился таскаться ночью вор;
И золотых уж очень много яблок
Пропало; для меня ж пропажа эта
Тошнее смерти. Слушайте, друзья:
Тому из вас, кому поймать удастся
Под яблоней ночного вора, я
Отдам при жизни половину царства;
Когда ж умру, и все ему оставлю
В наследство». Сыновья, услышав то,
Что им сказал отец, уговорились
Поочередно в сад ходить, и ночь
Не спать, и вора сторожить. И первый
Пошел, как скоро ночь настала, Клим –
Царевич в сад, и там залег в густую
Траву под яблоней, и с полчаса
В ней пролежал, да и заснул так крепко,
Что полдень был, когда, глаза продрвав,
Он поднялся, во весь зевая рот.
И, возвратясь, царю Демьяну он
Сказал, что вор в ту ночь не приходил.
Другая ночь настала; Петр-царевич
Сел сторожить под яблонею вора;
Он целый час крепился, в темноту
Во все глаза глядел, но в темноте
Все было пусто; наконец и он,
Не одолев дремоты, повалился
В траву и захрапел на целый сад.
Давно был день, когда проснулся он.
Пришед к царю, ему донес он так же,
Как Клим-царевич, что и в эту ночь
Красть царских яблок вор не приходил.
На третью ночь отправился Иван –
Царевич в сад по очереди вора
Стеречь. Под яблоней он притаился,
Сидел не шевелясь, глядел прилежно
И не дремал; и вот, когда настала
Глухая полночь, сад весь облеснуло
Как будто молнией; и что же видит
Иван-царевич? От востока быстро
Летит жар-птица, огненной звездой
Блестя и в день преобращая ночь.
Прижавшись к яблоне, Иван-царевич
Сидит, не движется, не дышит, ждет,
Что будет? Сев на яблоню, жар-птица
За дело принялась и нарвала
С десятков яблок. Тут Иван-царевич,
Тихохонько поднявшись из травы,
Схватил за хвост воровку; уронив
На землю яблоки, она рванулась
Всей силою и вырвала из рук

Царевича свой хвост и улетела;
Однако у него в руках одно
Перо осталось, и такой был блеск
От этого пера, что целый сад
Казался огненным. К царю Демьяну
Пришед, Иван-царевич доложил
Ему, что вор нашелся и что этот
Вор был не человек, а птица; в знак же,
Что правду он сказал, Иван-царевич
Почтительно царю Демьяну подал
Перо, которое он из хвоста
У вора вырвал. С радости отец
Его расцеловал. С тех пор не стали
Красть яблок золотых, и царь Демьян
Развеселился, пополнел и начал
По-прежнему есть, пить и спать. Но в нем
Желанье сильное зажглось: добыть
Воровку яблок, чудную жар-птицу.
Призвав к себе двух старших сыновей,
«Друзья мои, – сказал он, – Клим-царевич
И Петр-царевич, вам уже давно
Пора людей увидеть и себя
Им показать. С моим благословеньем
И с помощью господней поезжайте
На подвиги и наживите честь
Себе и славу; мне ж, царю, достаньте
Жар-птицу; кто из вас ее достанет,
Тому при жизни я отдам полцарства,
А после смерти все ему оставлю
В наследство». Поклонясь царю, немедля
Царевичи отправились в дорогу.
Немного времени спустя пришел
К царю Иван-царевич и сказал:
«Родитель мой, великий государь
Демьян Данилович, позволь мне ехать
За братьями; и мне пора людей
Увидеть, и себя им показать,
И честь себе нажить от них и славу.
Да и тебе, царю, я угодить
Желал бы, для тебя достав жар-птицу.
Родительское мне благословенье
Дай и позволь пуститься в путь мой с богом».
На это царь сказал: «Иван-царевич,
Еще ты молод, погоди; твоя
Пора придет; теперь же ты меня
Не покидай; я стар, уж мне недолго
На свете жить; а если я один
Умру, то на кого покину свой
Народ и царство?» Но Иван-царевич
Был так упрям, что напоследок царь
И нехотя его благословил.
И в путь отправился Иван-царевич;
И ехал, ехал, и приехал к месту,
Где разделялася дорога на три.
Он на распутье том увидел столб,
А на столбе такую надпись: «Кто
Поедет прямо, будет всю дорогу
И голоден и холоден; кто вправо
Поедет, будет жив, да конь его
Умрет, а влево кто поедет, сам
Умрет, да конь его жив будет». Вправо,
Подумавши, поворотить решился
Иван-царевич. Он недолго ехал;
Вдруг выбежал из леса Серый Волк
И кинулся свирепо на коня;
И не успел Иван-царевич взяться
За меч, как был уж конь заеден,
И Серый Волк пропал. Иван-царевич,

Повесив голову, пошел тихонько
Пешком; но шел недолго; перед ним
По-прежнему явился Серый Волк
И человеческим голосом сказал:
«Мне жаль, Иван-царевич, мой сердечный,
что твоего я доброго коня
Заел, но ты ведь сам, конечно, видел,
что на столбу написано; тому
Так следовало быть; однако ж ты
Свою печаль забудь и на меня
Садись; тебе я верю и правдой
Служить отныне буду. Ну, скажи же,
Куда теперь ты едешь и зачем?»
И Серому Иван-царевич Волку
Все рассказал. А Серый Волк ему
Ответствовал: «Где отыскать жар-птицу,
Я знаю; ну, садися на меня,
Иван-царевич, и поедем с богом».
И Серый Волк быстрее всякой птицы
Помчался с седоком, и с ним он в полночь
У каменной стены остановился.
«Приехали, Иван-царевич! – Волк
Сказал, – но слушай, в клетке золотой
За этою оградю висит
Жар-птица; ты ее из клетки
Достань тихонько, клетки же отнюдь
Не трогай: попадешь в беду». Иван –
Царевич перелез через ограду;
За ней в саду увидел он жар-птицу
В богатой клетке золотой, и сад
Был освещен, как будто солнцем. Вынув
Из клетки золотой жар-птицу, он
Подумал: «В чем же мне ее везти?»
И, позабыв, что Серый Волк ему
Советовал, взял клетку; но отсюда
Проведены к ней были струны; громкий
Поднялся звон, и сторожа проснулись,
И в сад сбегались, и в саду Ивана –
Царевича схватили, и к царю
Представили, а царь (он назывался
Далматом) так сказал: «Откуда ты?
И кто ты?» – «Я Иван-царевич; мой
Отец, Демьян Данилович, владеет
Великим, сильным государством; ваша
Жар-птица по ночам летать в наш сад
Повадилась, чтоб золотые красть
Там яблоки: за ней меня послал
Родитель мой, великий государь
Демьян Данилович». На это царь
Далмат сказал: «Царевич ты иль нет,
Того не знаю я; но, если правду
Сказал ты, то не царским ремеслом
Ты промышляешь; мог бы прямо мне
Сказать: отдай мне, царь Далмат, жар-птицу,
И я тебе ее руками б отдал
Во уважение того, что царь
Демьян Данилович, столь знаменитый
Своей премудростью, тебе отец.
Но слушай, я тебе мою жар-птицу
Охотно уступлю, когда ты сам
Достанешь мне коня Золотогрива;
Принадлежит могучему царю
Афрону он. За тридевять земель
Ты в тридесятое отправься царство
И у могучего царя Афона
Мне выпроси коня Золотогрива
Иль хитростью какой его достань.
Когда ж ко мне с конем не возвратишься,

То по всему расславлю свету я,
что ты не царский сын, а вор; и будет
Тогда тебе великий срам и стыд».
Повесив голову, Иван-царевич
Пошел туда, где был им Серый Волк
Оставлен. Серый Волк ему сказал:
«Напрасно же меня, Иван-царевич,
Ты не послушался; но пособить
Уж нечем; будь вперед умней; поедем
За тридевять земель к царю Афрону».
И Серый Волк быстрее всякой птицы
Помчался с седоком; и к ночи в царство
Царя Афона прибыли они
И у дверей конюшни царской там
Остановились. «Ну, Иван-царевич,
Послушай, – Серый Волк сказал, – войди
В конюшню; конюха спят крепко; ты
Легко из стойла выведешь коня
Золотогрива; только не бери
Его уздечки; снова попадешь в беду».
В конюшню царскую Иван-царевич
Вошел, и вывел он коня из стойла;
Но на беду, взглянув на уздечку,
Прельстился ею так, что позабыл
Совсем о том, что Серый Волк сказал,
И снял с гвоздя уздечку. Но и к ней
Проведены отсюда были струны;
Все зазвенело; конюха вскочили;
И был с конем Иван-царевич пойман,
И привели его к царю Афрону.
И царь Афон спросил сурово: «Кто ты?»
Ему Иван-царевич то ж в ответ
Сказал, что и царю Далмату. Царь
Афон отвечал: «Хороший ты
Царевич! Так ли должно поступать
Царевичам? И царское ли дело
Шататься по ночам и воровать
Коней? С тебя я буйную бы мог
Снять голову; но молодость твою
Мне жалко погубить; да и коня
Золотогрива дать я соглашусь,
Лишь поезжай за тридевять земель
Ты в тридесятое отсюда царство
Да привези оттуда мне царевну
Прекрасную Елену, дочь царя
Могучего Касима; если ж мне
Ее не привезешь, то я везде расславлю,
что ты ночной бродяга, плут и вор».
Опять, повесив голову, пошел
Туда Иван-царевич, где его
Ждал Серый Волк. И Серый Волк сказал:
«Ой ты, Иван-царевич! Если б я
Тебя так не любил, здесь моего бы
И духу не было. Ну, полно охать,
Садися на меня, поедем с богом
За тридевять земель к царю Касиму;
Теперь мое, а не твое уж дело».
И Серый Волк опять скакать с Иваном –
Царевичем пустился. Вот они
Проехали уж тридевять земель,
И вот они уж в тридесятом царстве;
И Серый Волк, ссадив с себя Ивана –
Царевича, сказал: «Недалеко
Отсюда царский сад; туда один
Пойду я; ты ж меня дождись под этим
Зеленым дубом». Серый Волк пошел,
И перелез через ограду сада,
И закопался в куст, и там лежал

Не шевелясь. Прекрасная Елена
Касимовна – с ней красные девицы,
И мамушки, и нянюшки – пошла
Прогуливаться в сад; а Серый Волк
Того и ждал: приметив, что царевна,
От прочих отделяясь, шла одна,
Он выскочил из-под куста, схватил
Царевну, за спину ее свою
Закинул и давай бог ноги. Страшный
Крик подняли и красные девицы,
И мамушки, и нянюшки; и весь
Сбежался двор, министры, камергеры
И генералы; царь велел собрать
Охотников и всех спустить своих
Собак борзых и гончих – все напрасно:
Уж Серый Волк с царевной и с Иваном –
Царевичем был далеко, и след
Давно простыл; царевна же лежала
Без всякого движенья у Ивана –
Царевича в руках (так Серый Волк
Ее, сердечную, перепугал).
Вот понемногу начала она
Входить в себя, пошевелилась, глазки
Прекрасные открыла и, совсем
Очнувшись, подняла их на Ивана –
Царевича и покраснела вся,
Как роза алая; и с ней Иван –
Царевич покраснел, и в этот миг
Она и он друг друга полюбили
Так сильно, что ни в сказке рассказать,
Ни описать пером того не можно.
И впал в глубокую печаль Иван –
Царевич: крепко, крепко не хотелось
С царевною Еленю ему
Расстаться и ее отдать царю
Афрону; да и ей самой то было
Страшнее смерти. Серый Волк, заметив
Их горе, так сказал: «Иван-царевич,
Изволишь ты кручиниться напрасно;
Я помогу твоей кручине: это
Не служба – службишка; прямая служба
Ждет впереди». И вот они уж в царстве
Царя Афрона. Серый Волк сказал:
«Иван-царевич, здесь должны умненько
Мы поступить: я превращусь в царевну;
А ты со мной явись к царю Афрону.
Меня ему отдай и, получив
Коня Золотогрива, поезжай вперед
С Еленю Касимовной; меня вы
Дождитесь в скрытном месте; ждате же вам
Не будет скучно». Тут, ударясь оземь,
Стал Серый Волк царевною Еленю
Касимовной. Иван-царевич, сдав
Его с рук на руки царю Афрону
И получив коня Золотогрива,
На том коне стрелой пустился в лес,
Где настоящая его ждала
Царевна. Во дворце ж царя Афрона
Тем временем готовилась свадьба:
И в тот же день с невестой царь к венцу
Пошел; когда же их перевенчали
И молодой был должен молодую
Поцеловать, губами царь Афон
С шершавою столкнулся волчьей мордой,
И эта морда за нос укусила
Царя, и не жену перед собой
Красавицу, а волка царь Афон
Увидел; Серый Волк недолго стал

Тут церемониться: он сбил хвостом
Царя Афрона с ног и прынул в двери.
Все принялись кричать: «Держи, держи!
Лови, лови!» Куда ты! Уж Ивана –
Царевича с царевною Еленой
Давно догнал проворный Серый Волк;
И уж, сошед с коня Золотогрива,
Иван-царевич пересел на Волка,
И уж вперед они опять, как вихри,
Летели. Вот приехали и в царство
Далматово они. И Серый Волк
Сказал: «В коня Золотогрива
Я превращусь, а ты, Иван-царевич,
Меня отдав царю и взяв жар-птицу,
По-прежнему с царевною Еленой
Ступай вперед; я скоро догоню вас».
Так все и сделалось, как Волк устроил.
Немедленно велел Золотогрива
Царь оседлать, и выехал на нем
Он с свитою придворной на охоту;
И впереди у всех он поскакал
За зайцем; все придворные кричали:
«Как молодецки скачет царь Далмат!»
Но вдруг из-под него на всем скаку
Юркнул шершавый Волк, и царь Далмат,
Перекувырнувшись с его спины,
Вмиг очутился головою вниз,
Ногами вверх, и, по плечá ушедши
В распаханную землю, упирался
В нее руками, и, напрасно сясь
Освободиться, в воздухе болтал
Ногами; вся к нему тут свита
Скакать пустилася; освободили
Царя; потом все принялись громко
Кричать: «Лови, лови! Трави, трави!»
Но было некого травить; на Волке
Уже по-прежнему сидел Иван –
Царевич; на коне ж Золотогриве
Царевна, и под ней Золотогрив
Гордился и плясал; не торопясь,
Большой дорогою они шагком
Тихонько ехали; и мало ль, долго ль
Их длилася дорога – наконец
Они доехали до места, где Иван –
Царевич Серым Волком в первый раз
Был встречен; и еще лежали там
Его коня белеющие кости;
И Серый Волк, вздохнув, сказал Ивану –
Царевичу: «Теперь, Иван-царевич,
Пришла пора друг друга нам покинуть;
Я верю и правдою доньше
Тебе служил, и ласкою твоею
Доволен, и, покуда жив, тебя
Не позабуду; здесь же на прощанье
Хочу тебе совет полезный дать:
Будь осторожен, люди злы; и братьям
Родным не верь. Молю усердно бога,
Чтоб ты домой доехал без беды
И чтоб меня обрадовал приятным
Известьем о себе. Прости, Иван –
Царевич». С этим словом Волк исчез.
Погоревав о нем, Иван-царевич,
С царевною Еленой на седле,
С жар-птицей в клетке за плечами, дале
Поехал на коне Золотогриве,
И ехали они дня три, четыре;
И вот, подъехавши к границе царства,
Где властвовал премудрый царь Демьян

Данилович, увидели богатый
Шатер, разбитый на лугу зеленом;
И из шатра к ним вышли... кто же? Клим
И Петр царевичи. Иван-царевич
Был встречею такую несказанно
Обрадован; а братьям в сердце зависть
Змеей вползла, когда они жар-птицу
С царевною Еленой у Ивана –
Царевича увидели в руках:
Была им мысль несносна показаться
Без ничего к отцу, тогда как брат
Меньшой воротится к нему с жар-птицей,
С прекрасною невестой и с конем
Золотогривом и еще получит
Полцарства по приезде; а когда
Отец умрет, и все возьмет в наследство.
И вот они замыслили злодейство:
Вид дружеский принявши, пригласили
Они в шатер свой отдохнуть Ивана –
Царевича с царевною Еленой
Прекрасною. Без подозренья оба
Вошли в шатер. Иван-царевич, долгой
Дорогой утомленный, лег и скоро
Заснул глубоким сном; того и ждали
Злодеи братья: мигом острый меч
Они ему вонзили в грудь, и в поле
Его оставили, и, взяв царевну,
Жар-птицу и коня Золотогрива,
Как добрые, отправились в путь.
А между тем, недвижим, бездыханен,
Облитый кровью, на поле широком
Лежал Иван-царевич. Так прошел
Весь день; уже склоняться начинало
На запад солнце; поле было пусто;
И уж над мертвым с черным вороненком
Носился, каркая и распутивши
Широко крылья, хищный ворон. Вдруг,
Откуда ни возьмись, явился Серый
Волк: он, беду великую почуяв,
На помощь подоспел; еще б минута,
И было б поздно. Угадав, какой
Был умысел у ворона, он дал
Ему на мертвое спуститься тело;
И только тот спустился, разом цап
Его за хвост; закаркал старый ворон.
«Пусти меня на волю, Серый Волк», –
Кричал он. «Не пущу, – тот отвечал, –
Пока не принесет твой вороненок
Живой и мертвой мне воды!» И ворон
Велел лететь скорее вороненку
За мертвою и за живой водою.
Сын полетел, а Серый Волк, отца
Порядком скомкав, с ним весьма учтиво
Стал разговаривать, и старый ворон
Довольно мог ему порассказать
О том, что он видал в свой долгий век
Меж птиц и меж людей. И слушал
Его с большим вниманьем Серый Волк
И мудрости его необычайной
Дивился, но, однако, все за хвост
Его держал и иногда, чтоб он
Не забывался, мял его легонько
В когтистых лапах. Солнце село; ночь
Настала и прошла; и занялась
Заря, когда с живой водой и мертвой
В двух пузырьках проворный вороненок
Явился. Серый Волк взял пузырьки
И ворона-отца пустил на волю.

Потом он с пузырьками подошел
К лежавшему недвижимо Ивану –
Царевичу: сперва его он мертвой
Водю вспрыснул – и в минуту рана
Его закрылася, окостенелость
Пропала в мертвых членах, заиграл
Румянец на щеках; его он вспрыснул
Живой водой – и он открыл глаза,
Пошевелился, потянулся, встал
И молвил: «Как же долго проспал я!» –
«И вечно бы тебе здесь спать, Иван –
Царевич, – Серый Волк сказал, – когда б
Не я; теперь тебе прямую службу
Я отслужил; но эта служба, знай,
Последняя; отныне о себе
Заботься сам. А от меня прими
Совет и поступи, как я тебе скажу.
Твоих злодеев братьев нет уж боле
На свете; им могучий чародей
Кощей бессмертный голову обоим
Свернул, и этот чародей навел
На ваше царство сон; и твой родитель
И подданные все его теперь
Непробудимо спят; твою ж царевну
С жар-птицей и конем Золотогривом
Похитил вор Кощей; все трое
Заключены в его волшебном замке.
Но ты, Иван-царевич, за свою
Невесту ничего не бойся; злой
Кощей над нею власти никакой
Иметь не может: сильный талисман
Есть у царевны; выйти ж ей из замка
Нельзя; ее избавит только смерть
Кощеева; а как найти ту смерть, и я
Того не ведаю; об этом Баба
Яга одна сказать лишь может. Ты,
Иван-царевич, должен эту Бабу
Ягу найти; она в дремучем, темном лесе,
В седом, глухом бору живет в избушке
На курьих ножках; в этот лес еще
Никто следа не пролагал; в него
Ни дикий зверь не заходил, ни птица
Не залетала. Разъезжает Баба
Яга по целой поднебесной в ступе,
Пестом железным погоняет, след
Метлою замечает. От нее
Одной узнаешь ты, Иван-царевич,
Как смерть Кощееву тебе достать.
А я тебе скажу, где ты найдешь
Коня, который привезет тебя
Прямой дорогой в лес дремучий к Бабе
Яге. Ступай отсюда на восток;
Придешь на луг зеленый; посреди
Его растут три дуба; меж дубами
В земле чугунная зарыта дверь
С кольцом; за то кольцо ты подыми
Ту дверь и вниз по лестнице сойди;
Там за двенадцатью дверями заперт
Конь богатырский; сам из подземелья
К тебе он выбежит; того коня
Возьми и с богом поезжай; с дороги
Он не собьется. Ну, теперь прости,
Иван-царевич; если бог велит
С тобой нам свидеться, то это будет
Не иначе, как у тебя на свадьбе».
И Серый Волк помчался к лесу; вслед
За ним смотрел Иван-царевич с грустью;
Волк, к лесу подбежавши, обернулся,

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu

В последний раз махнул издалека
Хвостом и скрылся. А Иван-царевич,
Оборотившись на восток лицом,
Пошел вперед. Идет он день, идет
Другой; на третий он приходит к лугу
Зеленому; на том лугу три дуба
Растут; меж тех дубов находит он
Чугунную с кольцом железным дверь;
Он подымает дверь; под тою дверью
Крутая лестница; по ней он вниз
Спускается, и перед ним внизу
Другая дверь, чугунная ж, и крепко
Она замком всячим заперта.
И вдруг, он слышит, конь заржал; и ржанье
Так было сильно, что, с петлей сорвавшись,
Дверь наземь рухнула с ужасным стуком;
И видит он, что вместе с ней упало
Еще одиннадцать дверей чугунных.
За этими чугунными дверями
Давным-давно конь богатырский заперт
Был колдуном. Иван-царевич свистнул;
Почуяв седока, на молодецкий
Свист богатырский конь из стойла прынул
И прибежал, легок, могуч, красив,
Глаза как звезды, пламенные ноздри,
Как туча грива, словом, конь не конь,
А чудо. Чтоб узнать, каков он силой,
Иван-царевич по спине его
Повел рукой, и под рукой могучей
Конь захрапел и сильно пошатнулся,
Но устоял, копыта втиснув в землю;
И человеческим голосом Ивану –
Царевичу сказал он: «Добрый витязь,
Иван-царевич, мне такой, как ты,
Седок и надобен; готов тебе
Я верю и правдою служить;
Садися на меня, и с богом в путь наш
Отправимся; на свете все дороги
Я знаю; только прикажи, куда
Тебя везти, туда и привезу».
Иван-царевич в двух словах коню
Все объяснил и, севши на него,
Прикрикнул. И взвился могучий конь,
От радости заржавши, на дыбы;
Бьет по крутым бедрам его седок;
И конь бежит, под ним земля дрожит;
Несется выше он дерев стоячих,
Несется ниже облаков ходячих,
И прядает через широкий дол,
И застилает узкий дол хвостом,
И грудью все заграды пробивает,
Летя стрелой и легкими ногами
Былиночки к земле не пригибая,
Пылиночки с земли не подымая.
Но, так скакав день целый, наконец
Конь утомился, пот с него бежал
Ручьями, весь был окружен, как дымом,
Горячим паром он. Иван-царевич,
Чтоб дать ему вздохнуть, поехал шагом;
Уж было под вечер; широким полем
Иван-царевич ехал и прекрасным
Закатом солнца любовался. Вдруг
Он слышит дикий крик; глядит... и что же?
Два Лешая дерутся на дороге,
Кусаются, брыкаются, друг друга
Рогами тычут. К ним Иван-царевич
Подъехавши, спросил: «За что у вас,
Ребята, дело стало?» – «Вот за что, –

Сказал один. – Три клада нам достались:
Драчун-дубинка, скатерть-самобранка
Да шапка-невидимка – нас же двое;
Как поровну нам разделиться? Мы
Заспорили, и вышла драка; ты
Разумный человек; подай совет нам,
Как поступить?» – «А вот как, – им Иван –
Царевич отвечал. – Пущу стрелу,
А вы за ней бегите; с места ж, где
Она на землю упадет, обратно
Пуститесь взапуски ко мне; кто первый
Здесь будет, тот возьмет себе на выбор
Два клада; а другому взять один.
Согласны ль вы?» – «Согласны», – закричали
Рогатые; и стали рядом. Лук
Тугой свой натянув, пустил стрелу
Иван-царевич: Лешие за ней
Помчались, выпуча глаза, оставив
На месте скатерть, шапку и дубинку.
Тогда Иван-царевич, взяв под мышку
И скатерть и дубинку, на себя
Надел спокойно шапку-невидимку,
Стал невидим и сам и конь и дале
Поехал, глупым Лешаям оставив
На произвол, начать ли снова драку
Иль помириться. Богатырский конь
Поспел еще до захожденья солнца
В дремучий лес, где обитала Баба
Яга. И, въехав в лес, Иван-царевич
Дивится древности его огромных
Дубов и сосен, тускло освещенных
Зарей вечернею; и все в нем тихо:
Деревья все как сонные стоят,
Не колыхнется лист, не шевельнется
Былинка; нет живого ничего
В безмолвной глубине лесной, ни птицы
Между ветвей, ни в травке червяка;
Лишь слышится в молчанье повсеместном
Гремучий топот конский. Наконец
Иван-царевич выехал к избушке
На курьих ножках. Он сказал: «Избушка,
Избушка, к лесу стань задом, ко мне
Стань передом». И перед ним избушка
Перевернулась; он в нее вошел;
В дверях остановись, перекрестился
На все четыре стороны, потом,
Как должно, поклонился и, глазами
Избушку всю окинувши, увидел,
Что на полу ее лежала Баба
Яга, уперши ноги в потолок
И в угол голову. Услышав стук
В дверях, она сказала: «Фу! фу! фу!
Какое диво! Русского здесь духу
До этих пор не слыхано слыхом,
Не видано видом, а нынче русский
Дух уж в очах свершается. Зачем
Пожаловал сюда, Иван-царевич?
Неволею иль волею? Доныне
Здесь ни дубравный зверь не проходил,
Ни птица легкая не пролетала,
Ни богатырь лихой не проезжал;
Тебя как бог сюда занес, Иван –
Царевич?» – «Ах, безмозглая ты ведьма! –
Сказал Иван-царевич Бабе
Яге. – Сначала накорми, напой
Меня ты, мóлодца; да постели
Постелю мне, да выпасться мне дай,
Потом расспрашивай». И тотчас Баба

Яга, поднявшись на ноги, Ивана –
Царевича как следует обмыла
И выпарила в бане, накормила
И напоила, да и тотчас спать
В постелю уложила, так примолвив:
«Спи, добрый витязь; утро мудренее,
Чем вечер; здесь теперь спокойно
Ты отдохнешь; нуждú ж свою расскажешь
Мне завтра; я, как знаю, помогу».
Иван-царевич, богу помолясь,
В постелю лег и скоро сном глубоким
Заснул и проспал до полудня. Вставши,
Умывшись, одевшись, он Бабе
Яге подробно рассказал, зачем
Заехал к ней в дремучий лес; и Баба
Яга ему ответствовала так:
«Ах! добрый молодец Иван-царевич,
Затеял ты нешуточное дело;
Но не кручинься, все уладим с богом;
Я научу, как смерть тебе Кощея
Бессмертного достать; изволь меня
Послушать: на море на Окиане,
На острове великом на Буяне
Есть старый дуб; под этим старым дубом
Зарыт сундук, окованный железом;
В том сундуке лежит пушистый заяц;
В том зайце утка серая сидит;
А в утке той яйцо; в яйце же смерть
Кощеева. Ты то яйцо возьми
И с ним ступай к Кощею, а когда
В его приедешь замок, то увидишь,
Что змей двенадцатиголовый вход
В тот замок стережет; ты с этим змеем
Не думай драться, у тебя на то
Дубинка есть; она его уймет.
А ты, надевши шапку-невидимку,
Иди прямой дорогою к Кощею
Бессмертному; в минуту он издохнет,
Как скоро ты при нем яйцо раздавишь.
Смотри лишь не забудь, когда назад
Поедешь, взять и гусли-самогуды:
Лишь их игрою только твой родитель
Демьян Данилович и все его
Заснувшее с ним вместе государство
Пробуждены быть могут. Ну, теперь
Прости, Иван-царевич; бог с тобою;
Твой добрый конь найдет дорогу сам;
Когда ж свершишь опасный подвиг свой,
То и меня, старуху, помяни
Не лихом, а добром». Иван-царевич,
Простившись с Бабою Ягою, сел
На доброго коня, перекрестился,
По-молодецки свистнул, конь помчался,
И скоро лес дремучий за Иваном –
Царевичем пропал вдали, и скоро
Мелькнуло впереди чертою синей
На крае неба море Окиан.
Вот прискакал и к морю Окиану
Иван-царевич. Осмотрясь, он видит,
Что у моря лежит рыбачий невод
И что в том неводе морская щука
Трепещется. И вдруг ему та щука
По-человечьи говорит: «Иван –
Царевич, вынь из невода меня
И в море брось; тебе я пригожуся».
Иван-царевич тотчас просьбу щуки
Исполнил, и она, хлестнув хвостом
В знак благодарности, исчезла в море.

А на море глядит Иван-царевич
В недоумении; на самом крае,
Где небо с ним как будто бы слилось,
Он видит, длинной полосой остров
Буян чернеет; он и недалек;
Но кто туда перевезет? Вдруг конь
Заговорил: «О чем, Иван-царевич,
Задумался? О том ли, как добраться
Нам до Буяна острова? Да что
За трудность? Я тебе корабль; сиди
На мне, да крепче за меня держись,
Да не робей, и духом доплывем».
И в гриву конскую Иван-царевич
Рукою впутался, крутые бедра
Коня ногами крепко стиснул; конь
Рассвирепел и, расказакавшись, прынул
С крутого берега в морскую бездну;
На миг и он и всадник в глубине
Пропали; вдруг раздвинулася с шумом
Морская зыбь, и вынырнул могучий
Конь из нее с отважным седоком;
И начал конь копытами и грудью
Бить по водам и волны пробивать,
И вокруг него кипела, волновалась,
И пенилась, и брызгами взлетала
Морская зыбь, и сильными прыжками,
Под крепкие копыта загребая
Кругом ревущую волну, как легкий
На парусах корабль с попутным ветром,
Вперед стремился конь, и длинный след
Шипящею бежал за ним змею;
И скоро он до острова Буяна
Доплыл и на берег его отлогий
Из моря выбежал, покрытый пеной.
Не стал Иван-царевич медлить; он,
Коня пустив по шелковому лугу
Ходить, гулять и травку медовую
Щипать, пошел поспешным шагом к дубу,
Который рос у берега морского
На высоте муравчатого холма.
И, к дубу подошед, Иван-царевич
Его шатнул рукою богатырской,
Но крепкий дуб не пошатнулся; он
Опять его шатнул – дуб скрипнул; он
Еще шатнул его и посильнее,
Дуб покачнулся, и под ним коренья
Зашевелили землю; тут Иван-царевич
Всей силою рванул его – и с треском
Он повалился, из земли коренья
Со всех сторон, как змеи, поднялися,
И там, где ими дуб впивался в землю,
Глубокая открылась яма. В ней
Иван-царевич кованный сундук
Увидел; тотчас тот сундук из ямы
Он вытащил, висячий сбил замок,
Взял за уши лежавшего там зайца
И разорвал; но только лишь успел
Он зайца разорвать, как из него
Вдруг выпорхнула утка; быстро
Она взвилась и полетела к морю;
В нее пустил стрелу Иван-царевич,
И метко так, что пронизал ее
Насквозь; закрикав, кувырнулася утка;
И из нее вдруг выпало яйцо
И прямо в море; и пошло, как ключ,
Ко дну. Иван-царевич ахнул; вдруг,
Откуда ни возьмись, морская щука
Сверкнула на воде, потом юркнула,

Хлестнув хвостом, на дно, потом опять
Всплыла и, к берегу с яйцом во рту
Тихохонько приближась, на песке
Яйцо оставила, потом сказала:
«Ты видишь сам теперь, Иван-царевич,
что я тебе в час нужный пригодилась».
С сим словом щука уплыла. Иван –
Царевич взял яйцо; и конь могучий
С Буяна острова на твердый берег
Его обратно перенес. И дале
Конь поскакал и скоро прискакал
К крутой горе, на высоте которой
Кощеев замок был; ее подошва
Обведена была стеной железной;
И у ворот железной той стены
Двенадцатиголовый змей лежал;
И из его двенадцати голов
Всегда шесть спали, шесть не спали, днем
И ночью по два раза для надзора
Сменяясь; а в виду ворот железных
Никто и вдалеке остановиться
Не смел; змей подымался, и от зуб
Его уж не было спасенья – он
Был невредим и только сам себя
Мог умертвить: чужая ж сила сладить
С ним никакая не могла. Но конь
Был осторожен; он подвез Ивана –
Царевича к горе со стороны,
Противной воротам, в которых змей
Лежал и караулил; потихоньку
Иван-царевич в шапке-невидимке
Подъехал к змею; шесть его голов
Во все глаза по сторонам глядели,
Разинув рты, оскалив зубы; шесть
Других голов на вытянутых шеях
Лежали на земле, не шевелясь,
И, сном объятые, храпели. Тут
Иван-царевич, подтолкнув дубинку,
Висевшую спокойно на седло,
Шепнул ей: «Начинай!» Не стала долго
Дубинка думать, тотчас прыг с седла,
На змея кинулась и ну его
По головам и спящим и неспящим
Гвоздить. Он зашипел, озлился, начал
Туда, сюда бросаться; а дубинка
Его себе колотит да колотит;
Лишь только он одну разинет пасть,
Чтобы ее схватить – ан нет, прощу
Не торопиться, уж она
Ему другую чешет морду; все он
Двенадцать ртов откроет, чтоб ее
Поймать, – она по всем его зубам,
Оскаленным как будто напоказ,
Гуляет и все зубы чистит; взыв
И все носы наморщив, он зажмет
Все рты и лапами схватить дубинку
Попробует – она тогда его
Честит по всем двенадцати затылкам;
Змей в исступлении, как одурелый,
Кидался, выл, кувырчался, от злости
Дышал огнем, грыз землю – все напрасно!
Не торопясь, отчетливо, спокойно,
Без промахов, над ним свою дубинка
Работу продолжает и его,
Как на току усердный цеп, молотит;
Змей наконец озлился так, что начал
Грызть самого себя и, когти в грудь
Себе вдруг запустив, рванул так сильно,

что разорвался надвое и, с визгом
на землю грянувшись, издох. Дубинка
Работу и над мертвым продолжать
Свою, как над живым, хотела; но
Иван-царевич ей сказал: «Довольно!»
И вмиг она, как будто не бывала
Ни в чем, повисла на седле. Иван –
Царевич, у ворот коня оставив
И разостлавши скатерть-самобранку
У ног его, чтоб мог усталый конь
Наестся и напиться вдоволь, сам
Пошел, покрытый шапкой-невидимкой,
С дубинкою на всякий случай и с яйцом
В Кощеев замок. Трудновато было
Карабкаться ему на верх горы;
Вот, наконец, добрался и до замка
Кощеева Иван-царевич. Вдруг
Он слышит, что в саду недалекó
Играют гусли-самогуды; в сад
Вошедши, в самом деле он увидел,
Что гусли на дубу висели и играли
И что под дубом тем сама Елена
Прекрасная сидела, погрузившись
В раздумье. Шапку-невидимку снявши,
Он тотчас ей явился и рукою
Знак подал, чтоб она молчала. Ей
Потом он на ухо шепнул: «Я смерть
Кошееву принес; ты подожди
Меня на этом месте; я с ним скоро
Управлюся и возвращусь; и мы
Немедленно уедем». Тут Иван –
Царевич, снова шапку-невидимку
Надев, хотел идти искать Кощея
Бессмертного в его волшебном замке,
Но он и сам пожаловал. Приблизась,
Он стал перед царевною Еленой
Прекрасною и начал попрекать ей
Ее печаль и говорить: «Иван –
Царевич твой к тебе уж не придет;
Его уж нам не воскресить. Но чем же
Я не жених тебе, скажи сама,
Прекрасная моя царевна? Полно ж
Упрямитесь, упрямство не поможет;
Из рук моих оно тебя не вырвет;
Уж я...» Дубинке тут шепнул Иван –
Царевич: «Начинай!» И принялась
Она трепать Кощею спину. С криком,
Как бешеный, коверкаться и прыгать
Он начал, а Иван-царевич, шапки
Не сняв, стал приговаривать: «Прибавь,
Прибавь, дубинка; поделом ему,
Собаке: не воруй чужих невест;
Не докучай своею волчьей харей
И глупым сватовством своим прекрасным
Царевнам; злого сна не наводи
На царства! Крепче бей его, дубинка!» –
«Да где ты! Покажись! – кричал Кощей. –
Кто ты таков?» – «А вот кто!» – отвечал
Иван-царевич, шапку-невидимку
Сняв с головы своей, и в то ж мгновение
Ударил оземь он яйцо; оно
Разбилось вдребезги; Кощей бессмертный
Перекувырнулся и окошел.
Иван-царевич из саду с царевной
Еленой прекрасной вышел, взяты
Не позабывши гусли-самогуды,
Жар-птицу и коня Золотогрива.
Когда ж они с крутой горы спустились

И, севши на коней, в обратный путь
Поехали, гора, ужасно затрещав,
Упала с замком, и на месте том
Явилось озеро, и долго черный
Над ним клубился дым, распространяясь
По всей окрестности с великим смрадом.
Тем временем Иван-царевич, дав
Коням на волю их везти, как им
Самим хотелось, весело с прекрасной
Невестой ехал. Скатерть-самобранка
Усердно им дорогою служила,
И был всегда готов им вкусный завтрак,
Обед и ужин в надлежащий час:
На мураве душистой утром, в полдень
Под деревом густовершинным, ночью
Под шелковым шатром, который был
Всегда из двух отдельных половин
Составлен. И за каждой их трапезой
Играли гусли-самогуды; ночью
Светила им жар-птица, а дубинка
Стояла на часах перед шатром;
Кони же, подружась, гуляли вместе,
Катались по бархатному лугу,
Или траву росистую щипали,
Иль, голову кладя поочередно
Друг другу на спину, спокойно спали.
Так ехали они путем-дорогой
И наконец приехали в то царство,
Которым властвовал отец Ивана –
Царевича, премудрый царь Демьян
Данилович. И царство все, от самых
Его границ до царского дворца,
Объято было сном непробудимым;
И где они ни проезжали, все
Там спало; на поле перед сохой
Стояли спящие волы; близ них
С своим бичом, взмахнутым и заснувшим
На взмахе, пахарь спал; среди большой
Дороги спал ездок с конем, и пыль,
Поднявшись, сонная, недвижимым клубом
Стояла; в воздухе был мертвый сон;
На деревьях листья дремали молча;
И в ветвях сонные молчали птицы;
В селеньях, в городах все было тихо,
Как будто в гробе: люди по домам,
На улицах, гуляя, сидя, стоя,
И с ними всё: собаки, кошки, куры,
В конюшнях лошади, в закутах овцы,
И мухи на стенах, и дым в трубах –
Все спало. Так в отцовскую столицу
Иван-царевич напоследок прибыл
С царевною Еленою прекрасной.
И, на широкий въехав царский двор,
Они на нем лежащие два трупа
Увидели: то были Клим и Петр
Царевичи, убитые Кощеем.
Иван-царевич, мимо караула,
Стоявшего в параде сонным строем,
Прошед, по лестнице повел невесту
В покои царские. Был во дворце,
По случаю прибытия двух старших
Царевых сыновей, богатый пир
В тот самый час, когда убил обоих
Царевичей и сон на весь народ
Навел Кощей: весь пир в одно мгновенье
Тогда заснул, кто как сидел, кто как
Ходил, кто как плясал; и в этом сне
Еще их всех нашел Иван-царевич;

Демьян Данилович спал стоя; подле
Царя храпел министр его двора
С открытым ртом, с неконченным во рту
Докладом; и придворные чины,
Все вытянувшись, сонные стояли
Перед царем, уставив на него
Свои глаза, потухшие от сна,
С подбострастием на сонных лицах,
С заснувшею улыбкой на губах.
Иван-царевич, подошед с царевной
Еленю прекрасною к царю,
Сказал: «Играйте, гусли-самогуды»;
И заиграли гусли-самогуды..
Вдруг все очнулось, все заговорило,
Запрыгало и заплясало; словно
Ни на минуту не был прерван пир.
А царь Демьян Данилович, увидя,
Что перед ним с царевною Еленю
Прекрасною стоит Иван-царевич,
Его любимый сын, едва совсем
Не обезумел: он смеялся, плакал,
Глядел на сына, глаз не отводя,
И целовал его, и миловал,
И напоследок так развеселился,
Что руки в боки и пошел плясать
С царевною Еленю прекрасной.
Потом он приказал стрелять из пушек,
Звонить в колокола и бирючам
Столице возвестить, что возвратился
Иван-царевич, что ему полцарства
Теперь же уступает царь Демьян
Данилович, что он наименован
Наследником, что завтра брак его
С царевною Еленю свершится
В придворной церкви и что царь Демьян
Данилович весь свой народ зовет
На свадьбу к сыну, всех военных, статских,
Министров, генералов, всех дворян
Богатых, всех дворян мелкопоместных,
Купцов, мещан, простых людей и даже
Всех нищих. И на следующий день
Невесту с женихом повел Демьян
Данилович к венцу; когда же их
Перевенчали, тотчас поздравленья
Им принесли все знатные чины
Обоих полов; а народ на площади
Дворцовой той порой кипел, как море;
Когда же вышел с молодыми царь
К нему на золотой балкон, от крика:
«Да здравствует наш государь Демьян
Данилович с наследником Иваном –
Царевичем и с дочерью царевной
Еленю прекрасною!» все зданья
Столицы дрогнули и от взлетевших
На воздух шапок божий день затмился.
Вот на обед все званные царем
Сошлись гости – вся его столица;
В домах остались одни больные
Да дети, кошки и собаки. Тут
Свое проворство скатерть-самобранка
Явила: вдруг она на целый город
Раскинулась; сама собою площадь
Уставилась столами, и столы
По улицам в два ряда протянулись;
На всех столах сервиз был золотой,
И не стекло, хрусталь; а под столами
Шелковые ковры повсюду были
Разостланы; и всем гостям служили

Гейдуки в золотых ливреях. Был
Обед такой, какого никогда
Никто не слыхивал: уха, как жидкий
янтарь, сверкавшая в больших кастрюлях;
Огромножирные, длиною в сажень
Из Волги стерляди на золотых
Узорных блюдах; кулебяка с сладкой
Начинкою, с груздями гуси, каша
С сметаною, блины с икрою свежей
И крупной, как жемчуг, и пироги
Подовые, потопленные в масле;
А для питья шипучий квас в хрустальных
Кувшинах, мартовское пиво, мед
Душистый и вино из всех земель:
Шампанское, венгерское, мадера,
И ренское, и всякие наливки –
Короче молвить, скатерть-самобранка
Так отличилась, что было чудо.
Но и дубинка не лежала праздно:
Вся гвардия была за царский стол
Приглашена, вся даже городская
Полиция – дубинка молодецки
За всех одна служила: во дворце
Держала караул; она ж ходила
По улицам, чтоб наблюдать везде
Порядок: кто ей пьяный нападался,
Того она толкала в спину прямо
На съезжую; кого ж в пустом где доме
За кражею она ловила, тот
Был так отшлепан, что от воровства
Навеки отрекался и вступал
В путь добродетели – дубинка, словом,
Неимоверные во время пира
Царю, гостям и городу всему
Услуги оказала. Между тем
Все во дворце кипело, гости ели
И пили так, что с их румяных лиц
Катился пот; тут гусли-самогуды
Явили все усердие свое:
При них не нужен был оркестр, и гости
Уж музыки наслышались такой,
Какая никогда им и во сне
Не грезилась. Но вот, когда, наполнив
Вином заздравный кубок, царь Демьян
Данилович хотел провозгласить
Сам многолетье новобрачным, громко
На площади раздался трубный звук;
Все изумились, все оторопели;
Царь с молодыми сам идет к окну,
И что же их является очам?
Карета в восемь лошадей (трубач
С трубою впереди) к крыльцу дворца
Сквозь улицу толпы народной скачет;
И та карета золотая; козлы
С подушкою и бархатным покрыты
Наметом; назади шесть гейдуков;
Шесть скороходов по бокам; ливреи
На них из серого сукна, по швам
Басоны; на каретных дверцах герб:
В червленом поле волчий хвост под графской
Корonoю. В карету заглянув,
Иван-царевич закричал: «Да это
Мой благодетель Серый волк!» Его
Встречать бегом он побежал. И точно,
Сидел в карете Серый волк; Иван –
Царевич, подскочив к карете, дверцы
Сам отворил, подножку сам откинул
И гостя высадил; потом он, с ним

Поцеловавшись, взял его за лапу,
Ввел во дворец и сам его царю
Представил. Серый Волк, отдав поклон
Царю, осанисто на задних лапах
Всех обошел гостей, мужчин и дам,
И всем, как следует, по комплименту
Приятному сказал; он был одет
Отлично: красная на голове
Ермолка с кисточкой, под морду лентой
Подвязанная; шелковый платок
На шее; куртка с золотым шитьем;
Перчатки лайковые с бахромою;
Перепоясанные тонкой шалью
Из алого атласа шаровары;
Сафьянные на задних лапах туфли,
И на хвосте серебряная сетка
С жемчужной кистью – так был Серый Волк
Одет. И всех своим он обхождением
Очаровал; не только что простые
Дворяне маленьких чинов и средних,
Но и чины придворные, статс-дамы
И фрейлины все были от него
Как без ума. И, гостя за столом
С собою рядом посадив, Демьян
Данилович с ним кубком в кубок стукнул
И возгласил здоровье новобрачным,
И пушечный заздравный грянул залп.
Пир царский и народный продолжался
До темной ночи; а когда настала
Ночная тьма, жар-птицу на балконе
В ее богатой клетке золотой
Поставили, и весь дворец, и площадь,
И улицы, кипевшие народом,
Яснее дня жар-птица осветила.
И до утра столица пиновала.
Был ночевать оставлен Серый Волк;
Когда же на другое утро он,
Собравшись в путь, прощаться стал с Иваном –
Царевичем, его Иван-царевич
Стал уговаривать, чтоб он у них
Остался на житье, и уверял,
Что всякую получит почесть он,
Что во дворце дадут ему квартиру,
Что будет он по чину в первом классе,
Что разом все получит ордена,
И прочее. Подумав, Серый Волк
В знак своего согласия Ивану –
Царевичу дал лапу, и Иван –
Царевич так был тронут тем, что лапу
Поцеловал. И во дворце стал жить
Да поживать по-царски Серый Волк.
Вот наконец, по долгом, мирном, славном
Владычестве, премудрый царь Демьян
Данилович скончался, на престол
Взошел Иван Демьянович; с своей
Царицей он до самых поздних лет
Достигнул, и господь благословил
Их многими детьми; а Серый Волк
Душою в душу жил с царем Иваном
Демьяновичем, нянчился с его
Детьми, сам, как дитя, резвился с ними,
Меньшим рассказывал нередко сказки,
А старших выучил читать, писать
И арифметике, и им давал
Полезные для сердца наставленья.
Вот напоследок, царствовав премудро,
И царь Иван Демьянович скончался;
За ним последовал и Серый Волк

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu

В могилу. Но в его нашлись бумагах
Подробные записки обо всем,
Что на своем веку в лесу и свете
Заметил он, и мы из тех записок
Составили правдивый наш рассказ.
Эпические произведения
Слово о полку Игореве*
Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!
Начаться же сей песни
По былинам сего времени,
А не по вымыслам Бояновым.
Вещий Боян,
Если песнь кому сотворить хотел,
Растекался мыслию по древу,
Серым волком по земле,
Сизым орлом под облаками.
Вам памятно, как пели о бранях первых времен:
Тогда пускались десять соколов на стадо лебедей;
Чей сокол долетал, того и песнь прежде пелась:
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу,
Сразившему Редю перед полками касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.
Боян же, братия, не десять соколов на стадо лебедей пускал,
Он вещи персты свои на живые струны вскладывал,
И сами они славу князьям рокотали.
Начнем же, братия, повесть сию
От старого Владимира до нынешнего Игоря.
Натянул он ум свой крепостью,
Изострил он мужеством сердце,
Ратным духом исполнился
И навел храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю Русскую.
Тогда Игорь воззрел на светлое солнце,
Увидел он воинов своих, тьмой от него прикрытых,
И рек Игорь дружине своей:
«Братия и дружина!
Лучше нам быть порубленным, чем дань в полон.
Сядем же, други, на борзых коней
Да посмотрим синего Дона!»
Вспала князю на ум охота,
А знаменье заступило ему желание
Отведать Дона великого.
«Хочу, – он рек, – преломить копье
На конце поля половецкого с вами, люди русские!
Хочу положить свою голову
Или выпить шелоном из Дона».
О Боян, соловей старого времени!
Как бы воспел ты битвы сии,
Скача соловьем по мысленну древу,
Взлетая умом под облаки,
Свивая все славы сего времени,
Рыща тропю Трояновой через поля на горы!
Тебе бы песнь гласить Игорю, оного Олега внуку:
Не буря соколов занесла чрез поля широкие –
Галки стадами бегут к Дону великому!
Тебе бы петь, вещий Боян, внук Велесов!
Ржут кони за Сулю,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новеграде,
Стоят знамена в Путивле,
Игорь ждет милого брата Всеволода.
И рек ему буй-тур Всеволод:
«Один мне брат, один свет светлый ты, Игорь!
Оба мы Святославичи!
Седлай же, брат, борзых коней своих,

А мои тебе готовы,
Оседланы пред Курском.
Метки в стрельбе мои куряне,
Под трубами повиты,
Под шеломами взлелеяны,
Концом копья вскормлены,
Пути им все ведомы,
Овраги им знаемы,
Луки у них натянуты,
Тулы отворены,
Сабли отпущены,
Сами скачут, как серые волки в поле,
Ища себе чести, а князю славы».
Тогда вступил князь Игорь в золотое стремя
И поехал по чистому полю.
Солнце дорогу ему тьмой заступило;
Ночь, грозою шумя на него, птиц пробудила;
Рев в стадах звериных;
Див кличет на верху древа:
Велит прислушать земле неизвестной,
Волге, Поморию, и Посулию,
И Сурожу, и Корсуню,
И тебе, истукан тьмутараканский!
И половцы неготовыми дорогами побежали к Дону великому.
Кричат в полночь телеги, словно распущенны лебеди.
Игорь ратных к Дону ведет!
Уже беда его птиц скликает,
И волки угрозой воют по оврагам,
Клектом орлы на кости зверей зовут,
Лисицы брешут на червлёные щиты..
О Русская земля! Уж ты за горами
Далеко!
Ночь меркнет,
Свет-заря запала,
Мгла поля покрыла,
Щекот соловьиный заснул,
Галичий говор затих.
Русские поле великое червлёными щитами прегородили,
Ища себе чести, а князю славы.
В пятницу на заре потоптали они нечестивые полки половецкие
И, рассеясь стрелами по полю, помчали красных дев половецких,
А с ними и золото, и паволоки, и драгие оксамиты,
Ортмами, епанчицами, и кожухами, и разными узорочьями половецкими
По болотам и грязным местам начали мосты мостить.
А стяг червлёный с белою хоругвию,
А челка червлёная с древком серебряным
Храброму Святославичу!
Дремлет в поле Олегово храброе гнездо –
Далеко залетело!
Не родилось оно на обиду
Ни соколу, ни кречету,
Ни тебе, чёрный ворон, неверный половчанин!
Гзак бежит серым волком,
А кончак ему след прокладывает к Дону великому.
И рано на другой день кровавые зори свет поведают;
Чёрные тучи с моря идут,
Хотят прикрыть четыре солнца,
И в них трепещут синие молнии.
Быть грому великому!
Иди дождю стрелами с Дону великого!
Тут-то копьям поломаться,
Тут-то саблям притупиться
О шелома половецкие,
На реке на Каяле, у Дона великого!
О Русская земля, далеко уж ты за горами!
И ветры, Стрибоговы внуки,
Веют с моря стрелами
На храбрые полки Игоревы.

Земля гремит,
Реки текут мутно,
Прахи поля покрывают,
Стяги глаголют!
Половцы идут от Дона, и от моря, и от всех сторон.
Русские полки отступили.
Бесовы дети кликом поля прегородили,
А храбрые русские щитами червленными.
Ярый тур Всеволод!
Стоишь на обороне,
Прыщешь на ратных стрелами,
Гремишь по шеломам мечом харалужным;
Где ты, тур, ни проскачешь, шеломом златым посвечивая,
Там лежат нечестивые головы половецкие,
Порубленные калеными саблями шлемы аварские
От тебя, ярый тур Всеволод!
Какою раною подорожит он, братие,
Он, позабывший о жизни и почестях,
О граде Чернигове, златом престоле родительском,
О свычае и обычае милой супруги своей Глебовны красная.
Были веки Трояновы,
Миновались лета Ярославовы;
Были битвы Олега,
Олега Святославича.
Тот Олег мечом крамолу ковал,
И стрелы он по земле сеял.
Ступал он в златое стремя в граде Тьмутаракане!
Молву об нем слышал давний великий Ярослав, сын Всеволодов,
А князь Владимир всякое утро уши затыкал в Чернигове.
Бориса же Вячеславича слава на суд привела,
И на конскую зеленую попону положили его
За обиду Олега, храброго юного князя.
С той же Каялы Святополк после сечи увел отца своего
Между угорскою конницею ко святой Софии в Киев.
Тогда при Ольге Гориславиче сеялось и выростало междуусобием.
Погибала жизнь Дажьбожиих внуков,
Во крамолах княжеских век человеческий сокращался.
Тогда по Русской земле редко оратаи распевали,
Но часто граяли враны,
Трупы деля меж собою;
А галки речь свою говорили:
Хотим полететь на добычу.
То было в тех сечах, в тех битвах,
Но битвы такой и не слыхано!
От утра до вечера,
От вечера до света
Летают стрелы каленые,
Гремят мечи о шеломах,
Трещат харалужные копья
В поле неизвестном
Среди земли Половецкия.
Черна земля под копытами
Костью была посеяна,
Полита была кровию,
И по Русской земле взошло бедой!..
Что мне шумит,
Что мне звенит
Так задолго рано перед зарею?
Игорь полки заворачивает:
Жаль ему милого брата Всеволода.
Бились день,
Бились другой,
На третий день к полдню
Пали знамена Игоревы!
Тут разлучились братья на бреге быстрой Каялы;
Тут кровавого вина не достало;
Тут пир докончили бесстрашные русские:
Сватов попили,

А сами легли за Русскую землю!
Поникает трава от жалости.
А древо печалию
К земле преклонилось.
Уже невеселое, братья, время настало;
Уже пустыня силу прикрыла!
И встала обида в силах Даждьбожих внуков,
Девой вступя на Троянову землю,
Крыльями всплеснула лебедиными,
На синем море у Дона плескаяся.
Прошли времена, благоденствием обильные,
Миновалися брани князей на неверных.
Брат сказал брату: то мое, а это мое же!
И стали князья говорить про малое, как про великое,
И сами на себя крамолу ковать,
А неверные со всех сторон приходили с победами на Русскую землю!..
О! далеко залетел ты, сокол, сбивая птиц к морю!
А храброму полку Игореву уже не воскреснуть!
Вслед за ним крикнули Карна и Жля и по Русской земле поскакали,
Мча разорение в пламенном роге!
Жены русские всплакали, приговаривая:
«Уж нам своих милых лад
Ни мыслию смыслить,
Ни думаю сдумать,
Ни очами сглядеть,
А злата-серебра много утрачено!»
И застонал, друзья, Киев печалию,
Чернигов напастию,
Тоска разлилась по Русской земле,
Обильна печаль потекла среди земли Русския.
Князи сами на себя крамолу ковали,
А неверные сами с победами набегали на Русскую землю,
Дань собирая по белке с двора.
Так-то сии два храбрые Святославича,
Игорь и Всеволод, раздор пробудили,
Едва усypил его мощный отец их,
Святослав грозный, великий князь киевский.
Гроза был Святослав!
Притрепетал он врагов своими сильными битвами
И мечами булатными;
Наступил он на землю Половецкую,
Притоптал холмы и овраги,
Возмутил озера и реки,
Иссушил потоки, болота;
А Кобяка неверного из луки моря,
От железных великих полков половецких
Вырвал, как вихорь!
И Кобяк очутился в городе Киеве,
В гриднице Святославовой.
Немцы и венедаы,
Греки и моравы
Славу поют Святославу,
Кают Игоря-князя,
Погрузившего силу на дне Каялы, реки половецкия,
Насыпая ее золотом русским.
Там Игорь-князь из золотого седла пересел на седло отрока;
Уныли в градах забрады,
И веселие поникло.
И Святославу смутный сон привиделся.
«В Киеве на горах в ночь сию с вечера
Одевали меня, – рек он, – черным покровом на кровати тесовой;
Черпали мне синее вино, с горечью смешанное;
Сыпали мне пустыми колчанами
Жемчуг великой в нечистых раковинах на лоно
И меня нежили.
А кровля без князя была на тереме моем златоверхом.
И с вечера целую ночь граяли враны зловещие,
Слетевшись на выгон в дебри Кисановой...»

Уж не послать ли мне к синему морю?»
И бояре князю в ответ рекли:
«Печаль нам, князь, умы полонила;
Слетели два сокола с золотого престола отцовского,
Поискать города Тьмутараканя
Или выпить шеломам из Дона.
Уж соколам и крылья неверных саблями подрублены,
Сами ж запутаны в железных опутинах».
В третий день тьма наступила.
Два солнца померкли,
Два багряных столпа угасли,
А с ними и два молодые месяца, Олег и Святослав,
Тьмою подернулись.
На реке на Каяле свет темнотою покрылся.
Гнездом леопардов простерлись половцы по Русской земле
И в море ее погрузили,
И в хана вселилось буйство великое.
Нашла хула на хвалу,
Неволя грянула на волю,
Вергнулся Див на землю!
Вот уж и готские красные девы
Вспели на бреге синего моря;
Звоня золотом русским,
Поют они время Бусово,
Величают мечь Шаруканову.
А наши дружины гладны веселием!»
Тогда изронил Святослав великий слово златое, со слезами смешанное:
«О сыновья мои, Игорь и Всеволод!
Рано вы стали мечами разить Половецкую землю,
А себе искать славы!
Не с честью вы победили,
С нечестьем пролили кровь неверную!
Ваше храброе сердце в жестоком булате заковано
И в буйстве закалено!
То ль сотворили вы моей серебряной седине!
Уже не вижу могущества моего сильного, богатого, многовойного брата Ярослава
С его черниговскими племенами,
С монгутами, татранами и шелбирами,
С топчаками, ревугами и олберами!
Они без щитов с кинжалами засапожными
Кликом полки побеждали,
Звеня славою прадедов.
Вы же рекли: «Мы одни постоим за себя,
Славу передню сами похитим,
Заднюю славу сами поделим!»
И не диво бы, братья, старому стать молодым.
Сокол ученый
Птиц высоко взбивает,
Не даст он в обиду гнезда своего!
Но горе, горе! князья мне не в помощь!
Времена обратились на низкое!
Вот и у Роменя кричат под саблями половецкими,
А князь Владимир под ранами.
Горе и беда сыну Глебову!
Где ж ты, великий князь Всеволод?
Иль не помыслишь прилететь издалеча, отцовский златой престол защитить?
Силен ты веслами Волгу разбрызгать,
А Дон шеломами вычерпать,
Будь ты с нами, и была бы дева по ногате,
А отрок по резане.
Ты же по суху можешь
Стрелять живыми шереширами с чадами Глеба удалыми;
А вы, бесстрашные Рюрик с Давыдом,
Не ваши ль позлащенные шелома в крови плавали?
Не ваша ль храбрая дружина рыкает,
Словно как туры, калеными саблями ранены, в поле неизвестном?
Вступите, вступите в стремя златое
За честь сего времени, за Русскую землю,

За раны Игоря, буйного Святославича!
Ты, галицкий князь Осьмомысл Ярослав,
Высоко ты сидишь на престоле своем златокованом,
Подпер Угрские горы полками железными,
Заступил ты путь королю,
Затворил Дунаю ворота,
Бремена через облака мечешь,
Рядишь суды до Дуная,
И угроза твоя по землям течет,
Ворота отворяешь к Киеву,
Стреляешь в султанов с золотого престола отцовского через дальние земли.
Стреляй же, князь, в Кончака, неверного кощея, за Русскую землю,
За раны Игоря, буйного Святославича!
А ты, Мстислав, и ты, смелый Роман!
Храбрая мысль носит вас на подвиги,
Высоко взлетаете вы на дело отважное,
Словно как сокол на ветрах ширяется,
Птиц одолеть замышляя в отважности!
Шеломы у вас латинские, под ними железные панцири!
Дрогнули от них земля и многие области ханов,
Литва, деремела, ятвяги,
И половцы, копья свои повергнув,
Главы подклонили
Под ваши мечи харалужные.
Но уже для Игоря-князя солнце свет свой утратило
И древо свой лист не добром сронило;
По Роси, по Суле грады поделены,
А храброму полку Игоря уже не воскреснуть!
Дон тебя, князя, кличет,
Дон зовет князей на победу!
Ольговичи, храбрые князи, доспели на бой.
Вы же, Ингвар, и Всеволод, и все три Мстиславича,
Не худого гнезда шестокрильцы,
Не по жеребью ли победы власть себе вы похитили?
На что вам золотые шеломы,
Ваши польские копья, щиты?
Заградите в поле врата своими острыми стрелами
За землю Русскую, за раны Игоря, смелого Святославича!
Не течет уже Суда струею серебряной
Ко граду Переяславлю;
Уж и Двина болотом течет
К оным грозным полочанам под кликом неверных.
Один Изяслав, сын Васильков,
Позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские,
Утратил он славу деда своего Всеслава,
Под червленными щитами на кровавой траве
Положен мечами литовскими,
И на сем одре возгласил он:
«Дружину твою, князь Изяслав,
Крылья птиц приодели,
И звери кровь полизали!»
Не было тут брата Брячислава, ни другого – Всеволода.
Один изронил ты жемчужную душу
Из храброго тела
Через золотое ожерелье!
Голоса приуныли,
Поникло веселие,
Трубят городенские трубы.
И ты, Ярослав, и вы, внуки Всеслава,
Пришлось преклонить вам стяги свои,
Пришлось вам в ножны вонзить мечи поврежденные!
Отскочили вы от дедовской славы,
Навели нечестивых крамолами
На Русскую землю, на жизнь Всеславу!
О, какое ж бывало вам прежде насилие от земли Половецкия!
На седьмом веке Трояновом
Бросил Всеслав жребий о девице, ему милой.
Он, подпершись клюками, сел на коня,

Поскакал ко граду Киеву
И коснулся древком копья до золотого престола Киевского.
Лютым зверем в полночь поскакал он из Белграда,
Синею мглой обвешенный,
К утру ж, вонзивши стригузы, раздвинул врата Новугороду,
Славу расшиб Ярославову,
Волком помчался с Дудуток к Немизе.
На Немизе стелют снопы головами,
Молотят цепами булатными,
Жизнь на току кладут,
Веют душу от тела.
Кровавые бреги Немизы не добром были посеяны,
Посеяны костями русских сынов.
Князь Всеслав людей судил,
Князьям он рядил города,
А сам в ночи волком рыскал;
До петухов он из Киева успевал к Тьмутаракани,
К Херсоню великому волком он путь перерыскивал.
Ему в Полоцке рано к заутрене зазвонили
В колокола у святых Софии,
А он в Киеве звон слышал!
Пусть и вещая душа была в крепком теле,
Но часто страдал он от бед.
Ему первому и вещей Боян мудрым припевом предрек:
«Будь хитер, будь смышлен.
Будь по птице горазд,
Но божьего суда не минуешь!»
О, стонать тебе, земля Русская,
Вспоминая времена первые и первых князей!
Нельзя было старого Владимира пригвоздить к горам киевским!
Стяги его стали ныне Рюриковы,
Другие Давыдовы;
Нося на рогах их, воны ныне землю пашут,
И копья славят на Дунае».
Голос Ярославнин слышится, на заре одинокой чечоткою кличет:
«Полечу, – говорит, – чечоткою по Дунаю,
□□□Омочу бобровый рукав в Каяле-реке,
□□□Оботру князю кровавые раны на отвердевшем теле его».
Ярославна поутру плачет в Путивле на стене, приговаривая:
«О ветер, ты, ветер!
□□□К чему же так сильно веешь?
□□□На что же наносишь ты стрелы ханские
□□□Своими легковейными крыльями
□□□На воинов лады моей?
□□□Мало ль подоблачных гор твоему веяню?
□□□Мало ль кораблей на синем море твоему лелеяню?
□□□На что ж, как ковыль-траву, ты развеял мое веселие?»
Ярославна поутру плачет в Путивле на стене, припеваючи:
«О ты, Днепр, ты, Днепр, ты, слава-река!
□□□Ты пробил горы каменные
□□□Сквозь землю Половецкую;
□□□Ты, лелея, нес суда Святославовы к рати Кобяковой:
□□□Прилелей же ко мне ты ладу мою,
□□□Чтоб не слала к нему по утрам, по зорям слез я на море!»
Ярославна поутру плачет в Путивле на стене городской, припеваючи:
«Ты, светлое, ты, пресветлое солнышко!
□□□Ты для всех тепло, ты для всех красно!
□□□Что ж так простерло ты свой горячий луч на воинов лады моей,
□□□Что в безводной степи луки им сжало жаждой
□□□И заточило им тулы печалию?»
Прыснуло море к полуночи;
Идут мглою туманы;
Игорю-князю бог путь указывает
Из земли Половецкой в Русскую землю,
К золотому престолу отцовскому.
Приугасла заря вечерняя.
Игорь-князь спит – не спит:
Игорь мыслию поле меряет

От великого Дона
До малого Донца.
Конь к полуночи;
Овлур свистнул за рекою,
Чтоб князь догадался.
Не быть князю Игорю!
Кликнула, стукнула земля;
Зашумела трава:
Половецкие вежи подвигнулись.
Прянул князь Игорь горностаем в тростник,
Белым гоголем на воду;
Взвергнулся князь на быстра коня,
Соскочил с него босым волком,
И помчался он к лугу Донца;
Полетел он, как сокол под мглами,
Избивая гусей-лебедей к завтраку, обеду и ужину.
Когда Игорь-князь соколом полетел,
Тогда Овлур волком потек за ним,
Сбивая с травы студеную росу:
Притомили они своих борзых коней!
Донец говорит: «Ты, Игорь-князь!
Не мало тебе величия,
Кончаку нелюбия,
Русской земле веселия!»
Игорь в ответ: «Ты, Донец-река!
И тебе славы не мало,
Тебе, лелеявшему на волнах князя,
Подстилавшему ему зеленую траву
На своих берегах серебряных,
Одевавшему его теплыми мглами
Под навесом зеленого древа,
Охранявшему его на воде гоголем,
Чайками на струях,
Чернедями на ветрах,
Не такова, – примолвил он, – Стugna-река:
Худая про нее слава!
Пожирает она чужие ручьи,
Струги меж кустов расторгает.
А юноше князю Ростиславу
Днепр затворил брега зеленые.
Плачет мать Ростиславова
По юноше князе Ростиславе.
Увянул цвет жалобю,
А деревья печалию к земле преклонило».
Не сороки защекотали –
Вслед за Игорем едут Гзак и Кончак.
Тогда враны не граяли,
Галки замолкли,
Сороки не стрекотали,
Ползком только ползали,
Дятлы стуком путь к реке кажут,
Соловьи веселыми песнями свет прорекают.
Молвил Гзак Кончаку:
«Если сокол ко гнезду долетит,
Соколенка мы расстреляем стрелами злаченными!»
Гзак в ответ Кончаку:
«Если сокол ко гнезду долетит,
Соколенка опутаем красной девицей!»
И сказал опять Гзак Кончаку:
«Если опутаем красной девицей,
То соколенка не будет у нас,
Не будет и красной девицы,
И начнут нас бить птицы в поле половецком!»
Пел Боян, песнотворец старого времени,
Пел он походы на Святослава,
Правнука Ярославова, сына Ольгова, супруга дщери Когановой.
«Тяжко, – сказал он, – быть голове без плеч,
Худо телу, как нет головы!»

Худо Русской земле без Игоря!
Солнце светит на небе –
Игорь-князь в Русской земле!
Девы поют на Дунае,
Голоса долетают через море до Киева,
Игорь едет по Боричеву
Ко святой богородице Пирогощей.
Радостны земли,
Веселы грады! –
Песнь мы спели старым князьям,
Песнь мы спели князьям молодым:
Слава Игорю Святославичу!
Слава буйному туру Всеволоду!
Слава Владимиру Игоревичу!
Здравствуйте, князья и дружина,
Поборая за христиан полки неверные!
Слава князьям, а дружине аминь!
Разрушение Трои
(из «Энеиды» Виргилия)*
Все молчат, обратив на Энея внимательны лица.
С ложа высокого так начинает Эней-прародитель:
«О царица, велишь обновить несказанное горе:
Как погибла Троя, как Приамово царство
Греки низринули, всё, чему я плачевный свидетель,
Всё, чего я был главная часть... повествуя об этом,
Кто – мирмидон ли, долоп ли, свирепый ли ратник Улисса –
Слез не прольет! Но влажная ночь уже низлетела
С тихого неба; ко сну приглашают сходящие звезды.
Если ж толь сильно желание слышать о наших страданьях,
Слышать о страшном последнем часе разрушенной Трои, –
Сколь ни тяжело душе вспоминать о бедах толь великих,
Я повинюсь. Войной утомленны, отверженны роком,
Столько напрасно утративши лет, полководцы данаев
Хитрым искусством небесной Паллады коня сотворили,
Дивно-огромного, плотные ребра из крепкия сосны,
В жертву богам при отплытии (так молва разгласила).
Тут избранных мужей, назначенных жребием, тайно
Скрыли они в пространные недра чудовища: полно
Сделалось чрево громады одеянных броней ратных.
Близ Илиона лежит Тенедос, знаменитый издревле
Остров, обильный, доколе стояло царство Приама,
Ныне же бедный залив, кораблям ненадежная пристань.
Там, удалясь, у пустых берегов притаились данаи;
Мы же их мнили уплывшими с ветром попутным в Микины.
Тевкрия вся от тяжелой печали вдруг отдохнула;
Град растворился; рвемся на волю, чтоб лагерь дорийский,
Место пустое и берег, врагами оставленный, видеть.
«Там стояло их войско; тут шатер был Ахиллов;
Здесь корабли их; там поле, где рати обычно сражались».
Все дивятся опасному дару безбрачной Паллады;
Все дивятся великой громаде, и первый Тиметос –
Был ли он враг нам, судьба ль уж паденье Пергама решила –
В город вовлечь и в замке поставить коня предлагает;
Но пронизательный Капис и каждый, в ком ясен был разум,
В море советуют козни данаев с их даром неверным
Бросить или предать огню и пеплом развеять;
Или, чрево пронзив, сокровенное в нем обнаружить.
Так в нерешимости мнений толпа волновалась. Но быстро,
Гневен, стремится от замка, один впереди, провожаем
Сонмом шумящим народа, Лаокоон; издалека
Он возопил: «О несчастные! что за безумство, граждáne!
Верите ль бегству врага? Иль мните, что дар нековарный
Могут оставить данаи? Так ли узнали Улисса?
Или ахеяне здесь, заключенные в древе, таятся;
Или громада сия создана, чтоб, на гибель Пергаму,
В дома наши глядеть и град сторожить с возвышенья;
Или коварство иное... коню не вверяйтесь, тевкры!
Что здесь ни будь... я данаев страшусь и дары приносящих».

Так сказал, и копье тяжелое мощной десницей
Он в огромный бок и в согбенное чрево громады
Ринул; вонзившись, оно зашаталось; дрогнуло зданье;
Внутренность звон издала; застенало в недре глубоком.
Так, когда бы не боги, когда б не затменье рассудка,
Нам бы тогда же открыло их козни железо.. и ты бы,
Троя, стояла, ты бы стояло, жилище Приама!
Вдруг дарданские горные пастыри с криком и плеском
Юношу, руки ему на хребет заковавши, к Приаму
Силой влекут; он сам, неведомый им, замышляя
Хитрость и средство ахейн впустить в Илион, произвольно
Предал себя, отважный, на все готовый заране:
Козни ль свои совершить, иль верною смертью погибнуть.
Жадно троянские бросились юноши грека увидеть;
Стали кругом и спорят друг с другом, чтоб пленным ругаться..
Сведай же хитрость ахейн; в злодействе едином
Всех их узнай!
Стоя один, посреди толпы, смятен, безоружен,
Робко водил он кругом недоверчивый взор; напоследок:
«О, какая земля, какое море, – воскликнул, –
Примут меня, и что мне теперь, несчастливцу, осталось!
Места меж греками нет, а здесь раздраженная Троя,
Полная праведной мести, гибелью мне угрожает!»
Жалоба пленника тронула наши сердца; замолчало
Буйство толпы; вопрошаем: какой он породы? откуда?
Что намерен начать? за что судьбу упрекает?
Бремя страха сложивши, Приаму отвечивал пленник:
«Что б ни случилось, о царь, ничего не сокрою. Во-первых,
Родом я грек – не таюсь; Синоп быть может несчастен,
Воля судьбы; но коварным лжецом никогда он не будет.
Верно, молва донесла до тебя знаменитое имя,
Верно, слышал о делах Паламеда, Вилова сына;
Славный вождь, но безвинно, по злым наущеньям пелазгов,
Только за то, что войны не оправдывал, преданный смерти,
Ныне же, света лишенный, от них же, свирепых, оплакан.
Сродник его, мой убогий отец, его попеченьям
В юности вверил меня, снарядив на войну; и доколе
Был почтен Паламед, заседаю с вождями в совете,
Был и я не без имени, было и мне уважение.
Но с тех пор как пал он жертвой Улиссовой злобы,
Тяжкую жизнь во мраке печальном влачил я, бесплодно
В сердце своем негодуя на гибель невинного друга;
О безрассудный! я не смолчал, но смело грозился
Мстить за него, лишь только б в Аргос возвратиться с победой
Боги велели! Угрозы мои распалили их злобу.
С той минуты беды за бедами; Улисс неусыпно,
Сам виновный, меня обвинял в замышленьях, коварно
Сеял наветы в толпе и губил меня клеветами.
Прежде не мог успокоиться он, доколе Калхаса..
Но почто продолжать бесполезно-прискорбную повесть?
Что прибавлю? Когда вам все греки равно ненавистны –
Ведать довольно: я грек; поражайте меня; вы Улиссу
Тем угодите; и щедро за то наградят вас Атриды».
Чужды сомненья, не зная всего вероломства пелазгов,
Мы, любопытством горя, вопрошать продолжаем Синона.
Снова начал он робкую речь с лицемерным смиреньем:
«Долгой осадой наскучив, бесплодной войной утомленны,
Греки не раз от упорных Трои бежать замышляли.
О! почто сего не свершилось? Но бури от моря
Часто им путь заграждали, и южный ветер страшил их.
С той же поры, как построен был конь сей из брусьев сосновых,
Грозы с небес не сходили, и ливень шумел непрестанно.
В трепете мы Эрифилу узнать, что велит нам оракул,
В Дельфы послали – с ужасным ответом он возвратился:
Греки, плывя к Илиону, кровию девы закланной*
Вечных склонили богов даровать им ветер попутный:
Крови аргосского мужа и ныне за ветер возвратный
Требует небо. Едва разнеслось прорицанье в народе,

Все возмутились умы, сердца охладели, и трепет
Кости проникнул. Кому сей жребий? Кто Фебова жертва?
С шумом тогда Улисс ухищренный Калхаса пророка
Силой привлек пред народ, да откроет волю бессмертных.
Многие тут же, зная Улисса, мне предсказали
Умысел злой на меня и ждали в смятенье, что будет;
Десять дней прорицатель молчал и, таясь, отрекался
Жертву назвать и слово изречь, предающее смерти.
Но наконец, приневолен докучным Улиссовым воплем,
Он произнес... то было мое несчастное имя!
Все одобрили выбор, и всяк, за себя трепетавший,
Рад был, что грозное всем одному обратилось в гибель.
День роковой наступал; меня уж готовили в жертву;
Были готовы и соль и священный пирог, и повязка
Мне уж чело украшала... но я (не сокрою) разрушил
Цепи, скрылся в болото и там, в тростнике притаившись,
Ночью ждал, чтоб они, подняв паруса, удалились...
Нет теперь мне надежды отчизну древнюю видеть!
Вечно милых родных и отца желанного вечно
Я не увижу! Быть может, и то, что их же, невинных,
Мне в замену, за бегство мое, убийцы погубят...
О! всевышними, зрящими вечную правду богами,
О! правотой неизменною – если еще сохранилась
Где на земле правота – молю: яви сожаленье
Бедному мне и тронься на мой незаслуженный жребий!»
Мы, сострадавая, скорбели над ним, проливающим слезы;
Сам благодущный Приам повелел тяготящие узы
С пленника снять и ему с утешительной ласкою молвил:
«Кто бы ты ни был, забудь о своих неприязненных греках;
Наш ты теперь; ободрись и друзьям откровенно поведай:
Что знаменует громадный сей конь? На что он воздвигнут?
Кем? Приношение ль богу какому? Орудие ль брани?» –
Так Приам вопрошал. И, полный коварства пелазгов,
Пленник, поднявши к священному небу свободные руки:
«Вы, светила небесные, вы, надзвездные боги,
Вас призываю (воскликнул), вас, от которых бежал я,
Жертвенный нож, алтарь, роковая повязка! Отныне
Я навсегда разорвал ненавистные с греками узы;
Греки враги мне; свободно открою троянам их тайны:
Чуждый отчизне, я чужд навсегда и законам отчизны.
Ты же мне данный обет сохрани, сохраненная Троя,
Если тебе во спасенье великую истину молвлю.
Всех упований подпорой, надежной помощницей в битвах
Грекам Паллада была искони; но с тех пор как преступный*
Сын Тидеев и с ним Улисс*, вымышлятель коварных
Козней, из храма Палладиум, стражей высокого замка
Смерти предав, унесли и рукой, от убийства кровавой,
Девственно-чистых богини одежд прикоснуться дерзнули –
Кончилась наша доверенность к ней, охладела надежда,
Сила упала, от нас отклонилась богиня; и зрелись
Явные знаки гнева Тритоны: лишь только во стане
Был утвержден похищенный идол, ожившие очи
Вдруг ослепительным блеском зажглись, по членам соленый
Пот проступил, и трикраты (о страшное чудо!) богиня,
Прянув, воздвигнула щит и копьем потрясла, угрожая.
Нам, уstraшенным, Калхас немедля советует бегство.
Трое не пасть от аргивския силы, – прорек он, – иль снова
Греки должны спросить оракул в Аргосе и морем
Взятый в отчизну Палладиум вновь привести к Илиону.
Знайте ж: теперь, переплывши в Аргос с благовеющим ветром,
Рать и солупных богов они собирают, чтоб снова
Вслед за Калхасом войной на Пергам неожиданной грянуть.
В дар же богам за Палладиум, в честь оскорбленной Тритоны
Ими воздвигнут сей идол, чтоб их святотатство загладить;
Сам Калхас повелел, чтоб конь сей чудовищный создан
Был из крепких досок и высылся ростом огромным
К небу, дабы не пройти во врата и не стать в Илионе
Грозной защитой народу по древним сказаниям предков.

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh

Ведай же, Троя: когда оскорбите святыню Минервы,
Гибель велика – о! да обрушат ее на Калхаса
Праведны боги! – постигнет Приамов престол и фригиан;
Если же сами коня возведете во внутренность града,
Некогда Азия стены Пелопсовы* сильной оступит
Ратью, и наших потомков постигнет мстящая гибель». Боги!
Боги! боги! притворным речам вероломна Синона
Жадно поверили мы... и те, кого ни Тидеев
Сын, ни Ахилл-фессалиец, ни десять лет непрерывной
Брани, ни тысяча их кораблей покорить не умели, –
Те единому слову, одной слезе покорились.
Тут явилось другое, неслыханно страшное чудо
Нашим очам и вселило в сердца неописанный трепет.
Лаокоон, Нептунов избранный жрец, всенародно
Тучного богу вола приносил пред храмом на жертву...
Вдруг, четой, от страны Тенедоса, по тихому морю
(Вспомнив о том, трепещу!) два змея, возлегши на воды,
Рядом плывут и медленно тянутся к нашему берегу:
Груды из волн поднялись; над водами кровавые гребни
Дыбом; глубокий, излучистый след за собой покидая,
Вьются хвосты; разгибаясь, сгибаясь, вздымаются спины,
Пенясь, влага под ними шумит; вползают на берег;
Ярко налитые кровью глаза и рдеют и блещут;
С свистом проворными жалами лижут разинуты пасти.
Мы, побледнев, разбежались. Чудовища прыгнули дружно
К Лаокоону и, двух сынов его малолетних
Разом настигнув, скрутили их тело и, жадные втиснув
Зубы им в члены, загрызли мгновенно обоих; на помощь
К детям отец со стрелами бежит; но змеи, напавши
Вдруг на него и спутавшись, крепкими кольцами дважды
Чрево и грудь и дважды выю ему окружили
Телом чешуйным и грозно над ним поднялись головами.
Тщетно узлы разорвать напрягает он слабые руки –
Черный яд и пена текут по священным повязкам;
Тщетно, терзаем, пронзительный стон ко звездам он подымлет;
Так, отряхая топор, неверно в шею вонзенный,
Бесится вол и ревет, оторвавшись от жертвенной цепи.
Быстро вивясь, побежали ко храму высокому змеи;
Там, достигши святилища гневной Тритоны, припали
Мирно к стопам божества и под щит улеглись огромный.
Всем нам тогда предвещательный ужас глубоко проникнул
Сердце; в трепете мыслим: достойно был дерзкий наказан
Лаокоон, оскорбитель святыни, копьем святотатным
Недра пронзивший коню, посвященному чистой Палладе.
«Ввесть коня в Илион! молить о пощаде Палладу!» –
Весь народ возопил...
Стены поспешно пронзаем; разломаны града твердины;
Все на работу бегут: под коня подкативши колеса,
Ставят громаду на них и, шею канатом опутав,
Тянут... шатнулось чудовище; воинов полное, в город
Медленно движется; юноши вокруг и безбрачные девы
Гимны поют и теснятся, чтоб вервей коснуться руками.
Вдвинулся конь и идет, угрожающий, стогнами Трои...
О отчизна! о град богов Илион! о во брани
Славные стены дарданские! трижды в воротах громада
Остановилась, трижды внутри зазвучало железо...
Мы ж, ослепленные, разум утратив, не зрим и не слышим.
В замок Пергама введен наконец истукан бедоносный.
Тут Кассандра, без веры внимаема нами, напрасно
Вещий язык разрешила, чтоб нам предсказать о грядущем;
Мы, слепцы, для которых сей день был последний, цветами
Храмы богов украшали, спокойно по стогнам ликуя...
Небо тем временем круг совершило, и ночь полетела
С моря, и землю, и твердь, и обман мирмидонян объемля
Тенью великой; по граду беспечно рассыпавшись, тевкры
Все умолкнули: сон обнимал утомленные члены.
Тою порой от берегов Тенедоса фалангу аргивян
Строем несли корабли в благосклонном безлуния мраке

Прямо к знакомым брегам; и лишь только над царской кормою
Вспыхнуло пламя – судьбою богов, нам враждебных, хранимый,
Тихо сосновые двери замкнутым в громаде данаям
Отпер коварный Синон; растворившись, греков на воздух
Конь возвратил; спешат из душного мрака темницы
Выйти вожди: Стенел, и Тессандр, и Улисс кровожадный,
Смело по верви скользая, и за ними Фоас с Афаном,
Внук Пелеев Неоптолем, Магаон, напоследок
Сам Менелай и с ним громады создатель Эпеос.
Быстро напали на сонный, вином обезумленный город;
Стража зарезана; твердые сбиты врата, и навстречу
Ждущим у входа вождям мирмидоняне хлынули в Трою.
Было то время, когда на усталых сходить начинает
Первый сон, богов благодать, успокоитель сладкий.
Вдруг... мне заснувшему видится, будто Гектор печальный
Стал предо мной, проливая обильно горькие слезы,
Тот же, каким он являлся, конями размыканный, черен
Пылью кровавой, истерты ремнями опухшие ноги.
Горе! таким ли видал я его? как был он несходен
С Гектором прежним, гордо бегущим в Ахилловой броне*
Иль запалившим фригийский пожар в кораблях супостата!
Всклочена густо брада; от крови склейлися кудри;
Тело истерзано ранами, некогда вокруг илионских
Стен полученными. Сам, заливаясь слезами, казалось,
Так во сне я приветствовал Гектора жалобной речью:
«О светило Дардании! верная Трои надежда!
Где так долго ты медлил? Гектор желанный, откуда
Ныне пришел ты? О! сколь же ты нас, по утрате толиких
Храбрых друзей, по толиких бедствиях граждан и града,
Сердцем унылых обрел! и что недостойное светлый
Образ твой затемнило? Откуда толикие раны?»
Он ни слова; бесплодным вопросам он не дал вниманья;
Но, протяжный, тяжелый вздох исторгнув из груди,
Молвил: «Беги, сын богини, спасайся; Пергам погибает;
Враг во граде; падает Троя; Приаму, отчизне
Мы отслужили; когда бы от смертной руки для Пергама
Было спасенье – Пергам бы спасен был этой рукою.
Троя пенатов своих тебе поверяет*, прими их
В спутники жизни; для них завоюй обреченные небом
Стены державные, их же воздвигнешь, исплававши море».
Кончил – и вынес из тайны святилища утварь, повязки,
Вечно пылающий огонь и лик всемогущия Весты.
Тою порою по граду, шумя, разливалась гибель.
Боле и боле – хотя в стороне, одинок и непышен,
Дом Анхиза-родителя сенью закрыт был древесной –
Шум приближается; явственней слышно волнение брани.
Я очнулся и ложе покинул; на верхнюю кровлю
Дома взбежал и стою, внимательным слушая ухом.
Так – когда, раздуваемый бурей, свирепствует пламень
В жатве, иль ливнем поток наводненный, с горы загремевши.
Губит поля, и веселые нивы, и труд земледельца,
С корнями рвет и уносит деревья – с вершины утеса
В смутном неведении силится к шуму прислушаться пастырь.
Всё мне тогда – и видения тайна и козни данаев –
Вдруг объяснилось. Уж дом Деифобов горит и огромной
Грудой развалин, дымящийся, падает; с ним пламенеет
Укалегонов, и заревом блещут сигейские воды;
Слышны и крики людей и звонкой трубы дребезжанье.
Я как безумный за меч... но куда с мечом обратиться?
Рвусь нетерпением дружину созвать, чтоб броситься в замок;
Ярость и бешенство душу стремительно мчат, и погибнуть
Смертью прекрасной в бою с тоскою мучительной жажду.
Вдруг явился Панфей, убежавший от копий ахейских,
Старец Панфей, Отряд и в замке жрец Аполлонов.
Утварь и лики богов побежденных* похитив, младого
Внука он влек за собой и, беспамятен, мчался к Анхизу.
«Есть ли надежда, Панфей? Уцелели ль замка твердыни?» –
Я спросил; отчаянным стоном отвечивал старец:

«День последний настал, неизбежное время настало царству; мы были трояне, был Илион, и великой Тевкрии слава была... на аргивян жестокий Юпитер Все перенес; господствуют греки в пылающем граде, Гибельно высясь над площадью замка, ратников сонмы Конь извергает; Синон, торжествуя, пожарное пламя Тщится усилить; там непрестанно двумя воротами Войска бесчисленны входят, каких не видали Микины; Здесь, захвативши тесные выходы, сильная стража Сдвинула копья, и грозно, вонзиться готовое, блещет Их острие; безнадежно, расстроенной, слабой дружиной Бьются привратные воины, силясь напрасно отбиться». Страшную вестью Панфея и силой бессмертных влекомый, Я побежал, куда призывали Эриннис, и шумный Говор сраженья, и пламень, и стон, ко звездам восходящий. Следом за мною Рифей и зрелый мужеством Ифит; К нам пристали при блеске пожара Димант с Гипанисом, К нам и Хорев Мигдонид, в Илион приведенный судьбою За день пред тем, горящий безумной к Кассандре любовью, С верною помощью к тестю Приаму и Трое... несчастный! Купно с другими вещим речам вдохновенной невесты Он не поверил...

Я же, их видя решительных, жаждущих боя, воскликнул: «Юные други! сердца, толь напрасно бесстрашные ныне! Если, отважась на все, испытать вы со мною готовы Силы последней (что же фортуна решила, вы зрите: Наши святилища бросили, наши покинули храмы Боги, хранители Трои; святой Илион исчезает Дымом), на смерть побежим, ударим в средину оружий; Други! спасенья не ждате – одно побежденным спасенье». Вспыхнула бодрая младость. Подобно как в темном тумане Рыщут, почуя добычу, гонимые бешенством глада, Хищные волки и, пасти засохшие жадно разинув, Их волчата ждут в логовищах, – сквозь копья и сонмы Так на погибель ударились мы, пролагая в средину Города путь, облетаемы ночи огромною тенью. Ночь несказанная; где слова для ее разрушений? Кто и какими слезами такую погибель оплачет? Падает древний град, многолетний властитель народов; Всюду разбросаны трупы; лежат неподвижно во прахе Улиц, на прагах домов, при дверях, во святилищах храмов. Но не одну безотпорную смерть принимает троянец, Часто горит в побежденном привычная бодрость, и гибнет Грек-победитель... Везде, отовсюду являются взору Ужас, и бой, и кровавая смерть в неисчисленных видах. Первый из греков, дружиною встреченный нашей на стогнах, Был Андрогей; в обманчивом сумраке ночи приемля Нас за данаев союзных, он так дружелюбно воскликнул: «Братья, спешите; где же так долго вас задержала Праздная лень? Давно расхищают горящую Трои Греки; а вы едва с кораблями расстаться успели». Так он сказал; но, узрев безответную нашу суровость, Вмиг догадался, кто перед ним, отскочил и умолкнул, Сквозь страхом. Как путник, змею разбудивший ногою, Трепетен рвется назад, узрев, как она, развернувшись, Гнев воздымает и свищет, подняв чешуи голубые, – Так, задрожавши, от нас побежал Андрогей... но напрасно! Мы за ним; разорвали их строй; и, не ведая града, Вдруг осажденные страхом, незапностью, ночью и нами, Все до единого пали враги. Улыбнулась фортуна Первому нашему бою. Хорев, воспаленный удачей, «Други! – воскликнул. – Отважись веритья первому счастью; Нам благосклонно судьба указывает наш путь; облачимся в брони данаев, щиты переменим; обманом иль силой – всё равно для врага. И ныне оружие сами Греки троянам дадут». Сказал и надел Андрогеев Гривистый шлем, завоеванный щит надвинул на шуйцу, Греческий меч утвердил на бедре. Ему подражая,

Бодро Димант, и Рифей, и вся молодая дружина
Свежей добычей оружий себя ополчили. В средину
Греков бежим... но боги отчизны были не с нами.
Подвигов много, врагами не узнанны, в сумраке ночи
Мы совершили, много данаев низринута в Оркус.
В страхе одни к кораблям, к безопасному берегу моря
Мчатся из града; иных загоняет постыдная робость
В недра коня, и приемлет их снова знакомое чрево.
Но... богам отвратившимся, поздно вверяться надежде!
Вдруг из храма Паллады влекут за власы распущенны,
Вырвав ее из святилища, дочь Приама Кассандру,
К темному небу напрасно подъемлющу пламенны очи –
Очи одни, окованы были невинные руки;
Страшного вида сего не стерпело сердце Хорева;
Он, обезумленный, прямо в средину толпы их; и, сдвинув
Груды и копья, мы дружно за ним; но плачевно-ужасный
Бой тогда закипел: трояне, обмануты видом
Наших греческих лат и сверканием шлемов косматых,
С кровли высокого храма пустили в нас тучею стрелы;
Стон пораженных нам изменил; на Кассандрины вопли
Бросился враг; мы все опрокинуты; с бурным Аяксом
Оба явились Атрида – за ними толпами данаи.
Так, подымаясь крутящимся вихрем, сшибаются ветры
Нот и Зефир, и на легких несомый конях от востока
Эвр, и бушуют леса, и Нерей опененным трезубцем
Бьет по водам, и до самого дна содрогается море.
Скоро и греки, испуганны мраком ночным и по граду
Нашей дружиной рассеяны, вышли из тайных убежищ,
Первые нас по щитам и обманчивым броням узнали,
Вслушались в наши слова и чужие заметили звуки.
Множество нас задавило: первый мечом Пенелея
Пал Хорев пред святым алтарем броненосной Паллады;
Пал и Рифей, из троян непорочнейший, правды блюститель
(Иначе боги судили о нем); Димант с Гипанисом
Пали от копий троянских; ни фебова риза, ни святость
Чистая жизни тебя не спасли, о Панфей благодущный.
Прах Илиона, все блага мои поглотившее пламя,
Вас призываю! вы зрели, что я не чуждался ни копий
Вражьих, ни силы врага; и когда бы назначил мне жребий
Пасть – я паденье свое заслужил. Но из битвы (за мною
Ифит один с Пелиасом, Ифит, уже отягченный
Дряхлостью лет, Пелиас, умирающий, ранен Улиссом)
Я устремился на стон, огласивший чертоги Приама.
Там все ужасы брани стеклися: как будто во граде
Не было битвы иной и нигде никого не разили –
Так свирепствовал Марс, так бешено греки рвались
В замок и, сдвинув щиты черепахой, на вход напирали.
Множеством лестниц унизаны стены; вверх по ступеням
Лезут данаи, шуйцей щиты над главами под копья
Наши подставив, десной за вершину ограды хватаясь;
Тевкры, готовя отпор, разоряют и башни и дома,
Вместо оружий собирают обломки с намереньем грозным
В битве отчаянной ими врага раздавить, погибая;
С шумом державного дома царей позлащенны убранства
Падают; меч обнаживши, другие, у врат осажденных
Тесной дружиной столпясь, ограждают святилище прага.
Взорванный гневом, стремлюсь на защиту Приамова дома,
Ратных усилить и бодрого духа придать побежденным.
Были соккрытые двери в стене высокого замка.
Ход потаенный из внешнего града в царево жилище;
Часто, во дни благоденствия Трои, ко свекру Приаму
Оным путем Андромаха несчастная тайно ходила:
Взор престарелого деда порадовать внуком цветущим.
Оным путем пробираюсь к тому возвышенью, откуда
Тщетно последние стрелы на греков бросали трояне.
Там воздымалась стремнистая башня, весь град перевыся;
С кровли ее неприступной видимы были вся Троя,
Все корабли мирмидонян, весь греческий стан отдаленный.

Там, где она со стены висела громадою всею
Грозно над градом, как туча, мы острым железом подрыли
Сплоченны камни и двинули башню.. гремя и дымяся,
Вдруг она повалилась и страшной развалиной пала
Вся на греков; погибших сменили другие, и градом
Стрелы, копья и камни опять полетели.
Всех определя, напирал на преддверие Пирр бедоносный,
Грозен, как пламенный, медной броней и стрелами сияя.
Так на солнце змея, напившись ядом растений,
Долго лежав неподвижно под тягостным холодом снега,
Вдруг, чешуи обновив, расправляет красы молодые,
Скользкий волнует хребет, золотистую грудь надувает,
Вьется в лучах и жалом тройным, разыгравшись, блещет.
С ним великан Перифрас, и правитель Ахилловых коней
Оруженосец Автомедон, и дружина скириян
Шумно к чертогам теснятся и пламень бросают на кровли.
Сам же, у всех впереди, он огромной двуострой секирой
Рушит затворы, с притолок тяжких, окованных медью,
Петли сбивает, брусья дробит и плотные доски
Вдруг прорубил – широкою щелью разинулись двери.
Видимы стали и внутренний двор и ряды переходов,
Видима древняя храмина прежних царей и Приама,
Видимы в сенях и стражи, хранители царского прага.
В самом же доме и жалобный крик, и шум, и волнение;
Звонкие своды чертогов наполнив пронзительным стоном,
Жены рыдают; к звездам подымает отчаянье голос.
Бледные матери, бегая в мутном безумии страха,
Праги объемлют дверей и к ним прилипают устами.
Вдруг вторгается Пирр, как отец, неизбежно-ужасный.
Тщетны заграды; низринута стража; таран стенобойный
Сшиб ворота; расколовшись, огромные рухнули створы;
Силе очистился путь, и в пролом, опрокинув передних,
Ринулся грек, и врагами обители все закипели.
Менее грозен, плотину прорвав и разрушивши стену,
С ревом и с пеной стремится поток из берегов и, равнину
Шумным разливом окрест потопив, стада и заграды
Мчит по полям. Я видел убийством яримого Пирра;
Видел обоих Атридов, дымящихся кровью в обители царской;
Видел Гекубу, и сто невесток ее*, и Приама,
Кровью своею воздвигнутый ими алтарь обагривших.
Вдруг пятьдесят сыновних брачных чертогов, надежда
Стольких внуков, и стены, добыч многочисленных златом
Гордые, пали – пожаром забытое схвачено греком.
Знать пожелаешь, быть может, царица, что было с Приамом.
Видя падение града, видя пылающий замок,
Видя врага, захватившего внутренность царского дома,
Старец давно позабытую броню на хилые плечи,
Сгорбленный тягостью лет, чрез силу надел, бесполезный
Меч опоясал и в сонмы врагов пошел на погибель.
В самой середине царских чертогов, под небом открытым,
Был великий алтарь; над ним многолетнего лавра
Сень наклонялась и лики домашних богов обнимала.
Там с дочерьми сидела Гекуба. Напрасно – укрывшись
Робко под жертвенник, словно как стая пугливая горлиц
В грозу под ветви, – кумиры бессмертных они обнимали.
Вдруг царица одетого броней младости бранной
Видит Приама. «Куда ты, бедный супруг (возгласила)?
Что ополчило тебя? К чему безрассудная бодрость?
Ныне такая ли помощь, такой ли защитник Пергаму
Нужны? Пергама не спас бы теперь и великий мой Гектор.
С нами останься, Приам; алтарь защитит нас,
Или умрем неразлучны». Сказала и, руку супругу
Давши, старца с собой посадила на месте священном.
Вдруг из убийственных Пирровых рук убежавший Политос,
Сын последний Приама, сквозь копья, сквозь сонмища вражды,
Вдоль переходов, пустыми чертогами, раненый, мчится;
Быстро за ним сверкающий Пирр с неизбежным убийством
Гонится... близко; нагнал, достигнул железом; пронзенный,

К лону родителей кинулся юноша в страхе пред ними
Пал, содрогнулся... и жизнь пролилася потоками крови.
Тут закипело Приамова сердце. Сам погибая,
Он не стерпел толь великого горя и гневно воскликнул:
«О чудовище! Боги тебе, святотатный убийца,
Боги – если живет в небесах правосудная жалость –
Мзду ниспошлют; по заслуге получишь награду, губитель,
Ты, предо мной моего растерзавший последнего сына!
То ли Ахилл, от тебя названьем отца поносимый,*
Сделал с Приамом-врагом?» Он, краснея, почтил униженьем
Старца молящего; дал схоронить мне бездушное тело
Гектора-сына и в Троию меня отпустил безобидно».
Так он сказал и копье бессильное слабой рукою
Бросил; оно, ударяся в медь, зазвеневшую глухо,
Тронуло выгиб щита и на нем без движенья повисло.
Яростно Пирр возопил: «Иди же с поносной отсюда
Вестью к Пелиду-отцу; не забудь о бесславных деяньях
Пирра поведать ему; теперь же умри». Беспощадно
Он перед жертвенник дрогнувший старца повлек; сединами
Шуйцу, облиту кровью сыновней, опутал, десницей
Меч замахнул и в ребра до самой вонзил рукояти.
Так совершилася участь Приама; так он покинул
Землю, зревши добычей пожара Пергам и паденье
Трои, некогда сильный властитель народов, державный
Азии царь... и великое тело на бреге пустынном
Ныне без чести лежит, обезглавлено, труп безымянный.
Тут впервые мне ужас предчувствия душу проникнул:
Я обомлел; я о милом старце родителе вспомнил,
Видя, как дряхлый ровесник его, под рукой беспощадной,
Царь издыхал; я вспомнил о сирой Креузе, о доме,
Преданном греку во власть, о судьбине младенца Иула.
Взор обращаю: нет ли со мною сподвижников ратных?
Все исчезли; одни, утомленные битвою, с башни
Прянули в город; другие отчаянно кинулись в пламень;
Я один уцелел. И вдруг в преддверии храма
Весты, робко-безмолвную, скрытую в темном притворе,
Вижу Тиндарову дочь*: при зареве ярком пожара
Светлым путем я бежал, все оку являлося ясным.
Там, опасаясь троян, раздраженных паденьем Пергама,
Злобы данаев и мести супруга, отчизну и Троию
Купно губящая фурия, жертвенник Весты объемля,
В храме, богам ненавистная, тайно сидела Елена.
Вспыхнуло сердце во мне; отомстить за погибель отчизны
Рвется мой гнев; истребить истребленья виновницу жажду.
«Ей ненаказанной Спарту узреть! в родные Микины
Гордой царицей вступить, торжествуя! увидеть супруга,
Дом родительский, чад, окруженной прискорбной толпою
Дев илионских и пленных троян!.. А Приам уж зарезан,
Троя горит и Дардания целая кровью дымится!
Нет! того не стерплю! пускай не великая слава
женоубийце, пускай для него беспохвальна победа –
Свет от чудовища должно очистить; кровавою мстью
Сердце свое утолю и пепел моих успокою».
Так я, себя раздражая, злобой кипящий, стремился.
Вдруг перед очи мои, откровенная, мрак осиявши
Ярким блистаньем, великой богиней, какую лишь небо
Знает ее, предстала мать* и, меня удержавши,
Молвила так мне устами, живыми как юная роза:
«Сын, для чего необузданной скорбию гнев пробуждаешь?
Что за безумство? Ужели оставил о нас попеченье?
Прежде помысли о том, где покинут тобою родитель,
Дряхлый Анхиз, не погибли ль супруга Креуза и юный
Сын твой Асканий? Кругом их обители бешено рыщет
Грек, и давно бы, когда б не моя берегла их защита,
Их истребило железо и пламень враждебный похитил!..
Нет! не Парид, похититель преступный, не образ спартанки,
Низкой Тиндаровой дочери – боги, разгневанны боги
Ваш опрокинули град и сразили величие Трои.

Зри – я всякое облако, ныне темнящее слабый
Смертного взор и облекшее все пред тобою туманным
Мраком, подымлю – но только моим повелениям смело,
Сын, покорись и беспспорно мои поученья исполни.
Там, где видишь разбросанны груды, утес на утесе,
Где подымается черное облако праха и дыма,
Там Посидон великим его потрясенны трезубцем
Стены дробит и, подрыв основанья, весь город в обломки
Рушит; здесь беспощадная Ира, на Скейских воротах
Грозно воздвигшись, союзную рать с кораблей к Илиону,
Броней звучащая, кличет...
Там – оглянися – на замке, над градом, Тритона-Паллада*
Села, гремящею тучей и страшной Горгоной блистая.*
Сам вседержитель и бодрость и бранную силу низводит
Свыше на греков и сам на дардан подымает все небо.
Нет упования, сын; беги, не упорствуй сражаться;
Буду с тобой; невинно достигнешь родительской сени».
Так сказала и скрылась в глубокую бездну ночную.
Грозные лики тогда мне предстали, разящие Трои
Силы великих богов я увидел...
Тут открылось, как, страшно разрушен, в огне распался
Весь Илион и в обломки валилась нептонова Троя.
Так на густой прародительский яшень, горы украшение,
Корни кругом подрубив, дровосеки, столпясь, нападают;
Споря проворством, разят топоры; благородное древо
Зыблется, сенью шумит, волосистой главою трепещет,
Мало-помалу под ранами клонится... вдруг, изнемогши,
Стонет и падает, всю завалив разрушением гору...
Я удаляюсь, храним божеством; иду через пламень,
Мимо врагов: раздвигаются копья, огонь уступает.
К древней обители, к прагу священной родительской сени
Скоро достиг я, и первой заботой в защитное место,
На гору старца отца перенести. Приближаюсь к Анхизу –
Трою свою пережить и себя осудить на изгнание
Старец отрекся. «Вы, сохранившие бодрость младость,
Вы, не лишены мужеской силы годами, спешите
Бегством спасаться, – сказал он. –
Если б державные боги конец мой отсрочить хотели –
Мне бы они сохранили мой дом. Но слишком довольно
Зреть и однажды погибель своих* и сожжение града.
С миром идите, почтивши мое полумертвое тело
Словом прощальным; смерть я сам обрету, иль, жалея,
Враг умертвит старика. Не страшна погребенья утрата;
Слишком долго, противный богам, на земле я промедлил,
Чуждый земле, с тех пор как бессмертных и смертных владыка
Веяньем молний своих и громом ко мне прикоснулся».
Так говорил мой родитель, в жестоком намеренье твердый.
Мы же в слезах – и я, и Креуза, и юный Асканий,
Сын мой, и с нами домашние – молим, чтоб вместе с собою
Он, отец, семьи не губил и в беду не ввергался...
Тщетны моления; покинуть свой дом непреклонный отрекся.
Снова тогда ополчаюсь, отчаянный, жаждущий смерти.
Что иное мне оставалось? какая надежда?
«Как, родитель, чтоб я убежал, об отце позабывши,
Требовал ты! из родительских уст толь обидное слово!
Если назначили боги, чтоб не было Трои великой,
Если тобой решено истребить с истребляемым градом
Нас и себя – для погибели нашей двери отверсты:
Скоро Приамовой кровью дымящийся Пирр, умертвивши
Сына пред взором отца и отца пред святыней Пенатов,
Явится здесь! Для того ли сквозь бой и пожар, о богиня,
Я проведен, чтоб, врага допустив во святилище дома,
Видеть, как сын мой Асканий, и дряхлый отец, и Креуза,
Кровью друг друга облив, предо мною истерзаны будут?
Дайте оружия, воины; время пришло роковое;
Грекам меня возвратите; отвоеваем силы последней;
В бой, друзья! мы не все неотмщенные ныне погубнем».
Меч опоясав и щит свой надвинув на шуйцу, из дома

Выйти спешу; но Креуза, упав со слезами на праге,
Ноги мои обняла и, сына-младенца подъемля
К лону отца, возопила: «Если себя на погибель
Ты осудил – да погибнем с тобою и мы неразлучно!
Если ж осталось тебе упование на меч и на силу –
Прежде свой дом защити; здесь младенец Иул; здесь отец твой;
Здесь Креуза... ее называл ты донине своею».
Так вопияла супруга, стенаньем весь дом оглашая.
Тут несказанное в наших очах совершилось чудо*:
Сына Иула с печалью родительской мы обнимали –
Вдруг над его головою сверкнуло эфирное пламя,
В кудри волосов, не палящее, веяньем тихим влетело,
Пыхнуло ярко и вокруг головы обвилось блистаньем.
В трепете страха мы отряхиваем горящие кудри;
Силимся влагой студеной огонь затушить чудотворный.
Чуда свидетель, Анхиз оживленные радостью очи
К небу возвел и, дрожащие длани подъемля, воскликнул:
«О вседержитель Зевес! когда ты молитвам доступен,
Призри на нас, о едином молящих: если достойны
Будь нам защитой, отец, и знаменью дай подтверждение».
Только промолвил Анхиз – помутилось небо, и страшно
Грянуло влеве; и, быстро упавшая с темных тверди,
Мрак лучезарный рассекши браздой, звезда побежала...
Видели мы, как она, разразившись над нашею кровлей,
Светлая, вдаль покатилась и, путь наш означив блистаньем,
Пала за Идою в рощу... долго, протянут вдоль неба,
След пламенел, и запахом серным дымилась окрестность.
Тут побежденный старец родитель подымается с ложа,
Молит богов и творит поклоненье звезде путеводной.
«Все решено! – возгласил он. – Боги отчизны, ведите;
С верой иду; сохраните и дом мой и внука; то ваше
Знаменье было, и в вашем могуществе есть еще Троя;
Вам покоряюсь; мой сын, предводи; за тобою отец твой».
Так он сказал... и уже приближался к обители нашей
С треском пожар и шумящего пламени зной опалял нас.
«Время, родитель; на плечи сыновние сядь (возгласил я),
Дай мне мои подклонить рамена под священное бремя.
Что бы ни встретило нас на пути – одно нам спасенье,
Гибель одна; перестанем же медлить; младенец Асканий
Рядом со мною пойдет; в отдаленье за нами Креуза.
Вы же, служители дома, заметьте, что вам повелю я:
Есть при исходе из града холм, и на холме Церерин,
Древле покинутый храм; перед ним кипарис престарелый,
С давних времен сохраненный почитанием набожных предков.
Там во единое место из разных сторон соберитесь.
Лики Пенатов и утварь тебе поверяю, родитель;
Я же, пришедший из битвы, рукою кровавой не смею
К ним прикоснуться, доколь не очищу себя орошеньем
Свежия влаги...»
С симми словами, широкие плечи склоня и на выю
Сверх одеянья накинув косматую львиную кожу,
Старца подъемлю; идем; Асканий, мою обхвативши
Крепко десницу, бежит, торопяся, шагами неровными сбоку;
Следом Креуза; идем, пробираясь мглою по стогнам;
Я же, дотоле бесстрашным оком смотревший на тучи
Стрел и отважно встречавший дружины враждебные греков,
Тут при малейшем звуке бледнел, при шорохе каждом
Медлил, робея за спутника, в страхе за милую ношу.
И уже достигал я ворот и мнил, что опасный
Путь совершился... вдруг невдали голоса раздалися,
Что-то мелькнуло, послышался топот. Пристально в сумрак
Смотрит Анхиз: «Мой сын, мой сын, беги! – возопил он. –
Идут! сверкают щиты! оружие медное блещет!..»
Кто изъяснит? Божество ли какое враждебною силой
Ум мой смутило... но, в сторону бросаюсь, чтоб мнимой
Встречи избегнуть, далеким обходом я вышел из града;
Боги! Креуза исчезла; во тьме ль, ослепленная роком,
Сбилась с дороги, иль где отдохнуть, утомленная, села –

Я не знаю, с тех пор мы нигде уж ее не встречали.
Только тогда я утрату, опомнясь, заметил, когда мы
Холма святого и древнего храма Цереры достигли.
Там собрались мы, убогий остаток троян, – а Креузы
не было, к горю спутников, сына, отца и супруга.
О! кого из людей и богов я не клял, исступленный!
Было ли что для меня и в паденье Пергама ужасней?
Сына Иула с Анхизом-отцом и с Пенатами Трои
Спутникам вверив, в излучине дола велю им укрыться;
Сам же, блестящей одетый броней, возвращаясь в Троию.
Вновь решено боевые труды испытать, по горящим
Стогнам Пергама промчатся и грудь под удары подставить.
К темному прагу ворот, чрез который мы вышли из града,
Прежде спешу, чтобы, снова по свежему нашему следу
Троию пройдя, замечательным оком всмотреться в приметы;
Всюду ужас! даже молчание в трепет приводит!
К дому Анхиза – не там ли она, не туда ли ей случай
Путь указал – я бегу, но данаи уж грабили дом наш;
Всё испровергнуто; с воплями враг по обители рыскал;
Пламень пожара уже прошибал из-под верхних кровли;
Вихрем взвивались искры, и в воздухе страшно гремело.
Я обратился к Приамову дому, к высокому замку:
Боги! боги! в притворе пустого Юнонина храма
Зверский Улисс и Феникс у добычи стояли на страже:
Там сокровища Трои, богатства сожженных святилищ,
Чаши золотые, престолы богов, и убранства, и ризы
В горах лежали; младенцы и бледные матери длинным
Строем стояли вблизи.
Презря меня окружавшую гибель, дерзнул я во мраке
Голос возвысить; печальный мой клик раздавался по стогнам.
«Где ты, Креуза?» – зывал я, зывал... но было напрасно.
В яростном горе по горах разрушенных зданий я бегал.
Вдруг перед очи мои появилась призраком, легкой
Тенью она... и казалась возвышенной прежнего станом.
Я ужаснулся, волосы дыбом, голос мой замер.
Тихо с улыбкой, смиряющей душу, сказала Креуза:
«Тщетной заботе почто предаешься, безумно печалась?
О Эней, о сладостный друг*, не без воли бессмертных
Было оно: мне не должно идти за тобой из Пергама;
То запрещает владыка небес, громодержец Юпитер.
Долго изгнанником будешь браздить беспредельное море;
Там в Гесперии, где волны Лидийского Тибра* по тучным,
Людным равнинам обильно-медлительным током лиются,
Светлое счастье, и царский венец, и невесту царевну*
Ты обретешь. Не теми ж по Креузе утраченной сердца;
Нет! ни дверей мирмидона, ни пышных чертогов долопа
Я не увижу; не буду рабынею матери грека,
Дочь Дардании, вечной Венеры невестка...
Быть при себе мне судила великая мать бессмертных*.
Ты же прости; поминай о супруге любовь к сыну».
Смолкла и тихо со мной, проливающим слезы, рассталась;
Много хотел я сказать, но она улетела; трикраты
Я за летящею тению руки простер, и трикраты
Легкая тень из напрасно объемлющих рук ускользнула,
Словно как веющий воздух, словно как сон мимолетный.
Так миновалась ночь; возвращаясь к товарищам бегства;
Много толпою притекших из Трои спутников новых
Там нахожу, изумленный: матери, мужи, младенцы,
Жалкий народ беглецов, невозвратно утратив отчизну,
С бедным остатком сокровищ, теснились там, приговорясь
Вместе со мной за морями искать обреченного берега.
И уже восходил над горой светоносный Люцифер,
Юного дня благовестник, и все ворота Илиона
Заперты были врагом... упование исчезло! судьбине
Я уступил и Анхиза понес на высокую Иду».
Отрывки из «Илиады»*

Жертву принеши богам, да пошлют Илиону спасенье,
Гектор поспешно потек по красиво устроенным стогнам;

Замок высокий Пергама пройдя, наконец он достигнул
Скейских ворот, ведущих из града в широкое поле.
Там Гетеонову дочь Андромаху, супругу, он встретил;
С нею был сын. На груди у кормилицы нежный младенец
Тихо лежал: как звезда лучезарная, был он прекрасен,
Гектор Скамандрием назвал его; от других он был прозван
Астианаксом (понеже лишь Гектор защитой был града).
Ласково руку пожавши ему, Андромаха сказала:
«Неумолимый, отважность погубит тебя. Не жалеешь
Ты ни о сыне своем в пеленах, ни о бедной супруге,
Скоро вдове безотрадной; ахейцы тебя неизбежно,
Силою всею напав, умертвят. Для меня же бы лучше
В землю сокрыться, тебя потеряв: что будет со мною,
Если тебя, отнятого роком могучим, не станет?
Горе! уж нет у меня ни отца, ни матери нежной;
Мой отец умерщвлен Ахиллесом божественным; Фивы,
Град киликийн, с блестящими златом вратами разрушив,
Сам он убил Гетеона, но не взял оружия; чуждый
Мысли такой, он с оружием вместе сожжению предал
Кости родителя, в почесть ему погребальный насыпал
Холм, и платанами горные нимфы тот холм обсадили.
Семеро братьев еще у меня оставалось в отчизне –
Все они в день единый повержены в бездну Аида:
Всех беспощадной рукой умертвил Ахиллес быstroногий.
Мать царицу от пажитей густолесистого Плака
В рабство добычей войны он увлек, но за выкуп великий
Скоро ей отдал свободу, чтоб пала от стрел Артемиды.
Гектор, ты все мне теперь: и отец и нежная мать;
Ты мой единственный брат, о Гектор, цветущий супруг мой.
Будь же ко мне сострадательн, здесь останься на башне;
Сыну не дай сиротства, супруге не дай быть вдовою;
Там на холме смоковницы войско поставь: нападение
Легче оттуда на град; там открыты для приступа стены.
С той стороны уже трикраты на нас покушались
Оба Аякса, Идомений, Диомед и Атриды».
Кротко ответствует гривистым шлемом украшенный Гектор:
«О Андромаха, и я о том же печалюсь; но стыд мне
Будет тогда от троянских мужей и от жен Илиона,
Если, как робкий, сюда удалюсь, уклоняся от боя;
То запрещает и сердце; доныне привык я спокойно
Бодрствовать духом и биться у всех впереди, охраняя
Трою, великую славу отца и мою; но предвидит
Веще сердце и тайно гласит мне тревожное чувство:
Некогда день сей наступит – падет священная Троя,
С нею Приам и народ царя копыеносного бодрый.
Но не Трои грядущее горе, не участь Гекубы,
Ни же Приамова гибель, ни же столь многих, столь храбрых
Братьев моих истребление, тогда неизбежно падающих
В прах под рукою врага, сокрушают ныне так сильно
Душу мою, как мысль о тебе, Андромаха, когда ты,
Вслед за одеянным медною броней мужем ахейским,
Плача, отсюда пойдешь, лишённая света свободы,
Или в Аргосе будешь с рабынями ткать для царицы,
Иль, утомленная, тяжким сосудом в ключе Гиперейском
Черпая воду, будешь в слезах поминать о Пергаме.
Может быть, видя, как плачешь в своем одиночестве, скажут:
«Вот вдова знаменитого Гектора, бывшего первым
В войске троянском в те дни, как сражались у стен Илиона».
То услыша, ты с новою вспомнишь тоской, что на свете
Нет уж того, кто от рабства надежно был бы защитой.
Нет! я лучше хочу, чтоб меня бездыханного скрыли
В землю, чем слышать о плаче твоём и крушительном плене».
Так отвечив Гектор, и к сыну руки простер он;
Робко от них отклонился и к лону кормилицы с криком
Бросился милый младенец, дичаяся отца, уstraшенный
Ярким блистанием лат и косматою гривною шлема,
Грозно над ним зашумевшею с медноогромного гребня.
С грустной улыбкой и мать и отец посмотрели на сына.

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu

Шлем с головы снимает поспешно блистательный Гектор;
Бранный убор на землю кладет и, на руки взявши
Сына, целует его с умилением и нежно лелеет.
Громко взывает потом он к бессмертным богам и Зевесу:
«Царь Зевес! вы, боги Олимпа! молю вас, да будет
Некогда сын мой, как я, благолюбием первый в народе,
Столько же мышцею крепок и мощно господствует в Трое.
Пусть со временем скажут: Отца своего превзошел он!
Видя его из сраженья идущего с пышною броней,
Снятой с врага – и такая хвала да порадует мать».
Так сказав, положил он в объятия нежной супруги
Сына. Она, улыбаясь сквозь слезы, душистым покровом
Персей одела его; и, глубокой печалию полный,
Гектор, ее приласкавши рукою, приветно сказал ей:
«Бедная, ты не должна обо мне сокрушаться так много;
Против судьбы я никем преждевременно сослан не буду
В темный Аид; но судьбы ни единый еще не избегнул
Смертный, родившийся раз на земле, ни смелый, ни робкий.
С миром же в дом свой поиди: занимайся порядком хозяйства,
Пряжей, тканьем; наблюдай, чтоб рабы и рабыни в работе
Были прилежны своей; о войне же иметь попеченье –
Дело троянских мужей и мое из всех наиболее».
Кончив, свой гривистый шлем поднимает блистательный Гектор.
Медленным шагом и часто назад озираясь и слезы
Горькие молча лия, Андромаха пошла и достигла
Скоро обители Гектора; много служительниц было
Собрано там за работою; все сокрушались с нею;
Заживо Гектор был в доме оплакан своим. «Неизбежно, –
Мнили они, – он погибнет; мы вечно его не увидим».
Истину вещая скорбь предсказала им; время настало
Сбыться тому, что давно предназначено было: но прежде
Славой великой покрылся могучий защитник Пергама.
Пал Патрокл от руки благородного Гектора; втуне
Шлем Ахиллесов и щит покрывали его; неизбежный
Час судьбы наступил – и с Патроклова хладного трупа
Гектор совлек Ахиллесову броню, и сеча зажглася
Вкруг бездыханного юноши, прежде столь бодрого в битве.
«Я к кораблям Антилоха послал возвестить Ахиллесу
Гибель Патрокла; но знаю, что к нам не прядет он на помощь,
Сколь ни кипел бы на Гектора злобою.. Он безоружен.
Нам одним защищать умерщвленного друга. Упорно
Будем стоять за него; спасем бездыханное тело». –
Так говорил Менелай Теламонову сыну Аяксу.
«Правда, Атрид знаменитый, – Аякс отвечал Менелая, –
Ты с Мерионом Патрокла храни; наклонитесь и тело,
Взяв на плеча, несите из боя. Мы ж, оба Аякса,
Равные мужеством сердца, всегда неразлучные в битве,
Будем стремленьем троян и великого Гектора дружно
Грудью своей отражать, охраняя отшествие ваше».
Царь Менелай с Мерионом поднимают Патроклово тело
Сильной рукою с земли: ужаснулись трояне, увидя
Тело во власти ахейян, и бросились с воплем за ними.
Словно как псы, упредя звероловцев младых, на лесного
Вепря, когда он поранен, кидаются вдруг, но лишь только,
Бешеный, он, ошестинясь, на них обернется, в испуге
Все рассыпаются – так и трояне сначала стремятся
Бодро вперед, подымая мечи и двуострые копья;
Но лишь только Аяксы в лице им лицом обратятся –
Все бледнеют и боя начать ни один не дерзает.
Царь Менелай с Мерионом бесстрашно, медлительным шагом,
Идут вперед, унося из сраженья Патроклово тело;
Их защищают Аяксы; блистательный Гектор с Энеем
Рвутся, как львы разъяренные, сияясь добычу похитить;
Страшной грозой к кораблям приближается шумная битва.
Робко меж тем Антилох к Ахиллесовой ставке подходит.
Он сидел впереди кораблей недалеко от моря,
Мрачен, тревожимый думой о том, что уже совершилось.
«Горе! – он мыслил. – Зачем к кораблям в беспорядке теснятся

Снова ахейцы, покинув сраженье? Страшусь, что со мною
Сбудется то, что давно предсказала мать: что должен
Прежде меня от троян мирмидонец погибнуть храбрейший.
Сердце дрожит; уж не пал ли Менетиев сын? Непреклонный
Друг! а я умолял уйти к кораблям, отразивши
Вражий пожар и отнюдь не испытывать с Гектором силы». —
Так размышлял Ахиллес — и пред ним с сокрушительной вестью
Сын престарелого Нестора, слезы лиющий, явился.
«Горе мне! сын благородный Пелея, ты должен о страшной
Слышать беде, какой никогда не должно бы случиться!
Пал Патрокл: уж теперь за его бездыханное тело
Бьются; он наг — оружие Гектор могучий похитил». —
Мрачное облако скорби лице Ахиллеса покрыло.
Обе он горсти наполнив пеплом, главу им осыпал;
Лик молодой почернел, почернела одежда и сам он,
Телом великим пространство покрывши великое, в прахе
Был распростерт, и волосы рвал, и бился об землю.
Девы, им купно с Патроклом плененные, в страхе из ставки
Выбежав, громко вопили над ним и перси терзали.
С ними стонал Антилох; заливаясь слезами, всей силой
Он Ахиллесовы руки держал, чтоб в безумии горя
Сам он себе не пронзил изощренным оружием груди.
С страшным воплем он плакал. Его услышала мать,
В доме седого отца, на дне глубокого моря.
Громко она зарыдала, и к ней собрались Нереиды,
Сестры младые, морской глубины златовласые девы.
Полон был ими подводный серебряный дом, поражали
Все они перси, печалась с сестрой. Им Фетида сказала:
«Милые сестры, Нерея бессмертные дочери, много,
Много печали на сердце моем; о, горе мне бедной!
Мне, Ахиллеса великого матери! Мною рожденный
Сын, столь душой благородный, столь мужеством славный, в героях
Первый... он цвел, как младое прекрасное древо; с любовью
Нежной воспитанный, вырос и, мной наконец к Илиону
Посланный, поплыл туда в кораблях острогрудых... и вечно
Мне уж его не увидеть в отеческом доме Пелея;
Но доколе и жив он, сиянием дня озаренный,
Он осужден на страданье, и мать ему не поможет.
Милые сестры, покинем глубокое море; мне должно,
Должно сына увидеть, мне должно проведать, какое
Новое горе ему, не вступавшему в бой, приключилось». —
Так сказав, из пещеры выходит Фетида, и с нею
Сестры, Нереевы дочери, слезы лиющие. Волны
Моря кругом их шумят, разделяясь. Достигнувши Трои,
На берег всходят одна за другою в том месте, где зрелись
Все корабли мирмидонян кругом Ахиллесовой ставки.
Мать к нему подошла, зарыдала над ним и, обнявши
Нежной рукой преклоненную голову сына, сказала:
«Что же ты плачешь? Что бодрю твою сокрушило?
Будь откровенен со мною! Зевес Громовержец исполнил
Все, о чем ты молился, подъявляя здесь руки. Ахейцы
Много стыда претерпели, утратив тебя, и, теснимы
Силой врагов к кораблям, безнадежно тебя призывали». —
Тяжко, тяжело вздохнув, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Мать, не тщетно молил я, исполнил Зевес Громовержец
Все; но какая в том польза, когда потерял я Патрокла,
Друга нежнейшего, милого мне, как сиянье дневное?
Он погиб, и оружие Гектор-убийца похитил,
Крепкое, дивное, дар от богов олимпийских Пелею
В оный день, как тебя сочетали, бессмертную, с смертным.
Было бы лучше, когда б ты осталась богинею моря,
Лучше, когда бы простой, не бессмертной супруги супругом
Был Пелей: бесконечной тоской по утраченном сыне
Будешь ты ныне крушиться; уж вечно его не увидишь
В доме отца. Да и сердце мое запрещает мне доле
Здесь меж живыми скитаться; но прежде Гектор заплатит
Мне за Патрокову жизнь, под мою ногой издыхая». —
Мать, лиющая слезы, отвечает: «То, что сказал ты,

Мне возвещает, что жизни твоей прекращение близко:
Сам ты за Гектором вслед неминуемо должен погибнуть –
Так повелела судьба». Ахиллес возразил ей угрюмо:
«Пусть я погибну теперь! Что в жизни, если Патрокла
Мне защитить не дано? Далеко от любимой отчизны
Пал он, а я не пришел отразить ненавистную гибель.
Что я? Родительских мирных полей суждено не видать мне;
Жизни Патрокла спасти я не мог; не мог быть защитой
Стольким друзьям благородным, от сильного Гектора падшим.
Здесь я сижу, позади кораблей, бесполезное бремя
Свету, я, Ахиллес, из всех меднолатных ахейян
В битве храбрый, хотя на совете другим уступаю.
О! да погибнут вражда и гнев, отемняющий часто
Разум мудрейшим! сначала он сладостней меда, но скоро
Пламень сжигающий в сердце, вкусившем его, зажигает.
Так и меня раздражил Агамемнон, царей повелитель.
Но пусть будет прошедшим прошедшее; сколь ни прискорбно
Сердцу оно – раздраженное сердце должно покориться.
Я иду – не избегнешь меня ты, Патроклов убийца,
Гектор. Свой жребий принять я готов, когда ни назначат
Вечный Зевес и бессмертные боги Олимпа; и мне ли
Ныне роптать на судьбу, когда и Алкид благородный,
Сын Громовержца любимый, был некогда ею постигнут?
Если подобный удел и меня ожидает, пусть лягу
В землю, дыханье утратив; но славу великую прежде
Здесь соберу, быстротечныя жизни в замену; здесь многих
Дев полногрудых дарданских принужу крушиться и слезы
С юных ланит отирать, закрывши руками
Лица и вздохи спирая в груди, раздираемой горем.
Скоро узнают, что я отдохнул. А ты не надейся,
Мать, меня удержать: никогда я не буду покорен».
«Истину ты говоришь, – отвечала Фетида, – похвально
Быть для друзей от беды и от смерти защитой. Но Троя
Ныне владеет твоими блестящими латами; хищный
Гектор, украшенный ими, ликует – хотя и недолго
В них величаться ему: предназначенный час недалеко;
Но безоружный, мой сын, не бросайся в тревогу Арея;
Здесь помедли, доколе меня опять не увидишь.
Завтра сюда на рассвете, лишь только подыметя солнце,
С пышной броней, скованной богом Ифестом, приду я».
Так говорила богиня и с сыном могучим простилась.
К юным сестрам, среброногим богиням, потом обратясь,
«Милые сестры, – сказала, – теперь погрузитесь в море,
В дом возвратитесь Нерея и старцу седому пучины
Всё возвестите. А я на вершину Олимпа к Ифесту
Прямо отсель полечу умолять, чтоб оружие дал нам».
Кончила; в лоно зыбей погрузились младые богини.
Быстро к вершине Олимпа от них полетела Фетида.
Тою порою ахейцы от грозного Гектора с громким
Воплем бежали к своим кораблям, на берега Эллиспонта,
Сияясь напрасно исторгнуть из боя Патроклово тело;
Гектор, как бурное пламя, гнался за ним; уж трикраты
За ногу мертвого сзади хватал он, готовый добычу
Вырвать из рук у ахейян, и кликал троян, и трикраты
Силою всю Аяксы его отражали от трупа.
Яростный, пламенный, все низвергал он; то, бегая быстро,
Бился в толпе; то, стоя недвижим, сзывал громогласно
В битву своих и рвался неотступно на хладное тело.
Так над растерзанной ланью, голодный, очами сверкая,
Лев космолапый сидит, не тревожась пастырей криком.
Тщетно Аяксы отважные борются с ним; овладел бы
Он неизбежно Патроклом с великою славой, когда бы
Ира с небес не послала Ириду к Пелееву сыну:
«Сын Пелеев, беги, беги на помощь к Патроклу;
Битва уже подошла к кораблям. Посмотри: убивают
Страшно друг друга, одни – отбиваясь, другие – стремясь
Тело схватить; одолеют трояне; блистательный Гектор
Скоро похитит Патрокла, и в Трою умчит, и на башне

Выставит голову, снятую с плеч в посрамленье ахейян.
Полно медлить: иль псам напитаться Патрокловым телом.
Встань, безоружный, избеги на раскат; покажись троянам;
Образ твой ужас нагонит на них; ободрятся ахейцы».
Так Ахиллесу богиня Ирида сказала и скрылась.
Гласом ее возбужденный, вскочил Ахиллес. И Афина
Мощные плечи ему облачила эгидой ужасной,
Огненной тучей главу обвила, и с нее заблестали
Грозно лучи, озаряя окрестность. Как дым, извиваясь,
Всходит далеко на острове, ратью врагов обложенном
(Бодро весь день осажденные бьются, но сядет лишь солнце,
Всюду костры зажигают, и с яркими искрами пламя
Всходит великим столбом и, окрест отраженное морем,
Светит, чтоб видели путь корабли, приносящие помощь),
Так с головы Ахиллеса блистанье в эфир подымалось.
Он взбежал на раскат и, став на виду у ахейян,
Крикнул... пронзительный крик повторила Паллада Афина
Отзывом громким: троян обуял неописанный ужас.
Так оглушительный гром боевые трубы, возвещая
Приступ, незапно мутит осажденных. Едва Ахиллесов
Голос послышался, дрогнуло каждого сердце; все кони,
Гибель почуя, подняли гривы и с топотом громким
Вспять понесли колесницы; правители их в исступленье,
С бледным лицом, обратясь назад, неподвижным смотрели
Оком на грозный лица Ахиллесева блеск. Троекратно
Крикнул он с валу на них – троекратно, разбитые страхом,
Войска троян и союзных назад в беспорядке бросались.
Тут от своих колесниц и от собственных копий двенадцать
Храбрых дарданян погибло. Ахейцы, похитив Патрокла,
В ставке простерли его на одре, и друзья окружили
Тело. Пришел Ахиллес. Залился он слезами, увидя
Друга, пред ним на одре неподвижно лежащего, острой
Медью пронзенного: сам он недавно его на сраженье,
Броней своею облекши, послал: но назад не пришел он.
Тою порой, постоянный в течении Гелиос, волю
Иры свершая, сошел неохотно к водам Океана,
В них потонувшее солнце исчезло, и войско ахейян
После губительной брани в глубокий покой погрузилось.
Но трояне вкусить не могли ни покоя, ни пищи,
Смутно они собрались на совет. Опершись на копья,
Все стояли, и сесть не дерзал ни единый, и всем им
Сердце тревожила мысль о явившемся в бой Ахиллесе.
Полидамант благомыслящий, Гекторов друг осторожный,
Первый подал совет: покинув поле сраженья,
В Трою войти. «Нам теперь благовонная ночь благосклонна. –
Так он сказал. – Ахиллеса держит она. Но завтра,
В поле увидя нас, выйдет он в битву. Тогда неизбежно
Многие будут добычею псов. Удалимся же в Трою, куда
Время, на торжище ночь проведем под небом открытым;
С первым же блеском денницы сберем на стены; пускай он
Боя отведасть приблизится к ним; лишь напрасно могучих
Коней своих утомит; но в Трою ему не ворваться».
Сумрачен, брови нахмуря, ответствовал пламенный Гектор:
«Полидамант, осторожный совет твой теперь бесполезен;
Нам ли, как робким, бежать в огражденную башнями Трою?
Мы ль не устали еще, за стенами теснясь, укрываться?
Некогда город Приамов, меж всеми народами славный,
Был знаменит на земле изобилием меди и злата;
Но уж давно из печальных жилищ изобилие скрылось.
Мы раздражили Зевеса: во фригии, в крае союзном
Пышной Меонии, проданы лучшие утвари наши.
Ныне ж, когда мне могучий Кронион, Зевес Вседержитель,
Славу послал отразить к кораблям меднолатных ахейян,
Я ли укроюсь в Трою? Какой же совет подаешь ты?
Кто из троян покорится ему? Здесь я повелитель.
Слушайте ж слово мое и мою исполните волю:
Пищу пускай по дружинам разделят; насытятся, но каждый
Будь осторожен, и страж да не дремлет на страже. Завтра

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh

С первым сияньем денницы, оружие медное взявши,
Мы побегим к кораблям на решительный приступ. И если
Правда, что встал Ахиллес, то недоброе время он выбрал;
Я не боюсь его, беспощадного, встретить; отважно
Стану пред ним, не заботясь, меня ли, его ли украсит
Славою бой... неподкупен Арей, и разящих разит он». Гектор
сказал, и трояне, согласные с ним, отвечали
Плеском шумящим... слепцы! им Паллада затмила рассудок:
Злое благому они предпочли и остались в поле.
В горе и плаче ту ночь над Патроковым телом ахейцы,
Глаз не смыкая, всю провели. Ахиллес, положивши
Мощные руки на грудь неподвижную друга, со стоном
Плакал. Так львица грозная рычит, когда звероловец
Львенка младого ее из глубокого лога похитил:
Злобясь, рыщет она по ущелиям с жалобным ревом.
Так Ахиллес вопиял, окруженный толпой мирмидонян:
«Боги! сколь были надежды мои безрассудны, когда я,
Тщась утолить сокрушенья Менетия, дал обещанье
Вместе с украшенным славою Патроком в Опунт возвратиться,
Трою разрушив и много богатой добычи скопивши.
Смертный замыслит одно, а Зевес совершает иное!
Оба единую землю мы кровью своей напитаем
Здесь, в отдаленном Троянском краю. И меня не увидят
Вечно в жилище отцов ни Пелей, мой родитель
Дряхлый, ни мать Фетида. Здесь лягу, покрытый могилой.
Если же после Патрокла назначено в землю сойти мне,
О мой Патрокл! я твою совершу погребенья, повергнув
Голову Гектора с броней его пред тобой и двенадцать
Юношей пленных, сынов благороднейших Трои, заклавши
В почесть твою и обиженной тени твоей в утешенье!
С миром же спи у моих кораблей в ожидании мести;
Пусть троянки, плененные нами, и денно и ночью
Плачут дотолы над телом твоим и перси терзают». С
сими словами друзьям повелел Ахиллес благородный,
Чистой водою огромный котел треножный наполнив,
Прах с запекшейся кровию смыть с Патроклова тела.
Ставят треножник на яркий огонь, и шумящей струею
Льется в него ключевая вода и хворост бросают
В пламя: оно обхватило котел, и вода закипела
В медном звенящем сосуде. Омытое теплою влагой,
Тело умастили тучным елеем; потом, ароматной
Девятилетней мазью наполнивши раны, простерли
Тихо его на одре и, покрыв полотном драгоценным,
Купно и тело и ложе блестящею тканью одели.
Эос младая в одежде багряной, бессмертным и смертным
День приносящая, встала из вод Океана. Фетида
С дивной, Ифестом ей данной броней пришла к Ахиллесу;
Он распростертый лежал над бездушным Патроком и громко
Плакал; окрест мирмидоняне в мрачном молчаньи сидели.
Тихо меж ними прошла среброногая мать богиня
К сыну и, за руку взявши его, умиленно сказала:
«Сын мой, оставим покоиться мертвого, сколько б о нем мы
В сердце своем ни крушились: он силой бессмертных постигнут.
Я принесла невредимую броню от бога Ифеста,
Чудо красы: ни на ком из людей не бывало подобной». Так
сказав, положила Фетида к ногам Ахиллеса
Броню; громкий оружие звук издало: мирмидонян
Ужас проникнул: взглянуть не посмел ни единый богине
Прямо в лице, и все трепетали. Но гневом сильнейшим,
Броню узря, закипел Ахиллес; глаза засверкали
Искрами, вспыхнув под тенью ресниц, как ужасное пламя;
Жадной рукою он броню схватил и, даром чудесным
Бога Ифеста плененный, им стал любоваться; но скоро
Снова сделался мрачен; потом, обратясь к Фетиде,
«Мать, – сказал он, – оружие дивно твое, и немедля
Выйду я в битву. Но сердце мое неспокойно; он будет
Здесь бездыханный лежать; насекомые жадные могут
В раны влететь, в них червь поселится и может гниенье,

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh

В тело проникнувши, образ его опозорить прекрасный».
«Будь, мой возлюбленный сын, беззаботен, – сказала Фетида, –
С ним неразлучная, стану сама разгонять насекомых,
Жадно снedaющих тело убитого мужа; хотя бы
Медленный года над ним совершился полет, я нетленным
Тело его сохрaну, и еще он прекраснее будет».
С сими словами она проливает на раны Патрокла
Сок благоводный амврозии с нектаром светло-пурпурным.
Берегом моря поспешно потек Ахиллес благородный;
На голос звучный его собрались ахейцы. Прискорбно
Руку он подал Атриду, и был примирительной жертвой
Поздний меж ними союз утвержден. Агамемнон могучий
Дал повеленье дары отнести к Ахиллесу. Немедля
Царь Одиссей с сыновьями почтенного Нестора, с славным
Сыном Филия Мегитом, с фоантом и с ними Креонов
Сын Ликомед, Мерион, Меланипп к Агамемнону в ставку
Идут и, выбрав семь драгоценных треножников, двадцать
Светлых сосудов, двенадцать коней и семь рукодельных
Пленниц с осьмой Бризеидой, отходят в шатер Ахиллесов,
Царь Одиссей впереди с десятью талантами злата.
Все потом, окружив Ахиллеса, его приглашают
С ними обед разделить: но, тяжело вздохнув, отвечал он:
«О друзья! умоляю вас, если хоть мало я дорог
Вашему сердцу, не требуйте ныне, чтоб я насладился
Вашею пищею: горе всю душу мою раздирает.
Нет, не коснусь ни к чему до самая поздняя ночи».
Все полководцы простились тогда с Ахиллесом; остались
Оба Атрида, Идомей, Одиссей благородный,
Нестор и старец Феникс. Прояснить омраченную душу
Друга старались они разговором веселым; но тщетно.
Сумрачен был он, лишь битвы единой алкал, непрестанно
Думал о мертвом, об нем лишь одним говорил непрестанно:
«О, сколь часто бывало, что сам ты заботливо, бедный,
В ставку мою прибегал с подкрепительной утренней пищей,
Мне возвещая, что войско ахейн шатры покидало,
Снова с троянами в битву готовое выйти: а ныне
Здесь ты лежишь, бездыханный! Не может мое усладиться
Сердце ни пищей, ни сладким вином без тебя. Я толь сильным
Не был бы горем сражен, и услышав о смерти Пелея,
Льющего слезы во Фтии своей обо мне отдаленном,
Бьющемся в чуждом краю за обиду Елены презренной,
Ни же печальную весть получивши о сыне, в Скиросе
Мне расцветавшем, богоподобном Неоптолеме,
Если он жив! – Я доньше всегда упованием тайным
Сердце свое утешал, что погибну один, разлученный
С славным конями Аргосом, в Троянской земле, что, в пределы
Фтии родной возвратяся, ты сам в кораблях белокрылых
Сына в Скиросе возьмешь и ему покажешь в отчизне
Все богатства мои, рабов и царицы чертоги.
Чувствовал я, что тогда уж Пелей иль в земле, бездыханный,
Будет лежать, иль, может быть, грустно свой век доживая,
Будет согбен от печали и лет, все боясь, что от Трои
Вестник придет и скажет ему: «Ахиллеса не стало».
Так говорил он и плакал. Сидевшие с ним воздыхали,
Каждый о том помышляя, что в доме далеком оставил.
Взор сострадательный с неба Зевес на печальных склонивши,
Быстро к богине Палладе крылатую речь обращает:
«Или, Паллада, покинут тобой Ахиллес благородный?
Видишь, как он на берегу, у своих кораблей черногрудых,
Плача о мертвом Патрокле, сидит одинокий. Другие
Утренней пищей себя подкрепляют; но он не приемлет
Пищи. Лети ж и во грудь Ахиллесу амврозии сладкой
С нектаром влей, чтоб от голода сил он своих не утратил».
Так Зевес говорил, упреждая желанье Афины.
Быстро она – как орел с необъятными крыльями, с звонким
Криком – к шатрам полетела с небес. Уж ахейцы толпились,
В бой ополчаясь. Во грудь Ахиллеса амврозии сладкой
С нектаром тайно Афина влила, чтоб от голода силы

Он не утратил, и снова потом возвратилась в обитель
Зевса. Ахейцы волнами текли, корабли покидая.
Словно как частый, клоками сыплющий снег, уносимый
Северным, быстро эфир проясняющим ветром, из ставок
Сыпались шлемы бесчисленны, рой за сверкающим роем,
Круто согбенные латы, из ясеня твердого копья,
С острую бляхой щиты; до небес восходило сиянье;
В блеске оружий смеялась земля; под ногами бегущих
Берег гремел. Посреди их броней Ахиллес облакался.
Зубы его скрежетали, и очи, как быстрое пламя,
Рдели, сверкая; но сердце его нестерпимой печалью
Было наполнено. Злобой кипя, на троян разъяренный,
Взял он доспехи, чудесное бога Ифеста создание;
Голени в светлые, гладкие поножи прежде облекши,
Каждую пряжкой серебряной туго стянул он; огромным
Панцирем мощную грудь обложил; на плечо драгоценный
Меч с рукоятью серебряной, с лезвием медным повесил.
После надел необъятный, тяжкий, блеском подобный
Полному месяцу щит: как далекий маяк мореходцам
Светит во мгле, пламенея один на вершине утеса –
Буря же вдаль от друзей их несет по шумящему морю –
Так лучезарно светился божественный щит Ахиллесов,
Чудо искусства. Потом на главу он надвинул тяжелый
Гривистый шлем; он сиял, как звезда, и густым златовласым
Конским хвостом был украшен на нем воздымавшийся гребень.
Броней одеянный, силу свою Ахиллес испытует:
Двигался в ней он свободно, и члены обнявшая броня
Легче казалась крыл и как будто его подымала.
Тут он отцово копье из ковчега прекрасного вынул,
Тяжкоогромное – в сонме ахейн его ни единый
Двинуть не мог, но легко им играла рука Ахиллеса:
Ясень могучий с гордой главы Пелиона срубивши,
Создал Хирон то копье для Пелея, врагам на погибель.
Автомедон и Алким на коней возложили поспешно
Светлую сбрую и удила силой втеснили им в зубы;
Туго потом натянувши бразды, впереди колесницы
Их укрепили. Автомедон в колесницу с блестящим
Прянул бичом. Ахиллес, изготовясь в кровавую битву,
Стал позади, как Гелиос дивной броней сияя.
Тут громогласно к Пелеевым бодрым коням он воскликнул:
«Ксанф и Валий, славные дети Подарги, вернее,
Добрые кони, вы ныне правителю вашему будьте;
Сытого боем его к кораблям возвратите; не мертвым
В поле оставьте, подобно Патроклу». На то легконогий,
Дышащий пламенем Ксанф отвечал, до копыт наклонивши
Гордую голову – пышная грива упала на землю;
Ира лилейной рукой разрешила язык – он промолвил:
«Так, мы живого еще тебя принесем, сын Пелеев;
Но предназначенный день твой уж близко. Не нашей
Волей, но силою бога и строгой судьбой то свершилось;
Нет, не мы замедленьем своим и безвременной ленью
Дали троянам похитить Патроклову крепкую броню;
Сын густовласыя Литы, бог неизбежный постигнул
В битве его и Гектора честью победы украсил.
Пусть на бегу мы полет опережаем Зефира, из легких
Ветров легчайшего веяньем крыл благовонных – но ведай:
Ты от могучего бога и смертного мужа погибнешь».
Он сказал, и язык обезмолвила сила Эринний.
Сумрачен ликом, ему отвечал Ахиллес быstroногий:
«Ксанф, для чего бесполезно мне смерть прорицаешь? И сам я
Знаю, что мне, далеко от отца и от матери, должно
Здесь по закону судьбы умереть. Но я все не престану
Биться и мучить троян ненасытной битвой».
Звучно он крикнул, и с топотом громким помчались кони;
Следом за ним из заград побежали ахейцы. Трояне
Ждали их в поле, густыми толпами построясь на холме.
Вечный Зевес с многоглавой вершины Олимпа Фемиду
Всех богов пригласить на совет посылает. Богиня

Им повелела собраться в обителях неба. Предстали
Все, и самые боги потоков и в тенистых рощах,
В темных долинах, в источниках тайных живущие нимфы;
Древний один Океан не явился. В чертогах, Ифестом
Созданных с дивным искусством по воле Зевеса, на тронах
Боги сидели кругом Громовержца. Призванью Фемиды
Сам Посидон покорился. Он вышел из вод и с другими
Сел на совет. Наконец спросил он владыку Зевеса:
«Бог громоносный, зачем ты призвал нас в чертоги Олимпа?
Или решить замышляешь ты участь троян и ахейн,
Вышедших в поле и снова исполненных яростью битвы?»
В тучах гремевший Зевес, отвечая, сказал Посидону:
«Бог, колебатель земли, ты мои помышления знаешь,
Знаешь, о чем сей совет. И о гибнущих ум мой печется.
Здесь я буду сидеть, на скале высочайшей Олимпа,
Зрелищем боя себя услаждая. Но вам позволяю
К войскам троян и ахейн идти, и можете помощь
Той стороне подавать, на которую склонит вас сердце.
Если один Ахиллес нападет на троян – ни мгновенья
В поле они не подержатся против Пелидовой силы;
Трепет их всех поразило при едином его появлении.
Ныне ж, когда он так сильно разгневан погибелью друга,
Я страшусь, чтоб, судьбе вопреки, не разрушил и Трои».
Так говорил Зевес, и вспыхнули бессмертные боем.
С неба они, разделяясь, ко враждующим ратям слетели.
Мощная Ира пошла к кораблям с Палладой Афиной;
С ней Посидон, облегающий землю, и Эрмий, обильный
Кознями, щедрый податель богатства, и медленно-тяжкий,
Пламенноокий Ифест, чрез силу влекущий хромую
Ногу. Но шлемом блестящий Арей обратился к троянам,
С ним полнокудрый Феб и меткостью стрел Артемида
Гордая, Лито, и Ксанф, и Киприда с улыбкой приветной.
Были надменны ахейцы, пока не вмешались боги
В бой – Ахиллес появлением своим, по долгом покое,
Их ободрил, а трояне при виде Пелеева сына,
Блеском брони Арею подобного, все трепетали, –
Но лишь только сошли олимпийцы ко смертным, Эриннис
Страшно свирепствовать вдруг начала. То стоя на вале,
Подле глубокого рва, то на бреге шумящего моря
Гласом могучим Афина кричала. И черной подобен
Буре, Арей завывал, то с горней вершины Пергама
Клика троян, то бегая назад и вперед у высокой
Каликолоны, вне стен, не вдали Симоисова брега.
Так олимпийские боги рать на рать возбуждали.
Скоро везде запылал разрушительный бой истребленья.
Страшно гремел всемогущий отец людей и бессмертных
С неба; внизу колебал Посидон необъятную землю;
Горы тряслись; от подошвы богатой потоками Иды
Все до вершины ее и Пергам с кораблями дрожало.
В царстве глубокой подземной тьмы Айдоной возмутился;
Бледен с престола сбежал он и крикнул, страшась, чтоб свеше
Твердой земли не пронзил Посидон Сокрушитель, чтоб оку
Смертных людей и богов неприступный Аид не открылся,
Страшный, мгlistый, пустой и бессмертным самим ненавистный.

Сид

(отрывок)*

Горные испанцы вместе с религиею, законами, честью и свободою предков своих визиготфов сохранили и употребление языка романского.

То были необразованные люди, характера дикого, гордые, отважные, не способные покорствовать рабскому игу.

Каждая долина была особенною малою областью.

В сих долинах властвовали графы, коим короли визиготфские вверяли наблюдение правосудия в мирные дни и предводительство народного войска во дни военные.

Когда пала монархия, сии графы были почитаемы военачальниками и покровителями

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
народа.

Народ сей был составлен большею частию из переселенцев, покинувших свою родину, дабы среди бесплодных утесов спасти религию и законы отцов своих. Там не было отдаваемо никаких отличных почестей фортуне: под кровлею бедной хижины часто находили человека, победившего в сражении. Вероятно, что в сии времена вошла в испанские нравы сия кастильская спесь, замечаемая ныне в самых нищих.

Санхо Великий, король кастильский, в начале XI века соединил под державу свою почти все христианские области полуострова; от него зависели Астурия, Наварра и Арагония; он первый принял титул короля Кастилии и может быть почитаем родоначальником королевских домов Испании.

При сем короле родился Дон-Родриго Диац (сын Диега), прозванный Саидом, или Сидом (господином) от побежденных им мавров. Наименованный главным военачальником армии от короля кастильского, он получил еще прозвание Кампеадора (воителя).

Замок Бивар, недалеко от Бургоса, завоеванный отцом его Дон-Диегом, был местом его рождения. С женской стороны происходит он от древних графов Кастильских. Знаменитый породю, он приобрел богатство мужеством и оружием. Подвиги его сохранились в народных песнях, или романсах, из которых здесь предлагается извлечение.

Сид в царствование короля Фердинанда

I
Пятерых царей неверных
Дон-Родриго победил;
И его назвали Сидом
Побежденные цари.
Их послы к нему явились
И в смиреннии подданства
Так приветствовали Сиды:
«Пять царей, твоих вассалов,
Нас с покорностью и данью,
Добрый Сид, к тебе прислали».
«Ошибаетесь, друзья! –
Дон-Родриго отвечал им. –
Не ко мне посольство ваше:
Неприлично господином
Называть меня в том месте,
Где господствует Великий
Фердинанд, мой повелитель:
Всё его здесь, не мое».
И король, таким смиреньем
Сиды храброго довольный,
Говорит послам: «Скажите
Вы царям своим, что, если
Господин их Дон-Родриго
Не король, то здесь по праву
С королем сидит он рядом,
И что все, чем я владею,
Завоевано мне Сидом».
С той поры не называли
Знаменитого Родрига
Мавры иначе, как Сидом.

II
Полных семь лет без успеха
Неприступную Коимбру
Осаждал Дон-Фердинанд.
Никогда б не одолел он
Неприступныя Коимбры,
Крепкой башнями, стенами...
Но является Сан-Яго,
Рыцарь господы Христа:
На коне он скачет белом,
С головы до ног в доспехах
Свежих, чистых и блестящих.

«Сим ключом, который блещет
У меня в руках (сказал он),
Завтра утром на рассвете
Отопру я Фердинанду
Неприступную Коимбру».
И король вступил в Коимбру;
И мечеть ее назвали
Церковью Марии Девы.
Там был рыцарем поставлен
Дон-Родриго, граф Биварский.
Сам король своей рукою
Меч к бедру его привесил,
Дал ему лобзанье мира;
Только не дал акколады,
Ибо то уж для другого
Было сделано им прежде;
И, в особенную почесть,
Конь в блестящей сбруе Сиду
Подведен был королевой,
А инфанта золотые
На него надела шпоры.

III

Мрачен, грустен Дон-Диего...
Что сравнить с его печалью?
День и ночь он помышляет
О бесчестии своем.
Посрамлен навеки древний,
Знаменитый дом Ленесов;
Не равнялись ни Иниги,
Ни Аварки славой с ним.
И болезнью и летами
Изнуренный, старец видит
Близкий гроб перед собою;
Дон-Гормас же, злой обидчик,
Торжествующий, гуляет,
Не страшась суда и казни,
По народной площади.
Напоследок, свергнув бремя
Скорби мрачно-одинокой,
Сыновей своих созвал он
И, ни слова не сказавши,
Повелел связать им крепко
Благородные их руки.
И, трепещущие, робко
Вопрошают сыновья:
«Что ты делаешь, родитель?
Умертвить ли нас замыслил?»
Нет душе его надежды!
Но когда он обратился
К сыну младшему Родригу,
В нем опять она воскресла;
Засверкав очами тигра,
Возопил молодой Родриго:
«Развяжи, отец, мне руки!
Развяжи! когда б ты не был
Мой отец, я не словами
Дал себе тогда б управу;
Я бы собственной рукою
Внутренность твою исторгнул;
Мне мечом или кинжалом
Были пальцы бы мои!»
«Сын души моей, Родриго!
Скорбь твоя – мне исцеленье;
Грозный гнев твой – мне отрада;
Будь защитник нашей чести:
Ей погибнуть, если ныне
Ты не выкупишь ее».
И Родригу рассказал он

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu

Про свою тогда обиду
и его благословил.

IV

Удаляется Родриго,
Полон гнева, полон думы
О враге своем могучем,
О младых своих летах.
Знает он, что в Астурии
Дон-Гормас богат друзьями,
Что в совете королевском
И в сраженье первый он.
Но того он не страшится:
Сын гидальга благородный,
Он, родившись, обязался
Жизнью жертвовать для чести.
И в душе своей он молит
От небес – одной управы,
От земли – простора битве,
А от чести – подкрепленья
Молодой своей руке.
Со стены он меч снимает,
Древней ржавчиной покрытый,
Словно трауром печальным
По давнишнем господине.
«Знаю, добрый меч, – сказал он, –
что тебе еще постыдно
Быть в руке незнаменитой;
Но когда я поклянуся
Не нанести тебе обиды,
Ни на шаг в минуту боя
Не попятиться... пойдём!»

V

Там на площади дворцовой
Сид увидел Дон-Гормаса
Одного, без провожатых,
И вступил с ним в разговор:
«Дон-Гормас, ответствуй, знал ли
Ты о сыне Дон-Диега,
Оскорбив рукою дерзкой
Святость старцева лица?
Знал ли ты, что Дон-Диего
Есть потомок лайна Калва,
Что нет крови благородней,
Нет щита его честней?
Знал ли, что пока дышу я,
Не дерзнет никто из смертных –
Разве бог один всевышний –
Сделать то без наказанья,
что дерзнул с ним сделать ты?»
«Сам едва ли ты, младенец
(Отвечал Гормас надменно),
Знаешь жизни половину».
«Знаю твердо! половина
жизни: почеть благородным
Воздавать, как то прилично;
А другая половина:
Быть грозой горделивых,
И последней каплей крови
Омывать обиду чести».
«Что ж? Чего, младенец, хочешь?»
«Головы твоей хочу я».
«Хочешь розог, дерзкий мальчик;
Погоди, тебя накажут,
Как проказливого пажа».
Боже праведный, как вспыхнул
При таком ответе Сид!

VI

Слезы льются, тихо льются

По ланитам Дон-Диега:
За столом своим семейным
Он сидит, все позабыв;
О стыде своем он мыслит,
О молодых летах Родрига,
О ужасном поединке,
О могуществе врага.
Оживительная радость
Убегает посрамленных;
Вслед за нею убегают
И доверенность с надеждой;
Но цветущие, молодые
Сестры чести, вместе с нею
Возвращаются они.
И, в унылость погруженный,
Дон-Диего не заметил
Подходящего Родрига.
Он, с мечом своим под мышкой,
Приложив ко груди руки,
Долго, долго, весь пронзенный
Состраданием глубоко,
На отца глядел в молчанье;
Вдруг подходит и, схвативши
Руку старца: «Ешь, родитель!» –
Говорит, придвинув пищу.
Но сильнее плачет старец.
«Ты ли, сын мой Дон-Родриго,
Мне даешь такой совет?»
«Я, родитель! смело можешь
Ты поднять свое святое,
Благородное лицо».
«Спасена ли наша слава?»
«Мой родитель, он убит».
«Сядь же, сын мой Дон-Родриго,
Сядь за стол со мною рядом!
Кто с соперником подобным
Сладить мог, тот быть достоин
Дома нашего главой».
Со слезами Дон-Родриго,
Преклонив свои колена,
Лобызает руки старца;
Со слезами Дон-Диего,
Умиленный, лобызает
Сына в очи и уста.

VII

На престоле королевском
Восседал король-владыка,
Внемля жалобам народа
И давая всем управу.
Твердый, кроткий, правосудный,
Награждал он добрых щедро
И казнил виновных строго:
Наказание и милость
Верных подданных творят.
В черной, траурной одежде
Входит юная Химена,
Дочь Гормаса; вслед за нею
Триста пажей благородных.
Двор в безмолвном изумленьи.
Преклонив свои колена
На последнюю ступень
Королевского престола,
Так Химена говорит:
«Государь, прошло полгода
С той поры, как мой родитель
Под ударами молодого
Сопротивника погиб.
И уже я приносила

Перед трон твой королевский
Умиленную молитву.
Были мне даны тобою
Обещанья; но управы
Не дано мне и поныне.
Между тем, надменный, дерзкий,
Издавается Родриго
Над законами твоими,
И, его надменность видя,
Ей потворствуешь ты сам.
Государь праволюбивый
На земле есть образ бога;
Государь неправосудный,
Поощряющий строптивость,
Сердцу добрых не любезен,
Не ужасен и для злых.
Государь, внемли без гнева
Сим словам моей печали:
В сердце женщины почтенье
Превращается от скорби
Часто в горестный упрек».
И король на то Химене
Так отвечает без гнева:
«Здесь твоя печаль не встретит
Ни железа, ни гранита.
Если я сберег Родрига,
То сберег его, Химена,
Для души твоей прекрасной;
Будет время – будешь плакать
Ты от радости по нем».

VIII

В час полуночи спокойной
Тихий голос, нежный голос
Унывающей Химене
Говорил: «Отри, Химена,
Слезы грусти одинокой».
«Отвечай, откройся, кто ты?»
«Сирота, меня ты знаешь».
«Так! тебя, Родриго, знаю;
Ты, жестокий, ты, лишивший
Дом мой твердые подпоры...»
«Честь то сделала, не я».

IX

В храме божием Родриго
Так сказал своей Химене:
«Благородная Химена,
Твой отец убит был мною
Не по злобе, не изменой,
Но в отмщенье за обиду,
Грудь на грудь и меч на меч.
Я тебе за мужа чести
Мужа чести возвращаю;
Я тебе в живом супруге
Все даю, что прежде в мертвом
Ты отце своем имела:
Друга, спутника, отца».
Так сказав, он обнажает
Крепкий меч свой и, поднявши
Острие к святому небу,
Произносит громогласно:
«Пусть меня сей меч накажет.
Если раз нарушу в жизни
Мой обет: любить Химену
И за все моей любовью
Ей воздать, как здесь пред богом
Обещаюсь и клянуся!»
Так свершил свой брак с Хименой
Дон-Родриго, граф Биварский,

Славный Сид Кампеадор.

Х

Сид во всех за Фердинанда
Битвах был победоносен.

Наконец для фердинанда
Час последний наступает:

На своей постели смертной
Он лежит лицом к востоку;

Он в руках, уже холодных,
Держит свѣчу гробовую;

В головах стоят прелаты,
Одесную сыновья.

И уже свои он земли

Разделил меж сыновьями,

Как вошла его меньшая

Дочь Урака в черном платье,

Проливающая слезы.

Так ему она сказала:

«Есть ли где закон, родитель,

Человеческий иль божий,

Позволяющий наследство,

Дочерей позабывая,

Сыновьям лишь оставлять?»

Фердинанд ей отвечает:

«Я даю тебе Замору,

Крепость, твердую стенами,

С нею вместе и вассалов

Для защиты и услуги.

И да будет проклят мною,

Кто когда-нибудь замыслит

У тебя отнять Замору».

Предстоявшие сказали

Все: «Аминь». Один Дон-Санхо

Промолчал, нахмуря брови.

Сид в царствование короля Дон-Санха Кастильского

Г

Только что успел Дон-Санхо

Вместе с братьями в могилу

Опустить с мольбой приличной

Фердинандову гробницу,

Как уже он на коне,

И гремит трубой военной,

И вассалов собирает,

И войной идет на братьев.

Первый, с кем он начал ссору,

Был Галиции властитель,

Старший брат его Дон-Гарсий;

Но, сраженный в первой битве,

С малочисленной остался

Он дружиною кастильцев.

Вдруг явился Дон-Родриго.

«В добрый час, мой благородный

Сид! – сказал ему Дон-Санхо, –

Вовремя ко мне поспел ты».

«Но ты сам, король Дон-Санхо,

«Здесь не вовремя (сурово

Отвечал ему Родриго);

Лучше было бы, с молитвой

Руки сжав, стоять смиренно

У родителева гроба.

Я исполню долг вассала;

Стыд же примешь ты один».

И Дон-Гарсий, побежденный,

Скоро в плен достался Сиду.

«Что ты делаешь, достойный

Сид?» – сказал с упреком пленник.

«Если б я теперь вассалом

Был твоим, я то же б сделал,

Государь, и для тебя».
Заключен по воле брата
В башню крепкую Дон-Гарсий.
За него король леонский
Восстает и посылает
Вызов к Сиду, к мужу чести,
Подымающему руку
На бесчестно-злое дело.
«Ополчись, мой благородный
Сид, – Дон-Санхо восклицает. –
Ополчись, мой Сид могучий,
Перл империи священной,
Цвет Испании, зеркало
Чести рыцарской; леонцы
Идут против нас войною;
Веют львы на их знаменах;
Но у нас, в земле Кастильской,
Много замков укрепленных:
Будет, где их запереть».
«Государь, святое право
За Альфонса; лишь фортуной
Он неправ», – так отвечает
Королю Дон-Санху Сид.
Дон-Альфонс разбит и прогнан;
Он бежит к толедским маврам.
Как свирепый ястреб – алча
Новой пищи после первой,
Им отведанной добычи –
Когти острые вонзает
В беззащитную голубку:
Так Дон-Санхо ненасытный,
На одну сестру напавши,
Беспомощную насильно
Запирает в монастырь.

II

Мирно властвует Урака
В крепком городе Загоре.
Крепким городом Заморой
Завладеть Дон-Санхо мыслит.
Он к стенам его подходит.
Нет в Испании другого:
В твердом выбитый утесе,
Им покрытый, как броней
Смелый рыцарь, окруженный
Светло-влажными руками
Быстрошумного Дуера,
Он стоит – и замки, башни
(В целый день не перечсть их)
Как венец его венчают.
И сказал Дон-Санхо Сиду:
«Добрый Сид, советник мудрый,
Дома нашего подпора,
От меня к сестре Ураке
Ты послом иди в Замору.
Предложи мену Ураке;
Пусть свою назначит цену;
Но скажи ей в осторожность:
Если ныне отречется
То принять, что предлагаю,
Завтра сам возьму я силой
То, о чем теперь прошу».
«Что за стены! – Дон-Родриго
Мыслит, глядя на Замору. –
Чем на них смотрю я доле,
Тем грозней и неприступней
Мне являются они».
«Что за стены! – повторяет
Про себя король Дон-Санхо. –

Это первые, которых
Не заставил содрогнуться
Приближающийся Сид».
«Что за стены!» – размышляет
Конь могучий Бабиека,
Замедляя ход и гриву
Опуская до земли.

III

Тихо в городе Заморе:
Он печальный носит траур
По великом Фердинанде.
Церкви города Заморы
В ткани черные одеты,
И на них печальный траур
По великом Фердинанде.
И Урака, затворившись
В замке города Заморы,
О сестрах и братьях плачет;
И печальный носит траур
По великом Фердинанде.
И она вздыхала тяжело
В ту минуту, как явился
Перед городом Заморой
Дон-Родриго, вождь кастильский.
Вдруг все улицы Заморы
Зашумели, взволновались;
Крик до замка достигает,
И Урака, на ограду
Вышел, смотрит... там могучий
Сид стоит перед стеной.
Он свои подьмет очу,
Он Ураку зрит на башне,
Ту, которая надела
На него златые шпоры.
И ему шепнула совесть:
«Стой, Родриго, ты вступаешь
На бесславную дорогу;
Благородный Сид, назад!»
И она ему на память
Привела те дни, когда он
Государю Фердинанду
Обещался быть надежной
Дочерей его защитой,
Дни, когда они делили
Ясной младости веселье
При дворе великолепном
Государя Фердинанда,
Дни прекрасныя Коимбры.
«Стой, Родриго, ты вступаешь
На бесславную дорогу;
Благородный Сид, назад!»
Бодрый Сид остановился.
Он впервые Бабиеку
Обратил и в размышление,
Прошептал: «Назад!» поехал
В королевский стан обратно,
Чтоб принести отчет Дон-Санху.
Но разгневанный Дон-Санхо
Так отвечает Родригу:
«Безрассудны государи,
Осыпающие честью
Неумеренной вассалов –
Лишь мятежников надменных
Для себя они готовят.
Ты с Заморой непокорной
Заодно теперь, Родриго;
Ныне ум твой дерзновенный
Не в ладу с моим советом;

С глаз моих поиди, Родриго;
Из кастильских выйди пределов;
Все мои покинь владенья».
«Но которые владенья,
Государь, велишь покинуть?
Завоеванные ль мною,
Сохраненные ли мною
Для тебя?» – «Те и другие».
Сид минуту был задумчив;
Но потом он улыбнулся,
Вкруг себя спокойный бросил
Взор и сел на Бабиеку.
Удалился Сид... молчанье
В стане царствует, как в гробе.

IV

Длится трудная осада.
Много было поединков;
Много рыцарей кастильских,
К утешенью дам Заморы,
Было сброшено с седла.
Не возьмут они Заморы.
Тут являются к Дон-Санху
Графы, знатные вельможи.
«Государь, отдай нам Сида
(Говорят они); без Сида
Не бывать ни в чем удачи».
И король послал за Сидом;
Но с домашними своими
Наперед о том, что делать,
Посоветовался Сид.
Возвратиться был совет их,
Если сам король Дон-Санхо
Признает себя виновным.
Сид покорствуется призыву;
Сам король к нему навстречу
Выезжает; с Бабиеки
Сходит Сид, его увидя,
И его целует руку.
С той поры на поединки
Вызывать гораздо реже
Стали рыцари Заморы
Смелых рыцарей кастильских:
Каждый был готов сразиться
Хоть с пятью один, хоть с чертом,
Лишь бы только не с Родригом.
Вдруг из города Заморы
Вышел витязь неизвестный.
К пышной ставке королевской
Подошедши, так сказал он:
«За совет мой: покориться,
Чуть меня не умертвили.
Государь, я знаю верный
Способ сдать тебе Замору».
Но с высокоя ограды
В то же время старый рыцарь
Прокричал: «Король Дон-Санхо,
Знай, и вы, кастильцы, знайте,
Что из города Заморы
Вышел к вам предатель хитрый:
Если сбудется злодейство,
Нас ни в чем не обвиняйте».
Но с предателем Дон-Санхо
Уж пошел к стенам Заморы.
Там, пред входом потаенным
Неприступная ограда,
Видя, что король Дон-Санхо
С ним один и безоружен,
Острый свой кинжал предатель

Весь вонзил в него и скрылся.
И король смертельно ранен.
Вкруг него толпятся слуги;
И никто из них не молвил
Слова правды, лишь единый
Добрый, старый, верный рыцарь
Так сказал ему: «Помысли
О душе своей и боге;
Остальное все забудь».
И уже король Дон-Санхо
Предал в руки бога душу.
Много рыцарей кастильских
Вкруг него стоят и плачут;
Боле всех скорбит и плачет
Благородный Дон-Родриго.
«О король мой, о Дон-Санхо!
(Восклицает он), да будет
Проклят день тот ненавистный,
День, в который ты замыслил
Приступить к стенам Заморы.
Не боялся тот ни бога,
Ни людей, кто беззаконно
Дал тебе совет нарушить
Честный рыцарства закон».

Наль и Дамаянти*

Индийская повесть [1]

В те дни, когда мы верим нашим снам
И видим в их несбыточности быль,
Я видел сон: казалось, будто я
Цветущею долиной Кашемира
Иду один; со всех сторон вздымались
Громады гор, и в глубине долины,
Как в изумрудном, до краев лазурью
Наполненном сосуде, – небеса
Вечерние спокойно отражая, –
Сияло озеро; по склону гор
От запада сходила на долину
Дорога, шла к востоку и вдали
Терялась, сливаясь с горизонтом.
Был вечер тих; все вкруг меня молчало;
Лишь изредка над головой моей,
Сияя, голубь пролетал, и пели
Его волнующие воздух крылья.
Вдруг вдалеке послышались мне клики;
И вижу я: от запада идет
Блестящий ход; змеею бесконечной
В долину вьется он; и вдруг я слышу:
Играют марш торжественный; и сладкой
Моя душа наполнилась грустью.
Пока задумчиво я слушал, мимо
Прошел весь ход, и я лишь мог приметить
Там, в высоте, над радостно шумящим
Народом, паланкин; как привиденье,
Он мне блеснул в глаза; и в паланкине
Увидел я царевну молодую,
Невесту севера*; и на меня
Она глаза склонила мимоходом;
И скрылось все... когда же я очнулся,
Уж царствовала ночь и над долиной
Горели звезды; но в моей душе
Был светлый день; я чувствовал, что в ней
Свершилось как будто откровенье
Всего прекрасного, в одно живое
Лицо слиянного. – И вдруг мой сон
Переменился: я себя увидел
В царевом доме, и лицом к лицу
Предстало мне души моей виденье;
И мнилось мне, что годы пролетели

Мгновеньем надо мной, оставив мне
Воспоминание каких-то светлых
Времен, чего-то чудного, какой-то
Волшебной жизни. — И мой сон
Опять переменился: я увидел
Себя на берегу реки широкой;
Садилось солнце; тихо по водам
Суда, сияя, плыли, и за ними
Серебряный тянулся след; вблизи
В кустах светился домик; на пороге
Его дверей хозяйка молодая
С младенцем спящим на руках стояла...
И то была моя жена с моею
Малюткой дочерью... и я проснулся;
И милый сон мой стал блаженной былью.
И ныне тихо, без волненья льется
Поток моей уединенной жизни.
Смотря в лицо подруги, данной богом
На освященье сердца моего,
Смотря, как спит сном ангела на лоне
У матери младенец мой прекрасный,
Я чувствую глубоко тот покой,
Которого так жадно здесь мы ищем,
Не находя нигде; и слышу голос,
Земные все смиряющий тревоги:
Да не смущается твоя душа,
Он говорит мне, веруй в бога, веруй
В меня. Мне было суждено своею
Рукой на двух родных, земной судьбиной*
Разрозненных могилах* те слова
Спасителя святыя написать;
И вот теперь, на вечере моем,
Рука жены и дочери рука
Еще на легкой жизненной странице
Их пишут для меня, дабы потом
На гробовой гостеприимный камень
Перенести в успокоенье скорби,
В воспоминание земного счастья,
В вознаграждение любви земныя
И жизни вечныя на упованье.
И в тихий мой приют, от всех забот
Житейского живой оградой сада
Отгороженный, друг минувших лет,
Поэзия ко мне порой приходит
Рассказами досуг мой веселить.
И жив в моей душе тот светлый образ,
Который так ее очаровал
Во время оно... Часто на краю
Небес, когда уж солнце село, видим
Мы облака; из-за пурпурных ярко
Выглядывают золотые, светлым
Вершинам гор подобные; и видит
Воображенье там как будто область
Иного мира. Так теперь созданьем
Мечты, какой-то областью воздушной
Лежит вдали минувшее мое;
И мнится мне, что благодатный образ,
Мной встреченный на жизненном пути,
По-прежнему оттуда мне сияет.
Но он уж не один, их два*; и прежний
В короне, а другой в венке живом
Из белых роз, и с прежним сходен он,
Как расцветающий с расцветшим цветом;
И на меня он светлый взор склоняет
С такою же приветною улыбкой,
Как тот, когда его во сне я встретил.
И имя им одно. И ныне я
Тем милым именем последний цвет,

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh

Поэзией мне данный, знаменую
В воспоминание всего, что было
Сокровищем тех светлых жизни лет
И что теперь так сладостно чарует
Покой моей обвечеревшей жизни.
Дюссельдорф, 16/28 февраля 1843.

Глава первая

I

Жил-был в Индии царь, по имени Наль. Виразены
Сильного сын, обладатель царства Нишадского, этот
Наль был славен делами, во младости мудр и прекрасен
Так, что в целом свете царя, подобного Налю,
Не было, нет и не будет; между другими царями
Он сиял, как сияет солнце между звездами.
Крепкий мышцею, светлый разумом, чтитель смиренный
Мудрых духовных мужей, глубоко проникнувший в тайный
Смысл писаний священных, жертв сожигатель усердный
В храмах богов, вождений своих обуздатель, нечистым
Помыслам чуждый, любовь и тайная дума
Дев, гроза и ужас врагов, друзей упованье,
Опытный в трудной военной науке, искусный и смелый
Вождь, из лука дивный стрелок, наипаче же славный
Чудным искусством править конями – на них же он в сутки
Мог сто миль проскакать, – таков был Наль; но и слабость
Также имел он великую: в кости играть был безмерно
Страстен. – В это же время владел Видарбинским обширным
Царством Бима, царь благодушный; он долго бездетен
Был и тяжко скорбел от того, и обет пред богами
Он произнес великий, чтоб боги его наградили
Сладким родительским счастьем; и боги ему даровали
Трех сыновей и дочь. Сыновья назывались: первый
Дамас, Дантас другой и Даманас третий; а имя
Дочери было дано Дамаянти. Мальчики были
Живы и смелы; звездой красоты расцвела Дамаянти:
Прелесть ее прошла по земле чудесной молвою.
В доме отца, окруженная роем подружек, как будто
Свежим венком, сияла меж них Дамаянти, как роза
В пышной зелени листьев сияет, и в этом собранье
Дев сверкала, как молния в туче небесной. Ни в здешнем
Свете, ни в мире бесплотных духов, ни в стране, где святые
Боги живут, никогда подобной красоты не видали;
Очи ее могли бы привлечь и бессмертных на землю
С неба. Но как ни была Дамаянти прекрасна, не мене
Был прекрасен и Наль, подобный пламенно-нежной
Думе любви, облекшейся в образ телесный. И каждый
Час о великом царе Нишадской земли Дамаянти
Слышала, каждый час о звезде красоты благородный
Царь Нишадский слышал; и цвет любви из живого
Семени слов меж ними, друг друга не знавшими, скоро
Вырос. Однажды Наль, безымянной болезнью сердца
Мучимый, в роще задумчив гулял; и вдруг он увидел
В воздухе белых гусей; распутив золотоперые крылья,
Стаей летели они, и громко кричали, и в рощу
Шумно спустились. Проворной рукой за крыло золотое
Наль схватил одного. Но ему сказал человеческим
Голосом Гусь: «Отпусти ты меня, государь, я за это
Службу тебе сослужу: о тебе Дамаянти прекрасной
Слово такое при случае молвлю, что только и будет
Думать она о Нале одном». То услыша, поспешно
Наль отпустил золотого Гуся. Вся стая помчалась
Прямо в Видарбу и там опустилась с криком на царский
Луг, на котором в тот час Дамаянти гуляла. Увидев
Чудных птиц, начала Дамаянти с подружками бегать
Вслед за ними; а гуси, с места на место порхая,
Все рассыпались по лугу; с ними рассыпались так же
Скоро и все подружки царевнины: вот Дамаянти
С Гусем одним осталась одна; и Гусь, приосанясь,

Вдруг сказал человеческим голосом ей: «Дамаянти,
В царстве Нишадском царствует Наль; и нет и не будет
Между людьми красавца такого. Когда бы его ты женою
Стала, то счастье твое вполне б совершилось; какой бы
Плод родился от союза с его красотой могучей
Нежной твоей красоты. Вас друг для друга послали
Боги на землю. Поверь тому, что тебе говорю я,
О тихонравная, сладкоприветная, чистая дева!

Много мы в странствиях наших лугов человеческих, много
Райских обителей неба видали; в стране великанов
Также нам быть довелось; но донныне еще, Дамаянти,
Встретить подобного Налю царя нам нигде не случилось:
Ты жемчужина дев, а Наль – мужей драгоценный
Камень. О, если бы вы сочетались! тогда бы узрели
Мы на земле неземное». Так Гусь говорил. Дамаянти,
Слушая, радостно рдела; потом в ответ прошептала,
Вся побледнев от любви: Скажи ты то же и Налю.
Быстро, быстро поднялся он, дважды рожденный, сначала
В виде яйца, потом из яйца, и в Нишадское царство
Прямо помчался и там рассказал о случившемся Налю.

II

После того, что сказал ей Гусь золотой, Дамаянти,
Словно как будто с собою расставшись, была беспрестанно
С Налем прекрасным. Объятая тайною думой, влачась
Шаткой, неверной стопою, как будто в каком расслабленье,
То подымая к небу грустные очи, то в землю
Их потупляя, то с полною тяжкими вздохами грудью –
Временем щеки как жар, временем бледные, очи
Полные слез, засохшие губы и все в беспорядке
Мысли, как волосы, – день и ночь Дамаянти вздыхала,
Слабая, томная; не было ей ни сна на постели,
Ниже покоя на месте ином; и, тая в болезни,
Пищи она, ни питья принимать не хотела. Подружкам
Скоро стало заметно, что с их царевной прекрасной
Что-то случилось недоброе; скоро достигнул печальный
Слух и до Бимы-царя, что дочь его Дамаянти
Свой покой потеряла. Как скоро об этом проведал
Царь, то он весьма опечалился: «Видно, настало
Время любви для тебя, моя Дамаянти», – сказал он.
Вот и задумал Бима дать пир, чтоб отсюда на выбор
Съехались к ней женихи. Гонцов разослал он по разным
Царствам индейским: царей приглашать на праздник в Видарбу.
Только к царям и царевичам весть об этом достигла,
Все снарядились в путь; с востока и запада быстрый,
Шумный поток пути наводнил, наполняя всю землю
Смутным гулом слонов, коней, колесниц и до неба
Пыль густую подымая. Сияя богатством уборов,
Множеством ратников, блеском оружия, пышностью броней,
Съехались гости в Видарбу; торжественно встретил их Бима.
В это время странствовать вышел глава и светило
Всех отшельников, праведный старец Нерада; избранный
Спутник его был Перва́та блаженный. Из пыльного мира
Темных гробов проникнул он в царство небесного света,
В оный предел, где сад веселий цветет, где великий
Властвует Индра. В светло-воздушные сени вступили
Оба странника; их приветствовал радостно Индра;
Им поклонясь и воздав им обоим приличную почесть,
Царь небесных тверди спросил гостей о здоровье
Их и целого света. «Владыка, – с поклоном Нерада
Индре ответствовал, – божеской милостью вашей здоровы
Мы, и весь свет наш здоров: благоденствуют люди и звери;
В каждой пылинке и в каждой былинке жизнь и веселье».
Слыша такой ответ Нерады, могучий правитель
Мира спросил: «Но где же мои любимцы, кровавых
Споров решители, крови своей проливатели в битвах,
Смерти презрители, храбрые мира защитники? Ими
Светлую область мою населять я люблю; но напрасно
Жду я на пир мой желанных гостей, не приходят

Гости мои уж давно. Скажи мне, святой, что случилось
С племенем храбрых?» На это отвечив Индре Нерада:
«Я объясню, всемогущий, тебе, отчего так давно ты
Здесь никого не видишь из храбрых вождей: Дамаянти,
Дочь царя видарбинского Бимы, которой на свете
Нет ничего подобного, хочет по сердцу супруга
Выбрать, и все цари и царевичи едут в Видарбу;
Всякая ссора забыта, и вот почему так спокойна
Стала земля, почему и в твою светозарную область
Гости давно не приходят». Покуда их длилась беседа,
Прибыли к Индре его соучастники в миродержавстве –
Агнис, властитель огня, Варуна, воды повелитель,
Яма, бог-земледержец. Услышав сказанье Нерады,
Боги воскликнули с светлым лицом: «На выборе этом
Будем и мы». И на быстрых конях, предводимые Индрой,
Боги пустились в Видарбу, куда все цари собирались.
Тою порою и Наль, любовью сгорая, лишь только
Сведаль о съезде великом в Видарбе, на быстрых
Крыльях желанья помчался; нужды в конях не имел он.
Боги, спустясь с высоты, на дороге увидели Наля:
Был красотою он светел, как день; и боги, пленясь
Той красотой, на него с изумленьем смотрели; четыре
Стихий властителя, в воздухе свой полет удержавши,
Вот что сказали: «Здравствуй, нишадец, войск истребитель,
Наль Пуньялока. Хочешь ли нам оказать ты услугу?
Нашим послом полномочным иди отсюда в Видарбу».

III

«Все исполню, – отвечив Наль; и, руки сложивши
В страхе невольном, с видом покорным спросил он их: – Кто вы,
Солнечным блеском одетые? С вестью какой повелите
Мне в Видарбу идти?» Ему отвечив Индра:
«Знай, что мы боги бессмертные, шедшие в мир для прекрасной
Дочери Бимы царя Дамаянти, к которой отсюда
Сходятся ныне земные цари; я Индра, властитель
Воздуха; это Агнис, огня повелитель могучий;
Это Варуна, двигатель вод, а это великий
Тверди земной основатель Яма. Знай же, что ныне
Наш ты посол, и вот что ты должен сказать Дамаянти:
«Ведай, царевна, что боги стихий – бог воздуха Индра,
Агнис огня, Варуна воды и Яма земли – к нам
С неба сошли, чтоб из них одного избрала ты в супруги!»
Руки сжав с умилением, Наль отвечив Индре:
«Сам я за тем же в Видарбу иду; от других невозможно
Быть мне послом к Дамаянти; молю, от такого посольства,
Боги, избавьте меня». На то отвечив Индра:
«Разве не ты, благородный нишадец, сказал нам: исполню?
Можешь ли слово нарушить? Иди ж и не смей отрицаться».
Наль отвечал с замешательством: «Как же дойду я к царевне?
Входы все заперты крепкою стражей». – «О том не заботься, –
Боги сказали, – дойдешь свободно, иди без боязни».
Наль пошел, покоряся без ропота воле бессмертных.
Он во дворец свободно проникнул и там Дамаянти
Скоро увидел в кругу подружек; как с неба слетевший
Ангел, она прекрасна была, и прелесть любви окружала
Нежные члены ее, вожденье любви пробуждая
В каждом сердце; и месяц и солнце не столь утешали
Светом своим, как ее пленительно-девственный образ.
Муку любви почувствовал Наль при виде волшебном
Стройного стана ее; но он пересилил стремленье
Силы мучительной. Все подружки царевны вскочили
С мест, изумленные входом нечаянным Наля; прекрасный
Образ его поразил их так, что им показалось
Небо отверстым. Не смея его спросить, меж собою
Тихо шептались они, повторяя: откуда пришел он?
Кто он? какой он породы? райской? земной? исполинской?
Так вопрошали друг друга они, ослепленные блеском
Наля, очей на него поднять не смея (столь боги
Прелесть его, уж и так неземную, блеском небесным

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
Вдруг возвеличили). В это мгновение пред ним Дамаянти
С сердцевластительным взором, с улыбкой, чарующей душу,
Молча стояла, молча глядела и таяла тайным
Пламенем. «Кто ты? – она напоследок спросила. –
Кто ты, все озаряющий, прелестью дышащий, душу
Радостной мукой объемлющий? Как ты проникнул в обитель
Царской дочери, всем затворенную, мимо царевой
Стражи, никем не замеченный? Кто ты? Какое ты носишь
Имя?» На этот вопрос видарбинской прекрасной царевны
Наль ответствовал: «Знай, Дамаянти, я Наль; я в Видарбу
Прислан, царевна, тебя известить, что великие боги
Индра, Агнис, Варуна и Яма спустились на землю
С неба затем, чтоб из них одного избрала ты в супруги.
Их могуществом мог и сюда неприметно пройти я;
Зная теперь, зачем я здесь, видарбинская дева,
Сделай сама, что найдешь для себя и благим и приличным».
Глава вторая

I

Весть такую услышав, сначала богам Дамаянти
Сердцем смиренным свою принесла благодарность; с улыбкой
Налю сказала потом: «Не боги, а ты мой избранный
Светлый жених; я твоя, и все, чем я обладаю,
Все, что люблю я, каждое явное, тайное чувство
Сердца, все мысли, желанья и жизнь, и все, мой прекрасный
Царь, владыка души, твое без остатка. Что белый
Гусь мне сказал, то сердце мое сокрушило; и были
Все цари и царевичи созваны мною на выбор
Только затем, чтоб привлечь и тебя; но ты уж заране
Избран; отдаться тебе поклялась я, и был ты
Здесь уж давно ожидаем; но только совсем для иного.
Сватайся ж сам за меня; тебе неприлично являться
Здесь послом от других; и знай, что если тобою
Буду отвергнута я, от которой приемлешь ты ныне
Почесть такую, то все мне смертию будет: вода ли,
Яд ли, огонь ли, веревка ли, все мне равно; нестерпимо
Женскому сердцу в любви безответно признаться». На это
Наль видарбинской царевне ответствовал: «Как же ты можешь
Вечным богам предпочесть обреченного смерти? Как можешь
С теми, от коих жизнь истекает, кем держится зданье
Мира, ставить меня наряду, недостойного с прахом
Ног их сравниться? Идущий против воли бессмертных
Смерти навстречу идет. О пленительно стройная дева!
Будь мне спасеньем, избравши небесное вместо земного.
Легкость чистых, беспыльно-эфирных одежд, неземные
Перлы, венки и повязки богов предпочти и блаженствуй.
Что желанней тебе? Благовонный ли воздух? Огня ли
Жертвенный пыл? Живая ли влага воды? Иль твердыня
Вечной земли? Один, лазурно-воздушным пространством
Мир объемля, движеньем и светом его наполняет;
Искрою в каждой пылинке таяся, другой проникает
Всё, разрушая тела и духу даруя свободу;
Третий, кристальною цепию землю обвив и на зыбком
Пухе воды отдыхая, жемчужные нити вплетает
В кудри свои; четвертый дает живущему место,
Мертвому пристань и всё созданье на суд собирает –
Вот твои женихи, Дамаянти; богам ли бессмертным
Ты откажешь? Не делай того, послушайся друга».
С трепетом сердца и влагой печали затмивши сиянье
Светлых очей, отвечала ему Дамаянти: «Всесильны
Вечные боги; я чту их всем сердцем и им поклоняюсь
С верой; но ты мой жених; ты избран любовью; этой
Правды скрывать не хочу я». Так говоря, Дамаянти
Очи стыдливо склонила и руки прижала к дрожащим
Девственно чистым грудям с умоляющим видом. Вздохнувши,
Наль отвечал: «Не забудь, Дамаянти, что я пред тобою
В сане посла, нарушу ль святую доверенность? Буду ль
Ныне просить для себя того, что строго велит мне
Должность просить для других? Наступит мой час, и без страха

Стану за право свое. Ты сама об этом размысли,
Радость очей, видарбинская роза». Вздох утаивши,
Тихо в ответ Дамаянти шепнула: «О друг, мы согласны
В мыслях; ты путь прямой избери, чтоб упрека и тени
Пасть на тебя не могло. Приходи же, о ты, украшение
Смертных людей, с богами ко мне на торжественный выбор;
Там, в присутствии сильных властителей мира, тебя я
Выберу, царь благородный, тогда и ты пред богами
Правым и чистым останешься». Этот ответ видарбинской
Девы принявши, Налъ возвратился в то место, где были
Собраны боги. Посла своего издали увидя,
Миродержавцы спросили его с живым любопытством:
«Что ты скажешь? Какой ответ нам принес от царевны?»
Налъ сказал: «Посланником вашим проник я в жилище
Царской дочери, мимо стражей, невидимый стражам,
Видимый только царевне одной; конечно, то было
Так устроено вашу власть; с царевной нашел я
Много подруг; они вскочили, меня испугавшись;
Но Дамаянти, прекрасный светло-смеющийся месяц,
В то мгновение, как вашу волю, бессмертные боги,
Я объявлял ей, меня самого в затмение рассудка
Выбрала. Вот что сказала в ответ мне царевна: «Пусть придут
Боги вместе с тобою ко мне на торжественный выбор;
Там, в присутствии сильных властителей мира, тебя я
Выберу, царь благородный; тогда и ты пред богами
Правым и чистым останешься». Ваша воля святая
Мною исполнена, вечные боги; теперь, умоляю,
Должность посла снимите с меня и свободу мне дайте».

II

Вот с наступлением дня пригласил царь Бима на выбор
Всех своих знаменитых гостей. Собрались в обширной
Царской палате цари и царевичи; взоры их жаркой
Жаждой любви пламенели; они прошли сквозь золотые
Своды высоких дверей, как львы сквозь расселину; в блеске
Свежих душистых венков, в серьгах драгоценных сидели
Там величавые гости на пышных, упругих подушках;
Тесно их сонмище было, как львиная грива густая;
Полная ж ими палата казалась разинутым зевом
Тигра, полным зубов. И было тут чем любоваться:
Крепкие бедра, как будто столбы, литые из меди,
Сильные мышцы и плечи, как будто могучие дубы,
С гибкими пальцами руки, как змеи с пятью головами,
Гордые шеи, светлым гранитным зубцам на вершинах
Горных подобные, в блеске прекрасных, весельем горящих
Лиц, и пышных волос, и высоких бровей, и огнистых
Глаз. И в собранье гостей вошла Дамаянти, чтоб ум их
Взглядом одним помутить, чтоб глаза и сердца их опутать
Сетью любви. И все к ней очами прильнули, как птицы
К клейкой охотничьей жерди. Долго кругом Дамаянти
Взор свой водила; но тот, кто один был и в сердце и в мыслях,
Ей не являлся. Вдруг видит царевна пять одинаких
Образов; были они перед нею; то к ней приближались,
То от нее отходили; и каждый ей представлялся
Налем, как скоро глаза на него она обращала;
Мысли ее помутились. Она подумала: «Что мне
Делать? Как четырех богов отличу я от Наля?»
Взоры ее напрасно божественных знаков искали.
«Знаков, о коих дошли к нам издревле сказанья, не носит
Здесь на себе ни один из видимых мною», – царевна
Думала. Вот наконец, по долгом с собой размышленьем,
Так решила она: «К богам подойду я с молитвой;
Боги молитвы моей не отринут». И с верой смиренной,
Руки сложив и к грудям богомольно прижав их, царевна
Так сказала: «Боги бессмертные, боги святые,
Мною избранного, сердцем желанного мне покажите;
Если пред вами я делом и мыслию правду хранила,
Если молюся вам с теплою верою, если вы сами
Мне, уж избранного мною самою, в супруги избрали,

Если его я любить поклялася и если должны быть
Клятвы священные, то мне вы его покажите, благие
Боги, и знаки свои мне откройте, чтоб вас я почтила».
Столь сердечную жалобу слыша из уст Дамаянти,
Видя ее чистоту, и любовь, и покорность их воле,
Видя правдивость ее, и кроткое сердце, и светлый
Ум, согласились немедля ее желанье исполнить
Боги и приняли знаки свои. Тогда Дамаянти
Их во мгновенье узнала по зорко-спокойному оку,
Лицам беспотным, светло-нетленным венкам, недоступным
Пыли белым одеждам, бестенному телу и дивной
Легкости быстрых движений, с какою они перед нею
Вяли с места на место, земли не касаясь ногами.
Рядом с ними, полутененный, в венке уж завядшем,
Пылью и потом покрытый, стоял на земле с помраченным,
Грустно потупленным взором задумчивый Наль. Дамаянти
Вызвала тотчас его из середины бессмертных и выбор
Свой изъявила обычным обрядом, смиренно коснувшись
Края одежды его и на кудри его наложивши
Свежий душисто-блестящий веночек. Совершился великий
Выбор; со всех сторон раздались торжественно клики;
Все цари и царевичи, мужи святые и боги,
Выбор одобряя, воскликнули: Слава! счастливому Налю.
Он же, полный блаженства любви, своей нареченной,
Робко краснеющей, очи склонившей, дрожащей невесте
Так сказал с трепетанием сердца, но голосом твердым:
«Если могла при бессмертных богах ты смертного мужа
Так почтить, Дамаянти, то слушай: тебя я
Сам пред людьми и богами своею женою именую,
Весь на целую жизнь отдаю тебе, и доколе
Будет дух жизни в теле моем, дотоле, о дева,
Роза Видарбы, я буду твоим; мое обещанье
С верой прими, на меня положишь; отныне тебя я
Буду питать, защищать и чтить, и хранить, и останусь
Верен тебе всегда, во всем, и словом и делом,
Радость и горе, богатство, и бедность, и все неизменно
В жизни с тобой разделяю». Обет такой произнесши,
Светлый жених перед всеми своей лучезарной невесте
Дал целомудренно первый любви поцелуй; и друг другом
Долго в блаженстве немом любовались они; напоследок,
Вспомнив, что боги близко, и царь и царица пред ними
Пали с молитвой; и боги скрепили своей благодатью
Брак их; податели всякого блага, они даровали
Налю четыре великие силы: могучий властитель
Воздуха дал ему зоркость очей с способностью в каждом
Месте простор находить и везде освежаться прохладой;
Бог огня даровал обладанье огнем и возможность
Видеть без ужаса блеск мирозданья; правитель земныя
Тверди дал твердую поступь, чтоб был для него безопасен
Всякий путь по земле, и тонкий вкус для разбора
Пищи; владыка воды наградила могуществом воду
Всюду творить и цветы рождать единым желаньем.
Так одаривши царя, и царице все четверо вместе
Дали одно обещанье: что брака их радостью будут
Сын, как отец, и дочь, как мать, прекрасные. Милость
Им изъявивши такую, боги сокрылись; за ними
Вслед и цари и царевичи, выбор невесты одобряя,
В путь обратный пустились. Царь Бима, увидя, что схлынул
Этот прилив гостей, устроил свадебный праздник.
Наль, сочетавшись с своею царицею, пробыл в Видарбе
Первые дни в веселье и в радости сладкой; потом он
В царство свое, блаженный, прославленный, с милой женою,
Честью жен, звездой красоты и любви, возвратился.
Там в благовонных рощах, в роскошных царских палатах
Он благоденствовал, тихо и сладостно каплю за каплей
Жизни из чаши одной выпивая с ней вместе, вкушая
Мир и свободу, в молитве, в забавах, в труде и покое,
Правду творя и на счастье народном свое утверждая.

III

Боги, покинув Видарбу и в небо свое возвращаясь,
Встретили адского бога Кали. Провожаем Двепарой,
Странствовал он по земле. «Куда направляешь ты путь свой?» –
Индра спросил. «В Видарбу, – Кали отвечал. – Дамаянти
Будет моею женою; мне в мысли пришло, что я должен
Ею быть выбран». С улыбкой ответствовал Индра: «Уж выбор
Сделан; ты опоздал; при нас она поклялася
В верности Налю». Кали, услышав от Индры такую
Весть, воскликнул в кипении гнева: «Когда Дамаянти
Смертного мужа посмела богам предпочесть, то над нею
Страшно должна отмщена быть такая обида». На это
Боги света мрачным богам отвечали: «По воле
Нашей выбор свершился в Видарбе; и млад и прекрасен
Наль: лишь одною б лишенною смысла он мог быть не избран,
Он, непорочный, уставов святых постоянный блюститель,
Книг духовных внимательный чтец, своим правосудно
Правящий царством; он, у которого в доме усердно
Приняты с почестью, с сладко-душистыми жертвами боги;
Он, правдивый, твердый и кроткий, людьми и богами
Чтимый; он, строгий обетов хранитель, он, одаренный
Набожным сердцем, великой душою, смиреньем и силой;
Он, в котором терпенье, умеренность, благость в единый
Образ божественной прелести слиты.. Кали, кто враждует
С праведным Налем, тот скройся в пропасти ада, на муку
Вечную». Так отвечав, удалилися боги на небо.
Видя богов удалившихся, с злобной усмешкой Двепаре
Молвил Кали: «Не прошу никогда я обиды; теперь же
В Наля вселюсь, чтоб его, ненавистного, ввергнуть в погибель;
Ты же, Двепара (ведь знаем давно мы, какой он горячий
В кости игрок), поселился в костях и будь мне помощник».

Глава третья

I

С замыслом злобным своим притаился в обители царской
Наля коварный Кали. Он все выжидал, чтоб удобный
Случай открылся ему совершить предприятие; шесть лет
Ждал он напрасно; в седьмой год предстал наконец благосклонный
Случай: ко сну отходя, позабыл совершить очищение
Царь, и в тело нечистое дух нечистый вселился.
В сердце Наля проникнул Кали, и святое жилище
Мирной невинности сделалось мутно от злых помышлений.
Был у Наля сводный брат Пушкара. Далеко
Жил он в своем городке, небогатым участком довольный;
Хитрый Кали, овладевши сердцем смиренного Наля,
Вот что сказал в сновиденье Пушкаре: «Возьми ты скорее
Кости, и к Налю иди, и игру о царстве Нишадском
С ним заведи, и будет твоим Нишадское царство;
Весь проиграется Наль». Пушкара, прельщенный нечистым
Духом, взял кости, в которых уже скрывался Двепара,
К Налю явился и вызвал его на игру; загорелся
Бешеной страстию Наль, запрыгали кости, и смертный
Бой начался; и царь, как безумный, ставил на кости
Все: драгоценные камни, золото, утварь, одежды,
Замки и земли, и всё, одно за другим, ослепленный
Хитрым врагом, он проигрывал. Тщетно его Дамаянти
Бросить игру умоляла; ее он не слушал. Смутились
Все приближенные, все вельможи, весь двор, все граждане;
Вот Дамаянти слышит, что все они собралися
В царском дворце, чтоб царю объявить, как сильно тревожит
Их злоключенье такое; и в горьких слезах Дамаянти
Так сказала царю: «В твоей обители весь твой
Верный нишадский народ собрался, и ждет, и желает
Светлые очи увидеть твои; покажися, ответствуй
Им на любовь их вниманием царским». И слезы бежали
Быстро из глаз Дамаянти, но царь не внимал ей, враждебной
Силою мрачного духа объятый. И двор и граждане,
Видя, что Наль их моленья отверг, разошлись, помышляя
С горем глубоким и тяжким стыдом: он боле не царь нам!

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu

Кости же тою порою как живые летали; все жарче бой разгорался, и царь проигрывал с каждым ударом.

II

Видя, что муж от игры был совсем без ума, Дамаянти стала думать о том, каким бы средством от близкой, им обоим грозящей беды защититься; но трудным ей показалось спасенье; безумный Налъ поминутно Область за областью брату проигрывал. Вот Дамаянти с горем сказала кормилице старой своей Врихазене, чтимой всеми в доме царевом, советнице умной: «Друг мой, кормилица, слушай; ко мне собери поскорее всех советников царских; мне должно с ними исчислить, сколько богатства проиграно, что еще нам осталось». Вот собрались советники; их повела Дамаянти к Налю, который играл беспробудно. К нему приступила с ними царица и, плача, выслушать их умоляла. Но очарованный Налъ был глух, и слеп, и бесчувствен; он не взглянул на нее, не сказал ей ни слова, все продолжал по-прежнему с братом играть и стоявших в горе и страхе пред ним вельмож не приметил. Утратив всю надежду, они с содроганьем оставили царский дом. Царица же долго в лицо безумному Налю с страхом смертельным смотрела; а между тем роковые, Налю враждебные, брату его благосклонные кости Стуком своим беспреестанным и пуще ее ужасали. «Слушай, кормилица (так наконец Дамаянти сказала верной своей Врихазене), беда наступила; скорее кликни Варшнею, правителя коней царевых». Когда же к ней явился Варшнея, устами, сладчайшими меда, вот что ему Дамаянти сказала: «Варшнея, сопутник верный царя, послужи ему и теперь в наступившем бедствии: видишь, что каждый проигрыш с новой силой в нем страсть к игре разжигает, что кости как будто против него заодно с Пушкарой; мой царь обезумлен духом враждебным; забыл о народе, о ближних, не внемлет даже и мне; всему причиною кости; в них скрыта адская сила, а сам он невинен. Послушай, мой добрый, верный Варшнея, исполни мое повеленье: всечасно жду со страхом и трепетом я, что царь мой погибнет, все проиграв; но еще не проиграны царские кони быстролетучие; сядь в колесницу его и немедля, прежде чем наша погибель вполне совершилась, в Видарбу к Биме, отцу моему, детей отвези; поклонися сродникам всем и знакомым моим; когда же отдашь ты все, и сироток моих и царских коней с колесницей, Биме, тогда ты будешь волён иль остаться в Видарбе, или идти в иную какую землю, куда ты сам пожелаешь». Варшнея, верный правитель царевых коней, выслушав то, что ему Дамаянти сказала, созвал советников царских; когда же и те согласились с умным желаньем царицы, то, взяв детей, он поехал с ними в Видарбу. Там, снявши детей с колесницы, отдал их Биме, потом родным и знакомым царицы всем от нее поклонился, потом, печалимый тяжкой участью Наля, пошел в свой путь и, в Айоду пришедши, в службу вступил к царю Ритуперну правителем коней.

III

Был уж далеко Варшнея, когда у несчастного Наля выиграл злой Пушкара все царство. С насмешкою колкой брату сказал он: «Ты весь проигрался; посмотрим, что ты теперь поставишь на кости; одна Дамаянти только и есть у тебя; твое же добро остальное все мое; отведаем счастья. Чьею женою быть должна Дамаянти, твоей или моею?» Это услышав, Налъ содрогнулся, вздохнул и ни слова не был в силах промолвить; но, мрачно взглянувши на брата, снял с себя все уборы и, только одно сохранивши бедное платье, нищий, ограбленный, царь благородный

Вышел смиренно из царского дома, несметных сокровищ
Полного; следом за ним, без роптанья судьбе покорясь,
Также одно лишь платье сберегши, пошла Дамаянти.
Ночь они провели без ночлега; под смертною казнью
Их принимать запретил Пушкира гражданам Нишады;
Новый царь был страшен, и так ни единый из прежних
Подданных не дал приюта царю бесприютному. Близко
Города, голод и жажду терпя, одним безотрадным
Горем богатый, три дня и три ночи сряду скитался
Наль; потом он дале пошел, печальный, голодный;
Следом за ним пошла Дамаянти; для скудных пищи
Ягоды рвали они и рыли корни. Прошло уж
Несколько дней печального странствия; голод жестоко
Мучил однажды обоих. Вдруг две златокрылые птички
Сели на травке близ самого Наля. «Нам будет сегодня
Пища», – сказал он, тихонько подкрался к птичкам и, снявши
С плеч последнее платье свое, им поспешно накрыл их.
Что же? С ним вместе птички взвились на воздух и, видя,
Как изумлен был Наль, совсем обнаженный, запели:
«Знаешь ли, кто мы, безумный? Мы кости, мы кости! нарочно
Мы сюда прилетали, чтоб взять у тебя остальное
Платье; нам было досадно, что ты, совсем проигравшись,
С платьем еще оставался. Прости, безрассудный; счастливый
Путь!» И птички исчезли. Наль сказал: «Дамаянти,
Те, от которых такую беду я терплю, кто лишили
Царства, покоя и счастья меня, от которых не смеет
Ныне меня принимать ни один из нишадцев, – под видом
Птиц златокрылых сюда прилетали, дабы остальное
Платье похитить мое. И теперь я, сил и рассудка
Горем лишенный, тебе самой, Дамаянти, на выбор
Все отдаю. Та дорога ведет по горам Ришаванским
Прямо в Авантскую землю; здесь по склоненью Виндийских
Гор, вдоль излучистой светло-шумящей Пайошни проникнешь
В те места, где отшельники в кельях святых обитают;
Здесь же дорога в Видарбу». Так Наль говорил; но рыданье
Грудь Дамаянти спирало, и слезы лились по прекрасным,
Бледным щекам. Она ему отвечала чуть слышным
Голосом: «Сердце мое замирает, и я от печали
Вся цепенею при мысли одной о том, что так сильно
В этот миг тебя, о возлюбленный друг мой, тревожит.
Царства лишенный, счастье утративший, голодом, жаждой,
Всякой нуждою томимый, царей красота, мой единый
Друг, как мог пожелать ты, как мог ты подумать, чтоб было
Мне возможно покинуть тебя, от тебя отказаться?
Нет, мой прекрасный, тебя, изнуренного голодом, жаждой,
Горем о счастье погибшем томимого, буду и в диком
Лесе и в знойной степи утешать я и словом и взглядом.
Знай, что нет для души и для тела вернее лекарства
Верной жены». – «О! правда твоя, Дамаянти, – с улыбкой
Наль отвечивал, – нет для несчастного лучше лекарства
Верной, любящей жены. Я с тобой не расстанусь; могло ли
В ум твой войти подозренье такое? Скорее с своею
Жизнью расстанусь я, чем с тобою, сокровище жизни». –
«Друг, для чего же ты мне говоришь о дороге в Видарбу?
О, мне страшно! о свет мой прекрасный, останься со мною!
Будешь себя самого ненавидеть, меня потерявши.
Нет, мой друг, не указывай мне на эти дороги;
Вся душа во мне замирает от горя и страха.
Если же хочешь, чтоб к сродникам я возвратилась в Видарбу,
Вместе пойдем; видарбинский царь, родитель мой, Бима,
Радостно примет тебя и твоим утешителем будет;
В почести будешь со мною ты жить под отеческой кровлей.
Наль отвечал: «Дамаянти, сомнения нет, что отец твой
Радостно примет меня и пристанище даст мне в Видарбе;
Но, бесприютный и нищий, туда не пойду я. Могучим,
Славным, богатым, подателем счастья тебе я отсюда
Вышел; могу ли туда возвратиться бессильным, бесславным,
Нищим, счастья жизни твоей разрушителем? Лучше

Вместе с тобою, о светлый мой ангел, пойду в одинокий
Путь по горам, по долинам, питаюсь воздухом, жажду
Свежей росой утоляя, чтоб только лишь солнце и месяц
Ныне нас страждущих видели, прежде нас видел блаженных».

Глава четвертая

I

Так утешал сокрушенную спутницу Наль; Дамаянти,
Нежно к нему прижимаясь, одела его половиной
Скудной одежды своей; и так под одним покрывалом,
Голод и жажду терпя, дорогою трудной достигли
Оба к низенькой хижине, лесом густым окруженной;
Там, утомленные, пылью покрытые, царь и царица
Друг подле друга легли на голой земле без подушки.
Наль заснул, и скоро глубоким сном Дамаянти
Также заснула. Но сон царя злополучного длился
Мало; тяжесть лежала на сердце его; пробудившись,
Стал он думать о царстве своем, о потерянном счастье;
Странствие в диких лесах и степях его ужасало;
Ум его помутился. «Что за судьба! – про себя он
Так говорил, – не лучше ль мне смерть, чем изгнание и бедность?
Эта ж несчастная, мне себя посвятившая... должно ль
Ей без вины разделять мое заслуженное горе?
Розно со мною она к родным возвратится; со мною ж
Вместе уделом ей будет страданье одно; так не лучше ль
Нам расстаться?» Так он все думал, думал, и скоро
В нем утвердилась мысль, что ему Дамаянти покинуть
Должно. «Где бы она ни была, – он сказал, – никакая
Вражья рука ей, небесно прекрасной, божественно чистой,
Зла приключить не дерзнет; опасность может грозить ей
Только там, где буду с ней я, на беду обреченный».
Так он, врагом обуянный, знакомился с мыслью разлуки.
«Как же мне быть? – наконец он сказал. – Я наг; уж не взять ли
Мне половину платья ее? Но могу ли то сделать
Так, чтоб она не проснулась?» И он бродил в нерешимых
Мыслях около хижины; вдруг на земле он увидел
Ржавый кинжал без ножен; поспешно, с радостью дикой
Этот кинжал он схватил, и им половину отрезал
Платья у спящей жены, и той половиной покрылся.
После, как будто в испуге, зажавши глаза, побежал он
Прочь, но скоро назад возвратился и горько заплакал,
Глядя на спящую. «Та, на которую ветер холодный
Дунуть не смел, которую знойное солнце не смело
Жарким лучом потревожить, краса молодая, услада
Жизни моей, подобно безумной, в обрезанном платье
Здесь на жестком камне лежит. О ангел небесный,
Свет души, Дамаянти, что будет с тобою, когда ты
Боле меня не найдешь? О дочь прекрасная Бимы,
Как же ты будешь бродить, не имея защитника в диком
Лесе, где львы и тигры живут, где змеи гнездятся?
О вы, боги земные, боги воздушные, духи
Гор и пещер, охраняйте ее прекрасную младость!
Самый же верный ей щит – ее непорочность святая!»
Так сказав, опять удаляется Наль от беспечно
Спящей спутницы, снова приходит, снова уходит,
Плача, терзаясь, то сильным врагом, то любовью влекомый.
Но наконец Кали одолел: трепещущий, бледный,
Тяжко стеноя, чуть движа ногами, пошел он и скоро
Скрылся, и в диком лесу одна Дамаянти осталась.

II

Только что Наль удалился, очи свои Дамаянти
С ясной улыбкой открыла; ищет его, озираясь
Робко по всем сторонам... когда же нигде не нашелся
Друг желанный, то страх предвещательный душу пронзил ей;
Вдруг она закричала отчаянно-жалобным криком:
«Наль!» – но ответа ей не было. «Царь мой, – она возопила, –
Мой повелитель, защитник, мой спутник, ужели
Мог ты покинуть меня в такой бесприютной пустыне?
Я умру от страха в этом лесу; возвратися,

Наль, мой друг, мой желанный! Ужели меня обманул ты?
Мог ли ты слово нарушить свое и меня, беззаботно
Спящую, кинуть? О, где ты? куда ты, в какую
Сторону, милый, пошел? Подожди, возвратися; как мог ты
Бросить жену, полжизни твоей? Иль над нею, невинной,
Хочешь отмстить чужую вину? Но вспомни же, что ты
Ей обещал в присутствии вечных богов? О! теперь я постигла
В горе моем, что нам умереть в не указанный свыше
Час нельзя – иначе могла ли б прожить я единый
Миг, потерявши тебя? О нет, ты только пугаешь
Шуткой меня; перестань же, мой друг; от шуток подобных
Стынет кровь и мертвеет душа; я робка; воротися;
О! я знаю, ты близко, ты скоро покажешься; дай же
Светлые очи твои мне увидеть! О, где ты? В какую
Чашу лесную ты скрылся, чтоб душу мою растревожить?
Ах! но если ты вправду со мною расстался и если
Боле ко мне не придешь и мне не подашь в утешенье
Руку, то я не себя оплакивать буду; я буду,
Милый, скорбеть о тебе; ты один; что будет с тобою,
Всеми на свете оставленным, грустным, усталым, голодным,
Жажущим? О мой милый, что будет, что будет с тобою
В те минуты, когда ты, меня уж не видя очами,
Будешь видеть душою, и будешь звать, и нельзя уж
Будет дозваться меня, и уж боле меня ты не встретишь?..»
Так говорила в печали своей Дамаянти, то плача
Горько, то падая с тяжким рыданьем на землю, то с громким
Криком с земли подымаясь и лес наполняя стенаньем.
Вот после долгого плача, рыданья, крика и стона,
С чувством живого к нему сожаленья, она возопила:
«Кто бы ни был тот враг, чья зависть и злоба такое
Зло приключили царю моему, пускай испытает
Он, ненавидный, сугубое зло; пускай искуситель,
Чистую душу царя моего увлекший в такое
Дело, все муки мои в свою нечистую душу
Примет». Так проклявши врага, по дикому лесу,
Полному злых людей и чудовищ, пошла Дамаянти
Медленным шагом куда глядели глаза и твердила
Грустною горлицей: «Милый, возлюбленный, где ты?», и слезы
Градом катились из глаз, и грудь разрывалась от вздохов.
Вдруг на нее с высокого дерева кинулась с страшным
Свистом змея, голодная, длинная, жадно добычу,
В ветвях древесных склубившись, стерегшая. Сжатая в крепких
Кольцах чудовища, только о милом своем Дамаянти
В час гибели думала. «Где ты? – она восклицала. –
Друг, поспеши на помощь ко мне, погибающей; горько,
Горько будет подумать тебе, когда возвратишься
Снова на царство, избегнув от бед, что меня ты покинул
Так беззащитно в лесу на погибель. Отныне кто будет,
О мой царь, тебя, одинокого странника, в темном
Лесе, в знойной степи утомленного горем, болезнью,
Голодом, жаждой томимого, в зной полуденный, в жестокий
Холод ночной утешать, ободрять и покоить? Меня уж
В свете не будет...» Но жалобный стон Дамаянти услышал
Шедший вблизи звероловец. Он кинулся к ней и, нацелив
Метким копьем, змею умертвил. Спасена Дамаянти.
Выпутав нежные члены ее из губительных колец,
Он с удивленьем спросил: «Откуда, красавица, кто ты?
Дева с глазами живой антилопы, какую судьбою
В эту пустыню зашла ты и вверглась в такую опасность?»
С грустно-приветной улыбкой повесть свою Дамаянти
Всю простодушно ему рассказала. Ее пред собою
Видя полуобнаженную, с девственно полною грудью,
С стройно-воздушным станом, с устами цветущими, в пышном
Шелковых черных волос покрывале, с ярким блистаньем
Черных глаз под бровями, прекрасною, тонкой дугою
Их осенившими, он во мгновение зверской любовью
Вспыхнул; и взором бесстыдным ее пожирал он, и руки
Около гибкого стана обвить он хотел, и рвался он

К чистым устам, чтоб их осквернить поцелуем. Но гневом
Очи ее, как небесная молния, вспыхнули; грозно
Душу пронзающий взор на него она устремила.
«Если то воля бессмертных, чтоб мною владел без раздела
Данный мне ими супруг, то теперь же пади бездыханен,
Враг ненавистный, на землю!» – сказала она, и лишь только
Гневное слово язык произнес, как уже святотатец
Мертв перед нею лежал, убитый ее заклинаньем.

III

Чудом спасенная, снова пошла Дамаянти пустынным
Лесом вперед, и чем далее шла, тем мрачней становился
Лес; деревья сплетались ветвями; мошки, густою
Тучей клубяся, жужжали; рыкали львы, и ужасный
В хворосте шорох от тигров, буйволов, рысей, медведей
Слышался ей; нигде дороги не было; всюду
Падшие гнили деревья; меж трупами их пробивались
Дикие травы, в которых, шипя, ворочались змеи;
Вправе и влеве, в кустах и в вершинах дерев раздавались
Крики орлов плотоядных, и хлопали крыльями совы.
Лес наконец уперся в высокую гору, где жили
С давних лет великаны и карлы, которой вершина
В небо вдвигалась, а темное чрево хранилищем редких
Камней было. Там чудно скалы на скалы громоздились;
Били живым серебром по бокам их ключи; водопады
Мчались, сверкали, кипели, ревели меж скал; неподвижно
Черная тень лежала в долинах, и ярко блистали
Голые камни вершин; в бездонно-глубоких пещерах
Грозно таились драконы и грифы. Такою дорогой
Шла Дамаянти, сама не зная куда, с неизменной
Верностью к другу, ей изменившему, с сердцем смиренным,
С чистым в душе целомудрием, с верой, не знающей страха;
Шла она, шла и пришла в пустынное место; и в грустных
Мыслях о друге далеком младые уста растворила
К жалобе нежной и так, помяная его, говорила:
«Где ты, царь благородный, нишадец прекрасный, могучий?
Где ты? Куда ты пошел, мой владыка, покинув в безлюдном
Месте меня без защиты? Скажи мне, как мог ты, усердный
Жертв приноситель богам, позабыть о нашем союзе?
Ведды читатель, как мог ты обет свой нарушить? Как можешь
Добрый молиться богам, повелевшим тебе быть защитой
Данной ими жены, как и мне они повелели
Следовать в самую смерть за владыкой моим? О! Зачем ты
Слово нарушил? Виною ли какою я то заслужила?
Или тебе не жена я? Скажи же, ответствуй: зачем ты
Так жестоко отрекся меня, обещав мне иное?
Или открой мне, где ты теперь веселишься, оставив
В горе меня безутешном? Ответствуй, куда ты, нишадский
Царь, ушел? По тебе твоя видарбинка тоскует;
Сын Виразены могучего, дочь благодушного Бимы
Кличет тебя; о Наль мой, откликнись твоей Дамаянти;
Голос подай ей в этой пустыне; ей здесь угрожает
Леса властитель, кровавый, голодный тигр; неужели
Ты ответа не дашь мне, грустящей, плачущей, ждущей,
Брошенной, слабой, иссохшей от голода, пылью покрытой,
Ночью и днем бесприютной, одежды лишенной, бродящей
В страхе, как матки лишенная лань? Неужели ко мне ты,
Друг, не придешь? Я зову, но дозваться тебя не могу я;
Всюду с тобой лишь одним говорю, а ты безответен;
Ты, из людей благороднейший, блеском очей, величавой
Стройностью стана, лица красотою божественный, где ты?
Где ты? И где тот, кому б мне сказать: Не видал ли ты Наля?
Кто б мне отрадное слово промолвил в ответ: Твой прекрасный,
Твой желанный, о ком ты так плачешь, так сетуешь, близко! –
Вот бежит владыка лесов, острозубый, могучий
Тигр; я без страха к нему подойду и скажу: благородный
Тигр, владыка лесов, я царская дочь Дамаянти,
Светлого Наля жена, одинокая, сирая, в горе,
В страхе, в нужде, за ним безотрадно бродящая; где он?

Если ты знаешь об этом, зверей повелитель, скажи мне;
Если же нет, то скорее меня растерзай, чтоб от муки
Душу мою исцелить. Но, мои молящие вопли
Слыша, зверей повелитель к реке, впадающей в море,
Мимо, ответа не дав мне, из леса уходит. Я вижу,
Там подымается, в небо упершись вершиной, обвитый
Пышным венцом из деревьев и кустов благовонных, цветами
Ярко пестреющий, солнечно-блещущий, слитый из твердых
Скал, насквозь просиянный металлами, рек и потоков
Древний отец, лесов неприступная башня, пустыни
Сторож, владыка гор, – подойду и скажу: о владыка
Гор первозданный, спокойно-блаженный, прохладно-росистый,
Тучеподобный, земли подпиратель, тебе поклоняюсь;
Слезно тебя, о великий, молю, скажи: не видал ли
Наля? Я дочь благодушного Бимы-царя, Дамаянти;
Сын Виразены, Наль Пуньялока, супруг мой, Нишады
Царь богомудрый, глубоко постигнувший Ведду святую,
Чистый и мыслью, и словом и делом, гонимых защитник,
Зла истребитель, сеятель благ, мне данный богами
Спутник, покинул меня, и, расставшись с ним, я рассталась
С жизнью. Ныне к тебе прихожу, многоглавный властитель
Гор, с высоты все объемлющий оком, скажи: не видал ли
Наля? Ответствуй, могучий создания первенец; словом
Сладкой надежды утешь сироту, как отец утешает
Дочь сокрушенную: где мой возлюбленный? где мой желанный?
Где мой прекрасный, мой более жизни мне милый спутник?
Где мой царь, мой владыка, мой вождь, мой ангел-хранитель?
Рвется сердце к нему; по нем душа унывает;
Очи ищут его, и голоса милого жаждет
Слух, и грудь сгорает желаньем прижаться ко груди
Жаркой его.. О! когда же придется услышать мне снова
Милое слово из сладостных Налевых уст: Дамаянти!»
Так говорила в своем сокрушении с горою пустынной
Бедная царская дочь, но гора не дала ей ответа.

Глава пятая

I

К северу лесом пошла Дамаянти; три дня и три ночи
Шла она; вдруг перед нею явилась чудесно-густая
Роща из райских дубов; кругом живая ограда
Вся в цвету, и исполнена тихим небесным сияньем
Внутренность. Там обитали отшельники, мира отрекшись.
Строгие постники, чувств обуздатели, помыслов светлых
Полные, чистой душой на земле небожители, в этой
Роще жили они, с собою розно, с одними богами
В тесном союзе; им пищей роса и воздух, одеждой
Листья древесные были. Дивясь, смотрела на этот
В дикой пустыне сокрытый эдем Дамаянти; там было
Все благовонно; цветы и плоды сияли меж темных
Листьев; сверкали ручьи; на их берегах антилопы
С легкими сернами прыгали; ветви обвивши хвостами,
С криком качались на них обезьяны; по сучьям деревьев
Ползали, перьями ярко блестя, попугаи. Свободно
Царская дочь вздохнула, святую увидя обитель;
Все чаруя небесно-смиренною прелестью женской,
Темнокудрявая, сладостно-стройная, тихо, как будто
Взя по воздуху, к старцам святым подошла Дамаянти;
Ласково приняли старцы ее, и она им сказала:
«Мир вам, угодники; трудное дело спасенья успешно ль
Вы совершаете? Жарко ль пылает огонь покаянья?
Звери и птицы спокойны ль в обители вашей? Самим вам
Все ли во благо?» Они отвечали: «Все нам во благо;
Будь равномерно во благо все и тебе. Но скажи нам,
Кто ты, краса неземная? Чего ты желаешь? Нас светлый
Образ твой всех изумил; успокойся у нас и открой нам,
Кто ты? Богиня лесов, иль полей, иль потоков?» На то им,
Тихо вздохнув, Дамаянти сказала в ответ: «Не богиня
Я лесов, полей и потоков, но слабая, тяжким
Горем гнетомая, смертная женщина; вам, благодушным

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh

Старцам, я все расскажу. Владыка Видарбы, могучий,
Славнодержавный Бима отец мой; властитель Нишады,
Грозный могуществом, в каждом бою победитель, великий,
Светлый душою, неба достойный земли уроженец,
Правды защитник, правды вещатель, божественно-царским
Блеском сияющий, градохранитель, градорушитель,
В светлых очах и солнца и месяца блеск совместивший,
Наль, мой супруг, игроком коварно-искусным был вызван
В кости играть; и ему все царство свое проиграл он.
Имя мое Дамаянти; одна по лесам и пустыням
Вслед за Налем скитаюсь, крушимаая горем, и ныне,
Старцы смиренные, к вам прихожу, чтоб узнать, не встречался ль
Где-нибудь вам мой утраченный царь? Не видали ль в эдемской
Роще своей вы его, за которым я следуя, этот
Полный тиграми лес перешла? Скажите мне, старцы,
Встречу ль его? А ежели нет, то не лучше ль покинуть
Жизнь? О! на что мне она? одно нестерпимое бремя
Жизнь без него, усладителя жизни». На жалобы царской
Дочери, с нежным об ней сожалением, так отвечали
Старцы, читая пророчески в будущем: «Праведны боги!
Веруя им, не смущайся душою, прекрасная; светлы,
Тихи и чисты, как очи твои, невинности ясной
Полные, будут грядущие дни для тебя; то являет
Нам откровение свыше: ты снова увидишь супруга;
Снова он будет царем, от вины невольных чистый,
Царски венчанный, грозный врагам, утешение ближним,
Скорби твоей исцелитель, жизни твоей украшение,
Прежний твой друг, твой сопутник, советник, защитник – и все то
Сбудется, если в тебе не ослабнет терпенье и верность...»

То сказавши, тихо исчезли пустынники; с ними
Вместе и утвари их, и жертвенный огонь, и молитвы
Место, и свежесть эдемски сияющей рощи исчезли...
В темном лесе одна Дамаянти осталась, и было
Все пустынно кругом. Дамаянти сказала: «Не сон ли
Мне привиделся? Где святые отшельники? Где их
Роща? Где их живые ключи, их птицы, их звери?
Где их цветы благовонные?» Так в изумленье подумав,
Снова печали своей предалась Дамаянти; но чудный
Призрак ее ободрил, и пошла с упованием дале.

II

По лесу долго скиталась в горе своем Дамаянти;
Вдруг попадается ей деревцо, одаренное чудной
Силою душу целить; у людей его называют
Дерево Гореуслад, у богов Азока. Царевна
К этому дереву, лес оживлявшему запахом сладким,
Цветом покрытому, с сенью густою, проникнутой звонким
Пением птиц голосистых, тотчас подошла и заводит
Речь с ним такую: «Блаженное дерево, чудный, прекрасный
Гореуслад, благовонный Гореуслад, услади ты
Горе мое; цветущий Азока, скажи, не видал ли
Ты моего супруга, царя нишадского Наля?
Где он скитается? Помнит ли он обо мне? О! пораду
Сердце мое доброю вестью о нем, цветоносный Азока;
Дай мне уйти от тебя с утешением; сам же в приюте
Леса цвети, никем не обиженный, чистый, душистый,
Сладостный Гореуслад, усладитель всякого горя».
Так говоря, сорвала Дамаянти с чудного древа
Ветку; потом, с ним прощаясь, примолвила: «С этою веткой
Скорбь, и печаль, и нужду, и заботу беру я с собою;
Ты же, свободный от скорби, печали, нужды и заботы,
Здесь оставайся, и если царя моего ты увидишь,
Молви ему, что отсюда печальное все унесла я,
Дай ему тень и покой, чтоб под кровлей твоей беспечальной,
Гореуслад, он мог, отдохнув, усладиться от горя».
С сими словами прекрасная царская дочь удалилась;
Снова пустынным лесом пошла, и снова пред нею
Стали являться деревья с широкою сенью, крутые
Горы, скалы разнovidные, темные дебри, потоки;

В ветвях деревьев гнездились, шумели, порхали и пели
Птицы лесные, и всюду ей в дикой глуши попадались
То кабан, то шакал, то буйвол, то рысь, то пантера.
Так Дамаянти скиталась долго. Вдруг на широкой,
Чистой поляне представился ей караван многолюдный;
Лес оглашался криком людей, скрипением повозок,
Ржанием конским, топотом тяжким слонов и верблюдов,
Вдоль широкой реки, густым тростником опушенной
(Где укрывались цапли и белые лебеди звучно
Голос свой подавали, где светлая влага кипела
Множеством рыб, черепах и змей), караван тот тянулся.
Кинулась к людям навстречу царица; ее появленье
Всех поразило; полунагая, одним покрывалом
Шелковых длинных волос, по плечам и грудям в беспорядке
Вьющихся, чудно одетая, бледной подобная тени,
С горя иссохшая, вся в пыли, но все как небесный
Ангел прекрасная – так им явилась в лесу Дамаянти.
В страхе одни от нее убежали, другие безмолвно
Ей смотрели в лицо, иные смеялись, иные,
Боле имея рассудка, приблизились к ней с состраданием.
«Кто ты, образ небесный? – спросили они. – Для чего ты
В этом лесу? Земной ли ты человек иль создание
Высшее, горный могучий дух, иль дева потока,
Или иная бессмертная? Будь нам встреча с тобою
Знаменем добрым. Тебе мы себя предаем, чтоб дорогу
Наш караван совершил безопасно». На это, вздохнувши,
Царская дочь отвечала: «Не с неба сошла я; земная,
Бедная, жалкая странница я; мой отец – видарбинский
Царь; мой супруг – обладатель Нишады, Наль знаменитый;
С ним в разлуке, его я ищу и не ведаю, где он.
Если кто слышал вы о владыке моем, то скажите,
Где мне с ним встретиться, где я найду прекрасного Наля,
Наля, царя львиносердного, грозно-отважного в битвах?»
Вождь каравана, богатый купец, по имени Зуччи,
Ей отвечал: «Нигде на путях, по которым давно уж
Странствуем мы, нам доньше никто не встречался, кто б имя
Наля имел; оленей, медведей, буйволов, тигров
Много в этом лесу; но до сих пор еще человека,
Кроме тебя, мы здесь не видали». – «Куда ж вы идете?» –
Снова спросила его Дамаянти. «Идем в знаменитый
Город Шедди, – ответственвал Зуччи, – им ныне владеет
Царь Сувегу, и в царском дворце его обитает
Вместе с ним его благодушная мать, драгоценный
Перл добродетели женской». Услышав о том, Дамаянти
В город Шедди решила идти; пристать к каравану
Зуччи ее пригласил. С караваном пошла Дамаянти.

III

Долго с печалью одна бродив по лесам, Дамаянти
Спутников много имела теперь, но была и меж ними
Все, как и прежде, с печалью одна. По горам, по долинам
Шумным потоком валил караван. Вот однажды с закатом
Солнца они очутились у тихого озера; в темном
Лесе скрывалось оно; берега облекались зеленым
Бархатом свежей травы; как стекло, неподвижно-прозрачны
Были воды; и в чистом зеркале их водяные
Розы и лилии ярко сияли, и бисером пены
Легкие струйки, ласкаясь к ним, осыпали их листья.
Берег кругом был излучист, и воды в него то глубокой
Бухтой входили, то он в их широкое лоно зеленым
Мысом вдавался. Усталые путники, в этом приятном
Месте ночлег учредив и снявши с слонов и верблюдов
Лишнее бремя, спокойно легли на траве под открытым
Небом и скоро заснули. Вдруг в полночь (когда в караване
Все как мертвые были от сна) с горы прибежала
С страшным храпением стая диких слонов, чтоб в потоке
Жажду свою утолить, пылая томительным жаром.
Но, почуявши близость слонов каравана, с свирепым
Бешенством, пенясь и фыркая, кинулись все на заснувших

Смирных врагов; никакою силою грозных чудовищ
Было нельзя удержать; как в долину, сорвавшись с высокой
Горной вершины, катятся скалы, так, ломая деревья,
Вдруг слоны ворвались в караван и топтали лежащих
Сонных людей. Со стоном и криком все поднялись,
Все смешались – слуга, господин, старик и младенец;
Ночью, страхом и сном обуянные, сами не зная,
Что за беда и откуда, кто в лес, кто к воде побежали.
Слыша храпенье и топот, видя во мраке мельканье
Черных огромных теней, давимые тяжелой ногою,
Острым клыком пронзенные, сжатые хоботом сильным,
В диком беспмятстве, люди, верблюды и кони бросались
Друг на друга и сами в смятенье друг друга губили,
Сияясь спастись: те кучей на дерево лезли, цепляясь
Низшие за ноги вышних, и падали вместе, другие
В яму свергались, или набегали на камень, иль в воду
Слепо кидались: разом исчез караван многолюдный.
Многих в минуту всеобщей беды корысть обуяла;
Голос лукавый шепнул им: «Куда вы бежите? погибель
Общая – общим и всякое стало богатство; берите
Все, что достанется в руки; вот куча рассыпанных перлов,
Вот драгоценные камни, вот золото, смело хватайте;
Нищий нынче – завтра будет богач...» И погибли
Все, кто, предавшись корысти, замедлили бегством спастись.
В это мгновенье, когда, как поток, разливалась повсюду
Гибель, проснулась хранима силой богов Дамаянти.
Видя очами такой дотоле невиданный ужас,
Видя и слыша, как мчалась смерть над ее головою,
Вся трепетала она и, готовясь погибнуть, грустила
Только о милом, далеком, навек покидаемом друге.
Но когда миновалась буря и снова все стало
Тихо в лесу, собрались понемногу спасенные. «Чем мы
Гнев несказанный такой на себя от богов обратили? –
Так рассуждали они. – Позабыли ль почтить мы дарами
Бога, сокровищ хранителя? Иль караваном был встречен
Кто-нибудь, дерзкий хулителю бога торговли? Иль птицы,
Нам враждебные, в эту ночь пролетели над нами?
Или то было влиянье зловредных планет?..» Напоследок
Вот что сказали они: «Вся беда нам от встречи
С этой безумной, нагой, исчахлой и бледной бродягой.
Кто она? Чародейка, жена иль дочь великана,
Небом проклятая? Если опять на глаза попадетсЯ
Эта волшебница нам, то ее мы не добрым приветом,
Камнями встретим. Она своим колдовством погубила
Наш караван». Такие слова в темноте Дамаянти
Слыша, с печалью, стыдом и страхом в чащу лесную
Скрылась. «О горькая участь моя! – она говорила,
Тяжко рыдая. – О счастье, меня обманувшее! снова
Целым светом покинута я. Какою виною
Я на себя навлекла гоненье такое? кому я
Делом, иль словом, иль мыслию зло приключила? Знать, в прежней
Жизни была я преступна; за то и в теперешней должно
Мне до гроба страдать, за то и гоненье такое
Мне от людей, за то и разлука с супругом, утрата
Царства, от милых детей и от милых родных отлученье,
Странствие по лесу, полному тигров и змей, неприютность
В холод и зной, нищета, сиротство, и ужас, и горе». Утро
Меж тем занялось; в небольшую толпу собрались
Все, не погибшие в страшную прошлую ночь, и в дорогу
Снова отправились, плача о горькой утрате богатства,
Плача о мертвых друзьях. Вот снова покинута ими
В диком лесу Дамаянти, и горе ее превышало
Все их страдания вместе. «О! чем же, чем (говорила,
Плача, она) такую беду на себя навлекла я?
Злая участь моя и слонов приманила на гибель
Этих несчастных, мне давших защиту; за то и должна я
Долгим страданьем свой выплатить долг; я чувствую в тяжком
Горе моем всю истину древнего слова: без воли

Неба никто не умрет, и моей истерзанной груди
Хобот слона не коснулся. Так! без судьбы совершиться
С нами ничто не может на свете; я за собою
С самых младенческих лет никакого не ведаю злого
Дела, не помню ни мысли худой, ни виновного слова –
В том ли мое преступленье, что я для прекрасного Наля
Светлых отвергла богов, и не мстят ли уж гневные боги
Мне за земную любовь безотрадной земною печалью?»
Так говоря, Дамаянти пошла по следам каравана
Издали, в чаще таясь лесной, как в облаке месяц.
Глава шестая

Г

Вот наконец Дамаянти дошла до города Шедди.
Грустно стояла она у ворот, не входя в них, стыдясь
Бедной одежды своей, обрезанной Налем, и смятых
Долгих волос, в беспорядке ей грудь покрывавших.
Жители города Шедди, встречаясь с ней, удивлялись
Странному виду ее, а дети за нею бежали
С криком; их шумной толпою следимая, скоро к палатам
Царским пришла Дамаянти. Там, на площадке высокой
Кровли, мать царева стояла. Увидя идущую, старой
Мамке своей сказала она: «Поди пригласи к нам
Эту жалкую странницу, чистый, дымом затменный
Огонь красоты, народом теснимую. Верно, приюта
Ищет она. Я вижу в ней нечто высокое; дом наш
Светом наполнит она благодатным». Представилась старой
Матери царской младая царская дочь. И царица,
Ласковым взором встретя ее, сказала приветно:
«В самом затменье печали твой образ сияет, как в темной
Туче яркая молния. Кто ты? Куда и откуда
Путь твой? Лицо твое неземное, хотя и покрыто
Нищенским рубищем тело твое; одна, без защиты
Странствуешь ты по земле и людей не страшишься, как чистый
Ангел. Скажи ж мне, какое званье твое?» Дружелюбной
Речью такой ободренная, так Дамаянти сказала:
«Я не ангел, царица, я смертный простой человек; но породы
Я не простой. Огорченная тяжелой разлукой с супругом,
Вслед за ним, чтоб его отыскать, по земле я скитаюсь,
Женским себя рукодельем питаю; плоды и коренья
Пища моя, а пристанище там, где укажут мне боги.
Доблестный, мудрый, прекрасный, богатый, сердцем избранный,
Милый супруг мой расстался со мною; царица, несчастлив
Был он; в игре роковой свои все богатства утратив,
Нищим он дом свой покинул и в лес с одною одеждой
Скрылся; за ним я пошла, чтоб имел он в печали отраду.
Там, изнуряемый голодом, он, на несчастье рожденный,
Платье последнее с плеч потерял: кто богами назначен
В жертву беде, у того похищает и ветер и птица
Платье; и днем и ночью я шла за ним, беспокровным.
Раз случилось, что я, утомленная, в лесе заснула...
Ах! он скрылся, он бросил меня, он унес половину
Бедной одежды моей. С той поры и денно и ночью
Вслед за ним, весельем и светом души, я по темным
Диким лесам, по широким степям, по долинам
Странствую; мне половину одежды моей возвратить он
Должен иль взять у меня мою половинную, сердцу
Тяжкую жизнь; как одной половине одежды другая
Надобна, так и мне другую себя половину
Должно найти иль жить перестать». С состраданьем царица,
Выслушав жалкую повесть ее, отвечала: «Останься
С нами, блаженно-скорбящая; радовать будет мне сердце
Светлая близость твоя. Не медля нисколько, повсюду
Мы разошлем гонцов за супругом твоим; но случиться
Может, что он ненароком зайдет и сюда, где его ты
Будешь ждать в безопасно-спокойном приюте». На то ей,
Горе свое обуздав, сказала в ответ Дамаянти:
«Здесь я охотно останусь, если ты мне обещаешь
Дать, царица, условие исполнить такое: чтоб низкой

Должности я не имела, служа лишь тебе, чтоб объедков
В пищу мне не давали, чтоб доступ ко мне запрещен был
Всем мужчинам, чтоб каждый, кто мной овладеть пожелает,
Смертью наказан немедленно был, – такую дала я
Клятву богам, чтоб найти помогли мне супруга; видаться ж
Только с одними браминами буду. Когда ты, царица,
Примешь такое условие мое, то здесь с благодарным
Сердцем останусь». На то отвечала царица: «Исполню
Все, и свят для меня твой обет». Потом приказала
Вызвать из внутренних царских покоев царевну Сунанду,
Дочь свою. Скоро царевна явилась, венком многоцветным
Резвопрелестных подруг окруженная. «Видишь, Сунанда
(Мать ей сказала), эту пришлицу в бедной одежде?
Ей ты летами ровесница; но испытания жизни
Дали ей раннюю зрелость. Люби ты ее как подругу;
Ласково с ней обходись и ее уважай, чтоб с тобою
Сердце ее отдохнуло, чтоб ты в сообществе с нею
Пользу нашла для души». Сунанда, с веселостью детской
За руку взяв Дамаянти, ее увела. И осталась
С той поры Дамаянти подругой царевны Сунанды.

II

Наль, столь жестоко покинув свою Дамаянти, прискорбен,
Сумрачен, шел по пустыне и, сам пустыня, с собою
В горе расстаться желал. Когда раскаленное солнце
Зноем пронзало его, он ему говорил: «Не за то ли,
Солнце, ты жжешь так жестоко меня, что я Дамаянти
Бросил?» Он горько плакал, когда на похищенный лоскут
Платья ее глаза обращал. Изнуряемый жаждой,
Раз подошел он к ручью; но, в водах увидя свой образ,
С ужасом кинулся прочь. «О! если б я мог разлучиться
С этим лицом, чтоб быть и себе и другим незнакомым!» –
Он воскликнул и в лес побежал; и вдруг там увидел
Пламя – не пламя в лесу, а в пламени лес, – и оттуда
Жалобный голос к нему вопиял: «Придешь ли, придешь ли
С мукой твоею к муке моей, о Наль благодатный?
Будь мой спаситель, и будешь мною спасен». – Изумленный,
Наль спросил: «Откуда твой голос? Чего ты желаешь?
Где ты и кто ты?» – «Я здесь, в огне, благородный, могучий
Наль. Ты будешь ли столько бесстрашен, чтоб твердой ногою
В пламя вступить и дойти до меня?» – «Ничего не страшусь я,
Кроме себя самого, с той минуты, когда я неверен
Стал моей Дамаянти». С сими словами он прямо
В пламя пошел; оно подымалось, лилось из глубоких
Трещин земли, вырастая в виде ветвистых деревьев,
Густо сплетенных огнистыми сучьями, черно-багровый
Дым венчал их вершины. В сем огненном лесе
Наль очутился один – со всех сторон устремлялись
Жаркие ветви навстречу ему, и всюду, где шел он,
Частою травой из земли пробивалось острое пламя.
Вдруг он увидел в самом пылу, на огромном горячем
Камне змею: склубясь, дымяся, разинутой пастью
Знойно дышала она под своей чешуей раскаленной.
Голову, светлой короной венчанную, тяжко поднявши,
Так простонало чудовище: «Я Керкота, змеиный
Царь; мне подвластны все змеи земные; смиренный пустынный
Старец Нерада проклял меня и обрек на такую
Муку за то, что его я хотел обмануть. Ты, рассказ мой
Слушая, стой здесь покойно; стой покойно под страшным
Пламенем, жарко объявшим тебя, чтоб оно затушило
Бурю души, чтоб душой овладевший Кали был наказан,
Чтоб наконец ты, очищенный, снова нашел, что утратил».

III

«Слушай же повесть мою, – продолжал, задыхаясь от жару,
Царь змеиный; и Наль, терпеливо снося нестерпимый
Пламень, внимательно слушал. – Нерада, смиренный пустынный,
Чудный сад насадил вокруг кельи своей; и в саду том
Были все земные деревья и травы, и было
Много там светлых ручьев и сеней прохладно-тенистых.

В этот сад пригласил он всех незловредных животных,
Всех ходящих, летающих, скачущих, плавать иль ползать
Созданных; всех же зловредных, терзающих зубом, когтями
Рвущих иль жалом пронзающих проклял и вход запретил им
В сад свой. Из змей, мне подвластных, в него проникать он дозволил
Только одним, не имеющим жала, безвредно по травке
Вьющимся, росу собирая с цветов, иль из ягод сосущим
Сок благовонный. Из этих красивых, незлобно-веселых
Змеек одна, любопытно-отважная, резвая змейка,
Раз без всякого умысла злого в саду по деревьям
Ползала, ярко блестя чешуею на солнце; вдруг видит
Домик воздушный, сплетенный из тонких былинки и моха;
Он на ветке висел и качался, как люлька; то было
Гнездышко маленькой птички; самой же крылатой хозяйки
Не было в нем; она улетела за пищей; яички,
Легким прикрытые пухом, лежали в гнезде. Перегнувши
Тонкую шейку свою через ветку, в гнездо опустила
Головку змейка – и видит яйцо там лазурного цвета;
Каплей росы оно показалось, и змейке напиться
Вдруг захотелось; лизнула яйцо; яйцо расколосось.
В эту минуту птичка в гнездо прилетела; увидя,
Что там наделала змейка, бросилась с жалобным криком
Прямо к Нераде она. Нерада во гневе ужасен.
Тут же погибла бы змейка, когда б не успела проворно
Из саду скрыться. Она спаслась ко мне. Но блаженный
Старец потребовал строго, чтоб я преступницу выдал.
Я не посмел отказать; я спросил: «Чего ты желаешь?
Как повелишь ее мне казнить? Я царь; самому мне
Должно виновных наказывать подданных». – «Видеть хочу я
Завтра ж ее на заборе сада висящую, – строго
Мне отвечал Нерада, – потом, по прошествии трех дней,
Сам я ее перед всеми сожгу, чтоб вперед опасался
Кто бы то ни было сад мой тревожить зломышленным делом». .
Был мне прискорбен такой приговор; как родную любил я
Эту милую змейку; поспешней других и вернее
Вести она приносила ко мне. Предо мной извиваясь
В страхе, с молитвой она ко мне подымала головку.
Я ей сказал: «Проворней вылезь из кожи». Не нужно
Было того повторять; в минуту в новой одежде
Змейка явилась моя, на земле предо мною оставив
Старую. Тотчас, двух сильных удавов призвав, я велел им
Кожу пустую с приличным обрядом повесить на тыне
Сада. Когда через три дня он снимет ее, то, конечно,
Станет думать, что солнце ее иссушило, – так мыслил
Я, уповая, что мой мне удастся обман. И доволен
Был Нерада моим послушаньем, увидя на тыне
Кожу висящую; ветер ее колыхал. «Как живая, –
Молвил Нерада, – она гибка и вертлява; но краски
Кожы потускли: бледная смерть ее обхватила». .
Тем бы и кончилось все, когда б, на беду, не пропела
Птичка. Она недовольна была законною казнью:
Собственным мщеньем себя ей хотелось потешить; к висящей
Коже она подлетела, чтоб оба глаза у мертвой
Выклевать, – что же? Их нет; сквозь пустые скважины также
Видит она, что и внутренность кожи пуста. И к Нераде
Тотчас она полетела. «Тебя обманули; змеиный
Царь не змейку, а змейкину кожу повесил», – пропела
Птичка. Страшно Нерада разгневался; вдруг он явился
Здесь, где тогда я на этом камне лежал и на солнце
Грелся один – при мне ни ужа, ни змеи, ни дракона,
Стражей моих, тогда не случилось; я спал. На громовый
Голос Нерады проснувшись, хотел я вскочить, но, могучим
Взором его обессилен, не мог шевельнуться: «Предатель, –
Старец сказал мне, – меня обмануть тебе удалось:
Призрак за сущность я принял; змеиную кожу пустую
Вместо змеи я предал огню, и виновную спас ты.
Сам за нее наказанье прими. Не сойдешь ты отныне
С этого камня; но будешь здесь не на солнечном свете

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh

Греться – я пламя иное зажгу вокруг тебя; не сгорая,
Будешь гореть в нем, шипя и свистя от тоски и меняя
Кожу за кожей в напрасной надежде, что жар утолится.
Кончатся ж муки твои лишь тогда, как к тебе издалека
Некто придет, самому себе ненавистный и образ
Свой утратить желающий. Если его из середины
Пламени ты позовешь и он бесстрашной стою
В пламень войдет, чтоб избавить себя от мучений, сильнее
Муки твоей его раздирающих; если достанет
Твердости в нем, чтоб среди нестерпимого жара спокойно
Выслушать повесть твою, – тогда ты спасен, прекратится
В ту же минуту твое наказание, и сам, по исходе
Года со днем, он все возвратит, о чем сокрушается сердцем.
Но чтоб в страданье своем ты мог к себе издалека
Звать своего искупителя, имя его я открою:
Он называется Налем». С сими словами Нерада
Скрылся, и муки мои начались. Окружала мой камень
Голая степь; вдруг услышал я шорох и треск; озираюсь –
Всюду из трещин земли, как острые иглы, выходит
Пламя, все гуще и гуще растет, все выше и выше
Вьется, все ярче и ярче пылает; прикованный к камню,
Чувствую я, как все подо мною, как все надо мною,
Камень, на коем лежал я, и воздух, коим дышал я,
Мало-помалу в пронзительный жар обращалось; сначала
Было то пламя как тонкая, гибкая травка; слилось
Скоро оно в кустарник густой; напоследок воздвиглось
Лесом широким, в котором каждое дерево было
Все из огня; языками горящими листья шумели;
Ветви со всех сторон вились, как молнии; в вихорь
Огненный слившись, качались вершины; и дым громовую
Тучей над ними клубился. Теперь на себе испытал ты,
Наль бесстрашный, муку мою. Напрасно я жался,
Пламень вытягивал тело мое до тех пор, покуда
Кожа на нем не лопалась; снова потом на минуту
Я сжимался, чтоб снова вытерпеть то же мученье.
Целых семь лет протекло с той поры, как лежу я на этом
Камне в огне, а времени медленный ход замечал я,
Каждый час повторяя однажды: придешь ли, придешь ли
С мукой твоею к муке моей, о Наль благодатный?
Вот наконец и пришел ты. Но знай, что здесь о тебе я
Частые слухи имел; мне подвластные змеи, которым
Все на земле дороги известны, ко мне ежедневно
Змеек-гонцов присылали, и каждая, верно исполнив
Долг свой и весть передав мне, в огне предо мной умирала;
Видишь, как много здесь собрано кож их истлевших. От них-то
Мог я проведать о том, как ты полюбил Дамаянти;
Как цари и царевичи созваны были в Видарбу;
Как мой гонитель Нерада, пресытись земными плодами,
Сад небесный богов посетил; как там он посеял
Сладостных слов семена, от которых мгновенно желанье
Выросло в сердце богов на землю сойти; как богами
Был ты послан в Видарбу. Я знаю, о Наль благородный,
Также и то, что тебе самому досель неизвестно:
Как закрался Кали в твое непорочное сердце.
Сведав, что царство свое ты утратил, что вместе с супругой
Бродишь нагой по горам и степям, что ее, наконец, ты
Сам покинул, я был утешен надеждой, что скоро
Сбудется то, что теперь и сбылось. Благословляю,
Наль, и тебя и приход твой; уже мучительный пламень,
Жегший доньше меня, уступает сходящей от неба
Сладостной свежести. Наль, не страшись, приступи и, на палец
Взявши меня, из пламени выдь». Керкота умолкнул,
Свился проворно легким кольцом и повиснул на пальце
Наля; и с ним побежал из пламени царь, и при каждом
Шаге его оно слабело и гасло и скоро
Все исчезло, как будто его никогда не бывало.
Свежий почувствовав воздух, трепетом сладким спасенья
Весь проникнутый, быстро отвившись от Налева пальца,

Змей бесконечной чешуйчатой лентою вдруг растянулся;
С радостным свистом пополз к тому он ручью, где, увидев
образ свой, Наль самого себя испугался, глубоко
всунул голову в воду и с жадностью долгую жажду
После толь долгого жара стал утолять – истощились
Воды ручья, а змей по-прежнему сделался полон.
Силы свои возвратив, он, блестя чешуею на солнце,
Налю сказал: «Подойди; перед нашей разлукой ты должен
Зубы мои перечесть; в таком долголетнем от муки
Скрежете много зубов я мог потерять иль испортить».
Наль подошел; перед ним оскалились зубы; считать он
Начал: первой, другой, четвертый. «Ошибся, ошибся, –
С гневом царь змей зашипел, – ты не назвал третьего зуба».
С этим словом кольнул он третьим, неназванным зубом
Налю в палец – и тут же почувствовал Наль, что с собою
Он как будто расстался; сперва свой собственный образ
В зеркально-светлом щите, на царевой шее висевшем,
Он увидел; потом тот образ мало-помалу
Начал бледнеть и скоро пропал; и мало-помалу
Место его заступил другой, некрасивый; и Налю
Стало ясно, что это был образ его же, и боле
Не был он страшен себе самому в таком превращенье.
«Видишь, – Керкота сказал, – что желанье твое совершилось;
Ты превращен, ты расстался с собой, и отныне никем ты,
Даже своею женою не можешь быть узнан. Простимся;
В путь свой с богами иди и не мысли, чтоб мог быть опасен
Яд мой тебе; не в твое он чистое сердце проникнул,
Нет! а в того, кто сердцем твоим обладает: отныне
Будет он жить там и мучиться. Ты ж, превращенный, с надеждой
Путь продолжай; ищи в чужих странах пропитанья;
Но не забудь о стихийных дарах, от богов полученных
В брачный день; они для тебя не потеряны; помни,
Наль, об этом; и также твое искусство конями
Править тебе сохранилось. В царство Айодское прямо
Путь свой теперь обрати; там увидишь царя Ритуперна;
Нет на земле никого, кто с ним бы сравнился в искусстве
Счета и так бы в кости играл. «Я Вагука, правитель
Коней», – скажи ты ему про себя; и если он спросит,
Много ли можешь в день проскакать? «Сто миль», – отвечай ты.
Он твоему научиться искусству захочет; за это
Сам научит тебя искусству считать; без него ты
В кости все царство свое проиграл. И как скоро искусство
Это получишь, страданья твои прекратятся, следа не оставив;
В ту же минуту, когда, и жену и детей отыскавши,
Прежний свой вид возвратить ты захочешь, лишь только об этом
Часе вспомни и в этот щиток поглядишь; кто владеет
Этим щитком, того на земле все змеи боятся».
Так говоря, Керкота одну из зёркально-светлых,
Шею его украшавших чешуек снял и, подавши
Налю, примолвил: «Носи ее на груди; в роковое
Время эта чешуйка тебе пригодится». Потом он
Скрылся; а Наль остался в лесу один, превращенный.

Глава седьмая

I

Наль, разлучившись с змеем, пошел в Айодское царство
Службы искать у царя Ритуперна, который давно уж
Принял к себе и Варшнею, прежде служившего Налю.
Мудрый царь Ритуперн, великий конский охотник,
Лучших искусников править конями сбирал отовсюду.
Наль, через десять дней пришедши в Айоду, к царю Ритуперну
Тотчас явился. «Я конюх Вагука, – сказал он, – в искусстве
Править конями мне равного нет; сто миль проскакать их
В день я заставить могу. И во многом другом я искусен:
Пищу никто так вкусно, как я, не умеет готовить.
Всякое дело, для коего нужны и труд и уменье,
Взять на себя я готов и к тебе, царю Ритуперну,
В службу желаю вступить». Ритуперн отвечал благосклонно:
«В службу, Вагука, тебя я беру; ты будешь отныне

Главным конюшим моим; надзираи за моими конями,
К скачке проворной их приучая; за службу же будешь
Сто золотых получать. Товарищ твой будет Варшнея,
Конюх искуснейший в деле своем, с ним старый Джевала,
Мой заслуженный конюший, и много других; ты без скуки
Будешь с ними досуг свой делить; и свободен ты делать
Что пожелаешь. Будь главным моим конюшим, Вагука».
Вот и служит конюшим Наль у царя Ритуперна,
Царь без царства, муж без жены, изгнанник, лишенный
Даже лица своего, и Варшнея, ему так усердно
Прежде служивший, теперь уж товарищ ему: под одною
Кровлей они; но чужды друг другу, и вместе и розно,
Каждый своею печалью довольный, Варшнея о жалкой
Гибели Наля-царя сокрушаясь, а Наль по супруге,
Брошенной им, ежечасно тоскуя. И было то каждый
Вечер, что Наль, убравши коней, один затворялся
В стойле и пел там все ту же и ту же печальную песню:
«Где, светлоокая, ты одинокая странствуешь ныне?
Зноем и холодом, жаждой и голодом в дикой пустыне
Ты, изнуренная, ты, обнаженная, вдовствуя бродишь.
Где утешение, в чем утешение скорби находишь?»
Так он пел. И однажды Джевала, подслушавши эту
Песню, спросил у него: «По ком ты, Вагука, тоскуешь?
Кто же та, о которой такую грустную песню
Так заунывно поешь ты?» – «Пою про жену сумасброда,
Ею избранного, ею любимого, ум и богатство
Вдруг потерявшего, ей изменившего, клятву святую,
Данную ей пред богами, забывшего. С ней разлученный,
Он уж давно в тоске, в раскаянье, в страхе, не зная
Скорби своей утешенья ни днем, ни ночью, бездомным
Странником бродит. Но каждую ночь, об ней помышляя,
Эту песню поет он. Скитаясь, как нищий, с терпеньем
Пьет он свою преступленьем налитую, горькую чашу,
Чашу разлуки, и горе свое с одним лишь собою
Делит. Она же, которая с ним и в беде не рассталась,
Им в пустыне забытая... Где она? Что с ней? Лишь чудо
Жизнь могло сохранить ей, со всех сторон окруженной
Смертью в лесах, где гнездится и дикий зверь и разбойник.
Эту повесть он сам рассказал мне. С тех пор и пою я
Песню его, как сам он поет, и об нем сокрушаюсь».

II

Бима, царь Видарбы, узнав о бедствии Наля,
Царство свое проигравшего в кости, немедленно созвал
Всех видарбинских брахманов и так им оказал: «Отыщите
Дочь мою Дамаянти и Наля-царя; кто узнает,
Где мои дети, и их ко мне приведет, тот получит
Тысячу самых отборных быков и деревню, как людный
Город богатую; тот же, кто, их не приведши, хоть с верной
Вестью об них ко мне возвратится, также получит
Десять сотен быков». Брахманы поспешно на север,
Полдень, восток и запад пошли отыскивать Наля;
Всюду, по всем областям, городам, деревням, по безлюдным
Диким лесам, по горам, по равнинам, по разным дорогам
Долго ходили они; но напрасно – ни слуха, ни вести
Нет ни о Нале-царе, ни о верной его Дамаянти.
Вот наконец один из брахманов, Судева, достигнул
Города Шедди, и там во дворце, на празднике царском,
Он Дамаянти увидел. Подле царевны Сунанды,
В платье печальной вдовы, на лице покрывало, близ светлой,
Радостной девы она там стояла – жена, по супруге
Мрачно скорбящая, тень близ света, алмаз без сиянья,
День без солнца, краса, двойным покровом от взоров
Скрытая – черным платьем и черным горем. Увидя
Этот прекрасный, невидимо блещущий свет, догадался
Тотчас Судева, кто перед ним. Про себя он подумал:
«Тот же образ я вижу, который столь сладостно светел
Был в то утро, когда все земные цари и владыки,
С ними и вечные боги, в тревоге надежды смиренно

Ждали, кому из них благодатную руку подаст Дамаянти.
Это она, полногрудая, темнокудрявая, райским
Блеском очей веселящая душу, любовь и утеха
Мира; она, молодая лилея, лишенная корня,
Лотос, слоновой стопой сокрушенный, высокое в низком;
Это она, по супруге скорбящая, вместе с супругом
Всю потерявшая жизнь, как источник, ныне безводный,
Некогда быстро бежавший, как лунная ночь по затменье
Полном луны, поглощенной внезапно небесным драконом;
Это она, достойная жить в перламутровом царском
Доме, живущая ныне в чужом сиротою бездомной;
Славная царской породой в горьком бесславном изгнание;
Счастья достойная, жарко любящая, чуждая счастью,
Чуждая сладкой любви. Ее измучено сердце
Страстным стремленьем к супругу, избранному сердцем; на свете
Муж – украшение жены; потеряв сей небесно прекрасный
Перл, и блестящая тратит свой блеск. Но где ж он, могучий
Наль? Перенес ли разлуку с такою женою иль мертвый
Пал, утратив ее? И мне всю душу пронзает
Горе при виде ее красоты сокрушенной, при встрече
Огненно-темных ее, в слезах угасающих взоров.
Скоро ль, скоро ль, весь мир исходив путем испытанья,
К цели желанной достигнет она и с желанным супругом,
С милым души, с властителем жизни встретится в мире
Так, как звезда встречается с месяцем? Скоро ль
С трона низверженный Наль возвратит Дамаянти и трон свой?
О! какое блаженство тогда для обоих, друг другу
Равных прелестью, доблестью, знатностью рода и славой
Предков! Мне должно теперь подойти с утешительным словом
К ней, сокрушенной». Так говорил многомудрый Судева
Сам с собою; потом он к тому приблизился месту,
Где одиноко стояла среди многолюдства с печальной
Думой своей Дамаянти. «Здравствуй, роза Видарбы, –
Ей он сказал, – я Судева, брахман видарбинский; царь Бима,
Твой родитель, жив, и здоров, и царствует мирно;
Здравствует с ним и твоя благодушная мать, управляя
Домом; здравствуют братья твои, здравствуют дети,
Мирно цветя под защитою деда и бабки. Но горе
Всех по тебе сокрушило. И ныне по целому свету
Ищут брамины тебя; отыскать же позволили боги
Мне». Дамаянти, узнавши его, залилася слезами;
Стала потом о родных, о друзьях, знакомых и ближних
Спрашивать. «Выросли ль дети?» – она напоследок спросила.
С этим словом рыданье стеснило ей грудь, и с прекрасных
Длинных ресниц покаталися крупными каплями слезы.
Видя, что плачет она в разговоре с брамином, Сунанда.
Сильно встревожась, сказала немедленно матери: «Наша
Гостья плачет; какой-то брамин говорит с ней, и, верно,
С ним знакома она, и его слова пробудили
Эту печаль». Тогда из покоев внутренних вышла
Мать-царица; увидя брамина, она повелела
К ней его привести; и его расспрашивать стала
Так: «Расскажи мне об ней что ведаешь. Кто и какого
Рода она? Чья дочь? Чья жена? И с родными какую
Странной судьбою рассталась? И здесь ты ее по какому
Тайному признаку мог распознать? Обо всем откровенно
Мне расскажи». И, сев на ему указанном месте,
Так рассказывать начал Судева, брамин многомудрый.

III

«Царствует ныне в Видарбе царь Бима, до старости поздней
В славе доживший; а странница эта есть Дамаянти,
Дочь видарбинского Бимы, жена нишадского Наля.
Наль же, сын Виразены, бывший владыка нишады, безумно
В кости все царство свое проиграл недостойному брату.
С той поры, покинув Нишаду с женою, пропал он
Без вести. Бима послал нас отыскивать дочь. И случайно
В вашем царском дворце в печальной, таинственной гостье
Вашей узнал я ее... И кто не узнал бы? На свете

Нет Дамаянти другой, столь прекрасной душою и телом.
Есть притом и примета: на лбу под густыми
Кудрями светлая скрыта звезда, как за облаком месяц;
С нею она родилась; ее сам Брама заметил
знаком святым благодати; но знак сей одним лишь браминам,
Видящим здесь красоту неземную, служителям Браммы,
Может быть видим; и я очами брамина, как злато
в темной руде, как в пепле горячем огонь сокровенный,
Тотчас узнал Дамаянти, красы несказанной светило».
Кончив рассказ свой, Судева умолк. Тут царица Сунанда,
Тихо подкравшись к подруге, с ее головы покрывало
Вдруг сорвала и кудри волос, осенявших прекрасный
лоб видарбинской царицы, откинула: ярко, как месяц,
Тучу пронзивший, блеснула оттуда звезда благодати.
То увидя, Сунанда в слезах умиления припала
к сердцу ее; царица заплакала также; и все три,
Крепко обнявшись, слиянные сердцем, стояли безмолвно,
Слезы сливая с слезами. Вот напоследок сказала
Мать-царица: «Ты дочь моей сестры, Дамаянти.
Наш знаменитый отец был владыка дафернский Судеман;
Бима выбрал сестру, меня избрал Виравату.
Я и тебя младенцем видала в то время, когда мы
вместе с сестрой навестили в Даферне отца. И тогда уж
эта звезда сияла на лбу у тебя. Догадалась
Тотчас я, кто ты, как скоро ты странницей грустной явилась
Здесь, и дочерью сердце тебя нарекло. Оставайся ж
с нами, мой дом есть твой; и все подвластное сыну
Царство также твое. Живи в любви и согласье
с нами; будь дочерью мне, будь нежной сестрою Сунанде». –
«Долго я здесь незнакомкой в довольстве жила, – отвечала
Тетке своей Дамаянти, – не знала нужды, под защитой
верной была и в горе встречала веселье; но будет
мне веселее в Видарбе с родным отцом и с родною
матерью. С миром меня отпусти; я давно уж с своими
близкими розно; отсюда слышится мне, как сиротки
дети мои, по матери плача, ее издалека
Кликут и ей говорят: без отца мы; на что ж нам
быть и без матери? Если свое благодетельное дело
ты довершить надо мною желаешь, то дай мне скорее
средство в Видарбу к своим возвратиться». – «Исполнена будет
воля твоя, красота звездоносная», – так отвечала
Мать-царица; потом, с позволения сына, владыки
Царства шеддийского, в путь снарядила милую гостью;
пищу с питьем на дорогу сама царица Сунанда
ей приготовила; дали коней с колесницею; дали
также и стражей, дабы ее на пути охраняли;
с плачем расстались потом. И вот наконец возвратилась
к близким своим Дамаянти. И много в Видарбе веселья
было при встрече ее. Когда ж Дамаянти со всеми
свиделась, с милою матерью, с добрым отцом и с родными
братьями, сродников всех и знакомых увидела, к сердцу
в сладких слезах прижала детей, – то первой заботой
было ее принести благодарность богам и браминам
всех одарить. И Бима исполнил свое обещанье:
тысячу жирных быков с селом, богатым как город,
дал он брамину Судеве. Награду такую сначала
он обещал лишь тому, кто найдет Дамаянти и Наля;
но, блаженный свиданием с дочерью, он уж не думал
боле о Нале. Зато не забыла о нем Дамаянти.
Ночь одну проведя в жилище отца, на другой день
матери так Дамаянти сказала: «Если ты хочешь
жизнь мне мою сохранить, возврати мне прекрасного Наля».
То услыша, царица заплакала горько и слова
ей отвечать не могла от слез и рыданья. И вместе
с нею домашние все сокрушались, и громким стенаньем
все жилище ее наполнилось. И вот что царица
Биме, властителю многих народов, сказала: «Открыла
сердце свое мне наша дочь Дамаянти; по милом

Нале тоскует она несказанно. А где он? Удастся ль
Так же найти и его, как найти удалось Дамаянти?»
Бима при этих словах опять вызывает браминов
Новую службу ему сослужить. «Святые брамины, –
Им говорит он, – идите по всем путям и дорогам
Налю отыскивать; с ним разлученная, гаснет от горя
Дочь Дамаянти». Брамины, немедленно в путь изготоваюсь,
Все собрались к Дамаянти услышать ее повеленье;
Их приняла, улыбаясь сквозь слезы, она и сказала
Так: «Куда б ни пришли вы и где бы его ни искали –
В городе ль, в царском дворце ли, в деревне ли, в хижине ль бедной –
Всюду одно повторяйте, вытвердив то, что скажу вам:
«Где ты, игрок? Куда убежал ты в украденном платье,
В лесе покинув жену? Она, почерневши от зноя,
В скудной одежде, тобою обрезанной, ждет, чтоб обратно
К ней ты пришел. По тебе лишь тоскует она и ни разу
Сна не вкусила с тех пор, как, себе на погибель, заснула
В том лесу, где тобой так безжалостно брошена. То ли
Ты обещал ей супружеской клятвой? Покров и защита
Муж для жены; а ты что сделал с своею женою,
Ты, величаемый мудрым, твердым, благим, благородным?»
Помните эти слова и их везде повторяйте.
Если же кто вам на них отзовется, то знайте, что это
Наль; и тогда немедля разведайте, кто он? Когда же
Словом каким он вам возразит, то скорее, скорее
Это слово мне передайте, брамины. Но будьте
С ним осторожны, чтоб он догадаться не мог, что за ним вы
Посланы мной, и чтоб снова не скрылся. Идите с богами
В путь свой, брамины, ищите Налю, везде повторяя
Грустную песню мою, воздыханья любви сокрушенной».
Данные им наставленья принявши, по разным дорогам
Все разошлись брамины отыскивать Налю; и всюду,
В людных, больших городах, в богатых палатах, в убогих
Хижинах, в темных лесах, по горам, по полям, по долинам,
Где только был человеческий след, неусыпно искали
Налю они, везде повторяя слова Дамаянти,
Грустную песню ее, воздыханья любви сокрушенной.

Глава осьмая

I

Вот по странствии долгом один из браминов, Парнада
Именем, с вестью такою пришел к Дамаянти: «Повсюду
Налю искав безуспешно, пришел наконец я в Айоду.
Там пред царем Ритуперном твои слова произнес я;
Царь ничего не сказал мне в ответ, и никто из придворных
Также мне не дал ответа. Когда ж я, простясь с Ритуперном,
Вышел из царских покоев, со мной повстречался служитель
Царский с руками короткими, малого роста, Вагука
Именем; дело его смотреть за царевой конюшней;
Видом он некрасив; зато великий искусник готовить
Пищу; так же чудесно правит конями: он может
В сутки сто миль проскакать их заставить. И вот что с глубоким
Вздохом, от слез задыхаясь, сказал мне этот Вагука:
«В бедности, в горести терпят безропотно с верой смиренной
Неба достойные, долгу супружества верные жены;
Сердце их кроткое нежным прощением мстит за обиду.
Если в безумии все свои радости, свет и усладу
Жизни, расставится с верной подругою, жалкий преступник
Сам уничтожить мог; если, отчаянный, платья лишенный
Хитрыми птицами, голодом мучимый, он удалился
Тайно от спутницы, если он с той поры денно и ночью
Все по утраченной плачет и сетует – доброй женою
Будет оплакан он; что б ей ни встретилось доброе, злое,
Нежному, верному сердцу покажется горе не горем,
Радость не радостью; будет лишь памятно бедствие мужа,
Тяжкой виной своей в горе лишенного всякой отрады».
Эти услышав слова, я решился немедля пуститься
В путь обратный. Царевна, сама теперь ты рассудишь,
С доброю ль вестью к тебе я пришел». Дамаянти, Парнаду

Выслушав, тотчас к царице пошла и так ей сказала:
«Слушай, родная; о том, что я сделать хочу, мой родитель
Бима ведать не должен; хочу я брамина Судеву
В царство Айоду послать; награды своей половину
Он заслужил, вот случай ему заслужить и другую:
Вам возвратил он меня, пускай возвратит вам и Наля».
Мать согласилась на просьбу плачущей дочери; тайно
Всё учредили они, и царь не узнал ни о чем. Одаривши
Щедро Парнаду, царица сказала: «Когда возвратится
Счастливо царь мой желанный, получишь ты вдвое; ты первый
След нам к нему указал». И доволен остался Парнада
Тюю наградой. Тогда Дамаянти, призвавши Судеву,
Так сказала: «Судева, иди к царю Ритуперну
В царство Айоду; явись ему, но так, чтоб подумал
Царь Ритуперн, что зашел ты в Айоду случайно, и вот что
Скажешь ему ты, как будто без всякого умысла: «Бима
Снова сзывает в Видарбу царей и царевичей; снова
Хочет супруга избрать Дамаянти: уж съехалось много
К ней женихов». И ежели знать пожелает он, скоро ль
Должен быть выбор, назначен ли день, отвечай ты: «Я вижу,
Царь, что тебе одному неведомо то, что известно
Целому свету; день назначенный – завтра; и если
Сам ты отведашь счастья намерен, то можешь в Видарбу
Нынче же к ночи поспеть; у тебя есть конюх, искусный
Править конями; он в сутки сто миль проскакать их заставит;
Только не медли: завтра чем свет Дамаянти объявит
Выбор; о Нале ж ни слуха, ни вести; и, верно, погиб он.
Если же хочешь ты знать, от кого я о сказанном слышал,
Знай, государь, что я слышал о том от самой Дамаянти».

II

Вот и приходит Судева к царю Ритуперну. То было
Рано поутру. И только что ложную повесть брамина
Выслушал царь, как, с места вскочивши, воскликнул: «Скорее
Кликнуть Вагуку сюда!» Когда же Вагука явился –
«Верный конюший, – сказал Ритуперн, – мне должно в Видарбу
Нынче ж поспеть; Дамаянти опять выбирает супруга;
Завтра утром она объявит свой выбор. Искусство
Ныне свое покажи мне, Вагука, на деле; посмотрим,
Можешь ли в сутки сто миль проскакать на конях, не кормивши?»
Царская речь наполнила ужасом Налеву душу.
«Что замышляет, – подумал он сам про себя, – Дамаянти?
Или она от скорби лишилась ума? Иль какую
Хитрость задумала? Может ли быть, чтоб она на такое
Дело решилась, она, непорочная, верная, светлый
Ангел любви? Неужель, оскорбленная мной так жестоко,
Хочет отмстить мне она, смиренно-незлобный эдемский
Голубь? Но женское сердце изменчиво; я же пред нею
Слишком виновен; прекрасную младость ее погубил я;
В долгой разлуке со мной разлучилась она и с любовью.
Но, позабывши меня, как могла позабыть Дамаянти
Наших детей? Мне должно разведать, что ложь и что правда
В этом слухе, и волю царя для себя я исполню».
Так он в мыслях решил и, покорно ко груди прижавши
Руки, царю отвечал: «Несомненно, исполнена будет
Царская воля твоя; мы нынче ж поспеем в Видарбу
К вечеру». Вот на конюшню Вагука пошел, чтоб надежных
Выбрать коней, и выбрал тощих, тяжелых, ноздристых,
Тонконогих, толстоголовых, с щетинистой шерстью,
С длинными шеями, с гривой встопорщенной, огненно-диких.
Выбор такой царя изумил. «Ты шутишь, Вагука, –
С гневом сказал он, – как будто в насмешку, из целой конюшни
Выбрал ты самых негодных коней. В такую дорогу
Можно ль на клячах подобных пускаться?» – «То добрые кони,
Царь-государь, – Вагука отвечал, – вот и приметы:
Две на лбу, одна на груди и три на копытах;
Духом домчимся на этих конях до Видарбы; но если
Выбрать других ты желаешь, то сам укажи их; готов я
Волю исполнить твою». – «Пускай по-твоему будет, –

Царь отвечал, – тебя не учить мне; закладывай, едем».
Выбранных им четырех коней заложил в колесницу
Наль и сел в нее с Ритуперном: и с ними, по просьбе
Наля, сел Варшнея. Собравши в могучую руку
Вожжи и ими тряхнув, как браздами излучистых молний,
Наль закричал: «Изготовьтесь вы, добрые кони; чтоб нынче ж
Быть нам в Видарбе!» И, дрогнув, пред ним на колени упали
Кони; легким движеньем руки опять он их поднял
На ноги, голос смягчил и, ласковым словом придав им
Жару, крикнул: «Вперед!» Они понеслись как вихри.
Царь Ритуперн на бег их смотрел с немым изумленьем.
В то же время, расслушав, сколь был таинственно звучен
Гром колесницы, и видя, что вожжи со свистом и треском
Били коней по бокам и, как молнии, быстро сверкали,
Думу глубокою думал Варшнея: «Откуда Вагука
Мог получить такое искусство и кто он? Не сам ли
Коне́й державного бога богов повелитель Металис?
Или он Наль, сокрывший себя под личиной уroda?
Налева образа нет здесь, но есть здесь Налева сила.
Кто же мне правду откроет? Давно из древних преданий
Ведаем мы, что земные цари, по воле судьбины
Здесь, на земле, иногда превращенные, странствуют тайно.
Этот уродливый конюх не может быть Налем великим;
Тот же, под кем, как гроза в небесах, гремит колесница,
Кто он иной, как не Наль, мой великий владыка?» Так думал
Молча Варшнея и в бедном Вагуке угадывал Наля.

III

Кони, без крыльев крылатые, властью Наля как буря
Мчались вперед по горам, по долам, через реки, потоки.
Вдруг сорвалась с головы Ритуперна повязка. «Вагука,
Стой! – он сказал. – Пускай Варшнея подаст мне повязку». –
«Поздно! – ответил Наль-Вагука, – уж мы отскакали
Более мили; оставим повязку». Царь изумился;
Вдруг он увидел вдали Вибитак, ветвисто-густою
Сенью покрытое дерево. «Слушай, Вагука, – сказал он, –
Здесь, на земле, никто не имеет всезнанья; в искусстве
Править конями ты первый; зато мне далось искусство
Счета, и знаю я тайну играть на верное в кости.
Видишь ли там, вдалеке, то ветвистое дерево? Много
Листьев на нем и много плодов; но много их также,
С ветвей упавших, лежит на земле. Так знай же: упало
Листьев четыреста три, и с ними свалилось сто десять
Спелых плодов; всех сучьев семьсот сорок девять; на сучьях
Листьев осталось пять миллионов и восемь; плодов же
Тысяча триста пятнадцать созревших, восемьсот сорок
Три созревающих, семьдесят восемь гнилых. Хоть поверку
Сделай, мой счет без малейшей ошибки». В эту минуту
Были они уж близ дерева. «Стойте, – воскликнул Вагука, –
Добрые кони; такому чудному счету нельзя мне
Прежде поверить, пока плодов, и сучьев, и листьев
Сам не сочту я на дереве этом. Варшнея подержит
Вожжи, покуда я буду считать». Ритуперн ужаснулся.
«Что ты задумал, Вагука? – сказал он. – Не время нам медлить».
Но Вагука (был умысел свой у него) непременно
Счет поверить хотел. «Подожди, – царю отвечал он, –
Или – если уж так ты поспешен, – прямо, все прямо
Этой дорогой ступай; Варшнея будет конями
Править». На то Ритуперн возразил, стараясь Вагуку
Лаской смягчить: «Не упрямясь, добрый Вагука; в искусстве
Править конями тебе подобного нет, и в Видарбу
Только с тобою одним поспеть нам к вечеру можно.
Я (сам видишь ты это) во власти твоей; не держи же
Доле меня; я сделаю все в твое угожденье,
Если только в Видарбу доедем прежде, чем сядет
Солнце». Вагука вместо ответа, коней удержавши,
С козел сошел и начал спокойно считать по порядку
Прежде плоды, за плодами сучья, за сучьями листья.
«Счет плодов без ошибки, – сказал он царю Ритуперну. –

Вот поглядим, не ошибся ль ты в счете сучьев и листьев?»
Царь кипел нетерпеньем. «Будь же доволен, Вагука,
Разве мало тебе одного доказательства?» – «Мало,
Царь-государь, – Вагука сказал, – но если ты хочешь
Разом все кончить, то сам объясни мне, как мог ты так много
Счесть в такое короткое время?» – «Знай же, – воскликнул
Царь (не от доброй души, а взбешенный упорством Вагуки), –
Я одарен могуществом счета и тайным искусством
В кости играть наверное». – «Ежели так, то теперь же
То и другое мне передай; в замену искусство
Править конями получишь», – сказал Вагука. «Согласен, –
С гневом ответил царь, – и могущество счета и тайну
В кости играть я тебе отдаю; от тебя же, Вагука,
Дар твой приму, как скоро приедем в Видарбу». Лишь только
Вымолвил слово свое Ритуперн, как у Наля открылись
Очи, и он все ветви, плоды и листья Вибитаки.
Разом мог перечесть; и в то же мгновенье, когда он
Данную силу в себе ощутил, сокрытый дотол
В сердце его искуситель Кали оттуда исторгся
Дымом и мглою своей обхватил Вибитаку. При первом
Чувстве свободы Наль обеспамятел; скоро, однако,
Он очнулся и, видя лицом к лицу пред собою
Злого врага своего, хотел проклясть нечестивца;
Но Кали возопил, поднявши руки смиренно:
«Наль, воздержися от клятвы; уже довольно наказал
Был я проклятьем, в минуту страданья твоею женою
Против меня изреченным (хотя и был ей неведом
Общий ваш враг). С тех пор я, замкнутый в тебе, как в темнице,
Столь же был горем богат, сколь ты был радостью беден.
Мучимый ядом царя Змеиноного, денно и ночно
Сам я себя проклинал. Пощади же меня, благодушный
Наль; я отныне бессилен; отныне каждый, кто повесть
Бедственной жизни твоей прочитает, тебя прославляя,
Будет от козней моих огражден и власти подобных
Мне зловредных духов недоступен». Смягченный молящим
Словом врага побежденного, Наль воздержался от клятвы.
Сам же Кали в Вибитаку вселился, и полное жизни
Дерево мигом засохло. При чуде таком изумился
Царь Ритуперн (того же, что с Налем в эту минуту
Делалось, видеть и слышать не мог он). Едва искуситель
Скрылся – от муки избавленный, радостно блещущий, новой
Жизнью пламенный, вдвое могучий, сел в колесницу
Наль, и кони помчались; а он, упредив их, душою
Был уж в Видарбу, там, где была Дамаянти, куда он
С сердцем, свободным от зла, но все еще бедный, бездомный
Царь, возвращался под видом чужим, никому не знакомый.
Глава девятая

I

Солнце еще не угасло, когда до Видарбы достигнул
Царь Ритуперн. Немедля о госте нежданном царь Бима
Был извещен, и, им приглашенный, в сиянье вечернем
Въехал в Видарбу владыка Айоды. Как гром отзывался
Стук колесницы его с осьми сторон небосклона.
Налев стук и Налев скок почуяли тотчас
Налевы кони (которых, еще до изгнанья царева,
К Биме с детьми сама Дамаянти прислала);
Радостным ржаньем, как будто при нале, они отвечали
Дружно на звук, им знакомый; и, вслушавшись в звук сей, подобный
Гулу глубокому грома, сама Дамаянти смутилась;
Что-то родное, бывалое, налево в вешее сердце
Вдруг проникло – так и жена и кони узнали
Разом Наля по стуку его колесницы. И в стойлах
Царских слоны и на кровле дворцовой павлины, расширив
Радугой пышной хвосты, при этом неслыханном стуке
Вдруг встрепелнулись; подняли хобот слоны; закричали,
Вытянув шею, в радостном страхе павлины, как будто
Чуя грозы, обещающей дождь, приближенье. И с райским
Трепетом, вся обращенная в слух, про себя Дамаянти

Так говорила: «Мне этот стук колесницы и этот топот, тревожащий небо и землю, насквозь проникают Душу. Это Наль, мой владыка, Наль, мой желанный! Если его я нынче ж лицом к лицу не увижу, Если нынче же в сладких объятиях Наля не буду, Если это не он, столь чудно гремящий, не светлый Наль, мой царь, мой спаситель; если меня обмануло Сердце, то более жить мне не должно; и в жаркое лоно Пламени брошусь, чтоб кончить тоску одинокия жизни. О! теперь позабыто все прошлое: жизнь обновилась; Страх одиночества, стыд нищеты, неприютность, разлуки Тяжкая боль – из сердца изглажено все; я не помню Слова обидного, взгляда сурового; помню одно лишь Счастье святое любви, лишь его, избранного сердцем, Радость души, благородного, кроткого, сильного волей, Тихого нравом, разумом мудрого, сердцем младенца, Наля, мою надежду, спасение, жизнь. Непрестанно Думать о нем и о прошлых днях неразлучности сладкой, Думать о прелести взора его и улыбки, о сладком Голосе, нежных речах, и, всею душой погружаясь В думу любви, быть розно с ним, несказанно любимым, – Вот страданье, которому имени нет». В сокрушенных Мыслях таких Дамаянти сидела тогда на дворцовой Верхней площадке с служанкой своей, молодую Кезиной. Вот и видят они, что на двор широкий влетели Кони, гремя и дымясь, с колесницей; и в той колеснице Были трое: царь Ритуперн, Вагука, Варшнея; Где же Наль?.. С томительным страхом глядит Дамаянти; Видит царя; Варшнею потом узнает; напоследок Смотрит на их безобразного спутника – ей незнаком он. Тою порой Ритуперн сошел с колесницы; Варшнея Также; Вагука начал разнуздывать коней; и в это ж Время вышел и Бима гостю навстречу. Друг другу Оба царя поклонились учтиво, хоть оба не знали, что друг другу сказать. Ритуперн, осмотрясь, не приметил В царском дворце ничего, что б канун означало большого Праздника; он подумал: «Я был легковерно обманут Ложною вестью»; и Биме сказал он: «Здравья и долгих Лет тебе я желаю». Бима таким же приветным Словом отвечивал. «Что, – потом он спросил, – привело к нам В нашу столицу Видарбу такого великого гостя?» Слыша этот вопрос и не видя нигде никакого Знака, чтоб были другие цари и царевичи в царском Доме, владыка Айоды отвечивал: «Видеть хотел я, Царь благодушный, тебя и, с тобой познакомясь, проведать, Все ли в твоём благоденствует царстве?» Мудрому Биме Станным ответ такой показался, и было ему непонятно, Как могло прийти на ум царю Ритуперну Путь такой предпринять лишь затем, чтоб проведать, здоров ли Царь Видарбы, ему незнакомый. «Тут есть, – он подумал, – Верно, другая причина. Узнаем мы после». И, руку Ласково гостю подавши, сказал он: «Милости просим, Царь Ритуперн; мы рады весьма твоему посещенью. Но ты устал; войди к нам в палаты и там успокойся; что ни прикажешь, все будет исполнено». Вместе с Варшнеей Царь Ритуперн вошел во дворец; а Вагука, отпрягши Добрых коней, отвел их в конюшню; потом, возвратясь, Сел на прежнее место свое в колеснице и скоро В грустную думу весь погрузился. Его Дамаянти Сверху увидя, вздохнула глубоко. «Ужель обманулось Сердце мое? – сказала она. – Но стук колесницы Был мне знакомый, был подлинно Налев.. А Наля не вижу. Или Варшнея искусство его перенял? Или открыли Боги его царю Ритуперну?» Так Дамаянти Мучилась тяжким сомненьем; вот наконец, обратясь К верной Кезине, служанке своей, она ей сказала:

II

«Слушай, Кезина, поди и проведай, кто в колеснице

Так угрюмо сидит один, лицом некрасивый,
Руки короткие? С ним заведя разговор, постарайся
Выспросить, кто он? Меня подозренье тревожит: не сам ли
Наль таится под этим уродливым видом? Ты вот что
Сделай: с ним говоря, повтори, как будто случайно,
Те слова, которые всюду браминам велела
Я повторять; увидишь, не даст ли какого ответа
Он на них, и ежели даст, то все, что ни скажет,
Ты заметь и мне передай». Кезина к Вагуке
Тотчас пошла; Дамаянти ж, на прежнем месте оставшись,
Сверху смотрела на них. Кезина, приблизясь к Вагуке,
Так сказала ему: «Благородные гости, будь в добрый
Час вам приезд ваш в Видарбу; царская дочь Дамаянти
Мне приказала узнать, зачем вы здесь и откуда?» –
«Мы из Айоды, царю Ритуперну подвластного царства, –
Так Вагука сказал. – Узнав от брамина, что будет
Снова супруга себе выбирать Дамаянти, айодский
Царь на своих быстроногих конях, которыми правлю
Я, сюда прискакал, чтоб явиться с другими на выбор». –
«Ты не один при царе; вас двое; кто твой товарищ?
Кто ты сам, и откуда, и как к царю Ритуперну
В службу вступил?» – «Мой товарищ Варшнея, бывший конюший
Наля; меня называют Вагука; что я не красавец,
Это ты видишь; служу у царя на конюшне, но мог бы
Также служить и на кухне, ибо я столь же искусен
Вкусную пищу готовить, как править конями». – «Скажи ж мне, –
Снова спросила Кезина его, – не дошла ль до Варшнеи
Весть какая о Нале? И сам ты об нем не слыхал ли?» –
«Налевых бедных детей, – Вагука сказал, – проводивши
К деду и царских коней оставив в Видарбе, Варшнея
В службу вступил к царю Ритуперну. О участи Наля
Он не знает, и нет на земле никого, кто о ней бы
Что-нибудь знал; под видом чужим, в неведомом месте
Царь укрывается. Наль один на свете о Нале
Знает, да та лишь одна, кто с Налем одно; никому он,
Кроме ее, не открыл своих таинственных знаков». –
«Но (сказала Кезина) брамин, посетивший Айоду,
Встретясь с тобою, тебе повторил слова Дамаянти:
«Где ты, игрок? Куда убежал ты в украденном платье,
В лесе покинув жену? Она, почерневши от зноя,
В скудной одежде, тобою обрезанной, ждет, чтоб обратно
К ней ты пришел; о тебе лишь тоскует она и ни разу
Сна не вкусила с тех пор, как, себе на погибель, заснула
В том лесу, где тобой так безжалостно брошена. То ли
Ты обещал ей супружеской клятвой? Покров и защита
Муж для жены; а ты что сделал с своею женою,
Ты, величаемый мудрым, твердым, благим, благородным?»
Помнишь ли, что на эти слова отвечал ты брамину?»
Весь побледнев, неподвижно смотрел на Козину Вагука;
Долго, пронзенный незапною болью любви, не имел он
Силы вымолвить слово; рыдающим голосом, очи,
Полные слез, опустив, напоследок тихо сказал он:
«В бедности, в горести терпят безропотно с верой смиренной
Неба достойные, долгу супружества верные жены;
Сердце их кроткое нежным прощением мстит за обиду;
Если в безумии все свои радости, свет и усладу
Жизни, расставшись с верной подругою, жалкий преступник
Сам уничтожить мог; если, отчаянный, платья лишенный
Хитрыми птицами, голодом мучимый, он удалился
Тайно от спутницы, если он с той поры денно и ночью
Все по утраченной плачет и сетует – доброй женою
Будет оплакан он; что б ей ни встретилось доброе, злое,
Нежному, верному сердцу покажется горе не горем,
Радость не радостью – будет лишь памятно бедствие мужа,
Тяжкой виной своей в горе лишенного всякой отрады».
С этим словом вся Налева скорбь пробудилась в Вагуке;
Он застонал, и слезы из глаз полились. Кезина
Тотчас ушла, спеша обо всем известить Дамаянти.

III

«Это Наля (Дамаянти сказала в слезах, с замираньем Сердца Кезину выслушав), это мой царь, мой владыка, в виде чужом. Ты должна к нему возвратиться, Кезина, снова. Вблизи притаись и внимательно следуй за каждым шагом и взглядом его, не откроется ль в том, что заметишь, признака тайной, особенной силы. Я думаю, скоро ужин начнет он готовить царю Ритуперну – смотри же, так устрой, чтоб он ни воды, ни огня для варенья пищи не мог получить, и заметь потом, что начнет он делать; и все другое, что в нем покажется чудным, также мне опиши». Кезина пошла и, исполнив волю царицы, явилась к ней с своим донесеньем: «Нет! ни прежде видать не случалось, ни после увидеть мне не случится того, что теперь предо мною сбылось: этот Вагука не просто земной человек; он с богами в явном союзе; ничто для него ни низко, ни тесно; к низким дверям подойдет – головы не наклонит, а сами двери над ним приподымутся; тесное место просторным вдруг при его приближеньи становится. Всяких припасов вместе с посудой царь Бима велел приготовить, чтоб ужин он для царя Ритуперна сварил; но воды, как тобою было приказано, не дали; он того не заметил, только взглянул – и водой все сосуды наполнились; также он и огня под дрова попросить не подумал, а только взял соломы – и мигом сама собою вспыхнула. Много другого заметила я: без обжог голый рукой разгребал он огонь; вода закипала, только что к ней он касался. Но чудо последнее более всех других изумило меня: засохшую розу он увидел; в пыли она без листьев лежала; он ее поднял, взглянул на нее, и явилась живая роза в руке у него на месте прежней, поблекшей. После такого неслыханно чудного дела, царица, я побежала немедля к тебе». Но уже Дамаянти более сомненья иметь не могла: то явные были знаки Наля, то были дары, полученные в самый день брака им от богов, и она, уж блаженствуя, видела сердцем Наля желанного там, где еще для очей был Вагука. «Сбегай опять ты к нему, – сказала Кезине царица, – запах от пищи, им приготовленной, чудно приятен; хочется знать мне, вкусна ли она? Попроси у Вагуки мяса жаркого кусок». Побежала Кезина к Вагуке снова и скоро назад возвратилась с дымящимся мясом. Налев знакомый ей вкус Дамаянти узнала, отведав мяса. «Он здесь! он здесь! – в восхищенье она повторяла мысленно. – Более сомнения нет. Но долго ль он будет светлый свой образ таить от жаждущих взоров и мучить бедное сердце мое нестерпимым желаньем свиданья?» Так сокрушаясь, она наконец приказала Кезине взять детей и вывести их из дворца, чтоб Вагуке их показать мимоходом. Лишь только Вагука увидел двух малюток, цветущих детей Дамаянти и Наля, столь давно потерявших отца, – в нем душа загорелась; кинулся к ним он навстречу, по имени назвал обоих, к сердцу прижал, и заплакал, и долго, долго, слезами их обливая, от них оторваться не мог, но, опомнясь, вдруг отскочил и Кезине сказал: «Я также имею двух детей малолетних, сына и дочь; совершенно с этими сходны они, и давно я с ними в разлуке. Вот отчего я и был так сильно встревожен их встечей; но, послушай, люди заметят, что часто ко мне ты ходишь, и будет тебе оттого без вины нареканье; с миром отсюда поди и более ко мне не являйся».

Глава десятая

I

Все, что было ей нужно, узнав, Дамаянти решилась сделать опыт последний и матери вот что сказала:

«Кликни Вагуку к себе; я тайну эту открою;
Наль отыскан; он здесь, я знаю, я верю». Царица, согласно
С просьбою дочери, кликнуть велела Вагуку, и сколько
Волей, столько неволей царь с трепетанием тайным
Стал наконец пред лицом своей Дамаянти. Безгласен
Сделался он, увидя ее, прелестную в скорби,
Чистого ангела радости в платье печальном вдовицы.
Сердцу его несказанный упрек, перед ним Дамаянти
Молча стояла, пронзительный взор на него устремивши.
«Дай ответ мне, Вагука, – она напоследок сказала, –
Знал ли ты верного мужа, который был бы способен
Тайно покинуть жену и ее, заснувшую с твердой
Верой в защиту его, в лесу беззащитную бросить,
Бросить одну, без одежды, без пищи, дотоле
Нежно любимую им и ничем, ни делом, ни словом,
Ниже каким помышленьем пред ним не виновную? Вот что
Сделал со мною, Вагука, супруг мой Наль Пуньялока.
Чем я его оскорбила? Чем могла побудить я
Сердце его на такое предательство? Он пред богами
Выбран был мной, пред богами я с ним сочеталась, и боги
Слышали клятву, им данную мне, в любви неизменной.
Как же, Вагука, он мог изменить своей Дамаянти,
Радостным сердцем и горе, и бедность, и стыд, и изгнание
С ним разделившей, той изменить, которой сказал он,
Руку ей дав пред святым алтарем: «Тебя я отныне
Буду чтить и любить, защищать и питать, и с тобою
Горе и радость, богатство и бедность и все неизменно
В жизни делить обещаюсь?» Вагука, скажи мне, как мог он
Так измениться, так все позабыть?» Сокрушенный и бледный,
Слушал в безмолвии Наль укоризны своей Дамаянти.
Очи ее, светозарные звезды, были покрыты
Облаком скорби, и быстрым ручьем сквозь густые ресницы
Падали слезы. Своею виной уничтоженный, тихим,
Трепетным голосом Наль отвечал: «Что нишадское царство
Было проиграно Налем, не он в том, несчастный, виновен:
Злобный Кали обезумил его, и им же, коварно
Вкравшимся в сердце к нему, очарованный Наль в исступленье
Спящую бросил тебя; когда же в лесу ты – не зная,
Кто он, – врага своего прокляла, твои поразили
Клятвы Кали, спокойно владевшего Налевым сердцем; и с тех пор
Адски страдал он, как в пламени пламень горя, заключенный
В страждущем Нале, как в мрачной тюрьме. От нечистого духа
Наль избавлен, и будет от всякой он клятвы свободен,
Если, увидясь с женою, найдет, что ему сохранила
Верность она и любовь. Теперь отвечай, Дамаянти,
Что он найдет? Сохранила ль любовь, сохранила ль ты верность?
По свету ходят гонцы от тебя и отсюду сзывают
Новых к тебе женихов в замену погибшего Наля.
Вот что сюда привело и царя Ритуперна, и сам я,
Бедный конюший Вагука, его конями был должен
Править, чтоб мог он поспеть на счастливый выбор». Услышав
Жалобы Наля, смиренно руки сложила и с чистым
Взглядом небесного ангела, ангел земной, Дамаянти
Так отвечала: «Тебе ль, мой избранный, тебе ль, предпочтенный
Мною богам, меня оскорблять таким подозреньем?
Ведай: сама я послала брамина к царю Ритуперну
С ложною вестью о выборе новом в Видарбе. Узнало
Сердце мое, что Вагука был ты, и невинный обман мой
Был удачен – ты мне возвращен. И с клятвою правды
Здесь, государь, прикасаясь к коленам твоим, пред тобою
Сердцем спокойным, как будто пред небом самим, говорю я:
Верность к тебе и любовь я во всей чистоте сохранила.
Ветер свободно играет, носясь по всему поднебесью;
Ведает все он; пускай он моим обвинителем будет,
Если я что не достойное верной жены сотворила;
Солнце в высоком блаженстве сияет, горит над водами,
Оком всевидящим ходит оно по всему поднебесью,
Пусть же, все видя, оно моим обвинителем будет,

Если я что не достойное верной жены сотворила;
Месяц, светило покоя, во мраке ночном замечает
Тайное все в небесах и тайное все в поднебесье,
Пусть же он, тайны все зная, моим обвинителем будет,
Если я что не достойное верной жены сотворила.
Пусть и небесные силы, хранящие небо и землю,
Правду мою подтвердят иль смерть мне пошлют за неправду».
Так взывала и небо и землю в свидетели чистой
Жизни своей Дамаянти; и вот ей откликнулся с неба
Ветер и так свой ответ из пространства лазурного свежим
Словом провеял: «Как небо мое, чиста Дамаянти,
Долгу верна, в любви неизменна, слова ее правда;
Верь ей и руку подай, как жене беспорочной; и будут
Снова меж вами союз, и покой, и любовь, и согласие».
Ветер умолкнул, и райской прохладой отсюда повеял
Воздух весны, и упали цветы дождем благовонным
С неба при звуке воздушных тимпанов. Таким несказанно
Чудным свидетельством Наль, исцеленный от всех подозрений,
Вспомнил о том, что ему сказал царь-змея на прощанье,
В данный им зеркальный щит поглядел, и в минуту явился
Прежним Налем, и руки простер к своей Дамаянти.
С криком пронзительным кинулась в них Дамаянти, и этот
Миг единый стократ заплатил им за долгие муки.
Голову Наль прижавши к своей целомудренной груди,
В сладком забвенье всего, в упоенье любви Дамаянти
Долго безгласна была; она то сквозь слез улыбалась;
То трепетала, пронзенная радостью; то от избытка
Счастья глубоко вздыхала. И боги любви опустили
Тайную брака завесу на них, сочетавшихся снова
Дорого купленным браком. Так наконец отдохнули
Вместе они, до блаженства достигнув дорогой печали.
Память минувшей разлуки, радость свиданья, живая
Повесть о том, что розно друг с другом они претерпели,
Мыслей и чувств поверенье, раздел и слиянье,
Все в одном заключилось чувстве: мы вместе; и память
Прошлых бед настоящею радостью, светом, от тени
Более ярким, печальныя были веселым рассказом
Сделалась. Так, по долгой в изгнанье тоске, возвратился
Наль к Дамаянти, как солнце из зимнего, хладного знака
В знак весны возвращается; так Дамаянти, прикинув
К сердцу Наль, опять расцвела, как сияющий вешним
Цветом сад живей расцветает, дождем орошенный.
Тут пропели два соловья им песню такую:
«Снова Дамаянти с Налем неразлучна;
Сердце вновь покойно, горе позабыто,
Смолкнули желанья, так ликует в небе
Ночь, когда ей светит друг, желанный месяц».

II

Рано, лишь только что день занялся на востоке, царица –
Мать разбудила царя неожиданно-радостной вестью.
«Наль возвратился, – Бима сказала она. – Дамаянти
С мужем опять, и снова с ними согласие». Бима
Поднял брови, незапною вестью такой изумленный.
Тут царица открыла ему, какой Дамаянти
Хитростью Наль-царя заманила в Видарбу, какую
Выдумкой царь Ритуперн был обманут. И ей, улыбаясь,
Бима ответствовал кротко: «Я вашу женскую хитрость
Вам прощаю за то, что она удалась». Тут явился
Наль с Дамаянти и с ними их дети. Приблизился к тестю
Наль, Дамаянти приблизилась к матери. Зятя, как сына,
Ласково принял царь благодушный Бима и нежным
Взглядом поздравил дочь с возвратившимся счастьем.
Скоро потом пришли и братья и подали руку
Налю и братски с сестрой обнялись; потом отовсюду
Стали сходиться сродники, ближние; вот напоследок
Вся Видарба наполнилась шумом торжественным; дома
В пышные ткани оделись; на кровлях явились знамена;
Площади, улицы все закипели народом, и в храмах

Жертвы зажглися. И вот наконец до царя Ритуперна
Слух дошел, что Вагука, конюх его, обратился
В Наля, что мужа нашла Дамаянти, что нового делать
Выбора ей не нужно. И царь Ритуперн дружелюбно,
К Налю пришедши, сказал: «Поздравляю тебя, благородный
Царь нишадский, с благой переменой судьбы, с возвращеньем
Прежнего вида и боле всего с обретением милой,
Верной жены. И если я что неугодное сделал,
Наль знаменитый, тебе тогда, как не в образе царском
Жил ты слугою у меня, то в том виноват без вины я;
Тайны твоей я не знал и прошу у тебя извиненья». –
«Царь Ритуперн, – отвечивал Наль, – оскорбленья и тени
я не видал от тебя; но когда б и обижен тобою
Был я, то Наль-царю обид, нанесенных Вагуке –
Конюху, братъ на себя неприлично. Тебя же давно я,
Царь Ритуперн, и чту и люблю как царского брата.
Мне благосклонным ты был господином, когда под твоею
Кровлею жил я слугою Вагукой, теперь благосклонным
Другом будь мне, царю нишадскому Налю. Ты видишь
Сам, что Вагуке конюшим твоим уж не быть; без сомненья,
Также захочет в прежнюю службу вступить и Варшнея.
Но в убытке ты, царь Ритуперн, не останешься; дар мой
Править конями тебе отдаю я рукою и словом,
Так же как сам от тебя могущество счета с искусством
В кости играть получил, и ныне в Айоду ты столь же
Быстро приедешь один, сколь быстро приехал оттуда
Вместе с Вагукой в Видарбу. А я посмотрю, что удастся
Выиграть мне с искусством, тобою мне данным». Друг другу
Подали руку цари на любовь и союз; и в Айоду
Царь Ритуперн возвратился. Наль, горя нетерпеньем
Выиграть трон свой, также недолго остался в Видарбе.

III

Месяц проживши у тестя, с избранной дружиною храбрых
Наль пошел наконец на свое Нишадское царство;
Сам он сидел в колеснице блестящей; могучие кони
Бешено прыгали, твердой руке его покоряясь;
Следом за ним шестнадцать слонов боевых с крепостными
Башнями, полными ратников, шли; за слонами скакали
Конные, легкий отряд, пятьдесят копьеносцев; за ними
Пеших дружина, пятьсот отборных стрелков. Не сражаться
Вел их Наль, а украсить свое вступленье в Нишаду.
Так снарядившись, царь на прощанье сказал Дамаянти:
«Ты оставайся под кровлей отцовской, покуда не ввел я
Нового счастья в наш дом и его от врага не очистил,
Счастье прежнее в нем истребившего; с миром тогда ты
В нашу столицу с детьми возвратишься, как на небо светлый
День возвращается, темную ночь прогоняя; живи же
В радости здесь, ожидая блаженной минуты возврата
В дом семейный, на новое счастье, на новую славу».
Взором одним Дамаянти царю отвечала, но в этом
Взоре, полном небесной души, была уж победа.
Быстрою бурей Наль полетел, и скоро достиг он
В грозном величии царства, из коего некогда вышел
Бедным изгнанником. Брату Пушкаре, владевшему ныне
Бывшим престолом его, он сказал: «Я тебя вызываю
К новой игре; я поставлю на кости жену; ты поставишь
Все Нишадское царство – довольно ль с тебя? Но сначала
Сделать мне должно с тобой уговор: когда проиграешь
Ты – то все, чем владеешь, будет моим, и над самой
Жизнью твоею буду я властен; когда ж проиграю
Я – то все, чем владею, возьмешь ты, ежели можешь:
Знай наперед, что тогда мы с тобою мечом разочтемся.
Полно же медлить; тебе по законам игры мне на вызов
К новой игре отказать невозможно; и властен теперь ты
Выбрать из двух любую игру: в железо иль в кости.
Хочешь отведать меча – выходи; я рад поединку;
Царство, наследье отцов, должны сохранять мы, покуда
Наше оно, когда же его мы утратили – силой

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh

Должны уметь нам его возвратить; так учили нас предки.
Час наступил: принимайся, Пушкара, за меч иль за кости;
Или тебе живому не быть, иль я Дамаянти
С жизнью тебе уступлю». На этот вызов Пушкара
Так отвечал, усмехнувшись: «Готов я еще раз с тобою
В кости счастья отведать; то будет игра роковая;
Горя с тобой в нищете Дамаянти довольно терпела;
Власть и богатство со мною разделит она и забудет
Прошлое скоро; а я и на троне нишадском всечасно
Думал об ней и ждал, что придешь ты; и вот напоследок
Ты пришел, и будет моей Дамаянти, и боле
Мне ничего на земле желать не останется». Этим
Дерзким ответом разгневанный, меч свой хулителю в сердце
Чуть не вонзил в запальчивости Наль, но, собой овладевши,
Он сказал, трепеща, и кипя, и сверкая: «Безумец,
Полно хвастать, играй: проиграешь – заплатишь!» И кости
Брошены – все решено: обратно Нишадское царство
С первым ударом выиграл Наль у Пушкары. Со смехом
Он, победитель, взглянул на него, побежденного. «Что ты
Скажешь теперь? Мое законное царство, которым
Думал владеть ты, по-прежнему стало моим и отныне
Будет в крепких руках; теперь меж царем и меж царством
Третий никто не дерзнет протесниться. Мою ж Дамаянти
Ты и во сне недостойн увидеть; ты раб мой отныне;
Так решила судьба. Но слушай: не властью твоею
Некогда был я низвержен с престола; Кали-искуситель,
Враг мой, тебе помогал; ты об этом не знал, безрассудный;
Знай же теперь, что отмщать на тебе преступленья чужого
Я не хочу. Живи, и будь милосердие неба
Вечно с тобой, и вражды да не будет меж нами, Пушкара,
Брат мой; живи, благоденствуя многие, многие годы».
Весь уничтоженный благостью брата, пред ним на колена
Бросился, плача, Пушкара: «О Наль Пуньялока, да будет
Милость богов и всякое благо земное с тобою!
В скромном уделе моем я, твой подданный, буду спокойней
Жить, чем на троне твоём, где покой мой основан
Был на ударе неверных костей; и своими отныне
Буду я столь же любим, сколь был ненавиdim твоими.
Прежде, однако, очищу себя от вины омовеньем
В Гангесе грешного тела; в его благодатные волны
Брошу, прокляв их, враждебные кости, которыми злые
Властвуют духи. А ты, сюда возвратив Дамаянти
В блеске прекрасного солнца, скажи ей, чтоб гнева
В сердце ко мне не питала и, прежнее горе забывши,
Вдвое блаженна была очищенным в опыте счастьем».
Рустем и Зораб*

Персидская повесть, заимствованная из царственной книги Ирана (Шах-Намэ)
Книга первая

Рустем на охоте

Г

Из книги царственной Ирана
Я повесть выпишу для вас
О подвигах Рустема и Зораба.
Заря едва на небе занялася,
Когда Рустем, Ирана богатырь,
Проснулся. Встав с постели, он сказал:
«Мы на царя Афразиаба
Опять идем войною;
Мои сабульские дружины
Готовы; завтра поведу
Их в Истахар, где силы все Ирана
Шах Кейкавус для грозного набега
Соединил. Но чем же я сегодня
Себя займу? Моя рука, мой меч,
Могучий конь мой Гром
Без дела; мне ж безделье нестерпимо».
И на охоту собрался
Рустем; себя стянул широким кушаком,

Колчан с стрелами калеными
Закинул за спину, взял лук огромный,
Кинжал засунул за кушак
И Грома, сильного коня,
Из стойла вывел. Конь, наскучив
Покоем, бешено от радости заржал;
Рустем сел на коня и, не простившись дома
Ни с кем, ни с матерью, ни с братом,
Поехал в путь, оборотив
Глаза, как лев, почуявший добычу,
В ту сторону, где за горами
Лежал Туран.

И, за горы перескакав, увидел
Он множество гуляющих онагрей;
От радости его зарделись щеки;
И начал он

Стрелами, дротиком, арканом
С зверями дикими войну;
И, повалив их боле десяти,
Сложил из хвороста костер,
Зажег его, потом, когда
Он в жаркий уголь превратился,
Переломил большую ель
И насадил

Огромнейшего из онагрей
На этот вертел,
Который был в его руке
Как легкая лоза, и над огнем
Стал поворачивать его тихонько,
Чтоб мясо жирное со всех сторон
Равно обжарилось. Когда же был
Онагрь изжарен, на траву
У светлого потока сел Рустем
И начал голод утолять,
Свою роскошную еду
Водой потока запивая.
Насытившись, он лег и скоро,
При говоре струистых вод,
Под ветвями густого
Широкотенного чинара
Глубоким сном заснул;
А конь его, могучий Гром,
Тем временем, гуляя
По бархатному полю,
Травой медвяною питался.

II

Но вот, покуда спал
Глубоким сном Рустем,
А Гром по бархатному полю
Гулял, травой медвяною питаюсь, —
Увидя, что такой могучий конь
На пажити заповедной Турана
Без седока по воле бродит,
Толпой сбежались турки.
Замысля овладеть конем,
С арканами к нему они
Подкрались осторожно;
Но конь, аркан почуя,
Как лев озлился
И не заржал, а заревел;
И первому, кто руку на него
Осмелился поднять с арканом,
Зубами голову от шеи оторвал,
А двух других одним ударом
Копыта мертвых повалил.
Но наконец его
Отвсюду обступили;
И метко был аркан ему на шею

Издавелека накинута, и его
Опутали, и был он пересилена.
Но хищники, страшась, что в их руках
Он не останется, немедленно вогнали
Его в табун туранских кобылиц,
И разом был припущен Гром
К двенадцати отборным кобылицам;
Но лишь одна из них
Плод от него желанный принесла.

III

Рустем, проснувшись, тотчас о своем
Коня подумал; смотрит, но коня
Нигде не видит. Никогда
Он от него не убегал
В такую даль. Он свистнул, но на свист
Могучий не примчался конь
И не заржал издавелека.
Рустем как бешеный вскочил;
Весь луг широкий, вдоль и поперека,
Весь темный лес, кругом и напролет,
Он обежал – напрасно: нет коня.
И в горе возопил Рустем:
«Мой верный конь, мой славный Гром,
Что без тебя начну я делать?
Скакать, летать привыкши на тебе,
Пойду ль пешком, тащась под грузом лат,
Как черепаха? Что же скажут турки,
Не на седле, а под седлом меня увидя?
Не может быть, чтоб ты, мой Гром, меня
Покинул волею; тебя украли.
Конечно, хищники здесь целым войском
Напали на тебя; никто один
С тобой не совладел бы. Но не время охать,
Рустем; иди пешком, когда умел проспять
Коня». И, конскую с досадой сбрую
С доспехами своими на плеча
Взваливши, он пошел и скоро
Напал на свежий след, и этот след
Его привел перед закатом солнца
Ко граду Семенгаму,
Который вдруг явился вдалеке
Среди равнины пышной,
Сияющий в лучах зари вечерней.

IV

Рустем подумал: «В этом Семенгаме
Владычествует царь, попеременно друг
Иль враг Ирана иль Турана;
Конечно, он бы и вдали
Рустема на коня узнал;
Но где мой конь? Я пеший
Теперь иду к его столице. Так и быть;
Они коня мне волей иль неволей
Отыщут и меня почтут
Роскошным угощеньем».
Так рассуждал с собой он, подходя
К стенам высоким Семенгама;
А между тем из глаз не выпускал
Следов замеченных; но скоро
Они, к реке приблизившись, пропали
В густом прибрежном камыше.
Тем временем молва достигла до царя,
Что в Семенгам великий богатырь
Рустем идет, что он в лесу царевом
Охотничал и что, утратив
На их земле коня, идет он пеший.
Услыша то, царь повелел,
Чтоб гость великий с почестью великой
Был принят. Все его вельможи,

И все вожди, и всякий, у кого
На голове был шлем, а сбоку меч,
Толпой из Семенгама вышли
Встречать Рустема.
И витязь, витязей светило,
Был ими окружен,
Как солнце пламенным венцом
Вечерних, им блестящих облаков;
С такою свитой в город он вступил
И к царским подошел палатам.

V

И царь сошел с крыльца принять Рустема.
Он поклонился и сказал:
«Откуда ты, могучий богатырь,
Без провожатых, пеший
Пришел к нам? Забавлялся ль ловлей
В моих заповедных лесах?
Ночлега ли покойного теперь
Здесь ищешь? Рады мы такому гостю;
Весь Семенгам теперь к твоим услугам;
Весь мой народ и все мои богатства
Теперь твои; что повелишь,
То мы и сделаем». Рустему
Смиренная понравилась речь;
«Они, – подумал он, –
Передо мной робеют».
И он сказал: «Украден конь мой Гром
Тогда, как на твоём лугу
Я спал, охотой утомленный;
Но след его привел меня сюда;
Он здесь; когда его
Отыщете мне к ночи вы,
Я отплачу сторицей за услугу;
Когда ж мой конь пропал,
Беда и вам и Семенгаму!
Мой меч прорубит мне
К нему широкую дорогу».
Царь, испугавшись, отвечал:
«Не может быть, чтоб на коня
Рустемова кто здесь аркан
Разбойничий дерзнул накинуть.
Будь терпелив, могучий витязь,
Твой Гром найдется; конь Рустемов
Укрыться от молвы не может.
А ты пока будь нашим мирным гостем;
Войди в мой дом и ночь за чашей
Благоуханного вина
В веселье с нами проведи.
Твой конь здесь будет прежде,
Чем свет зари проникнет в пировую
Палату; а теперь пускай она
Одним вином осветится блестящим».

VI

Лев мужества, Рустем доволен был
Царя приветственной речью,
И гнев заснул в его груди.
Он во дворец вступил с лицом веселым,
И, посадив его на царском месте,
Хозяин-царь не сел с ним рядом;
Он стоя потчевал его.
Соединясь в блестящий полукруг,
Сановники, вожди, придворные вельможи
В почтительном молчанье за царем
Стояли, очи устремив
На светлое лицо Рустема;
Роскошно-лакомой едою
В серебряных богатых блюдах
Был стол уставлен;

В сосудах золотых
Вино сверкало золотое,
И были хинские кувшины
Питьем благоуханным полны.
При звуках струн, при сладком пенье
Младые девы
С очами нежными газел
Напитки гостю подносили,
И он в вине душистом
Души веселье пил,
И было светлого лица его сиянье
Сияньем радости для всех, пред ним стоявших.
За кубком кубок он проворно осушал;
Когда ж едою и питьем
Он вдоволь насладился,
Его в покой, благоухавший муском
И розовой водой опрысканный, ввели;
И на подушках пуховых,
Под тонкой шелковой тканью,
В глубокий сон там погрузился
Рустем, врагов гроза и трепет.

VII

Но в тихий полуночный час,
При легком шорохе шагов,
Послышался речей приятный шорох;
По имени Рустема кто-то назвал;
Без шума отворилась дверь,
И факелов душистых
Сияньем спальня озарилась;
Рустем открыл глаза:
Темина, дочь царя, владыки Семенгама,
Блистая золотом и жемчугами,
Стояла перед ним,
Прекрасная как дева рая;
За ней, держа в руках
Светильники, стояли
Ее рабыни молодые;
Краса живая легкой Пери
С краснеющей стыдливостию девы
Сливались на ее лице,
Где лилий белизну
Животворил прекрасный пурпур розы.
Но было на ее
Застенчиво потупленные очи
Опущено ресниц густое покрывало,
И за рубиновым замком
Ее цветущих, свежих уст
Скрывалась девственная тайна.
Рустем вскочил, нежданным изумленный
Виденьем. «Кто ты? – он спросил. –
Зачем ко мне пришла ночной порою?» –
«Я дочь царя, меня зовут Темина, –
Пришелица ночная отвечала. –
Легка я на бегу; ни лань, ни антилопа,
Ни быстрый ветер горный
Меня догнать не могут;
Но догнала меня тоска, мучитель сердца:
Она меня во тьме глубокой ночи
Перед тебя, мой витязь, привела.
Как чудное преданье старины,
Всегда, везде, от всех я слышу повесть
О храбрости твоей великой;
О том, как не страшишься ты
Ни льва, ни тигра, ни слона,
Ни крокодила, как всего
Ирана ты надежная твердыня,
Как весь Туран дрожит перед тобою,
Как на Туранскую ты землю

Ночной порою выезжаешь
На боевом своем коне
И, обскакав ее и вдоль и поперек,
Без страха спишь один и как никто
Не смеет сон глубокий твой нарушить.
Такую повесть о тебе
Всечасно слыша, я давно
Томилася тоской тебя увидеть;
Теперь увидела и быть твоей женой
Готова, если сам, мой храбрый витязь,
Того потребуешь. Доселе
Ни тайный месяца, ни яркий солнца луч
До моего не прикасались тела;
Здесь в целомудрии, в девичьей простоте
Я расцвела; и только в этот миг
Сказала первую любви глубокой тайну.
Возьми, возьми меня, Рустем;
В приданое твердынный этот замок
Тебе я принесу; а утренним подарком
Моим твой конь, твой Гром могучий будет».
Так светлоликая царица говорила,
И витязь слушал со вниманьем
И не сводил с нее очей;
Он разумом ее высоким,
И голосом, как флейта сладким,
И красотой полувоздушной
Во глубине души пленялся.
Когда ж царица замолчала,
Он повелел, чтобы немедля
Один из многомудрых
Мобедов царских
Пошел к царю и от Рустема
Потребовал согласия на брак
Его с царицею Теминой.
Был изумлен владыка Семенгама
Таким нежданым предложеньем
И голову от радости высокою
Высоким кедром поднял;
Он не замедлил согласиться;
И тут же браком сочетался
Рустем с царицею Теминой;
Но брак их совершен был тайно:
Страшился царь, чтобы, воюя
С Ираном, в злобе на Рустема,
Афразиаб не сокрушил
Его столицы Семенгама.

VIII

Ночь краткая блаженства миновалась;
Настало утро. Из объятий
Младой супруги вырвался Рустем.
Он снял с руки повязку золотую
И, дав ее Темине,
Сказал: «Теперь нам должно разлучиться;
Меня в Сабуле ждут
Готовые в поход мои дружины;
А ты храни мой дар заветный;
И если в этот год тебе родится дочь,
Укрась ее моей повязкой;
И будет ведать целый мир,
Что ей отец Рустем.
Но если небо даст нам сына,
Пусть носит он, как я носил,
Мою повязку на руке;
Когда ж он возмужает,
Пришли его ко мне в Сабулистан;
Но ведай наперед, что он
Не иначе явиться может
Мне на глаза, как уж прославясь

Великим делом богатырства;
Его неславного ни знать,
Ни видеть не хочу я –
Пускай в толпе исчезнет,
Покрытый тьмой забвенья
И непримеченный отцом.
Не по его породе знаменитой,
Не по моей повязке золотой
Он будет мной за сына признан –
Нас породнит одна лишь только слава;
С ее свидетельством он должен
Мне от тебя принести мой дар заветный;
Лишь ею он получит право
Сказать в глаза мне: я твой сын.
Но близко день; прости». И он, к горячей груди
Прижав супругу молодую,
Ее с любовью лобызал
В ланиты, очи и уста
И долго от нее не в силах
Был оторваться. Обливаясь
Слезами, от него она
Пошла, и для нее, в час брака овдовевшей,
Блаженство краткое печалью долгой стало.
Тут царь пришел спросить у зятя:
Приятно ль он провел ту ночь?
И объявил, что Гром отыскан.
Обрадован той вестью был Рустем;
Он подошел к коню, его погладил
И оседлал; потом из Семенгама
Поехал, светлый, бодрый духом,
Сперва в Систан, потом в Сабулистан;
И много о своем он думал приключенье,
Но дома никому о нем не говорил.
Книга вторая
Зораб

I
Пора пришла – и у Темины
Родился сын, прекрасный
Как месяц. Радостно и горестно его
Прижала к сердцу мать и со слезами
Им любовалась: он был вылитый Рустем.
Она его Зорабом назвала,
Его сама кормила грудью,
О нем и день и ночь пеклася.
И дивное созданье был Зораб:
Он родился с улыбкой на устах;
Ни от чего и никогда не плакал; рос так чудно,
Что в первый месяц уж казался годовым;
Трех лет скакал отважно на коне;
Шести лет был могуч, как лев;
Когда ж ему двенадцать лет свершилось,
Никто не мог с ним сладить; ростом был
Он великан, и все блистало
В нем мужеством и красотой:
Глубоко-темные глаза,
Румянец пламенный на свежих
Щеках, широкие плеча, крутая грудь,
Железно-жилистые руки
И ноги крепкие, как кедры.
Бороться ль кто с ним покушался –
Его он вмиг сгибал в дугу;
На львиную ль охоту выходил –
Со львом он ладил, как с лисицей;
Шатал ли дуб иль кедр –
В его руках они, как хлыстья, гнулись;
Гнался ли за конем – его,
Догнав, хватал за гриву,
И падал на колена конь:

Таков был в отроческих летах
Зораб, достойный сын Рустема.

II

Однажды к матери приходит отрок
И так ей дерзко говорит:
«На сверстников своих гляжу я свысока;
Никто из них передо мною
Поднять не смеет головы;
Но никому из них досель не мог я
Ответствовать, когда он знать хотел,
Кто мой отец. Скажи же: кто отец мой?
Когда не скажешь, на себя
Я руку наложу,
Да и тебе добра не будет».
Темина с гордостью и страхом отвечала:
«Мой сын, твое рожденье
Доныне было тайной;
Теперь узнай: ты сын Рустема;
Ты дедов знаменитых внук;
И нет земных величий,
Которых бы отец твой не затмил
Сияньем дел своих великих.
Возьми теперь повязку эту;
Носи ее и береги,
Как свет своих очей: ее мне дал
Отец твой на прощанье.
Когда к нему дойдет молва,
Что ты достоин быть им признан,
Он позовет тебя в Иран
И по своей повязке там узнает.
Но ведай наперед, Зораб,
Что на глаза ему явиться
Не иначе ты можешь, как прославясь
Великим делом богатырства;
Тебя неславного ни знать,
Ни видеть твой отец не хочет;
Не по своей породе знаменитой,
Не по его повязке золотой
Ты будешь им за сына признан;
Вас породнит одна лишь только слава;
С ее свидетельством ты должен от меня
Принести отцу его залог заветный
Лишь ею ты получишь право
Сказать в лицо Рустему: «Я твой сын».
Гордися ж, друг, своей породой славной,
Но до поры храни о ней молчанье».

III

На то Зораб ей дал такой ответ:
«Кто скроет в небесах
Сияющее солнце?
Кто скроет на земле
Своей породы славу?
Зачем о ней так поздно сведал я?
До сих пор ежечасно
И встречный мне и поперечный,
И старики и молодые
Твердили о Рустеме.
Кто исполина одолел?
Кто замок разорил волшебный?
Кто войско разогнал один?
На каждый мне такой вопрос
Все тот же был ответ: Рустем.
Во мне от изумленья
И ревности кипело сердце;
А он был мой отец, и я о том не ведал.
Но знай теперь: из Семенгама
И из туранских областей
Храбрейших вызвать я намерен:

И мы пойдем войною на Иран;
И битва будет там такая,
Что пылью месяц в высоте
Задернется, как темной тучей;
С иранского престола
Сгоню я шаха Кейкавуса
И подарю Иран Рустему;
Потом пойду войною на Туран,
И будешь ты царицею Турана».
Так он сказал и гордо удалился.

И никому он своего
Рожденья не открыл:
Неведомая сила
Ему уста сжимала всякий раз,
Когда была готова
Слететь с них тайна роковая;
Как будто сам отец ему шептал:
«Лишь славой ты получишь право
Сказать в лицо мне: я твой сын».

IV
И скоро, к матери опять пришедши
Сказал Зораб: «Я сам готов,
Но у меня коня нет боевого;
Мне нужен конь, со мною равный силой,
Такой, чтоб камни мог одним ударом
Копыта в крошки разбивать,
Чтоб был могуч, как слон, легок, как птица,
Чтобы в воде проворной рыбой плавал
И серной прыгал по горам,
Чтоб и коня и седока
Мог опрокидывать напором крепкой груди
И чтоб, сидя на нем,
Я не лицом к лицу,
А свысока смотрел в глаза врагу».
При этом слове радостная гордость
Зажглася в материнском сердце;
Она немедленно велела
Пригнать из табунов Турана
Коней отборнейших, чтоб мог Зораб
Найти желанного меж ними.
И было пригнано их много;
И всех их на поле широком
Перед стенами Семенгама
Свели в один бесчисленный табун;
Все были дикие, как вихри.
И начал их Зораб перебирать:
Он каждого, который меж другими
Казался легче и сильнее,
К себе притягивал арканом
И на спину ему клал руку – и одним
Руки железныя давленьем
Был каждый вмиг к земле притиснут;
И в целом табуне Зораб
Ни одного не выбрал по желанью.

V
Тут подошел к Зорабу старый витязь
И так сказал: «Я дам тебе коня,
Какого не бывало
До сей поры нигде.
Он родился от Грома,
Коня Рустемова; как буря силен;
Как молния летуч;
Нет на него ни зноя, ни мороза;
Широкий дол, высокий холм
Он тенью облака перебегает;
Бескрылой птицею по воздуху летит;
В стыде павлин сжимает пышный хвост,
Когда густую он разбрасывает гриву;

Он приткий лев – когда на круть бежит;
Он сильный кит – когда в воде плывет;
Ездок, пустив стрелу, своей стрелы скорее
На нем домчится до врага;
Его ж бегущего быстрее
Стрелю не догонит враг;
Он чудо-конь; но есть в нем и великий
Порок: он в руки не дается.
Кому ж его удастся укротить,
Тот выезжай на нем хоть на Рустема».
Такой находкою неожиданной
Обрадован Зораб был несказанно.
«Скорей, скорей, – он закричал, – ведите
Ко мне коня!» И конь был приведен.
Ему Зораб давнул рукою спину
И грянул в голову его
Своим тяжелым кулаком –
Могучий конь не пошатнулся,
Лишь, шею вытянув, сверкнул
Глазами, прянул на дыбы
И так заржал,
Что с ним окрестность вся заржала.
Зораб стал гладить и трепать
Его, как шелк, блистающую спину –
И конь недвижимо стоял,
Лишь оком огненным на витязя косился.
И на него вскочил Зораб,
И конь, легчайшему узды его движенью
Покорный, вихрем полетел;
Зораб же на его спине сидел так крепко,
Как на коне сидит железном
С ним вместе вылитый железный истукан.
Конь наконец под сильным седоком
Устал; его дымились ноздри,
С него катился пенный пот.
Тогда Зораб сказал ему, разгладив
Его разбросанную гриву:
«Мой добрый конь, теперь нам мир открыт:
Теперь не будет стыдно
И на глаза Рустему нам явиться».

VI

И стал Зораб к войне с Ираном снаряжаться.
Когда ж о том проведали в Туране,
Бесчисленно к нему сходиться стали
Охотники; для них его желанье было
Как солнечный восход для темной ночи:
Давно Туран не враждовал с Ираном,
Давно для всех мученьем был покой,
И все кипели жаркой жаждой
Войны, победы и добычи;
Из пепла вдруг великий вспыхнул пламень.
Зораб приходит к деду своему
И говорит: «Есть люди у меня –
Но нет у них оружий;
Коня я доброго нашел –
Мои же люди все бесконны;
Идти в поход готовы мы –
Но вьючных нет у нас верблюдов,
Чтоб тяжкий груз нести за нами;
Хотим мы сытно есть и пить
В досужное от боя время –
Но нет у нас запаса пищи;
Благоволи твои нам отпереть
Конюшни, хлебные анбары
И оружейную палату, где напрасно
Съедает ржа мечи и брони».
И деду старому по сердцу
Была такая речь от внука;

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh

Охолодевшая в нем кровь разгорячилась,
И он сказал с усмешкой про себя:
«Необычайный выбрал способ
Отца отыскивать мой внук!
Его он взять намерен с боя».
И всем снабдить Зораба царь спешит.
Анбары хлебные отворены;
Для ратников, верблюдов и коней
Запас пшена, ячменя и овса
Огромный собран; дед не поскупился также
Своей серебряной и золотой казною
Со внуком поделиться;
И оружейную палату отпер он
И дал на волю брать оттуда
Мечи, кольчуги, шлемы,
Стрелами полные колчаны,
Тугие луки, топоры,
В серебряной оправе ятаганы,
Кривые сабли с золотой насечкой,
И палицы с железными шипами,
И копья длинные с булатным острием.
Сподвижникам раздав доспехи и казну,
Зораб сказал: «Вот все, что я теперь имею;
Чего ж недостаёт,
То мы дополним скоро
Добычей боевою;
Когда возьмем Иран,
Я всех вас с ног до головы
Иранским золотом и серебром осыплю».

VII

Турана царь Афразиаб
Услышал, что с гнезда слетел орленок смелый,
Что отроку-богатырю наскучил
Покой беспечный детских лет,
Что первый пух едва пробился
На подбородке у него –
А уж ему в просторном мире тесно;
Что молоко обсохнуть не успело
На молодых его губах –
А уж на них звучит, как в небе гром,
Тревожный крик, зовущий на войну;
Что он замыслил Кейкавусов
Трон опрокинуть и Иран
Своим толпам предать на разграбленье;
Что стоило ему ногой лишь в землю топнуть,
И из земли вдруг выскочило войско;
Что, наконец, молва есть, будто он
Рустемов сын и будто от коня
Рустемова и конь его родился.
Афразиаб, Турана царь, бровей
От этих слухов не нахмурил;
Он долго сам с собою размышлял
И, размышляя, улыбался;
И напоследок повелел,
Чтоб Баруман, его верховный вождь,
К нему явился. Баруману
Он так сказал: «Возьми двенадцать тысяч
Отборных ратников моих
И отведи их в Семенгам к Зорабу.
Но слушай (что ж услышишь,
То пусть в твоей душе, как мертвый труп
Во гробе, тайное лежит),
Отдав ему мое письмо,
Его уверь, что с ним Афразиаб
На жизнь и смерть в союз вступает;
Раздуй в нем пламень боя,
Чтоб бешено, как лев голодный,
Он устремился на Иран;

Но берегись – отнюдь не допускай
Его увидеться с Рустемом;
Чтобы никто и имени Рустема
При нем не смел произнести.
Не знаю я, отец ли
Ему Рустем иль нет, но оба
Они мне злейшие враги;
И их сравить нам должно, как зверей.
Легко случиться может,
Что грозный, устарелый лев
Под сильной лапой молодого,
Растерзанный, издохнет –
Тогда Иран смирится перед нами
И Кейкавус не усидит на троне;
Тогда найдем мы средство и Зорабу
Зажать глаза, чтоб перестал
Он с жадностью звериной
Смотреть на царские престолы.
Известно мне: ему Ирана мало;
И на Туран свои острит он когти.
И если подлинно он сын Рустема,
То пусть волчонок молодой
Заеден будет старым волком;
Тогда и старый пропадет,
Как пропадает, иссыхая
И тяжким илом застилаясь,
Вода в степном оставленном колодце».

Так говорил Афразиаб;
Потом он Баруману
Вручил письмо к Зорабу,
Предательской исполненное лестью.
Но то письмо не с легким сердцем,
А с тяжким горем принял Баруман:
Не славы, а бесславья ждал
Он от войны, в которой принужден
Был сына храброго на храброго отца
Обманом хитрым наводить,
Чтоб разом погубить обоих.

VIII

Когда узнал Зораб, что Баруман
К нему с письмом, с дарами, с войском,
Афразиабом посланный, идет,
Немедленно вооружась,
К нему он выехал навстречу.
Как удивился витязь молодой,
Когда такое множество народа,
Оружием блестящего, увидел!
Как удивился Баруман,
Когда предстал глазам его такой
Красавец с ростом великана,
С весенней свежестью младенца,
С горячим юноши кипеньем,
С железной твердостью мужа!
Он на него внимательно смотрел:
Он изумлен был несказанно,
Он чувствовал невольный трепет,
В нем громко вопияла жалость
При виде красоты, столь бодрой и цветущей.
И про себя подумал старый витязь:
«О ты, прекрасная звезда,
Тебе сиять бы в чистом небе,
Не заходя, не померкая;
Достоин ты, мой светлый воин,
Чтоб был орлиный твой полет
Советом мудрости направлен,
А не предательством змеиным».

И, подошед к Зорабу, он вручил
Ему письмо Афразиаба.

Прочтя письмо, Зораб поспешно собрал
Свои туранские дружины
И, Баруману повелев
Для отдыха остаться
Дни на два в Семенгаме,
Простился с матерью и с дедом
И поскакал, воскликнув громозвучно:
«Туран, за мной!» При этом клике
Все разом всколебалось,
Знамена развернулись,
Задрезжали трубы,
Тимпаны загремели,
Заржали грозно кони,
Пошли вперед дружины;
И быстро полилась война
С убийством, грабежом, пожаром
На мирные поля Ирана.
Книга третья
Хеджир и Гурдаферид

I

На самом рубеже Ирана
Стояла крепость Белый Замок;
Она Иран хранила от набегов
Соседнего врага,
И ею два повелевали
Вождя: один из тех вождей
Был старый Гездехём,
Правитель опытно-разумный,
Другой Хеджир, наездник молодой,
Рачитель дела боевого.
И с Гездехемом находилась в замке
Его младая дочь,
По имени Гурдаферид,
Что значит: витязь без порока;
И на такое имя
Она имела право:
Прекрасная, как девственная пери,
Она была сильна, как богатырь;
Хеджир напрасно
Ей рыцарством понравиться хотел –
Она ему ристаньем на коне,
И меткою стрельбой из лука,
И ловкостью владеть мечом
Была равна; а мужественным делом
Против врага пред нею отличиться
Не мог он – не было врага.
Но вдруг с высокой башни замка
Увидели на крае небосклона
Идущее в густой пыли, как в дыме
Великого пожара,
Туранское бесчисленное войско.
Затрепетал от радости Хеджир.
«Двойная будет мне победа, –
Подумал он: – одна – там, в поле, над врагом,
Другая – здесь, над девою надменной».
И он, надев свои доспехи,
Несется быстро на коне,
Любовию и мужеством стремимый,
На подходящие туранские дружины;
И вслед за ним с ограды замка
Завистливым стремится оком
Звезда красы Гурдаферид.

II

И, быстро подскакав к туранским
Дружинам, грозно закричал
Хеджир им: «кто вы? Кто из вас
Храбрый? Пусть отведает со мною
Меча, копыя иль булавы;

Он будет нынче же с высокой
Ограды замка моего
Своей отрубленную головою
На всех вас ужас наводить».
На этот вызов ни один из турков
Не отвечал: никто из них не смел
На рубеже Ирана первый
В сражение выступить. Увидя,
Что все его сподвижники робеют,
Зораб, разгневанный, схватил
Свой меч и поскакал
Один за всех на смертный поединок.
Как тигр из камышей прибрежных,
Так из густой толпы своих он прынул
И закричал Хеджиру: «Выходи;
Твои слова хвастливые не страшны;
Не на лисиц ты выехал, на львов;
Знать хочешь: кто мы и зачем
Пришли в Иран? Узнай же: я Зораб,
Сын царской дочери Темины
И многославного Рустема;
Пришел в Иран знакомиться с отцом;
По славе дел Рустем узнает сына.
Теперь скажи мне, кто ты сам?
Но ведать наперед ты должен,
Что в замок свой уж ты не возвратишься:
Тебя оплачет скоро мать,
Или жена, или невеста».

III

«Не хвастай, подождем конца, –
Хеджир ответственал Зорабу. –
Мое ты спрашиваешь имя? Я
Хеджир; повелеваю Белым Замок,
И мне товарищ мудрый Гездехем.
А ты смотри, там в высоте
Два черных ворона кружатся;
Они почуяли добычу,
И будет им добыча;
Тобой насытив жадный голод,
На север полетит один,
На полдень полетит другой,
На север к твоему отцу,
На полдень к матери твоей,
И им они за угощенье
Прокаркают свое спасибо;
Не догадается отец,
А мать начнет рыдать и плакать;
А обо мне моя невеста
Не будет ни рыдать, ни плакать;
На нас теперь с ограды замка
Она глядит; моя победа
Ей славой и утехой будет».
Так говоря, на Белый Замок
Хеджир Зорабу указал:
Звездою утренней прекрасной
Сияла там Гурдаферид;
Хеджир, обманутый любовью,
Подумал, что ему она
Издали приветно улыбалась,
И он на миг забыл о поединке.
Зораб, красавицу, какой никто подобной
Не видывал, увидя, обомлел,
И вся душа в нем закипела;
И он подумал: «Если в Белом Замке
Сокровище такое бережется,
То взять его во что бы то ни стало;
А ты, жених, прости с своей невестой,
Ее теперь ты с жизнью мне уступишь».

IV

Опомнясь, друг на друга очи
Соперники оборотили,
Схватились бешено за копья
И, расказакавшись, с быстротою
Двух страшных молний полетели
Один против другого. Острый
Конец копья Хеджир направил
На грудь Зораба, чтоб ее
Насквозь им проколоть;
Но острие переломилось,
Ударясь в твердую кольчугу;
Зораб не пошатнулся.
Тогда, свое копье
Тупым концом оборотив,
Его он, как рычаг,
Между конем и всадником просунул,
Им сильно двинул – и Хеджир,
Вдруг сорванный с седла, был взброшен
На воздух; грянулся на землю,
Как камень, и паденьем был
Так сильно оглушен,
Что на земле, как мертвый,
Лежал недвижимо, утратив
Из памяти и бой, и замок, и Зораба,
И самое Гурдаферид.
Зораб скочил с коня и обнажил
Свою кривую саблю,
Чтоб голову отсечь врагу;
Но тот, опомнясь, приподнялся
И, на руку опершись слабо,
К сопернику другую протянул
И так сказал:
«Будь жалостлив, не убивай;
Уж я убит довольно
Стыдом, которым ты меня
Сразил перед стенами замка.
Как будет над моим паденьем
Надменная торжествовать!
Вот смерть моя; тебе не нужно
Своею саблей отсекаль
Мне голову – ты жизнь мою пресек:
Гурдаферид уж боле не моя;
Отныне ты мой повелитель».

V

Умолкнув, ждал он жизни или смерти.
Но билось кроткое в груди Зораба сердце:
Молящего о милости врага
Он был не в силах умертвить;
И он подумал: «Этот пленник
Мне пленников других добыть поможет;
Он в замок мне отворит вход;
Укажет в поле мне Рустема».
И он, связав Хеджира,
Его с собой повел в туранский стан,
Куда в тот самый час вводил
Свои дружины Баруман,
Поспешно вышедший из Семенгама,
Чтоб, волю шаха исполняя,
Не выпускать из глаз Зораба.
И первой встречей Баруману
Был схваченный Хеджир; при виде
Огромности и крепости врага
Обрадован и изумлен
Был несказанно старый воин;
Но он глаза потупил в землю,
Почувствовав и стыд и угрызенья
При мысли, что назначен был

Прекрасной доблести такой
Предательством готовить гибель.
А между тем при громких кликах
Всего собравшегося войска,
Которое, увидя, как могуч
Был витязь побежденный,
С рукоплесканием встречало
Победоносца молодого,
Зораб задумчиво-безмолвный
На боевом своем коне,
Не слыша плесков, ехал шагом.
Он думал об отце Рустеме,
Он думал о чудесной деве,
Он думал сладостно о многом, многом,
Чего ему не назначало небо.

VI

Турецкий стан был полон ликованья,
А в Белом Замке вопли раздавались;
Одна Гурдаферид безмолвно
Стояла на стене высокой;
Она с прискорбием смотрела
На место, где иранский витязь
Был осрамлен копьем Турана.
«О стыд! – воскликнула она. –
Хеджир, ты мнил быть твердым мужем –
И первый встречный сбил тебя с седла;
Конечно, своего копья
Не отточил ты, своему
Коню подпруг не подтянул.
Могла довольно бы теперь
Я над тобою посмеяться;
Но вытерпеть я не могу,
Чтоб враг смеялся над тобою.
Не допущу хвалиться турку,
Что был им с одного удара
Наш первый витязь опрокинут.
За женщин он сочтет мужей Ирана –
Пускай же в женщине теперь узнает мужа.
Я видела отсюда,
Как улетел он с места боевого,
Победой светел, красотою
Светлее утренней звезды;
На замок он пленительным лицом
Оборотился; на меня
Орлиными глазами посмотрел...
Хочу я знать, таков ли он вблизи,
Каким вдали мне показался».
И со стены Гурдаферид
Сошла поспешным шагом
И выбрала в отцовой оружейной
Доспехи: локоны густые
Покрыла крепким шлемом,
Индийское забрало на лицо
Надвинула, свой стройный стан
Перетянула кушаком,
И, с головы до ног
Вооруженная, вскочила
На легкого коня,
И, не простясь с отцом,
Из замка в поле поскакала.

VII

С копьем в руке наездница младая,
Перед туранский стан примчавшись,
Воскликнула: «Пришельцы, кто вы?
Кто вождь ваш? Я хочу отмстить
За обесславленного друга;
Я в бой зову того, кто в плен увел Хеджира;
А если он робеет, пусть выходят

Другие за него. Туран, не думай,
что, одолев случайно одного,
Уж всех он одолел в Иране.
Сюда, обидчик нашей чести!
Своею кровью обагрнить
Ты должен бледный стыд Хеджира;
я жду тебя». Услышан был
В туранском стане вызов гордый,
И кинулись охотники толпою
К коням, но их Зораб предупредил;
Он, выскакав вперед, воскликнул:
«Не трогайся никто; я начал, я и кончу».
И быстро он вперед помчался
При кликах громозвучных стана.
На выстрел из лука приближась
К противнику, Зораб остановился
И взор на крепость устремил:
Он уповал, что деву замка
Опять увидит на оgrade;
Но он ошибся, на оgrade
Ее уж не было – она
Стояла перед ним,
И он того не ведал.
Гурдаферид, его вблизи увидя,
Подумала: «Мой враг опасен:
Он сильного Хеджира одолел».
И на своем коне летучем
Она кружить проворно начала;
Соперника маня и раздражая,
Она пред ним, как ласточка, летала,
Была и там и тут, и всюду и нигде;
А той порою с тетивы
Ее тугого лука
Стрела слетала за стрелюю,
И ими был весь твердый панцирь
Зорабов исцарапан,
И много их в щите его торчало.
С усмешкой он их стряхивал на землю;
Но, мнилось, был неистощим
Колчан наездницы; как частый дождик,
Ее лилися стрелы;
И наконец Зораб, терпенье потеряв,
Воскликнул: «Скоро ль детскую игрушку
Оставишь ты? Пора приняться нам
За мужеское дело.
Я вижу, что своим досугом
Умели вы воспользоваться, персы;
Остро свои вы стрелы наточили –
Но об туранский крепкий панцирь
Ломается их острие.
Оставь же, друг, напрасную заботу –
Из своего улья довольно
Ты пчелок выслал на меня,
Но меду здесь они не соберут;
Убить своей стрелой ты можешь
Лесную пташку, много цаплю;
Но грифа сильного тебе не застрелить;
Итак, уймись и, если ты
Не женщина, то подъезжай
И бейся мужески со мною».

VIII

При этом вызове через плечо
Закинула свой лук Гурдаферид
И поскакала на Зораба
С направленным на грудь его копьем;
Не девичий удар почувствовал бы витязь,
Когда б с конем не отшатнулся, –
Копье пронзило воздух.

Тогда, свое копьё оборотив,
Зораб его тупой конец
(К которому привинчен
Был крепкий крюк железный)
За пояс всадницы проворно запустил,
И вмиг, как легкий пух.
Она слетела бы с седла,
Когда бы выхватить свой меч
И им перерубить копьё
Одним ударом не успела;
И снова на седло упала
Она так плотно, что с него
Взвилась густая пыль: тут поняла
Гурдаферид, что не по силе ей
Соперник, стиснула коленами коня
И поскакала к замку.
Зораб за ней; уж был он близко;
Уж слышала Гурдаферид
Вблизи коня железный топот,
Уж обдавало ей плеча
Его горячее дыханье;
Тут вдруг она оборотилась
И сбросила с прекрасной головы
Железный шлем в надежде победить вернее
Не силой мужеской меча,
А девственным волшебством красоты.
И на лицо ее волнами
Густые полилися кудри;
Зораб остолбенел, узнав в ней деву замка;
И он воскликнул: «Трудно ж будет нам
Одолевать мужей Ирана,
Когда иранские так мужественны девы.
Зачем, красавица, ты выехала в поле?
Со мною ль биться, за Хеджира ль
Мне отомстить хотела?
И что тебя, любовь иль жажда славы
Из замка выйти побудило?
Прекрасною звездой небес
Издалека ты мне явилась –
Теперь тебя увидел я вблизи
И знаю, что краса
Небесных звезд ничто перед твоею.
Но я тебя не выпущу из рук;
Ни одному ловцу еще такая
Добыча в сети не давалась;
Ты от меня не убежишь».
При этом слове бросил он
Аркан, и вмиг была Гурдаферид
Опутана могучей петлей.
Увидя, что к спасенью
Ей средства нет, красавица прибегла
К коварству женскому; чтоб самого
Пленителя пленить, она
Приподняла свои густые кудри
И месяц светлого лица
От черной их освободила тучи.
Оборотясь с улыбкой на Зораба,
Она сказала голосом волшебным:
«Ты, витязь смелый, столь же сильный
Между людьми, как лев между зверями,
Не жажда славы
И не любовь к Хеджиру (что Хеджир
Перед тобой!) меня из замка
К тебе навстречу привели.
Издалека тебя увидя
Столь мужески прекрасным,
Хотела я узнать, таков ли
Ты и вблизи – меня не обманули

Мои глаза; но в мысли не входило
Мне никогда, чтоб мог в Туране
Такой, как ты, родиться витязь.
Иди же смело на Иран,
Ты там пленишь
Не дев одних, но и мужей могучих;
А если сам, как я, того желаешь,
Чтоб был между тобой и мною
Союз любви, то наперед
Мне возврати мою свободу».

IX

Так сладостным напитком льстивой речи
Коварная хотела упоить
Зораба. Он, почти уж охмеленный,
Спросил: «Но что же будет,
Красавица, порукой за тебя,
Когда тебе отдам твою свободу?» –
«Мое святое слово
И имя чистое мое:
Меня зовут Гурдаферид;
А мой родитель Гездехем
Повелевает Белым Замок;
Я обещаюсь, если сам
Того желаешь ты и если
Согласен будет Гездехем
(А он согласен будет верно),
Тебе отдать и замок и себя.
Ступай же на гору за мною;
Ключ от ворот я вынести не замедлю;
Но прежде требую свободы».
И с этим словом на Зораба
Она так нежно, сладко поглядела,
Что в этом взгляде мигом на него
С нее перелетела петля.
Доверчиво он снял с нее аркан;
Она ударила коня
И поскакала к замку;
За нею поскакал Зораб.
Тем временем, встревоженный, печальный,
Стоял в воротах Гездехем;
Он в поле с ужасом смотрел
И ждал, какой возьмет конец
Безумно-бешеное дело
Бесстрашной дочери его.
Он, раздраженный, осыпал
Ее упреками, но в сердце
Ее отважностью гордился.
Вдруг шум послышался – он смотрит
И видит: скачет к воротам
Гурдаферид, и вслед за нею,
Отстав немного, скачет витязь,
Хеджира в поле одолевший.
Вмиг полворот он отворил;
Она в них молнией вскользнула;
Растворы схлопнулись – один
Зораб остался перед замком
В сиянье вечера багряном.

X

И ждал Зораб, что дева замка
Свое святое сдержит слово –
Напрасно! Вдруг она явилась на ограде
И, наклонясь к нему, сказала так:
«Чего ты ждешь, мой храбрый победитель?
Уж поздно; возвратись в туранский стан;
Сегодня твой набег на Белый Замок
Не удался – будь терпелив,
Удастся завтра. Доброй ночи;
Прости». Зораб, прискорбно посмотрев

На деву, так ей отвечал:
«О ты, красавица Ирана,
Как жаль мне, что своим коварством
Свою ты прелесть превзошла;
Я не о том тужу, что Белый Замок
И с ним прекрасную невесту,
В обман поддавшись, выпустил из рук;
Тужу о том, что был тобой обманут.
А замок твой не выше неба;
Но будь и выше неба он –
Войду в него; на это
Ключ от ворот не нужен – завтра
И замок и тебя возьму я с бою». –
«Не горячись, мой светлый, храбрый витязь, –
Гурдаферид сказала усмехаясь, –
Тебе ключа я выдать не могла:
Его отец из рук не выпускает;
Когда же о твоём за тайну сватовстве
Ему я объявила,
Он отвечал: «Невесты нет в Иране
Для турка». Друг, исполни мой совет,
Не медли здесь и возвратись в Туран;
Прекраснейшей из всех невест прекрасных
Достоин ты... но возвратись;
Царь Кейкавус, услышав о твоём
Набеге, вышлет на тебя
Своих вождей – ты их не одолеешь;
А если вышлет он Рустема,
Тогда... тогда, мой витязь, честь Турана,
Твоя погибель неизбежна.
О, возвратися, возвратися
В твоей молодой, несокрушенной силе!
Ты здесь стоишь на рубеже судьбы;
Как будет жаль, когда твой цвет она
Безжалостно сорвет своею бурей!
Я буду горько, горько плакать;
Я ничего подобного тебе
И более по сердцу моему
На свете не видала
И ничего подобного тебе
На свете не увижу».
Гурдаферид, умолкнув, поглядела
Печальным оком на Зораба;
Потом сошла с ограды; а Зораб,
Оставшись один перед оградой,
Задумчиво глазами
За нею следовал; когда ж она
Из глаз его пропала,
Коня оборотил и в стан
Поехал медленно, с нахмуренным лицом,
Надвинув брови
На гневно-огненные очи.
XI
Близ замка находились пашни,
Сады и огороды, хлебом,
Плодами, зеленью и овощами
Богатые: они питали замок.
На них Зораб свой гнев оборотил;
Подъехав к стану, он воскликнул:
«Сюда, мои туранцы: разорите
Здесь все, огню предайте нивы;
Сожгите все деревья;
С землей сравняйте огороды;
Весь истребите виноград;
Чтоб прахом все и дымом разлетелось;
Чтоб все затрепетали в замке!
С его ограды любит
Дочь Гездехемова смотреть – пускай же

Она порадуется, видя,
Как мы в ее работаем саду;
Разройте гряды все, где розы
Ее цветут, и все засыпьте
Ключи, которые питают
Ее лугов густую зелень.
Когда ж наступит день,
И замок мы вверх дном поставим».
Так повелел он, и упало,
Как с неба град,
На всю окрестность
Его неистовое войско –
И стала вмиг пустынею окрестность.
Когда же все исчезло, он
Поехал в стан обратно;
За ним туда все войско возвратилось.

XII

Тем временем, как в стане вражьем
Гроза сбиралась, Гездеhem,
Беду почуя, написал
Письмо такое Кейкавусу:
«Бесчисленной толпою
Нахлынули на нас
Соседственные турки.
Их войско нам не страшно;
Но страшен молодой
Их войска предводитель.
Он ростом великан;
Когда на боевом он
Коне, вооруженный
Железной булавою,
Сидит в железной силе,
Он все земные силы
Считает за ничто.
Противника ему
Не сыщется в Иране;
Один по силе будет
Ему Рустем; зовут
Его Зорабом; он
Родился в Семенгаме.
Хеджир, его увидя,
Из замка с ним сразиться
Пустился на коне;
Но в замок конь обратно
Хеджира не принес.
Когда бы не успел я
Моих ворот проворно
Захлопнуть перед ним,
Как вихорь бы влетел он
Один в мой крепкий замок.
Уж нашу всю окрестность
Огонь опустошил;
Хеджир в плену, и замок
Не устоять; и ныне,
Как скоро ночь наступит,
Со всей моей дружиной
Спасаясь бегством я.
Тебя же, царь, молю:
Сбери скорее войско,
Чтоб царство защитить
Могучею плотиною
От злого наводненья.
Всего ж необходимей,
Чтоб в войске был Рустем:
Лишь сильному Рустему
Возможно пересилить
Такого великана».

XIII

Письмо с нарочным Гездехем
Отправил в ту же ночь к царю;
Потом созвал свою дружину;
Свою казну, свои богатства собрал
И тайным подземельным ходом,
Который вел далеко в поле,
Из замка вышел.
Гурдаферид пошла за ним;
Но шла она, казалось, поневоле;
Была задумчива, как будто ей
Какой-то голос тайно
Шептал: не уходи;
Как будто с кем, ей милым,
Навек она прощалась.
И все ушли... и замок опустел.
В тумане занялося утро;
Зораб повел свои дружины к замку:
И на гору они взбежали с криком;
И кинулся как бешеный Зораб
К тяжелым воротам.
Он ждал отпора, но отпора
Не дождался – все было в замке,
Как в гробе, тихо; на стенах
Никто не шевелился. В нетерпенье
Зораб схватил огромный камень
И им ударил в ворота –
Они свободно растворились:
Ушедшие нарочно их
Оставили незапертыми.
Как молния Зораб их пролетел –
Их своды громко повторили
Его коня гремучий топот;
И все умолкло.
Сквозь сумрак утренний Зораб
Очами ищет
Людей – но все пред ним
И пусто и безмолвно;
В его груди предчувствием тяжелым
Стеснилось сердце;
И стены он немые вопрошал:
«Куда ушла моя невеста? Буря ль
Ее отсюда унесла?
Сама ль на крыльях улетела?
Иль призраком пропала, не оставив
Следа? О, где же ты?
На миг один была
Ты мне виденьем чудным...
И нет тебя;
И где найти тебя, не знаю».
И начал он прилежно замок
Обыскивать: как исступленный
Он бегал по стенам,
На башни лазил, проникал
В глубокие подвалы
И беспрестанно возвращался
На место, где она ему
Явилась накануне,
В надежде, что опять
Там с нею встретится; и с высоты
На беспредельную окрестность он смотрел
И звал свою невесту
Со всех концов пустого небосклона;
И посылал за нею ветер горный,
И птиц воздушных,
И облака лазоревого неба.
А между тем окрест него
Все падало, все разрушалось;
Как коршуны расклеивают труп,

Так ратники Зораба
Крушили замок;
Не находя нигде
Ожиданных сокровищ,
Они за то наказывали стены.
Что делалось, Зораб не замечал:
Его душа была далёко.

XIV

И к витязю, невольнику любви,
С упреком строгим обратился
Суровый пестун Баруман:
«Для ярких глаз и для густых кудрей
Ты целый свет и долг свой забываешь.
Не таковы бывают те, которым
При них и долго после них
В награду дел великих
Отечество и все народы
Дань славы и любви приносят.
Самих себя они не отдают
Мгновению ничтожному на жертву;
Не отдают безумно и беспечно
Во власть любви они ума и сердца.
И им случается поймать
Свою сетью легкую газелу,
Но с нею в сеть самих себя
Не путают ребячески они;
Орел, влюбленный в солнце,
Как соловей, по розе не вздыхает.
Теперь твоя добыча трон Ирана;
Возьми его – тогда венец любви
Наградой получишь от победы.
Не обнажив меча, такую крепость
Ты захватил – но цель твоя еще далёко;
На нас свои все силы вышлет
Царь Кейкавус, тогда...
Но выслушай, Зораб, совет,
Внушенный опытностью трезвой:
Дождися здесь врагов; с твердынной
Вершины этой всем Ираном
Ты будешь властвовать; с нее
Губящие набеги можешь
Повсюду посылать и здесь
Могучее их войско встретишь,
Могучий сам, – не разоряй же
Безумно замка; нет, его, напротив, в честь
Красавицы, в нем жившей, укрепи;
Но в честь ее и духом укрепи.
Когда тебе звездами
Назначено Иран завоевать –
С ним и она твоею будет.
Пускай перед тобой Ирана первый витязь
Слетит с коня – тогда ты смело можешь
Потребовать, чтоб выкупом свободы
Его была Гурдаферид».
От этих слов Зораб очнулся;
Они, как солнца луч, пронзили
Туман его души;
И он воскликнул: «Так!
Передо мной Ирана первый витязь
Слетит с коня, и за его свободу
Заплатит мне Гурдаферид».
Тут на грабителей он крикнул;
И во мгновенье грозным криком
Был усмирен неистовый грабеж;
И стал, как гроб, спокоен Белый Замок.
Книга четвертая
Рустем и Кейкавус. Ссора, примирение, поход

Когда письмо от Гездехема
Гонец поспешный Кейкавусу
В его столице Истахаре
Вручил и сделалось известно
Царю, какая собиралась
Гроза на области Ирана, –
Он ужаснулся и немедля
Созвал верховный свой совет.
И собралися к Кейкавусу
Его вельможи: Ферабор
(Сын царский и наследник трона),
Гудерс, Кешвад, Шехедем, Тус, Рохам,
Гургин, Милат, Фергас, Бехрем и Геф.
И, Гездехемово письмо прочтя им, царь
Сказал: «Зораб мне этот страшен;
Он овладел без боя Белым Замок,
Твердейшею защитой наших граней;
Там двух вождей надежных мы имели –
Но старый убежал,
А молодой врагу отдался в руки:
Гудерс, не можешь похвалиться ты
Своим Хеджиром; у тебя
Так много сыновей – зачем же
Из них мы выбрали такого,
Который был не в силах одолеть
Туранского молокососа?
Но, правда, пишет Гездехем,
Что этого молокососа
Один Рустем лишь одолеет;
Скажите ж, верные вельможи,
Что делать нам? Послать ли за Рустемом?»
И в голос все воскликнули: «Послать!»
И было решено, чтоб царь
Письмо к Рустему написал
И чтоб с письмом без замедленья
Был Геф, Рустемов зять, отправлен.

II

И Кейкавус письмо такое
К Рустему написал:
«Ирана щит, Сабула обладатель,
Великий царский пехлеван,
На нас гроза с Турана поднялася;
Врагами схвачен Белый Замок;
Их вождь, по имени Зораб,
Летами юноша, а силой
Пожар, землетрясенье, гром,
От семенгамских происходит,
В народе говорят, царей.
И пишет вождь наш Гездехем,
Что этого богатыря
Не одолеть нам, что один
Лишь ты с ним силою сравнишься.
Я свой совет верховный собрал,
И все советники мои
Со мной согласны, что тебя
Нам должно вызвать из Сабула,
Что лишь твоя рука от царства
Такую гибель отразит.
Итак, зову тебя, Рустем,
Венец, убранство, щит царя,
Спасительная пристань царства,
Твердыня трона, войска слава,
Ирана жизнь, Турана смерть;
Спеши, спеши; когда получишь
Мое письмо, сидишь ли – встань,
Стоишь ли – не садись;
Идешь ли в замок – не входи;
Но в тот же миг вели подать

Доспехи, бросься на коня,
И пусть с тобою конь твой славный,
Твой Гром, летит небесным громом,
И ты, Ирана гром защитный,
Будь громом бедствия Турану».

III

Царь Кейкавус, окончив
И запечатав пестрым воском
Свое письмо, послал с ним Гефа;
И Геф, как из лука стрела,
Помчался; день и ночь скакал он;
Забыв о пище и ночлеге,
Не думая о том, куда вела
Дорога, под гору иль в гору,
И было ль ведро иль ненастье;
И бодрый конь его не уставал,
Как будто чуял он,
Куда, к кому и с чем
Спешит седок неутомимый.
Гонца увидя вдалеке,
Рустем послал к нему навстречу
Зевара, брата своего,
И был обрадован, когда
Зевар к нему явился с Гефом.
«Зачем ты, зять мой дорогой, –
Спросил Рустем, – пожаловал в Сабул?
Что мне привез? Письмо от Кейкавуса?
Подай». И, прочитав письмо,
Рустем задумался; он долго, долго
Сидел в молчанье грустном,
Потупив голову и неподвижно
Глаза уперши в землю.
И так с собой он говорил:
«Я думаю о днях прошедших;
Все бывшее давно воспоминаю;
Как настоящее, опять
Оно передо мною ныне
Свершается... Невероятно,
Чтоб этот чудный воин был
Мой сын; и если подлинно имею
Я в Семенгаме сына, он
Еще теперь дитя, еще его
Игрушки забавляют.
Конечно, быть орлом орленку суждено;
Но мой орленок испытать
Еще не мог своих орлиных крыльев,
Еще теперь сидит он на гнезде
И ждет своей поры;
Когда ж его пора наступит,
Взлетит он высоко,
Второго в нем Рустема
Увидит свет. Так, если вправду
Родился сын Темине от Рустема,
То скоро громкая о нем
По всей земле молва раздастся,
И он придет по праву славы
Сказать мне: «Я твой сын». И не врагом
Он встретится со мною в поле,
А жданным гостем постучится в двери
Отцовского жилища; и ему
Отворятся они гостеприимно;
И будет праздновать отец,
Созвавши сродников, друзей и ближних,
Свое свиданье с милым сыном;
И в нем моя помолодеет старость».

IV

Так рассуждал с собою грозный воин,
И мысли черные теснили

Его взволнованную душу;
Но что ее волненья было
Причиной – он того не ведал.
Вдруг он очнулся и гонцу,
Который, вовсе им забытый,
В молчанье ждал его ответа,
Сказал: «Спешить нам нужды нет;
Ты нынче гость мой; прежде
С тобой мы здесь, как должно, попируем;
Потом и в путь. Еще большой беды я
В случившемся для них не вижу;
Что страшно им, то мне смешно;
И оттого, что старый сумасброд,
Испуганный турецким смельчаком,
Без боя сдал наш замок порубежный,
Им чудится, что враг
Уже стоит перед столицей,
И должен я, встревоженный их бредом,
Скакать к ним голову сломя.
Пусть подождет премудрый Кейкавус;
Мне нынче нет охоты воевать:
Нежданный гость пожаловал ко мне;
Хочу его я на просторе
Повеселить, и сам повеселиться
С ним заодно. Забудем, милый зять,
За пенной чашею на время
Военные тревоги; расскажи
Поболе мне теперь
О дочери и внучатах моих
И жизни дерево зеленое со мной
Полей вином животворящим.
А ты, Зевар, пойди и учреди
Скорее пир богатый;
Земное все уходит легкой тенью –
Хочу с тобой и с нашим Гефом
Упитья сладостным вином
До полного забвенья
О скоротечности земного счастья».

У

Так старый воин говорил;
На языке его был пир веселый;
А на душе лежал тяжелый камень
Предчувствия, похожего на робость.
Зевар пошел готовить пир;
А Геф пошел за тестем
В его великолепный замок;
И заикнуться не посмел он
О строгом повеленье шаха:
Он знал, как было плохо
Ломать копье с упрямым стариком,
И думал: «Сам, как знаешь, после
Ты разочтешься с Кейкавусом;
С тобою пировать я рад;
Твоим вином мой запыленный
Язык я промочу, а завтра
Коням мы прыти придадим,
И быстрота нам возвратит
Часы, потерянные ленью».
Весь день роскошный длился пир
В богато убранных палатах;
Как розы, пламенно сияя
На темной зелени кустов,
Благоуханно угощают
Звонко поющих соловьев,
Так и хозяина и гостя
Младые девы сладкопеньем
И сладкой пищей угощали;
Враги, война и Кейкавус

Забыты были в шуме пира;
Одни лишь пламенные щеки,
Одни лишь свежие уста
Являлись их очам, и не потоки
Лиющей в сражение крови,
А пурпур благовонный
Вина сверкал пред ними в драгоценных,
Лилейною рукой молодых
Невольниц подносимых чашах.
В веселье шумном день и вечер,
Вином запитые, исчезли;
Заискрилась звездами ночи
Глубокая пучина неба,
Заискрились кипучей пеной
Вина последнего фиалы;
И наконец могучий хмель
На мягком ложе сладкой силе
Сна миротворного их предал.

VI

И рано на другое утро
Явился Геф, готовый в путь.
Но в путь еще Рустем не собирался.
«На что спешить, – сказал он, – добрый гость;
И этот день с тобою мы,
Откинув всякую заботу,
В веселье проведем.
Кто знает, близко ль, далеко ли
Беда и где ее мы встретим?
Пока под кровлей мы домашней –
Не станем помышлять
О буре, воющей кругом.
Быть может, что уж в этом доме боле
Мы никогда так веселы не будем;
Сдается мне, что здесь в последний раз
Моих родных и милых ближних
Я угощаю. Подойдите ж,
Мой брат Зевар и зять мой Геф, ко мне;
Ты, Геф, садися с правой,
А ты, Зевар, садися с левой
Моей руки; и помогите пить мне
Душеусладное вино.
Мне в эту ночь все снилось
О сыне, снилось, будто сын
Нашелся у меня; и это мне
Напомнило, что о Зорабе я
Тебя еще не расспросил подробно;
Садися ж, Геф, и расскажи
За чашею вина
Мне сказку о Зорабе».
Он сел; по правую с ним руку
Сел Геф, по левую Зевар;
Вино запенилось в кубках,
И пир с музыкой, пеньем, пляской,
Как накануне, закипел.
Под шум его задумчиво Рустем
Рассказы слушал о Зорабе
И думы черные свои
Вином огнистым запивал.
Так день прошел, и вечер миновался,
И наступила ночь, и хмель могучий
Опять их предал тихой власти
Миротворительного сна.

VII

Наутро так же рано,
Готовый в путь, пришел
К Рустему Геф; но, видя, что Рустем
По-прежнему не торопился в путь,
Ему сказал он: «Выслушай без гнева

Меня, отец; не раздражай царя;
Ты ведаешь, как бешено он вспыльчив;
Ты ведаешь, в каком он страхе
С тех пор, как враг ворвался в наши грани:
Не ест, не пьет, не спит, не видит и не слышит
Наш Кейкавус; ему везде
Мерещится Зораб. Поедем,
Рустем; позволь мне Грома оседлать;
Твоим упорным замедленьем
Жестоко будет шах прогневан». –
«Не бойся, Геф, – отвечивал Рустем, –
никто мне в свете не указчик;
И твердо знает Кейкавус,
что царствует в Иране он
По милости Рустема;
Он знает, что моя рука
Всегда его вытаскивать умела
Из ям, в которые своей виною
Он безрассудно попадал.
Но я согласен; нам пора
Отправиться в дорогу;
Вели мне Грома оседлать,
И едем». Так сказав, Рустем
Вино наполнил кубок,
Окинул мрачными глазами
Палату пировую
И всех своих домашних,
Вино все разом выпил
И, кубок вдребезги разбив,
Велел трубить поход.
На громкий зов Рустемовой трубы
Вмиг собрались Рустемовы дружины.
Окинув их железный строй глазами,
Рустем подумал: «С ними
На целый свет могу войною выйти».
И, за себя Зевару поручив
Начальство над сабульской ратью,
Он сел на Грома
И поскакал вперед
Сам-друг с отважным Гефом.
И трубы загремели,
Знамена развернулись,
Заржали грозно кони,
Пошли вперед дружины.

VIII

Когда молва достигла в Истахар
О приближении Рустема,
Все первые вельможи: Ферабор,
Гудерс, Кешвад, Шехэдем, Тус, Рохам,
Герас, Гургин, Милат, Ферхаб, Бехрем –
На день пути к нему навстречу вышли.
Сын шахов Ферабор и вождь верховный Тус
Сошли с коней, его увидя;
Сошел с коня, увидя их, Рустем;
И сделали приветствие друг другу.
Блестящей их толпою окруженный,
Рустем в столицу въехал,
И с торжеством его ввели они
В палату, где великий царь
Их ждал, сидя на троне.
Но было сумрачно и гневно
Его лицо; не отвечав ни слова
На поздравительные клики
Своих вельмож, он грозно закричал,
Оборотясь на Гефа и Рустема:
«Кто ты, Рустем,
Чтоб с дерзостью такую
Топтать ногами

Святые царские слова?
Когда б в моей руке был меч,
К моим ногам бы во мгновенье
Твоя упала голова.
Ты, вождь мой Тус, закуй их в цепи,
И чтоб теперь же тесть и зять
На виселице оба
Перед народом заплясали». .
Так в исступленье гнева
Кричал на троне Кейкавус;
И все кругом его вельможи
В оцепенении стояли.
Когда ж увидел шах,
Что повеленье медлил
Его исполнить Тус,
Он крикнул с трона, как орел
Кричит с высокого утеса:
«Предатель сам, кто руку наложить
На дерзкого предателя не смеет!
Бери их, Тус, я повторяю;
И с ними с глаз моих долой;
Чтоб мигом не было их духу!
И чтоб никто не смел мне прекословить!»

IX
Так он вопил; и было горько Тусу
Его исполнить повеленье;
Он за руку Рустема взял,
Чтоб из очей озлобленного шаха
Его увести и дать свободу
Утихнуть бешенству царя, –
При этом виде все вельможи
Затрепетали. Но Рустем,
Не замечая ничего,
Смотрел горящими глазами,
Как лев, увидевший змею,
На шаха; он, казалось, вдруг
Стал целой головою выше,
Стал вдвое шире грудью и плечами;
И он сказал: «А ты кто, чтоб меня
Так дерзостно позорить?
Ты шах, но шах по милости моей.
Грози же петлю не мне,
А своему Зорабу. Разве я
Твой подданный? Я царства пехлеван;
Я князь Сабулистана вольный;
Иль ты не знаешь, что, когда
Я топаю ногою – подо мной
Дрожит земля; когда мой скачет конь –
От топота его шумит все небо
И, быстроте его чудяся,
Поток бежать перестает?
Иль ты забыл, что я Рустем,
Что мой престол – седло, что шлем – моя корона?
И кто же ты, чтоб петлей мне грозить?
И кто твой Тус, чтоб руку на Рустема
Поднять в повиновенье
Безумной ярости твоей?»
При этом слове он так сильно
Ударил Туса по руке,
Что тот упал на землю, оглушенный.
Через лежачего Рустем
Перешагнул, толпу раздвинул
И вышел с Гефом из палаты.
И все вельможи, Кейкавуса
Оставив одного на троне,
Пошли поспешно за Рустемом.
Они его нашли перед крыльцом
Сидящего на Громе. Он с седла

Им закричал: «Простите все; прости,
Иран. В Сабул я возвращаюсь;
В Сабуле я такой же царь,
Как здесь, в Иране, Кейкавус.
Теперь как знаете с Тураном сами
Ведите свой расчет; Сабул
Я отстою. А если здесь с царем Ирана
Случится то же, что с Хеджиром,
И если царский Истахар,
Как Белый Замок, будет схвачен
Врагами, в том не обвиняйте
Рустема. Горе, горе царству,
Когда царем владеет нетерпенье
И необузданная ярость!»
Сказав, он крикнул – Гром помчался;
Рустем исчез как привиденье.
Недалеко отъехав по дороге
В Сабул, остановился он
В гостинице, чтоб на покое там
Дождаться брата
С дружинами Сабулистана.
Х

Из глаз Рустема потеряв,
Вельможи – без него, как стадо
Без пастуха, оставшись – обратились
К Гудерсу и ему сказали:
«Теперь лишь ты один, Гудерс,
Помочь в беде великой можешь;
Твои советы любит шах;
Пойди к нему и в волны
Его погибельного гнева
Пролей твоих советов
Мирительное масло.
А ты скачи за тестем, Геф,
И догони его, пока Сабула
Он не достиг». И Геф пустился в путь.
Гудерс пошел к царю.
Его увидел он, уединенно
Сидящего на троне;
Он был угрюм, но тих; он был
Подобен туче громовой,
Готовой, отблестав и отгремев,
Дождем свежительным пролиться.
И так ему дерзнул сказать Гудерс:
«Могучий повелитель,
Царь – голова, а царство – тело;
Но в голове для тела должен быть
Советником рассудок; у кого же
Советник свой молчит,
Тот слушайся чужого
И не стыдись исправить зло,
Поспешно сделанное в гневе;
Из уст неосторожно бросил
Ты оскорбительное слово –
Пошли за ним мирительное вслед;
Обиду ты нанес строптивой речью
Тому, кого щадить велит рассудок, –
И ею был не он один обижен:
Ты пристыдил нас всех его стыдом;
Рустема в петлю! А Рустем
Тебя на трон отцовский посадил,
И он же трона
Твердейшая опора;
Что ж будет нам, когда Рустема в петлю?
И что же с царством будет без Рустема?
Теперь изломан меч Ирана,
Иссохла мужества рука,
Плотины нет на вражье наводнение.

Все наши витязи известны Гездехему –

А что нам пишет Гездехем? –

Что ни один из нас против Зораба

Не устоит, что на него

Одна гроза – Руستم. Но где же

Теперь Руستم? За промедленья

Двух дней тобой он изгнан навсегда.

Меня к тебе твои вельможи

И с ними сын твой Ферабор

Прислали умолять, чтоб ты

Благоволил с Руستمом примириться.

Никто, ни Ферабор, твой сын, –

Сколь он ни силен, ни отважен, –

Ни бодрый твой военачальник Тус,

Ни я с осьмидесятью сыновьями

Тебя не защитим. Один Руستم

Твоя надежная защита».

Сказавши так, Гудерс умолкнул.

XI

И к сердцу принял Кейкавус

От сердца сказанное слово;

Он отвечал: «Пословица святую

Нам правду говорит, что стариков

Совета полные уста –

Вернейшие хранители царей.

Я сам теперь раскаиваюсь горько,

Что оскорбительное слово

В кипенье гнева произнес.

Ступайте ж все к Рустему и зовите

Его обратно в Истахар

На мир и доброе согласие

С своим царем». – «Хвала царю!» – воскликнул

Гудерс. И возвратиться

Он поспешил к вельможам, ожидавшим

Его с великим нетерпеньем.

Царево сердце ненадежно

(Так рассуждали меж собою

Они в неведение, смирится ль шах иль нет);

Одно и то же слово может

В нем гнев и милость возбудить.

Подобно маслу наше слово;

Царево ж сердце то огонь,

То море бурное – огню

Дает двойную силу масло,

А море бурное оно покоит.

Так царские вельможи говорили;

Но мрачные печалью лица их

Вдруг стали радостью светлы,

Когда принес им весть благовую

Гудерс. «Теперь Иран спасен! –

Они воскликнули. – Поедем

Скорей все вместе за Руستمом;

Его догнать нам должно прежде,

Чем он достигнет до Сабула».

XII

И все они отправились в путь;

И ехали весь день, всю ночь;

И той гостиницы достигли,

Где выбрал свой ночлег Руستم,

Где Геф его нагнал и где

Он на покое ждал Зевара

С дружинами Сабулистана,

Решась упорно, вопреки

Всем убеждениям Гефа,

Не возвращаться в Истахар.

Но вместо брата он увидел

Перед собой вельмож Ирана.

Они к нему смиренно подошли;

Почтительно он встал, чтоб их принять.

И, выступя вперед, сказал ему Гудерс:

«Рустем, мы присланы от шаха
Тебя просить, Ирана пехлеван,
чтоб ты с ним примирился.

О том же просим мы

И именем всего Ирана, просим

За наших юношей, в бою

Себя еще не испытавших;

За наших опытных мужей,

С тобой ходивших на врага

За славою, победой и добычей;

За наших хилых стариков;

За наших жен, детей и внучат;

За весь народ, за весь Иран;

Ты их твердыня, их надежда;

Не отдавай же царства в жертву

Свирепому Турану за одно

Тебя обидевшее слово.

Ты ведаешь, как опрометчив,

Как безрассудно гневен шах:

На слово он ругательное скор,

Но так же скор и на признание

Своей вины; с раскаянием он

Свою тебе протягивает руку;

Не отвергай ее, Рустем.

Тебя ужалившее слово

Не ядом напоенный меч,

А легкий звук – забудь, Рустем,

О легкой, несмертельной ране

И возвратися в Истахар,

Где ждет тебя нетерпеливо

С удвоенным благоволеньем шах».

XIII

Рустем отвечив угрюмо:

«Скажите шаху Кейкавусу,

что мне ни виселиц его,

ни царских милостей не нужно.

В Сабул я еду; там я царь,

Такой же царь, как он в Иране.

Мне надоело воевать;

Довольно я играл

Своею жизнью и чужою

На службе шаха – он меня

и наградил по милости своей.

Спасибо. Мы с ним кончили расчет.

К тому же в этот раз мне было

невесело с Сабулом расставаться;

Мой Гром на самом рубеже

Ирана спотыкнулся; я впервые

почувствовал, что шлем и панцирь

мне тяжелы, – когда ж обратно

поехал я, мой конь запрыгал

и радостно заржал. Простите ж, добрый

вам путь, но я вам не попутчик». –

«Рустем, – сказал Гудерс, – не может быть,

чтоб это был последний твой ответ.

Тебя твой царь обидел, правда;

но руку он на примиренье сам,

признав себя виновным, подает –

чего ж еще желаешь боле?

и что подумает Иран,

такой ответ услышав?

не скажут ли: Рустем,

состарившийся лев, бежит

от львенка молодого;

Рустем Зораба испугался;

орел наш крылья опустил;

Не смеет он лететь на высоту:
Там носится другой орел,
Его моложе и отважней;
Вот отчего ему так было
Невесело с Сабулом расставаться;
Вот отчего и Гром на рубеже
Ирана спотыкнулся и впервые
Рустему шлем и панцирь стали
Так тяжелы. Потерпишь ли, Рустем,
Чтоб про тебя молва такая
Вдруг по всему Ирану разнеслася
И чтоб она постыдным о тебе
Преданьем перешла к потомкам?»
Рустем, сверкнув глазами тигра,
Воскликнул: «Геф, подай мне Грома».
И, слова не сказав Гудерсу,
Он на кипучего коня
Вскочил и поскакал путем обратным;
И все за ним вослед
Толпою шумною помчались.

XIV

С Рустемом примирившись,
На пир веселый Кейкавус
Созвал своих вельмож. И длился
Их пир до самой поздней ночи.
А той порой, когда в царевых
Палатах праздновали гости,
Веселая Молва
По городу гуляла,
Во все входила дома,
Неспящим улыбалась,
Заснувших пробуждала,
Разглаживала всем
Приятной вестью лица.
Вдруг ей попался кто-то
Навстречу, столь же грустный
И мрачный, сколь она
Была в своем полете
Светла и весела.
И, громко засмеявшись,
Летунья у него
Спросила: «Кто ты, плакса?» –
«Меня, – он отвечал ей, –
Зовут Печальным Слухом;
Я по всему разнес Ирану,
Что шах поссорился с Рустемом
И что Рустем оставил Истахар;
И всех мои тревожат вести». –
«Зажми же рот, – сказала
Веселая Молва, –
С Рустемом примирился
Твой гневный Кейкавус;
Они теперь пируют
И ссору запивают
Вином благоуханным».
Печальный Слух с сомнением покачал
Своей косматой головою;
За это рассердилась
Веселая Молва,
И началась драка.
Печальный Слух был неуклюж,
Веселая Молва
Была легка, проворна;
И мигом был Печальный Слух,
Прибитый, из города выгнан;
И снова начала она
По улицам летать,
И где ни пролетала,

Воздушную летунью
Старик и молодой,
Здоровый и недужный,
И бедный и богатый –
Ласкали, миловали;
Кому ж на сон грядущий
Услышать удавалось
Ее живое слово,
Тот сладко засыпал,
Обвеянный толпою
Веселых сновидений.

XV

Когда на следующий день
Явилось солнце и, раздернув
Востока занавес пурпурный,
Среди лазоревого неба
Свое воздвигло золотое
Всеосеняющее знамя,
Когда на пажитях земли
Под песню жаворонков звонких
Стада пространно зашумели, –
Труба военная столицу огласила,
И весь народ на площадь Истахара
Шумящую толпою побежал:
Там, разделяясь на дружины,
Шло войско мимо Кейкавуса;
И перед каждою дружиной
Был вождь ее; а позади
Всей рати, отделясь от прочих,
Великий царства пехлеван,
На грозном Громе ехал
Рустем один. Не вел дружины он;
Но в нем одном была душа
Всего бесчисленного войска.
Его сабульскою дружиной
Военачальствовал Зевар;
А главным воеводой рати
Был Тус, испытанный боями.
Когда же царь все войско осмотрел –
Знамена заиграли,
Тимпаны загрели,
Задрезжали трубы,
Заржали грозно кони,
Пошли вперед дружины.
И, разлиясь широким наводнением,
Шло войско к рубежам Ирана;
Под ним земля стонала и тряслась;
От топа конского дрожали горы;
От кликов тучи расшибались;
Стотысячно лик солнца отражался
На панцирях, на конских сбруях;
Как на пригорках в бурю
Волнуются вершины сосен,
Так волновались перья и султаны
На шишаках и на турбанах;
И там земля, как пестрый луг, сияла,
Где войско шло; но где оно прошло,
Там все являлось голой степью,
Там были все ключи иссушены
И в пыль растоптаны все нивы.
И скоро войско на границе
Ирана стан свой утвердило
В виду горы, на высоте которой,
Окрестности владыка, Белый Замок
Стоял, как туча громовая,
И в глубине той тучи громовой
Таился молния Зораб.

Книга пятая

Пир в Белом Замке

I

Зораб обрадован был вестью
О приближенье к замку персов;
Ему наскучило давно
Сидеть без дела за стенами
И ждать прибытия гостей...
Вот наконец пожаловали гости.
И было все готово к их приему:
И замок, снова укрепленный,
И рать, и мужество Зораба.
И вместе с Баруманом
Зораб, взошед на башню,
Окинул, как орел,
Очами всю окрестность –
Очам его открылось
Идущее вдали,
Дружина за дружиной,
Бесчисленное войско.
Как смелый радуется ястреб,
Увидя стадо голубей,
В котором он любого
Из множества в добычу выбрать может,
Так храброго Зораба
Обрадовала сила
Идущего против него врага.
Но Баруман от страха побледнел;
И, страх его заметя,
Зораб сказал с улыбкой:
«Не бойся, наведи
На щеки прежний их румянец.
Смотри, какой огромный ряд дружин!
Как он оружием сверкает!
Как много их сюда пришло,
Чтоб здесь мне дать победы славу!
И слава та навек моею будет!
Но если б я и гибель встретил
В борьбе с такой великой силой –
Все будет мне хвалою от людей,
Что я дерзнул надеяться победы.
Против утеса одного
Их море целое стеклося;
При имени моем затрепетал
В своей столице Кейкавус;
Все витязи Ирана,
Которых мужество и силу
Повсюду славят в громких песнях,
Сошлись здесь против Зораба.
Скажи, о Баруман,
Не видишь ли в толпе
Там витязя такого,
С которым было б славно
И радостно сразиться,
Который лишь на сильных
И славных подымает
Прославленный свой меч,
Которому в бою не уступить
Великой честью озарило б
Мои младые годы?
Скажи, о Баруман,
Не видишь ли в толпе
Там витязя такого?»
Так спрашивал Зораб;
Но он не смел
По имени того назвать,
От чьей руки так скоро
Ему судьба назначила погибнуть.

II

И Баруман отвечал Зорабу:
«Там много витязей, с которыми сразиться
Тебе великой было б славой;
Но знать хочу, о ком ты мыслишь сам?
О! благородно пламенеет,
Как факел, ночи озаритель,
Твоей души отважность молодая!
Но берегись, чтоб не упал
Твой факел в воду, – в холодной влаге
Он заклокочет, зашипит
И, задымяся, вдруг погаснет;
Не ведай страха, но врага
Не презирай: непостоянно счастье;
За ним твой конь летит, как на крылах,
Но миг один – во рву и конь и всадник.
Был мир, война спала –
Ее теперь ты разбудил;
Но знаешь ли, какую схватит
Она добычу жадными когтями?
Не удивляйся ж, примечая,
Что я дрожу, – не за себя дрожу я,
Дрожу за всех, чей будет вынут жребий,
И за тебя – судьбина прихотлива,
Она всегда бросается на лучших.
Иди же в бой, Зораб,
Не опрометчивым ребенком,
А твердо-осторожным мужем.
Благодари Афразиаба,
Что сильною тебя снабдил он ратью;
Стой с нею здесь, прикрытый крепким замком,
Упершись в него ее крылом, –
И враг тебя не одолеет; если ж
Захочешь славы – пусть тобой
На поединок вызван будет
Тот витязь, кем стоит Иран
И кто, сраженный, увлечет
В свое падение всю силу
И все величие Ирана».
Так говорил Зорабу,
Мешая мед совета
С отравой измены,
Коварный Баруман;
Но не посмел и он назвать
По имени Рустема; он бледнел
При этом имени – измена,
Как тайная змея,
Его сосала сердце.
Без подозренья, без тревоги,
Полюбовавшись на блестящий,
Равнину всю покрывший стан,
Зораб пошел с подзорной башни
И пир велел роскошный приготовить,
Чтоб весело, при звуке флейт и арф,
При звоне кубков, при шипенье
Злато-пурпурного вина,
Отпраздновать с друзьями
Врагов желанное явленье.
III
Тем временем в широкий стан
Иранское сдвигалось войско;
Сперва казалось, что коням,
Слонам, верблюдам будет тесно
Все беспредельное пространство;
Но наконец – когда разросся
Огромный лес шатров, и протянулись
Рядами улицы, и на широких
Меж ними площадях
Живая разлилась торговля –

В спокойное пришел устройство
Кипевший бурно беспорядок.
Когда ж на западное небо
Склонилось солнце и зашло
За край земли – утихло все,
И каждый ратник под своим
Заснул шатром, и в высоте
Один раскинулся над всеми
Шатер небес, звездами ночи
Усыпанный необозримо.
И в этот час, пришедши к шаху,
Ему сказал Рустем:
«Я не могу без дела оставаться;
Хочу идти к Зорабу в гости;
Хочу увидеть, кто навел
На вас такой незапный ужас;
Хочу взглянуть в лицо богатыря,
Перед которым весь Иран
Так задрожал; хочу своими
Глазами видеть, стоило ль труда
Седлать мне Грома, надевать
Свой старый шлем, и будет ли какая
Мне честь его убить моей рукою.
Туран я часто посещал;
Я знаю их язык и их обычай:
Турецкое надевши платье,
Прокрасться я намерен в Белый Замок
И все там осмотреть. Я у тебя,
Державный шах, пришел просить
На то соизволенья». Кейкавус
С улыбкой отвечал: «Рустем,
Ты и в турецком платье будешь
Красой и славой Ирана.
Рука всей рати в день сраженья,
Ты хочешь быть и зорким оком
Ее во тьме ночной. Иди,
И будь тебе проводником всевышней».

IV
Одевшись турком, осторожно
Отправился в свой путь Рустем.
Хотя в шатре он все свои доспехи,
Свой панцирь, шлем и даже меч покинул –
Но безоружен не остался:
Его рука была, как булава
Железная, крепка. Во мраке ночи
Он к Белому подходит Замку –
Там были слышны крики пиროванья;
И близ ворот незатворенных
На страже не стоял никто. Как лев голодный,
В тот час, когда, забыв
Заграду затворить, беспечно пастухи
Шумят на празднике ночном,
Врывается в средину стада
И из него сильнейшего быка
Уносит, – рев услыша, пастухи
Бегут за хищником; но он
С добычею, погони не страшась,
Медлительно идет в свой страшный лог,
А пастухи назад приходят в горе,
И вовсе их ночной расстроен праздник, –
Так в замок грозный лев Рустем
Прокрался пир расстроить турков.
Там двор широкий весь был озарен
Огнями; он шумел
От говора пирующих, от звона
Вином кипящих чаш,
От пенья, от бряцанья струн,
От бешено-веселой пляски:

Врагов явленью праздновал Зораб,
И все с ним праздновало войско.
И, притаясь в темном
Углу, на все смотрел
И видел все из темноты
Никем не видимый Руستم.

У
На пиршестве беспечно
При факелах зажженных
Зораб сидел с гостями;
На нем не шлем железный,
А праздничный из свежих
Цветов сиял венок,
И он, сам яркий блеск,
Был ярким окружен
Блистаньем, был прекрасен,
Как цвет благоуханный
Надежды, и в его
Груды кипела младость;
И голову младую
Он бодро подымал
И, обегая оком
Воспламененным праздник,
С весельем горделивым
Считал с ним пировавших
Сподвижников. И, видя
Его перед собою
Прекрасного так чудно,
Они позабывали
Вино, и клики их
До неба возносили
Его хвалу и славу.
А той порой из неба
С благоволеньем звезды
Смотрели на него,
И на небе о нем,
Земной звезде прекрасной,
Назначенной так скоро
В своей красе угаснуть,
Печалились звезды.
Тогда одна из них
Своим сестрам небесным,
Печальная, сказала:
«Как жаль, что этот цвет
Так скоро, скоро должен
Увянуть! На земле
Прекрасного являлось
Нам много... и очей мы
Отвесь не успевали,
Как уж с земли оно
Скрывалось, – но доселе
Еще нам не случилось
Там видеть ничего
Прекрасней и мгновенней
Той прелести, какая
Так сладко в этот миг
Собой нас утешает
И так свою быстрой
Кончиною печалит.
О, как он мил! Как весел!
Пошлем в сиянье наших
Очей, им веселимых,
Видение туда,
Где мать о нем тоскует,
Куда уже к ней он
Не возвратится вечно;
Пускай его она
Хоть раз еще увидит

Живым, цветущим, полным
Отваги и надежды...
Его, быть может, завтра
Придет схватить судьбина».

VI

Так говорили звезды неба
О милой праздника звезде.
И вот они паров и блеска –
В пространстве воздуха разлитых
Меж небом и землею – взяли
И свили сон...
И этот сон подобен
Был разноцветному ковру,
Блестящему шелками,
Какой жених издалека
Невесте милой посылает;
На нем она в земле своей
Все видит, что в земле далекой
Ее возлюбленного очи
Встречают: горы снеговые,
И многоводные потоки,
И чудных птиц на неизвестных
Деревьях. И когда
На тот ковер невеста
Глядит – ей мнится, что сама
Она с ним странствует, что близ нее
Он, возвратясь, отдыхает.
Такую ткань видений
Из блеска и паров
Соткали звезды в высоте;
И дали воздуху они
Ее нести и с нею тихо
Лететь в Туран,
Чтоб спящей матери лицо
Она неслышимо покрыла;
И воздух полетел;
И матери привиделся прекрасный,
Как утро светлый сон;
И в этом сне увидела она
Сидящего на пиршестве ночном
За полным кубком сына;
Его горели щеки,
Его уста цвели,
Его сверкали очи,
Он полон был отваги;
И таяло от радости в ней сердце;
Казалось ей, что он
В немногие разлуки дни
Из отрока созрел
Могущественным мужем;
И вокруг него, казалось, много
Знакомых ей и незнакомых
Сидело витязей. Но в стороне,
Она увидела, стоял Рустем
Один; и, притаясь, из темноты
Смотрел на праздник он сурово;
Ей стало чудно и прискорбно,
Что к сыну выйти не хотел
Отец на свет; но горе скоро
Провеяло, как легкий воздух;
Ей стало весело, что к сыну
Отец так близко и что он,
Свою узнав повязку,
Из мрака выйдет и ему
С любовью протянет руку.

VII

Тем временем, как матери душа
Была таким прекрасным сновиденьем

Лелеема, Зораб
С гостями праздновал беспечно;
И пили все кипучее вино.
И два из них сидели рядом,
Один по правую, другой
По левую с ним руку:
Был слева Баруман,
К нему не из любви, не для хранения
Приставленный Афразиабом;
А справа Синд; его
Послала вслед за сыном мать,
Чтоб, с глаз Зораба не спуская,
Он был ему в чужой земле
Хранителем и верным другом.
Он был из рода семенгамских
Царей, был крепок силой, ростом
Высок; был чуток слухом
И так очами зорок,
Что ночью видеть мог как днем;
И это побудило мать
Ему надзор за сыном вверить,
Дабы, когда им встретится Рустем,
Он мог немедля
Его Зорабу указать
(Остались в памяти у Синда
Черты Рустема с той поры,
Когда царем он в Семенгаме
Был так роскошно угощен
И браком сочетался
С царевною Теминой).
И Синд на празднике Зораба
Сидел, вино из кубка пил
И молча думал: «Завтра
Ему я укажу Рустема».

VIII

Но рысьими глазами Синд
Увидел вдруг, что кто-то в темноте
Стоял и прятался. Он встал
И к месту темному пошел
Поспешным шагом, чтоб своими
Его глазами осмотреть.
Он там увидел великана,
Огромного как слон;
Не помнилось ему, чтоб кто подобный
Его глазам когда встречался;
Таким он видел одного Рустема;
Но этот был в турецком платье,
Хотя и замечал
В нем Синд как будто что чужое.
«Кто ты? – воскликнул Синд. – Зачем
Здесь спрятался и выступить на свет
Не хочешь? Покажи свое лицо
И дай ответ». Но не дал
Ему Рустем ответа.
Тогда могучею рукою
Его за платье Синд схватил,
Чтоб вытянуть на свет из темноты;
Но булаву руки тяжелой
Рустем взмахнул
И грянул Синда кулаком
По голове – и Синд упал,
Не крикнув, мертвый. Той порой
Зораб, приметив, что ушедший
Не возвращался долго Синд,
Послал проведать, где он;
И посланный, его увидя
Бездыханно лежащего, обратно
Как исступленный прибежал,

Крича: «Убили Синда! Синд
Убит!» Затрепетав, Зораб
Вскочил; вскочили с ним все гости
И с факелами побежали
Толпою к месту роковому.
Там на земле недвижим Синд лежал;
Он был убит – но кем?
Никто того не ведал.

IX

«О горе! – возопил Зораб. –
В заграду волк ворвался
И лучшего зарезал в стаде
Овна; а пастухи
С собаками дремали.
Скорее все в погону за убийцей!..»
Но некого уж было догонять,
Исчез ночной убийца. Возвратясь,
Зораб печально сел за стол;
Кругом его печально сели гости;
И он сказал: «Не радует меня
Теперь мое на этом пире место;
Направо от меня моим
Ближайшим другом занято
Вдруг стало пусто. Был мне дан
Он милой матерью моею:
И мог один в Иране указать мне
Рустема; он один из нас
Его видал. Кто мне теперь
Его укажет?» То услыша, покраснел
Сидевший слева – покраснел
Предатель Баруман,
Не из любви, не для храненияя
Приставленный к нему Афразиабом;
Как Синд, Зорабу
Он мог бы указать Рустема;
Но было то ему запрещено,
И рабски он служил измене.
Зораб, подняв высоко
Вином наполненную чашу,
Воскликнул: «Пью последний кубок пира;
Он не вином, а клятвою кровавой
Наполнен, клятвою отмстить
Убийце Синда. Кто б он ни был, я
Его найду, и будет от меня
Ему убийство за убийство.
Когда ж моей я клятвы не исполню,
Пускай в отраву обратится
И в жилах кровь мою сожжет
Вино в последней этой чаше,
Мной осушаемой до дна».
С такую клятвой мщенья
(Против кого? о том не ведал он)
Зораб вино из кубка выпил
И вдребезги расшиб, ударив оземь, кубок.
Потом все гости встали с мест,
Чтоб Синда в землю опустить;
И светлый пир стал мрачным погребеньем.

X

Тем временем Рустем достигнул стана
В том месте, где стоял на страже Геф.
При виде турка Геф его окликнул,
И вся его дружина стала в строй;
Рустем, узнав по клику зятя,
Ему знакомый подал голос;
И Геф, его впустив в заграду стана,
Спросил с великим изумленьем:
«Где был ты, старый богатырь?
Зачем один в такую пору бродишь?

С духами ль темными ночную
Беседу ты завел? в союз ли с ними
Вступил, чтоб чародейством
Себе придать перед сраженьем силы?
Мы знаем, с демонами тьмы
Давно ты водишься; и, верно,
От них ты занял черное искусство
Быть невредимым, что теперь
Так беззаботно, безоружный,
Один, переодетый турком, ходишь
Ночной порой между шатров Ирана».
Рустем сказал: «Не в этом дело;
Я был в гостях, я навестил Зораба;
Издалека его увидел я
И буду рад, когда вблизи увижу.
Но мне, лазутчику, другой лазутчик
Нежданный помешал; насильно
Меня хотел он вытащить на свет;
Я в темноте ударом кулака
Его убил – себе иначе
Помочь не мог я, – но о нем
Непостижимо грустно мне, и я готов
Почти заплакать. Геф, найди скорее
Персидский для меня убор;
Замаранное кровью это платье
Несносно мне; да и собаки здесь
Со всех сторон сбегутся с лаем
На турка, вокруг шатров персидских
Ходящего ночным дозором».
Вздохнув глубоко, снял с себя
Рустем турецкую одежду.
Какой-то жалобный в нем голос
Против ночного дела вопиял;
Неволью он жалел о Синде;
Как будто чувствовал, что в нем убил
Свое спасенье от чего-то,
Неизбежного теперь.
И не пошел он к шаху с донесеньем;
К себе в шатер он возвратился,
И лег, и тяжело спал всю ночь.
Книга шестая
Зораб и Хеджир

I

Когда взошла заря на небо,
Зораб взошел на башню замка;
С ее площадки мог он весь
Иранский стан как на ладони видеть.
И он велел позвать Хеджира.
Он думал: «Синда нет; Хеджир
Рустема, верно, знает; мне
Его укажет он». Хеджир
Окованный был приведен. Оковы
С него своей рукою сняв, Зораб
Сказал: «Хеджир, железа плена
Я золотом свободы заменю,
Когда ты мне по правде дашь ответ
На все, о чем тебя спрашивать я стану;
Будь откровенен; с чистым,
А не с подмешанным вином
Поддай теперь свою мне чашу». –
«Я не солгу, – отвечивал Хеджир, –
Готов я на твои вопросы
Все объявить, что самому
Известно мне». – «Богатые шатры
Я в стане вижу, – продолжал Зораб. –
Какому витязю, скажи мне, каждый
Из тех шатров принадлежит?
Когда о том по истине мне скажешь,

Тебя осыплю золотом и честью;
Когда же нет, не усидит
Твоя на шее голова». –
«Чего же медлишь? – возразил
Хеджир. – Расспрашивай, я буду
По правде отвечать; лжецом
я не бывал, а смерти не страшуся».

II

И начал спрашивать Зораб:
«Там, в середине самой стана,
я вижу золотой шатер;
И от него идут во все концы
Дороги; и по тем дорогам
Одни к шатру медлительно подходят,
Как будто с робким ожиданьем;
Другие весело отходят от шатра,
Как бы с исполненной надеждой.
И весь он от подошвы
До маковки сияет,
Как солнце, золотом; у входа
Лежат, как две ручные
Собаки, лев и тигр; а на вершине
Сидит орел; и держит он
В когтях распущенное знамя
С изображеньем солнца.
Такой шатер не витязю простому
Принадлежит; скажи мне, чей он?» Гордо
Поднявши голову, сказал Хеджир:
«В нем шах Ирана обитает.
Перед его престолом день и ночь
Дружина верная стоит
Телохранителей. И никакой
Не страшен враг великому царю». –
«Налево, – продолжал Зораб, –
Разбит серебряный шатер;
Он к золотому обращен
Своим открытым входом;
У входа барс и леопард;
А наверху я вижу грифа:
Широко веющее знамя
С изображением луны
В когтях серебряных он держит». –
«Там обитает, – отвечал
Хеджир, – сын шаха Ферабор, ближайший
К престолу и к цареву сердцу».
На то Зораб сказал: «Им честь и слава!
Когда одна душа в отце и в сыне,
Они всю землю завоюют».

III

И продолжал расспрашивать Зораб:
«Направо там от золотого
Шатра стоит, я вижу, черный;
Он окружен бесчисленною стражей;
И беспрестанно скачут
К нему и от него гонцы.
У входа слон, покрытый пышным
Ковром, и на его спине
Огромные тимпаны войска;
А на верху шатра сияет
Дракон; в его разинутую пасть
Водружено распущенное знамя;
Оно усыпано звездами
И расстилается, как небо,
Широко вея, над шатрами.
Кому такая почестъ?
Кто разделяет власть с державным шахом?» –
«Его военачальник Тус, –
Ответствовал Хеджир: – он сродник шаха,

И право он имеет родовое
В сраженье место заступать царя;
На зов его сошлось это войско,
Грозящее погибелью тебе.
А над шатром воздвигнутое знамя
Есть наша царская хоругвь.
Его воздвиг великий Феридун,
Убив Согака, на плечах
Носившего живых, приросших к ним драконов;
К святой хоругви этой
Прикована победа:
Она в союзника отважность проливает,
Бледнеет враг, ее увидя».
Зораб при этом слове улыбнулся
И продолжал: «А этот пурпуровый
Шатер кому принадлежит?
И кто седой, могучий воин,
Перед его сидящий входом?
Толпою ратников он окружен;
Одни из них уж в летах зрелых,
Другие молоды, и все
К нему лицом обращены
И перед ним стоят благоговейно,
Как сыновья перед отцом?» Из сердца
Хеджирова, как острый
Кинжал, в нем глубоко сидевший,
Исторгся вздох, когда он отвечал
Зорабу: «Это старец
Гудерс; он мудр и кроток речью,
Мечом пронзителен и крепок,
Он сильный царь в своей семье
И может царство защитить
Один, собрав своих домашних;
С семидесятью девятью
Он сыновьями в войско шаха
Пришел против тебя... а я
Осьмидесятый; и меня
В строю их нет». – «Зачем дался ты в плен? –
Сказал Зораб. – Открой мне правду
И нынче ж будешь вместе с ними».
IV
«Но чей, скажи, зеленый тот шатер,
Который, как дремучим лесом
Покрытая гора, меж невысоких
Холмов стоящая, над всеми
Шатрами поднялся? И так же тверд он,
Как та гора: на ней растущий лес
Дрожит, шатаем бурей,
Она ж не двигается, и шаткий лес
За корни, в грудь ее вонзившиеся, держит.
Конечно, тот шатер великий
Сильнейшему в иранском войске
Принадлежит? Перед шатром
Сидит, я вижу, воин; близ него
Стоит, я вижу, конь;
Тот воин великан;
Тот конь чудовище; и воин
Сидит не на высоком месте,
А всех, кругом стоящих,
Он перевысил головой;
Все на него почтительно глядят;
А он глядит с любовью на коня,
Товарища испытанного в битвах;
Копытом конь нетерпеливым
Разбрасывает землю, а когда
К нему протягивает руку
Его могучий господин –
Он чутко уши подымает

И фыркает; когда же
Его волнистую он треплет гриву –
Конь бесится, кругом
Стоящие приходят в ужас,
А господину весело и любо.
К его бедру привешен меч,
Прислонена к его колену
Дубина; их никто другой не сможет
Поднять; когда дубиной он
Над головою конской машет
Иль из ножен до половины
Выхватывает меч –
Конь прыгает, послыша свист дубины,
И громко ржет, увидя блеск меча.
Мне никогда такой седок,
Мне никогда подобный конь
Не попадался – конь, который
Одним таким лишь седоком
Обуздан может быть; седок,
Которого такому лишь коню
Поднять и вынести можно. Верно,
О седоке и о коне
И стар и мал в Иране знает.
Скажи, Хеджир, их имена».
Он замолчал, как будто убежденный,
Что эти имена: Рустем и Гром;
Но он услышать их
Хотел из уст Хеджира.

У
Хеджир задумался; ему пришло на память,
Что, с ним вступая в бой, Зораб
Своим отцом назвал Рустема;
И про себя Хеджир подумал:
«Когда тебе Рустем отец,
Не мною с ним ты будешь познакомлен;
Его узнав, с ним в бой ты не пойдешь;
Тебя узнав, не булаву
Железную он на врага подымет,
А нежною прижмет рукою
К отеческому сердцу сына.
Нет! От Рустемовой руки
Тебя спасать я не намерен».
Так рассуждал с самим собой Хеджир.
«Что ж ты умолк? – спросил его Зораб. –
О чем бормочешь сам с собою?
Со мною говори». – «Я думаю, – сказал
Хеджир, – и не могу придумать,
Кто этот чудный витязь.
Его мне знаки неизвестны;
Конечно, он в отсутствие мое
В столицу шаха прибыл:
К нам слух дошел, что сильный богатырь
Из Индии далекой
Царем на помощь вызван, –
Быть может, это он.
И подлинно, в нем что-то есть чужое». –
«Но как зовут его?» – спросил Зораб.
«Не знаю», – отвечал Хеджир.
«Не может быть! ты должен знать;
Скажи, я требую». – «Не знаю», –
Твердил Хеджир упорно.
И в тяжком был Зораб недоуменье;
Рустемовы все признаки он видел,
Ему и сердце говорило,
Что был в глазах его Рустем, –
Но имени желанного не мог он
Ни просьбой, ни угрозой вырвать
Из непреклонного Хеджира.

И снова стал спрашивать его
Зораб: «Кому принадлежит
Тот светло-розовый шатер?»
«Его назвать могу я, – отвечал
Хеджир: – могучему Гуразу».
«А этот желтый чей?» – «Гургинов».
«А этот голубой?» – «В нем Геф живет,
Рустемов зять». При этом на Хеджира
Зораб разгневанные очи
Оборотил: «Теперь мне явно,
что ты бесстыдный лжец; мне всех
Назвал ты, об одном Рустеме
Ни слова. А Рустем – душа Ирана,
и без него сражений не бывает.
Между шатров там нет ни одного,
Принадлежащего Рустему; где же
Рустем? Его с намереньем скрываешь
Ты от меня. Но чудный воин тот
Перед шатром зеленым – он, конечно,
Рустем. Скажи, Хеджир; скажи, что это он!
Все признаки Рустемовы я вижу;
Недостает мне только убежденья;
Но я из всех, кого там видел,
желал бы, чтоб Рустемом был
Один лишь этот. О! скажи,
Скажи, Хеджир, что это он! и ты
Немедля в стан к отцу и братьям будешь
Отпущен с честью и дарами». –
«Зачем, – спросил Хеджир, –
Ты так, Зораб, нетерпеливо
Узнать Рустема хочешь? Мой совет:
Не выходи против него. Тебе
Перед Рустемовой ужасной силой
Не устоять; когда Рустем
На Громе в поле выезжает,
и лев и крокодил приходят в трепет;
Он взглядом посылает смерть;
Его дыханье – буря; он, как прутья,
ломает крепкие деревья;
и кто б его противник ни был,
Хотя б он тверже был кремнистой
Горы, его Рустем растопчет,
Как слон траву сухую, в пыль.
Но, к счастью своему, грозы
Ты избежал: Рустема в войске нет;
С царем поссорясь, он
В Сабулистан свой возвратился
и там, о битвах позабыв,
В роскошном розовом саду
Пирует весело с гостями
и ждет спокойно за вином,
Чем кончится набег на нас Турана».
Так говорил Хеджир Зорабу:
Его хотел он обмануть,
Придумавши вражду царя с Рустемом;
Но вместо лжи сказал случайно правду.

VI
«Ты надо мной ругаешься, – воскликнул
С негодованием Зораб. –
Молчи, презреннейший из всех
Гудерсовых осьмидесяти сыновей!
Поверю ли, чтоб пехлеван Ирана,
чтобы Рустем, властитель боя,
От боя убежав, лениво
Под кровлю домашней пировал?
Тогда б и женщины и дети
Его достойно осмеяли.
Поссориться он мог, конечно, с шахом,

Когда, забывшись, шах его,
Завоевавшего ему отцовский
Престол, чем оскорбил; но Кейкаву
Еще не потерял рассудка;
И если подлинно он в ссоре был с Рустемом,
То уж они, наверно, примирились:
Кто заменит Рустема Кейкавусу?
Что значит туча громовая
Без молнии и грома? Без Рустема
Что ваше войско, что и весь
Иран ваш значит? Говори ж
Немедля, кто Рустем? Иль вмиг твоя
Перелетит через ограду замка
К шатрам иранским голова».
Хеджир от злости побледнел.
«Ты из меня, – подумал про себя он, –
Насилием не вырвешь слова,
Которого сказать я не хочу.
Не страшны мне твои угрозы;
Меня убьешь ты – от того
Не потемнеет день и в кровь
Вода не превратится;
Гудерсу только из своих
Осьмидесяти сыновей
Придется вычесть одного;
Зато с семидесятью девятью
Он выйдет мстителем кровавым
Против Хеджирова убийцы».
И он сказал: «Зачем, Зораб,
Ты так беснуешься напрасно?
Меня убить грозишься ты –
Убей, ты властен; имя ж,
Которое так жадно хочешь слышать,
Останется во мне, как запертое
В могиле; я не вымолвлю его,
Хотя б и знал стократно, кто и где
Рустем. Убей меня – пусть кровью заплачу
За стыд, что был ничтожнейшим из всех
Гудерсовых осьмидесяти сыновей».
Так он сказал. Зораб в кипенье гнева
Схватил свой меч, чтоб грудь пронзить Хеджиру;
Но он одумался и только по щеке
Его с такой ударил силой,
Что он без чувств упал на землю.
«Когда никто, – воскликнул он, –
Не хочет мне Рустема указать,
Мой меч к нему прочистит мне дорогу».

VII

Зораб сбежал, пылая гневом, с башни,
Вооружился, на коня,
Крылатого дракона, прынул
И поскакал, как буря, к стану.
Он страшен был – кругом его
Клубился, выбитый конем
Из недр земли, кипучий вихорь пыли;
И в этой черной туче
Как молния броня его сверкала,
И громом в ней тяжелым раздавалось
Коня топчущего ржанье.
И прямо на шатры Ирана
Летела туча громовая;
И все покинувшие стан,
Чтоб подышать свободно в поле,
В испуге бросились назад,
Спеша укрыться за окопом.
Так на лугу, заграду табуна
Покинув, скачут жеребята;
Но вдруг, бегущего увидя льва,

Пугаются его косматой гривы
И шумно ломятся в заграду;
Так, ужасом объятые, к шатрам
Все кинулись, увидевши Зораба.
Но, мелкого врага не замечая,
Он вихрем мчался к валу стана,
Чтоб, на него взлетев с конем,
Храбрейшего из витязей Ирана
На смертный вызвать поединок;
И с высоты окопа закричал
Зораб таким гремящим кликом,
Что от него и мертвый бы в могиле
Перевернулся: «Шах великолепный,
Ты чудной пышностью блистаешь
За крепкою оградой стана;
Но покажись, каков ты в чистом поле.
Зачем с своим могучим войском
Ты спрятался там от меня,
Как за плетнем от волка
С овцами прячется пастух?
С моим копьем против тебя
Я выезжаю; в Белом Замке
Был умерщвлен разбойнически Синд;
Я за вином кровавую дал клятву
Разбойнику за друга отомстить
И в ясный день убить убийцу,
Столь храброго лишь темной ночью.
Когда его ты знаешь, повели,
Чтоб шел со мной сразиться;
Когда ж тебе неведом он, то вышли
Иного – лучшего в смертельном деле боя.
Но если из твоей заграды
Никто против меня не выйдет, сам я
В твой стан проникну и к шатру,
Где ты таишься недоступно,
Себе мечом прочищу доступ.
Не устрашат меня твои два стража,
Твой лев и тигр; до солнца твоего
Мое копьё крылатое допрянет;
И выронит орел твой из когтей
Ирана царственное знамя;
Я на тебя шатер твой повалю,
И ты от сна беспечного проснешься».

VIII

При этом клике шах в испуге
Вскочил. «Бегите за Рустемом! –
Он закричал. – Как этот зверь проведет,
Что в золотом шатре я пребываю?
Скорей, скорей позвать Рустема!»
Рустем сидел перед шатром зеленым,
Когда гонец пред ним явился
И, задыхаясь, возопил:
«Зораб ворвался в стан; на царский
Шатер напасть грозит он;
Спешите, Рустем; на помощь царь зовет».
Рустем, не покидая места,
Сказал: «Служить накладно Кейкавусу;
Покоя нет ни днем, ни ночью;
Я прошлую провел в работе ночь,
Теперь хочу день целый отдыхать».
Но вот второй гонец примчался
За первым, третий за вторым, четвертый
За третьим; быстро,
Как за стрелю из лука стрела,
Они летели друг за другом,
И каждый повторял: «Рустем!
Зораб ворваться хочет в стан;
Беги скорей к царю на помощь».

Увидя общую тревогу,
Рустем сказал: «Да разве небо
Упало? Все дрожат перед одним!
От одного такой пожар всемирный!»
Но вдруг пред ним явились
Вельможи, посланные шахом,
Верховный воевода Тус
И сам царев наследник Ферабор;
И все его доспехи принесли
Они с собой. В молчании угрюмом
Он дал им волю; Тус надел
Тяжелый панцирь на него,
Гургин поножья; шлем
Был подан Ферабором;
Гураз принес колчан и лук;
С копьем, мечом и булавой пришли
Три сына старого Гудерса;
И, наконец, с могучим Громом,
Совсем оседланным, явился зять
Рустемов Геф. Увидя,
Как бешено, почуя бой, кипел
И прядал Гром, его товарищ верный,
Рустем воспламенился;
На Грома он вскочил
И, грозно крикнув, поскакал...
И все очами вслед за ним
В глубоком страхе устремились.
Книга седьмая
Рустем и Зораб. Первый бой
I
Он поскакал туда, где богатырь,
С ним однокровный, ждал, где сын его родной
Стоял, против отца вооруженный.
Завидевши один другого, оба
Заржали громко пламенные кони,
Рустемов Гром и конь Зорабов,
Сын Грома, – тот, отца принесший
На убиенье сына; этот,
Принесший сына, чтоб погиб
Рукой отца: но как родные
Они приветственным друг друга ржаньем
Окликнули... о горе! неразумным
Зверям был внятен голос крови,
А в глубину души отца и сына
Он не проник – так бедный человек
В безумии страстей своих и зверя
Слепорожденного слепей бывает, –
Для витязей то родственное ржанье
Призывом было в бой свирепый,
И в них зажглось удвоенное пламя.
Остановясь один против другого,
Отец и сын издалека друг друга
Смертельным оком молча озирали.
А той порой две рати с двух сторон,
Свидетелями поединка,
В порядке вышли боевом;
Ведомые могучим Тусом,
Полки блестящие Ирана
Построились перед шатрами;
А Баруман туранские дружины
По склону вытянул горы,
Одним крылом их к замку прислонивши.
И тихим рати строем
Одна против другой стояли,
Как две на двух концах противных неба
Стоят грозой чернеющие тучи;
Желанье боя только в двух
Избранных витязях горело;

А вокруг их все молчало, рокового
События со страхом ожидая.

II

И начали богатыри съезжаться,
И сблизились, и видели друг друга
Уже в лицо. Зораб,
К отцу влекомый тайной силой,
С весельем руки потирая,
Воскликнул: «Здравствуй, старый богатырь,
Какому я подобного и сонный
Не видывал! моя завидна участь:
Я лѣтами еще полурребенок,
А мне с таким обдержанным в бою,
Железным воином досталось
Впервые силу испытать.
Велик твой рост, плечами ты широк;
Но много взяли сил твоих
И годы и сраженья;
С моею молодостью крепкой,
Седой боец, твоя не сладит старость».
На щеки розовые сына
Взглянув, Рустем сказал: «Не горячись,
Прекрасный огненный младенец;
Земля тверда, хотя и холодна;
А воздух тепел, но уступчив.
Я на своем веку немало
Полей сраженья перешел
И многим войскам, гордым силой,
Помог в сырую землю лечь;
Их много спит, в ее глубоком лоне
Моей рукою погребенных;
Ты скоро сам то испытаешь,
Когда тебя с другими положу я,
Убитого, во глубь земли холодной.
Когда же, паче ожиданья,
Моей руки ты избежишь,
То уж тебе никто – ни человек,
Ни крокодил, ни лев не будут страшны.
Но слушай, милое дитя,
Мне жаль тебя, мне жаль такую
Младую душу из такого
Прекрасного исторгнуть тела;
Ты с турком, пальма красоты,
Не сходен; я подобного тебе
Не знаю и в самом Иране;
Мне жаль тебя». Такую речь
Приветно-нежную услышав,
Зораб почувствовал, что в нем
Вся внутренность затрепетала.
И он сказал: «О бодрый старец мой,
я об одном спрошу тебя смиренно:
Ответствуй мне по правде: кто ты?
У наших праотцев благой
Обычай был себя перед сраженьем
Именоватъ... какой-то голос
Мне тайно говорит, что ты
Рустем, зеленого шатра
Владелец». Так сказал Зораб...
И так над ними близко,
Неузнанное, пролетело
Мгновение, которым гибель
Могла б в спасенье обратиться
И злоба в нежную любовь...
Но темный дух нашел тут на Рустема;
Он отвечал: «Я не Рустем;
И знать тебе нет нужды о Рустеме.
Я подданный, а он державный князь;
Тебе ж не с ним считаться, а со мною;

Я у тебя в долгу: вчера я, ведай,
Во время пира в Белом Замке
Ночное совершил убийство».

III

При этом слове гневом вспыхнул,
Как туча молнией, Зораб,
И разом оба поскакали,
Зораб направо от Рустема,
Рустем направо от Зораба;
И, отскакав во весь опор
На выстрел из лука, оборотили
Коней; и быстро полетели
Друг против друга две грозы.
И начался меж сыном и отцом
Упорный бой. Сперва на всем скаку
Они пустили копьё –
Со свистом пронизали
Они щиты, подставленные им,
И, пролетев сквозь них, воткнулись в землю.

Тут обнаженными мечами
Они разить друг друга принялись –
Мечи, скрестясь на ударе,
Переломились разом оба;
Они, мечей обломки бросив,
Железные схватили булавы.
Чего копьё не тронуло, то меч
Рассек; чего не тронул меч,
То раздробила булава –
Так бились витязи, упорством
И силою один другого стоя;
И оба тягостно стонали;
На шлемах блеска не осталось,
Все перья с гребней облетели,
И ни одно кольцо на их кольчугах
Не уцелело; все избиты
Их были члены; пот ручьями
Бежал с их жарких лиц;
Под ними кони их дымились.
Так на небе две тучи громовые,
Сшибаясь, блистают и гремят
И молнии на молнии бросают;
Они друг друга истребить
Не могут, но под их войною
Земля приходит в трепет,
Их град тяжелый губит жатву,
И вся под ними сторона
Становится пустынна, как великим
Сражением растоптанная нива;
Когда ж их силы истощатся,
Они расходятся и грозно
Издали друг на друга сверкают
И глухо, ропотно гремят.
Так витязи, истратив силы,
На время бой упорный прекратили.

IV

Отец и сын избиты были оба.
Сошед с коней, они им дали волю
Вздыхнуть; а сами разошлись
И издали дивилися друг другу.
Так говорил с самим собой Зораб:
«Не может быть, чтоб этот зверь,
Столь яростно меня терзавший,
Был мой отец; хотя и вижу в нем
Все признаки, описанные мне,
Но о такой неимоверной злости
Мне мать не говорила; в ней
Любовь к нему родиться не могла бы,
Когда б ее очам явился он

С таким лицом чудовищного тигра.
Но он и сам назвал себя
Убийцей Синда... нет! он не Рустем;
Я клятвы долг святой исполню
И отомщу убийством за убийство».
В то время и Рустем с собою
Так рассуждал: «Не от простой
Он матери; она, конечно,
Не человеческой, а великанской
Породы: в возрасте его
Подобной силы не имел я.
Рустем, Рустем, остерегись;
Сбери всю крепость, старый богатырь;
Два войска смотрят на тебя,
Беда и стыд, когда с тобою
Турчонок безбородый сладит
И, возвратяся в Семенгам,
Расскажет сыну твоему
О поношении отца его, Рустема».
Так, отдыхая, размышляли
Отец и сын. Тем временем их кони,
Усталые от жаркой схватки,
Но пощаженные в бою,
Проветрились, остыли, освежились
И приготовились снова
Своих могучих седоков
Нести на смертный поединок.

V

Еще усталые, чтоб силы обновить,
Они за луки и за стрелы
Схватились. Две первые стрелы
На воздухе слетелись остриями
И, обессиленные, пали
На землю; вслед за ними частым
Дождем другие зашумели;
Так вихрем сыплются сухие
С деревьев листья при осеннем
Свистящем ветре; так
Кругом ульев, когда согреть их
Лучом весенним солнце,
Сверкают и жужжат, рояся, пчелы.
И непрестанно в их руках
Сгибались и разгибались луки,
Визжали резко тетивы;
И с них стрела слетала за стрелою;
И вслед за каждой из очей
Взор смертоносный вырывался.
Но то была лишь шутка боевая:
От панцирей отпрыгивали стрелы,
Их острие ломалось об шлемы,
В щиты вонзаяся, на них
Они густой щетиною торчали;
Так солнца острые лучи,
Гранит могучий осыпая,
Ему пронзить не могут твердой груди
И лишь ее поверхность разжигают.
Истратив стрелы, наконец
Противники свои пустые
Колчаны бросили и на коней
Вскочили оба, чтоб начать
Войну губительную снова.

VI

Слетевшись на конях, они
Вцепились крепкими руками
Друг другу в кушаки. Рустем
Сидел на Громе как железный;
Что он ни схватывал рукою,
Сжималось в ней, как мягкий воск;

Но он, схватив Зораба за кушак,
Был изумлен его сопротивленьем:
Как не колеблется утес,
Обвитый кольцами удава,
Так был Зораб неколебим,
Обхваченный Рустемовой рукою.
Но и Зораб напрасно мышцы
Напряг, чтоб пошатнуть Рустема:
Как не колеблется земля,
Обвитая струей воздушной,
Так был Рустем неколебим,
Обхваченный Зорабовой рукою.
И вдруг, кушак отцов покинув,
Как бешеный, Зораб впился руками
В его серебряные кудри,
Рассыпанные по плечам,
В сраженье выпав из-под шлема;
Он мнил, что вдруг сорвет его с седла;
Но он на нем, как вылитый из меди,
Не покачнувшись, усидел;
Один лишь клочок серебряных седин
В своих руках Зораб увидел;
Он задрожал при этом виде.
«Ты, богатырь неодолимый
Под сединами старика! –
Воскликнул он. – Зачем, зачем
С моею молодостью сильной
Свою выводил старость в бой?
О! сердце у меня в груди поворотилось,
Когда в моей руке остались
Твои седые волоса!
Мне показалось, что обидел
Богопреступною рукою
Я голову отца святую!
О! для чего же мы друг друга
Должны так яростно губить?
Ужель других здесь не найдется
Противников, чтоб успокоить
В нас жажду огненную боя?»
Так воин молодой сказал;
А старый мрачно и безмолвно
Отворотил грозящее лицо.

VII

И вдруг, как волк, врывающийся в стадо
Овец, он кинулся с мечом
На рать туранскую. Зораб
При этом виде повернул
Коня и яростный, как тигр,
Из тростника в табун коней
Одним влетающий прыжком,
Явился меж дружин Ирана;
И начал меч его сверкать,
Как молния, направо и налево;
И люди вокруг меча валились,
Кто безголовый, кто пронзенный
Насквозь, кто пополам
Пересеченный. Той порой
Рустем, уже достигший строя
Дружин туранских, вдруг остановился
И, обратив глаза на рать Ирана,
Увидел, что в ее рядах
Расстроенных происходило;
Подумал он о бешенстве Зораба,
Подумал он о страхе Кейкавуса
И быстро, не взглянув на турков,
К своим на помощь поскакал.
Он там в толпе густой увидел,
Как рассыпал рубины крови

На яркий поля изумруд
Своим мечом Зораб. И он воскликнул:
«Остановись! зачем на слабых
Так бешено ты нападаешь?
Чем провинилися они перед тобою,
Что вдруг на них ты кинулся, неожиданный,
Как зверь голодный на добычу?»
Зораб, его увидя, изумился.
«А ты, мой старый богатырь, –
Воскликнул он, – за что на бедных турков
Так яростно ударил? Чем они
Тебя обидели? Но вижу,
Что снова ты в сраженье вызвать
Меня желаешь – я готов».
На то Руستم отвечал: «Уж день
Сменила ночь; она покою
Принадлежит, а не сраженью.
Послушаемся ночи; завтра,
Лишь на востоке солнце, витязь неба,
Свой меч подымет золотой и землю
Им облеснет, мы бой возобновим;
Будь здесь, а я здесь буду:
Мы, пешие, борьбою
И боем рукопашным дело
Начатое окончим; оба войска
Сражения свидетелями будут;
Увидим мы, которое из двух
Богатыря оплачет своего».

VIII

Они расстались; сумрачен был вечер,
И темное тревожилось небо:
Оно как будто в погребальный
Покров заране облакалось.
Но весело Зораб вводил
Свои дружины в Белый Замок.
Он на пути спросил у Барумана:
«Что этот лев, который так измял
Мои бока тяжелой лапой,
Наделал здесь своим набегом? Много ль
Погибло от него народа?» –
«Ты повелел, чтоб войско было тихо, –
Так Баруман отвечал, – и войско
Стояло строем неподвижным,
Готовое к сраженью; вдруг
Мы видим, кто-то чудный, грозный,
Неведомый, как будто из земли
Родившийся, незапно
Ударил в самую средину
Испуганной таким явленьем рати;
Все приготвилились к отпору;
Но он, как будто уstraшенный,
Коня поворотил, назад
Помчался вихрем и пропал,
Как привиденье». Громко засмеявшись,
Сказал Зораб: «Итак, он только
Вас навестил по милости своей;
Напрасно ж он коня тревожил.
А я тем временем мой меч
Полакомил иранской кровью;
Нас темнота ночная развела;
Но завтра на рассвете
Опять начнется бой наш; завтра
Увидим мы, который устоит
Из нас двоих, который ляжет мертвый.
И обе рати станут в строй,
Чтоб быть свидетелями битвы.
Придется ль вам меня похоронить
Иль встретить с ликованьем – это

Нам скажет завтрашнее утро;
А нынче нам приличней, все забыв
Тревоги, влить вином душистым силу
В усталые от боя члены
И освежить язык, сожженный зноем.
Скорей, премудрый Баруман,
Вели нам пир обильный приготовить».

IX

Тем временем, достигнув стана,
Рустем в шатре царя
С ним и с его вождями
За освежительным вином
О жарком бое вспоминал.
Была там речь лишь только о Зорабе.
«Зачем ему, – спросил Рустема царь, –
Ты волю дал напасть на наше войско?
Когда бы к нам на помощь
Ты вовремя не подоспел,
Беда великая могла бы нас постигнуть.
Но что же сам, скажи, о нем ты мыслишь?»
И, зависти не ведая, Рустем
Сказал: «Такого богатырства,
Такого льва в таком младенце
Еще я в жизни не встречал;
Он бог войны, не человек,
И не уступит мне ни в силе, ни в искусстве;
А свежей младостью своей
Мою он старость превосходит.
Мне предстоит с ним завтра тяжкий бой.
Я испытал сперва мое копье,
Потом мой меч, потом и булаву –
Все отразил он; напоследок, вспомнив,
Что в старину я многих силачей
Одной рукою схватывал с седла,
Ему в кушак я руку запустил
И силой всей его рванул, но он
Не пошатнулся. Нас теперь
Ночная тьма с ним разлучила –
Не знаю, мной остался ль он доволен?
А я доволен через меру им.
Когда же завтра мы сойдемся,
Я постою за честь Ирана
И за свою, до сих пор без пятна
Мне сохранившуюся славу.
Как ныне, завтра оба войска
Свидетелями боя станут в строй;
И в этот час уж будет завтра всем
Известно, кто из нас двоих
Лежит убитый, кто живой остался;
Теперь же здесь, покуда мы еще
Все налицо, озолотим
Беспечным пированьем
Канун спокойный рокового,
Быть может бедственного дня.
Державный шах, благоволи
Нас угостить твоим вином душистым».

X

Так говорил Рустем; и речь его
Задумчивость мгновенную на сердце
С ним пировавших навела.
Но снова с блеском зашипело
Вино; за славу и победу
Рустема сдвинулися чаши,
И наконец по долгом пированье
Все по шатрам на сон и на покой
Полухмельные разошлись.
В зеленый свой шатер вошедши,
Рустем Зевару так сказал:

«Зевар, мой брат, ты видел ныне,
Каков был этот бой; что будет завтра,
О том из нас не ведает никто.
Я завтра рано выйду к делу,
А ты, мой брат, меня предав
Во власть всевышнему, останься здесь
И стражем будь моей сабульской рати.
Когда из рук судьбы мне выпадет победа,
Не стану я на месте крови медлить,
И ты меня в шатре увидишь скоро.
Но если мне иное суждено
От неба, не скорби, не покушайся
Отмщать врагу, но рать мою немедля
Веди в Сабул; дорогой же и дома
Всем говори: ему был рок погибнуть
От юноши. А матери скажи:
«Не сокрушай себя; достигла ты
До старости глубокой; на твоих
Глазах состарился и он;
И ты его пережила;
Живи же долго, но о нем
Не сетуй; он великих дел
Довольно совершил; немало им
Истреблено чудовищ, великанов;
Немало крепких замков он
Разрушил и сравнял с землею;
Немало войск пред ним погибло –
Теперь настал черед и для него.
К железным смерти воротам
Конь жизни рано или поздно
Со всадником своим – кто б ни был он,
Могучий, слабый, храбрый, робкий, –
Примчится; каждому из нас
В те ворота в свой час придется стукнуть,
И каждому отворятся они;
На увольнение здесь от смерти
Он записи от неба не имел;
На вечное подданство ей
Мы все укреплены судьбою».
Так матери ты нашей скажешь. А теперь
Налей вина последнюю мне чашу
На сон грядущий, брат Зевар,
И спи спокойно; остальное
Звездам на волю отдадим».
Рустем умолкнул, поданное выпил
Вино, разделся, лег
И в сон глубокий погрузился.
Книга осьмая
Рустем и Зораб. Второй бой
I
Когда павлин денницы распустил
Широко хвост свой разноцветный
И голову под черное крыло
Угрюмый ворон ночи спрятал,
Рустем проснулся, опоясал
Губительный свой меч
И, боем дышащий, вскочил
На огнедышащего Грома;
И бурю на избранное место он
Помчался. Как звезда, пророк
Великих бедствий, пламенным хвостом
На небесах блистает ночью темной,
Так бедоносно шлем косматый
Блистал на голове Рустема;
Прибыв на место, с изумленьем
Он озирался, но Зораба
Там не было: Зораб, в то время
Как гибельный его отец

Ждал в поле, утренним вином,
При звуке лютнь, беспечно утешался.
И так сказал он Баруману:
«Со мною этот старый лев
И крепостию мышц, и ростом,
И храбростию равен;
Когда смотрю на грудь его, на руки
И на плечá, мне кажется, что вижу
Я в зеркале себя; невольюно
Приходит в мысли мне, что сам
Таким я буду, если звезды
Мне столько ж лет отчислят в жизни.
Взглянув ему в геройское лицо,
Я чувствую какую-то тревогу,
Мне стыдно, я краснею, в грудь мою
Втесняется глубоко
Неодолимая тоска.
О Баруман, уж не Рустем ли он? Скажи
Мне правду; Баруман, спаси
Меня; не дай мне быть отцеубийцей
На ужас всей земле. Что, возвратись,
Скажу я матери? Скажу ли,
Что руки я свои умыл
В крови отца? Все знаки, ею
Мне данные, согласны с тем, что видят
Мои глаза, недостает
Лишь одного мне убежденья. Если он
Рустем, то я еще ему в глаза
Сказать не смею: я твой сын!
То им самим запрещено;
Лишь слава даст на то мне право.
Когда же не Рустем он... О! какая
Была б мне честь явиться пред отцом,
Богатыря такого одолевши!
Кто разрешит мое недоуменье?
Когда вчера так зверски
Со мной он бился, мысль, что он
Отец мой, показалась мне
Мечтой несбыточной; но в эту ночь
Я видел сон... я видел, что лежу
В его объятиях, так нежно,
Так весело, с такой любовью детской...
Нет! Не могу и не хочу с ним биться».

II
Покорствуя тому, что повелел
Афразиаб, коварный Баруман
Ответствовал: «Ты видел сон,
Проснулся – вот и все. Ужель, поверя
Мечте, начатого так славно
Не довершить? Ты слово дал
И должен выручить его – иль вечным
Стыдом себя покроешь. В поле
Тебя он ждет и, верно, торжествуя,
Уж думает: «Передо мной робеет
Мой незрелый богатырь».
Так и Иран с ним вместе скажет;
То повторится и в Туране.
Тогда с каким покажешься лицом
Ты на глаза Рустему? Не забудь,
Что на тебе лежит святая клятва
Отмстить за Синда; сам же он сказал
Тебе, что Синд убит его рукою.
А для чего свое таит он имя,
Не знаю; мой совет: не любопытствуй
И ты о том узнать; убей и уничтожь
Его, пока он сам тебя убить
И уничтожить не успел, –
Тогда избегнешь посрамленья,

Заслужишь честь и клятвы не нарушишь».
Так искуситель говорил;
Его слова звучали глухо;
Он поглядеть в лицо не смел Зорабу
и бледен был как полотно;
Но все сомненья он разрушил
в душе Зораба. Мщеньем закипев,
Поспешно витязь молодой
Вооружился, на коня
Лихого прынул
И полетел на битву роковую.

III

Когда сошлись соперники на месте,
Назначенном для поединка,
Две рати с двух сторон
Свидетелями боя
В порядке вышли боевом:
Ведомые могучим Тусом,
Блестящие полки Ирана
Построились перед шатрами;
А Баруман туранские дружины
По склону вытянул горы,
Одним крылом их к замку прислонивши.
К сопернику приблизившись, Зораб
Его спросил, приветно улыбнувшись:
«Покойно ль спал ты эту ночь
и весело ль проснулся? Рано, рано
Ты поднялся, мой старец многосильный:
Прекрасен этот день – таков ли будет
Прекрасен вечер, мы не знаем.
Но посмотри, как утро молодое
Вершины гор озолотило;
Цветы все утренним вином
Напоены, и утренняя свежесть
На паству манит пастухов;
Невидимо под ветвями дерев
И видимо в лазури неба
Поют проснувшиеся птицы;
Ручьи, сияя, льются;
На солнце блещут берега;
Трава росой сверкает...
Приличен ли такой всемирный праздник
Кровавому убийству? День такой
Не лучше ль милой жизни
Еще нам уступить? Послушай, друг,
Сойди с дракона своего
На этот свежий дерн; заключим
в виду обеих наших ратей
Здесь перемирие, забудем
На этот день и мщение и злобу:
Пусть будет поле крови
Для нас палатой пировою.
Я знак подам – и перед нами
Вино заблещет в кубках,
И пир устроится роскошный,
И звонко заиграют струны,
И дружно мы отпразднуем с тобою
День возрождения прекрасной,
Всеоживляющей весны;
Железный шлем ты снимешь с головы,
А я венком живых цветов украшу
Твои мне милые седины;
И, сидя за вином, мы будем
Беседовать радушно о войне,
О бранных подвигах, и всем, что знаю,
Я поделюсь с тобой от сердца;
А ты свою откроешь мне породу
И славное свое мне скажешь имя –

О! не упорствуй, друг; скажи,
Скажи его – мы не должны
Так чужды быть друг другу; нас
С тобой вчера побратовала битва».

IV

Так с откровенностью младенца
Рустему говорил Зораб –
Ему во грудь из вод, из глубины
Небес, из зелени полей
Проникнул тайный голос
Природы; на щеках его
Горело жаркое желанье;
Так раскрывается младая
Распуколька от теплого весны
Дыхания; но если на нее
Дохнет морозом бурный север,
Она сжимается и увядает;
Так от морозных слов Рустема
Увяла вдруг в душе Зораба
Едва зацветшая надежда.
«Дитя мое, – сказал Рустем, – не для того
Сюда пришли мы, чтоб, роскошно
На луговом ковре покоясь,
Беседовать; на смертный бой
Пришли мы. Если ты
Еще годами отрок,
То я уж не дитя. Ты видишь,
Что для борьбы кушак стянул я туго;
И здесь давно я жду, чтоб боевую
С тобой начать работу, чтоб нарвать
С тобой тех роз, какие только в нашем
Саду родятся. Свежесть утра
Для ратного благоприятна дела;
Она моим состарившимся членам
Живую крепость придает.
Итак, пока не наступил
Палящий зной, начнем
Свой мужественный спор. Я не слышал,
Чтоб для одних рассказов о боях
Соперники на месте боя,
Вооруженные, сходились;
Я бьюсь делом, не словами.
По имени ж себя не прежде назову,
Как положив тебя в крови на землю:
Тогда узнаешь, чья рука тебя убила».

V

Зораб, воспламененный гневом,
Воскликнул: «Будь по-твоему, упрямый
Старик! своей судьбы никто
Не избежит; и мы увидим скоро,
Кто здесь кого принести ей в жертву должен».
На землю спрянул он с коня,
И громко зазвучало
Его оружие. Рустем
Сошел поспешно с Грома; тяжкий
Звук от меча его раздался,
И из ножен до половины
Он выпрыгнул. В молчанье оба
К бежавшему вблизи потоку
Они пошли с конями. У воды
Росло там дерево; к нему
Они коней ретивых привязали;
И там Рустемов Гром
Оставлен был с конем Зораба.
Приветливо они друг друга
Обфыркали и, знакомясь,
Между собой немую завели
Беседу; как друзья давнишние, они

Подножную траву щипали вместе,
И головы протягивали дружно
К ручью за свежую водою,
И шеями друг друга обнимали,
Как будто угадав,
Какое близкое родство меж ними было.
А между тем отец и сын
На место боя грозно шли,
Друг другу смерть в душе готовя.

VI

Они плотней стянули кушаки
И рукава до самых плеч
Могучих засучили;
Ужасно их наморщились лица
И загорелись глаза,
И, разом бросясь друг на друга,
Как разозлившиеся тигры,
Они руками обхватились:
Два тела вдруг слились в одно,
Вокруг которого четыре
Железные руки, как змеи,
В него вдаваясь, переплетались.
Как будто сплавленные крепко,
Они друг друга, грудь на грудь,
Теснили, перли, гнули, жали –
Напрасно; камень и железо
Могли бы руки их расплюснуть,
Но пошатнуть не мог ни сына
Отец, ни сын отца; дыханье
Спиралось в их груди; глаза их, кровью
Налитые, как уголья горели;
Их ноги были врыты в землю –
Но ни один не мог другого
Ни потрясти, ни наклонить,
Ни приподнять, ни сдвинуть с места;
Напрасны были их порывы,
Напрасны были их напоры,
Напрасно было их боренье,
Их трепетанье, их кипенье –
Неодолим, неколебим
Остался каждый. Наконец,
Отбросив тщетную борьбу,
Они решились испытать,
Кому кого удастся
Поднять с земли и опрокинуть.
И, разорвавшись, разом отскочили
Отец и сын и, разом снова
Сбежавшись, как крючья руки
За кушаки засунули друг другу.
И вдруг Рустем потрянул Зораба
Так сильно, что с земли
Взорвал его на воздух; как свинец,
Всею тяжестью Зораб на грудь отца
Обрушился и повалил
Его на землю под себя.
Не зная сам, как мог он очутиться
На нем, его к земле он придавил
Коленом, выхватил кинжал
И был готов пронзить им грудь
Под ним лежавшего Рустема.

VII

Рустем, увидя над собою
Железо, возопил: «Остановись,
Что хочешь делать? Если ты
Породой знаменит, не осрамляй
Ни самого себя, ни предков
Постыдным делом: меж суровых
Родяся турков, ты не знаешь

Обычаев Ирана – знай же,
что здесь никто, кому в борьбе
Соперника удастся одолеть,
Его не умерщвляет, но ему
Дает с собою испытать
В другой раз силу; если ж и тогда
Он победит, то властен он
И умертвить врага и дать ему пощаду.
Таков святой иранский наш обычай;
И стыд тому, кем будет он нарушен!»
Так говорил Рустем, прибегнув
(Чтоб от себя погибель отвратить)
К обману. «Я, – отвечивал Зораб, –
Не слыхивал, чтоб где такой обычай
Водился; но скажи мне, соблюдал ли
Его Рустем?» На это возразил
Рустем: «Какое дело нам
До твоего Рустема? Если ж
Ты хочешь знать, то и Рустем
Обычаю Ирана был покорен».
При этом слове опустил
Зораб кинжал и руку подал
Лежачему, чтоб он с земли поднялся.
Легко поверил он: простому сердцу
Коварство было незнакомо;
Незлобный, как младенец, был он
Великодушен, как герой;
А темная рука судьбы
Его к погибели стремил неизбежно.
Обманом спасшийся Рустем
Негодовал, что для спасенья
Был принужден обман употребить;
Поднявшись с земли, он отряхнулся
И против воли покраснел,
Взглянув на сына; а Зораб
Ему сказал с усмешкой: «Отдохни,
Мой старый богатырь; я скоро
Опять здесь буду, и тогда,
Как следует, начатое мы кончим».
Сев на коня, он поскакал
В ту сторону, где по горе
Туранское стояло строем войско;
Вдруг перед ним вскочила антилопа, –
И весело за нею он погнался,
Забыв о близком часе роковом.
Книга девятая
Рустем и Зораб. Третий бой
I
Рустем, избавясь от беды,
Один остался; несколько мгновений
Он был объят глубокой думой; вдруг –
Как будто что напомнилось ему –
Пошел поспешным шагом
К потоку, где его могучий Гром
Под деревом привязанный стоял.
Была недалеко оттуда
Утесистая дебрь. И много лет
Прошло с тех пор, как в этой дебри
Имел Рустем свиданье с горным духом.
В то время был он одарен
Такою непомерной силой,
Что не врагам одним, и самому
Ему она была во вред:
Его земля не выносила;
Когда он шел по каменному кряжу,
Как на песке, глубокие следы
От ног его на камнях оставались.
Так некогда с тяжелою добычей,

Отнятою у турков, он
Во мраке ночи пробирался
С трудом великим тою дебряю;
При каждом шаге увязали
Его по щиколотку ноги в землю;
Они ее, как плуг железный, рыли.
Вдруг близ него во тьме раздался
Осиплый хохот. «Кто хохочет?» – гневно
Спросил Рустем. Глухой ответ был: «Я!»
«А ты кто?» – «Горный дух». – «Чему смеешься?»
«Смеюсь тому, что ты, силач,
С своей не можешь сладить силой;
Она чрезмерна для тебя.
Отдай на сохраненье мне
Ее излишек; если –
Когда от лет твои расслабнут члены –
Она тебе понадобится снова,
Приди сюда и кликни – я откликнусь,
И от меня ее сполна опять
Получишь ты беспрекословно».
И духу горному Рустем
На сбереженье отдал
Излишек силы. И теперь,
Когда от лет его расслабили члены,
Пришел он в дебрь, у духа взять
Обратно вверенный залог;
Он чувствовал, что силой половинной
Ему не одолеть Зораба.
И в ярости с собой он говорил:
«Он жить не должен; им в виду
Ирана был я опозорен;
Он смел коленом стать на грудь
Упавшего к ногам его Рустема;
И им к постыдному обману
Рустем, дотоле беспорочный,
Был приневолен, чтоб спасти
Свою обруганную жизнь.
Не потерплю, не потерплю,
Чтоб на одной земле со мною
Хоть миг один мог продышать
Создатель моего позора».

II

Так думал он, вступая в глубину
Утесистой, пустынной дебри.
Там на престоле скал мохнатых
Сидел могучий дух. И он увидел,
Что кто-то мрачный, озираясь
По сторонам, ущельем шел;
И понял дух, что путник
Искал свиданья с ним; густою мглой
Была его покрыта голова,
Как шлемом; он дохнул, и мгла
Слетела с головы; и дух
Стал видим, хмурый и туманный;
И он спросил: «К кому пришел ты?» –
«К тебе, – ответствовал Рустем. –
Я узнаю тебя; ты все таков же,
Каким давно на этом месте
Со мною встретился впервые;
Не устарел, не поседел; а ты
Меня узнал ли?» Темный дух
Ответствовал: «С трудом; ты стал
И стар и сед. Скажи ж, зачем тебя
Твои хилеющие ноги
В мою пустыню принесли?»
Рустем сказал: «Отдай обратно
Мною мне силу. Я доньше
Доволен был одним ее участком;

Теперь она нужна мне вся.
Отдай мне, дух, ее излишек,
Оставленный тебе на сохраненье».
Дух отвечал: «Рустем, навеки
Теряет силу человек,
Когда она его сама с годами
Медлительно, неудержимо
И невозвратно покидает;
Но ты свою мне силу
Во цвете лет по доброй воле
На сбереженье отдал сам –
И мной тебе она сбережена;
В груди гранита моего
Целее, чем в твоей груди,
Неизменная, она
Лежит. Но для чего, Рустем,
На плечи дряхлые свои
Такой великий груз ты хочешь
Так поздно возложить? Остерегись,
Седой боец; ты на себя
Кладешь беду. Твое желанье
Исполнить я не отрекуся,
И если ты решился твердо
Взять от меня залог свой роковой,
Возьми, но знай: возьмешь не на благое,
А на губительное дело.
Еще не поздно; мой совет
Спасителен; прими его, Рустем:
Оставь свою в покое силу;
Ты славных дел немало совершил –
Доволен будь; страшуся я,
Что на себя своим последним делом
Ты бедствие великое накличешь
И сам своею силой
Свою погубишь силу».

III

Тем временем Зораб, с охоты
На место боя возвратясь,
В недоумении стоял и озирался –
Рустема не было. И он не знал,
Дождаться ли его иль удалиться.
А с неба день уж начинал
Сходить, и тени становились
Длиннее. Но... Зорабов час ударил:
Зораб остался; он подумал:
«Соперник мой меня
Здесь долго утром ждал –
Я вечером его дожждаться должен.
А вечер вышел не таков,
Каким его нам утро обещало,
И солнце село, в небесах
Зарю кровавую оставя.
Но где же он?..» И в этот миг
На зареве заката отразился,
Как темный метеор, огромный стан Рустема;
Зораб невольно содрогнулся.
Как будто чародейной силой
Преображенный, чудно
Блестающий, помолодевший,
Представился очам его Рустем.
Он на него глядел в недоуменье
И, не посмев спросить, где он так долго
Промедлил, шепотом сказал: «Должны ли
Мы продолжать? До наступленья ночи
Успеем ли?..» – «Успеем», – перебил
Его слова Рустем сурово.
И вышли – яростный отец
На сына с силою двойною

И на отца оторопелый сын
С полуразрушенною силой.
Восходит день, когда нисходит ночь,
Восходит ночь, когда нисходит день, –
Так и теперь настал черед Рустему.
Вечерней мглюю затянувшись,
День удалившийся простер
Полутуманное мерцанье
Над местом бедствия и крови;
Два воинства стояли там
Безмолвными свидетелями боя.
Но как он был? И что свершилось?
Того ничье не зрело око...
Они сошлись – и вмиг всему конец;
Рустем рванул – Зораб упал к его ногам;
Рустем давнул – и в грудь Зораба
Глубоко врезался кинжал.

IV
Зораб, смертельно пораженный,
Сказал: «О ты, неверный оболъститель!
Такая ль от тебя награда
За то, что был ты мною пощажен?
Ты небылицей о Рустеме,
Ты именем Рустема жизнь мою,
Как вор ночной, украл. Но будь
Ты птицей в воздухе иль рыбою в воде,
Не избежишь, хотя и в гробе
Лежать я буду, мщенья от Рустема,
Когда раздастся всюду слух
(А он раздастся скоро),
Что здесь предательски зарезан
Тобою сын Рустема и Темины».
От этих слов затрепетал
Рустем, как будто вдруг ударом грома
Пронзенный, с головы до ног.
«Что говоришь ты, сын беды? –
Воскликнул он. – Скорее отвечай:
Кто твой отец?» – «Я сын Рустема и Темины, –
С блеснувшей гордостью на бледном
Лице сказал Зораб. –
Отец мой страж Ирана многославный;
А мать моя краса и слава Семенгама.
И ею был сюда я послан
Отыскивать отца, столь много лет
С ней разлученного. Чтоб мог
Меня Рустем признать за сына,
Я должен был ему повязку, на прощанье
Им данную Темине, показать;
И чтоб сберечь ее верней,
Не на руке, а на груди
Всегда носил я ту повязку;
Открой мне грудь – увидишь сам».
Так говорил он; от страданья
Душа рвалась из Рустема.
Дрожа как лист, одежду он раскрыл...
И там (увидел он) сидел,
Как жаба черная на белых розах,
В груди кинжал, до рукояти
В нее вонзенный, как в ножны.
Его Рустем из раны вынул;
И быстро побежала с жизнью
Струя горячей крови;
И ярким пурпуром ее
Рустемова повязка облилася.
Он побледнел, ее увидя,
И глухо прошептал,
Как будто задушенный:
«Зораб, ты сын мой... я Рустем!»

V

И долго, ужасом окамененный,
Смотрел он мутными глазами
На сына. Вдруг он дико застонал..
Так стонет тигр: в кусты залегши,
Яримый жаждой крови, ждет он,
Чтоб мимо бык из стада пробежал.
Его когтям в добычу.
И вдруг его единственный тигренок,
Им в логе брошенный, шумя
В кустах, бежит: и на него,
Слепой от голода, отец в остервененье
Бросается, его когтями
На части рвет и вдруг,
Узнавши, кто так жалко
Трепещется под лапами его,
Пускает стон, какого никогда
Не издавал дотолле, стон
Разорванного сердцем тигра, –
Таков был страшный стон Рустема;
Так застонав, со всех он ног,
Как будто вдруг убитый наповал,
На сына грянулся. Всю память потеряв,
Впервые сердцем сокрушенный,
Недвижимым, окостенелым
Лежал он мертвецом. Его холодной
Рукою стиснутый, смертельно бледный,
Смертельно раненный, лежал с ним рядом сын;
Еще его лилася кровь,
Еще приподымало грудь ему
Дыхание; он чувствовал, он видел;
Он радовался, умирая,
Что близко был отец,
Его отец, его убийца,
Которого так жадно он желал,
Так силился найти и наконец так страшно
Нашел... И он теперь (как накануне
Ему привиделось во сне)
В его объятиях лежал с любовью детской.

VI

Тем временем, не видя ничего,
В вечернем мраке оба войска
Стояли молча. Вдруг от места боевого
Дошел до них протяжный стон;
И все опять утихло;
И каждый угадал,
Что там беда великая свершилась.
Но долго заглянуть туда
Не смел никто; когда же наконец
Нашлись отважные и подойти
Дерзнули к месту роковому,
Они сперва там встретили коней,
Под деревом стоявших праздно.
Увидя, что престол Рустемов – Гром
Был пуст, они пришли в великий ужас
И опрометью в стан
Все бросились, крича: «Рустем
Убит! на Громе нет Рустема!»
Тогда нашел на войско трепет;
Как море в бурю, тяжело, глубоко
Оно заволновалось; страшный
Мятеж в нем загремел;
И шумною волною
Оно все хлынуло вперед.
Но прежде чем оно прийти успело к месту,
Достиг туда его далекий шум;
И им Рустем близ сына
От сна смертельного к смертельному страданью

Был пробужден; и тяжко
Он застонал – но тихим словом сын
Его смирил. Последнее дыханье,
Последний свет души своей он собрал,
И на его бледнеющих устах
Чуть слышную музыкой зазвучала
Прискорбно-сладостная речь;
И тихо речь лилась,
Как теплая, слабеющая кровь,
Все медленней бежавшая из груди.

VII

«Отец, пока еще во мне
Есть жизнь, пока еще оттуда
Никто не подошел – к моим словам
Склони твой слух. О! лучшее из них,
Мое сладчайшее, мной в первый раз
Произносимое на свете слово:
Отец! произношу
В последний жизни час; им горечь смерти
Услаждена; за гордое желанье
По славе подвигов достойным
Рустемовым назваться сыном
И за надежду некогда с ним вместе
Над всею властвовать землею,
Которой сам теперь я стал подвластен,
Недорого я заплатил. О чем же,
Рустем, крушишься? О! не плачь!
Не ты, не ты меня убил;
В утробе матери на то
Я был звездами предназначен;
На то и Синд напрасно ею
Был послан, чтоб отца мне указать;
На то и ты был должен Синда ночью
Убить, чтоб уж никто не мог
Нас вовремя друг с другом познакомить.
Когда молва о гибели моей
До милой матери достигнет,
Заплачет жалобно о сыне
Без жалоб на отца она.
Ты ей пошли мои доспехи
И возврати повязку роковую,
Напрасно данную тобою ей,
А ею мне; позволь, чтоб Баруман
Назад отвел мои дружины с миром,
Они сюда пришли за мною
И без меня в сражение не пойдут;
Не мсти Хеджиру за упорство,
С каким он, вопреки
Моим всем просьбам и угрозам,
Тебя назвать отрекся... Ах! о том
Я умолял напрасно и тебя;
Пускай вполне останутся Гудерсу
Его все восемьдесят сыновей,
Тогда как твой единственный лежать
Здесь будет мертвый; пусть владеет
Хеджир и Белым Замком;
Пускай и дева красоты,
Представшая очам моим как сон,
Гурдаферид себя отдаст Хеджиру,
Но слово данное исполнит;
Оплакать мой безвременный конец.
Мое же тело повели
Отнести в Сабул и положить
Туда, где все положены
Мои прославленные предки;
А здесь пускай раскинут надо мною
Рустемов царственный шатер.
Так навсегда с землею я прощаюсь...

Пришел как молния; ушел как ветер...
А ты, Рустем, в последний раз теперь
На отходящее дитя свое взгляни
И прежде, чем оно утратит силу слышать,
Промолви вслух: Зораб, ты сын Рустема».

VIII

Так, умирая, говорил
Прекрасный юноша. Рустем молчал;
Напрасно силился уста
Он растворить, они загвождены
Железной судорогой были.
И молча он смотрел, как тихо гасла
Вдруг догоревшая лампада.
Так на последнюю струю
Зари вечерней смотрит путник;
Когда ж и след ее на небесах
Исчезнет, одинок в пустыне темноты
Он остается, и ему
Уж никакое на пути
Не руководствует сиянье –
Так для Рустема жизни свет
С душой Зораба гас навеки.
Тем временем и гром и шум
Дружин бегущих приближался;
Рустем в расстройстве скорби
Неистово от сына поднялся
И к войску выступил навстречу,
Окровавленный, весь в пыли,
С могильной бледностью лица,
Обезображенного горем.
Его никто в Иране столь ужасным
Не видывал... но громозвучным криком
По войску радость пробежала,
Когда пред ним Рустем, живой, явился.
Такой подъемлет крик дружина,
Увидя над собой внезапно
Свою хоругвь, спасенную из рук
Ее схватившего врага:
Она изорвана в лохмотье,
Но спасена. Так все заликовало
Рустема встретившее войско.
И, став пред ним, растерзанный печалью,
Томимый гордостью, волнуемый стыдом,
Рустем сказал: «Сюда, вожди Ирана,
Сюда, вельможи Кейкавуса!
Смотрите все, какую службу
Рустем Ирану отслужил;
Вот он лежит, вам грозный богатырь;
Моей рукой разрушен страх Ирана.
Я много боёв совершил,
Я бился днем, я бился ночью,
Но никогда еще я не принес
Такой, как ныне, жертвы славе:
Смотри, Иран! Рустем своей рукою
Здесь за тебя убил родного сына».
Так говорил Рустем, и голос
Его не трепетал; и были сухи
Его глаза; и был он страшно тих.
Тогда они увидели в крови
Простертого героя молодого;
Еще за час цветущий, как весна,
Прекрасный, как живая роза,
И полный силы, как орел, –
Теперь он перед их очами
Лежал безгласный, недвижимый,
Покрытый бледностью смерти.
Рустем взглянул ему в лицо...
«Еще он жив! – воскликнул он. –

Скорей гонца отправьте к шаху
Молить, чтоб мне прислал немедля
Три капли чудного бальзама,
Все исцеляющего раны,
Который он всегда с собой имеет...
Три капли, чтоб спасти Зораба,
Чтоб милый сын мне жив остался».

IX

На крыльях к шаху прилетел
Гонец и так сказал: «Рустем
Убил Зораба, но Зораб
Рустемов сын; о нем отец
Рыдает горько, и его печалью
Все пораженные рыдают; ими
К тебе я прислан, шах державный,
Молить, чтоб ты благоволил немедля
Три капли дать бальзама,
Который при себе
Всегда имеешь;
Три капли, чтоб спасти Зораба,
Чтоб жив Рустему сын остался».
Но шах ответственвал на это,
Не торопясь: «Благодаренье богу!
Рустем спасен, а враг лежит убитый;
Ему покойно; я тревожить
Его не стану: всем моим бальзамом
Пожертвовать готов я для Рустема;
Но капли дать не соглашусь для турка.
Ирану и одной уж силы
Рустемовой довольно через меру;
Когда же с ним такой могучий
Соединится сын, их обоих
Не выдержать Ирану.
Но если так Рустем желает,
Чтоб я в беде ему помог,
Пускай свою отложит гордость,
И сам сюда придет,
И просит милости у шаха на коленях».
Гонец, увидя, сколь упорен
Был царь, не стал терять без пользы слов
И поспешил с его ответом
К Рустему. При таком жестоком
Отказе вся пришла в волнение
Душа Рустемова; борьба
Меж скорбью и гордостью в ней
Такая началась, что пар
От головы богатыря поднялся;
Он судорожно трепетал;
Не мог пойти, не мог остаться;
Но наконец перед судьбою
Смирненно голову склонил
И в землю пасть за сына перед шахом
Пошел... но десяти шагов переступить
Он не успел, как уж его
Настигла весть: все кончилось; Зорабу
Теперь ничто не нужно, кроме гроба.

Книга десятая

Рустем

I

Рустем пришел обратно; той порой
Они уж мертвого покрыли.
Была кругом тройная ночь:
На небесах, в душе отца
И в скинии пустой,
Где так недавно
Душа Зорабова сияла.
Подняв в молчании покров,
При слабом звезд сиянье

Отец увидел
Умершего лицо:
Оно от темноты,
Как бледный призрак, отделялось
Своею смертной белизной;
И холод ужаса в него проник;
Покров на мертвого опять он наложил
И шепотом, как будто разбудить
Заснувшего остерегаясь,
Сказал: «Я часто смерти
Глядел в глаза, и никогда
Мне не было пред нею страшно,
И никогда она не представлялась
Мне столь прекрасною, как здесь,
На этом образе прекрасном...
Но я теперь дрожу. О горе! горе
Тебе, Рустем! всей славою своею
Не выкупишь ты этой милой жизни
У смерти, ею завладевшей.
Что подвиги твои теперь?
Все прежние последний опозорил.
О милый сын мой, сын моей души!
Такую ль встречу твой отец
Тебе был должен приготовить?
Тебя с младенчества прельщал
Погибельный, неверный призрак;
Рустемовы дела
В твою гремели душу;
Они к отцу тебя стремили;
Твоею гордостью, надеждой,
И радостью, и жизнью было
Упасть на грудь отца... ты на нее упал,
Но об нее расшибся; ты насильно
В мои объятия ворвался –
И был в них задушен.
Тебе я, как врагу, дивился,
Завидовал... слепой безумец!
Обманом я разжалобил твою
Бесхитростно-доверчивую душу,
Чтоб у тебя украсть из рук
Остаток дряхлой жизни,
Мне самому теперь презренной,
И чтоб потом разбойнически младость
Твою убить в союзе с темной силой.
И наконец я за тебя, мой сын,
Пошел на стыд и унижение,
Пошел упасть к ногам надменным шаха,
Но тем от рук железных смерти
Тебя не спас я... О! пусть будет этот стыд
Мирительной уплатою за все,
Что сотворил тебе в обиду
Отец твой... так решили звезды;
Я возмечтал до неба вознестися –
И было мне, в урок смиренья, небом
Ниспослано сыноубийство».

II

Так сетовал Рустем во тьме ночной,
И все вожди и все вельможи,
С ним вместе сетуя, сидели
Кругом его, забывши о вечерней
Трапезе. Их Рустем
Не замечал; он мертвыми очами
На сына мертвого глядел
И, роковую стиснув
В руках повязку, так
Ей говорил: «Ты, золотая,
Холодная, коварная змея!
Ты сокровенностью своею,

Как жалом смерти ядовитым,
И сыну грудь пронзила
И грудь отцу разорвала.
О! если бы для нашего спасенья
Ты вовремя сама разорвалася
И выпала передо мною
Из-под одежды роковой!
Зачем, зачем так осторожно
Тебя таил он на груди?
Зачем и ты сама ему
Так крепко обнимала грудь?
Увы! зачем и я с такою
Неумолимостью отвергнул
Его горячие молитвы?
Зачем я так безжалостно покинул
Мою жену и вести никакой
Ни о себе ей не давал,
Ни от нее иметь не мыслил?
О! для чего она сама
С такой упорностью таила
Рождение сына от меня?
А ты, мой конь, мой верный Гром!
Ты первая всему причина:
Зачем меня ты спящего оставил,
И в руки туркам отдался,
И тем дорогу указал мне
К погибельному Семенгаму?
Когда б туда я не входил –
Я никому не даровал бы,
Ни у кого б не отнял жизни.
Ах! конь мой, конь мой, в черный день
Меня понес ты на охоту –
В добычу нам досталася Беда.
Теперь твоя окончилася служба;
Отныне ты меня не понесешь
Ни на веселую охоту полевую,
Ни на кровавую охоту боевую».

III

Так сетовал во тьме ночной Рустем.
Настало утро. Сам тогда
Явился шах. Рустему
Хотел сказать он слово утешенья,
Чтоб свой отказ жестокий оправдать;
Но было холодней мороза
Его бесчувственное слово.
«Зачем, – он говорил, – ты здесь,
Ирана пехлеван великий,
Лежишь в пыли и сокрушенью
Такому душу предаешь?
Мы никакою нашей силой –
Хотя б могли с подошвы гору сдвинуть
Или шатер небесный повалить
На землю – не воротим
Ни одного ушедшего с земли.
За нашей жизнью – дичью легконогой –
Гоняется охотник смерть;
Проворна жизнь, но смерть проворней;
Она ее догонит наконец:
Последний час всегда врасплох нас ловит.
Я сам издаleká дивился
Его великой силе,
Его плечам широким,
Его могучим членам
И исполинской красоте;
И думал я: не уроженец
Турана этот богатырь;
В нем кровь царей. Но мог ли кто из нас
Подумать и во сне,

чтоб был он сын Рустема,
Судьбой назначенный погибнуть
В Иране от руки отца?
Теперь ему не нужен боле
Мой жизненный бальзам; но дорогими
Я ароматами покрою
Его безжизненное тело;
Великолепным погребеньем
Его почту и в нем тебя, великий
Ирана пехлеван; и будет в Истахаре
Надгробный памятник ему
Из золота и мрамора воздвигнут.
Теперь мне дай лицо его увидеть».

IV

Так говоря, он подошел,
чтоб мертвому лицо открыть, но тяжелой
Рукой прижал к лицу покров Рустем;
И, головы не подымая, шаху
Сказал он: «Видеть Кейкавус
Рустемова не будет сына. Удались,
державный царь; окончен пир, гостям
Здесь места боле нет; а сына сам я
Похороню. Туранское же войско
Пускай назад пойдет свободно:
Его душа исчезла. Также
И ты, могучий Кейкавус,
Не медли здесь; иди в свой Истахар
и расскажи, когда там будешь,
Какую легкую победу
Здесь одержал и как разбито было
Здесь войско целое, когда убил я сына.
Идите все; меня здесь одного
С моим оставьте сокрушеньем».
Он замолчал и от покрова
Руки не отнял, головы не поднял
И не взглянул на шаха; на земле
Близ сына он лежал, не отводя
От мертвого очей. Оборотясь
К вельможам и вождям, сказал
Им Кейкавус: «Его желанье
Исполнить мы должны; прискорбно видеть,
как сетует Ирана пехлеван, –
Но мы ему помочь не в силах; он желает
Остаться здесь один; пойдём». И шах
Пошел; и все пошли за ним,
Храня молчание; и в поле
Рустем один остался с мертвым сыном.
И вскоре все пришло в движенье войско;
Шатры попадали, и стан исчез –
Как будто мир какой великий
Разрушился. И все заколебалось;
Знамена развернулись,
Заржали звучно кони,
Задрезжали трубы,
Тимпаны загремели,
В обратный путь пошли дружины.

V

С земли поднявшись от сына,
Рустем увидел вдалеке
Лишь только пыль, подъемлемую войском
На крае небосклона; поле,
Где был разбит иранский стан,
Уж было пусто, одиноко
Среди его стоял зеленый
Шатер; а в стороне шатры Сабула,
Где полководствовал Зевар.
Рустем, к себе призвавши брата,
Ему сказал: «Теперь всему конец.

Иди, Зевар, и от меня
Турану мир с Ираном объяви.
Хеджиру возврати свободу
И власть ему вручи над Белым Замком,
Примолвив: «От Зораба
В награду за твою правдивость».
Потом ты скажешь Баруману:
«Зораб тебя за добрые советы
И за любовь к царю Афразиabu
Отсюда с миром отпускает».
И сам его до рубежей Турана
С отборною сабульскою дружиной
Потом ты проводи; когда ж проводишь,
В соседний город Семенгам
Поди и дочери царя
Темине эту золотую
Отдай повязку; но смотри,
Чтоб кровь с нее не стерлась:
То матери единственный остаток
От сына. Также ей отдай
И все Зорабовы доспехи –
Пускай они печаль ее насытят;
А ты, увидя, как она
Без утоленья будет плакать,
И рваться в судорожном горе,
И сына тщетно призывать, –
Скажи в отраду ей, каким
Меня ты здесь оставил...
Ты день пробудешь в Семенгаме;
Потом сюда о ней живую весть
Мне принесешь. Иди ж немедля;
Я день и ночь тебя здесь буду ждать.
Когда же возвратишься,
Свое сокровище тебе я вверю,
И ты его в Сабулистан
Отсюда с честью понесешь,
Рустемовым сопутствуемый войском».

VI

Немедленно Зевар пустился в путь.
Тогда сказал оставшимся Рустем:
«Принести сюда зеленый мой шатер!
От места, на котором мною
Был сын убит, я не пойду.
Но он живой хотел, чтобы над ним
Стоял шатер отца – пускай над ним и мертвым
Стоит он». И шатер воздвигся
Над юношей, спокойно погруженным
В непробудимый смерти сон.
Его отец на пурпурный ковер,
Меж ароматов благовонных,
Своими положил руками,
Накрыл парчой, потом всего
Цветами свежими осыпал –
Так, окруженный прелестями жизни,
Он там лежал, объятый хладной смертью.
Потом Рустемом похоронный
Был учрежден обряд:
Соединив перед шатром
Всю рать Сабулистана,
Он повелел, чтоб каждый день она –
И поутру, когда всходило солнце,
И ввечеру, когда садилось солнце, –
Торжественно, в порядке боевом,
Знамена распустив,
При звуке труб, с тимпанным громом,
В сияющих доспехах проходила
Перед шатром; и были гривы
Коней обстрижены; тимпаны

И трубы траурную тканью
Обвиты, луков тетивы
Ослаблены, и копья остриями
Вниз опрокинуты. Рустем
Не ехал впереди; над сыном
Сидел он, скорбию согбенный,
И с мертвым, как с живым,
Беседу безответно вел.

Он утром говорил:

«Зораб, мой сын,
Звучит труба... ты спишь».

А вечером он говорил:

«Зораб, мой сын,
Уж землю солнце покидает;
И ты покинешь скоро землю».
Так девять суток он провел
Без сна, без пищи,
Неутешимой преданный печали.

VII

В одни из этих суток – был уж близко
Рассвет зари – как неподвижный
Железный истукан, сидел
Рустем во глубине шатра
Над сыном, сонный и несонный; полы
Шатра широко были
Раздернуты; холодным полусветом
Едва начавшегося утра
Чуть озаренное пустое небо
Меж ними было видно... вдруг
На этой бледной пустоте
Явился белый образ; от нее
Он отделился и бесшумно,
Как будто веющий, проник
В шатер... то был прекрасный образ девы.
Увидя мертвого, она
У ног его простерлася на землю
И не вставала долго,
И слышалось в молчанье ночи
Ее рыдание, как лепет тихий
Ручья. С земли поднявшись,
Она приблизилась к телу
И, сняв с лица покров,
Смотрела долго
На бледное лицо,
Которым (безответно
На все земное) обладала смерть:
Зажаты были очи, немые
Уста, и холодно, как мрамор,
Чело. Она его в чело, уста и очи
Поцеловала, на голову свежий
Венок из роз и лавров положила,
Потом, лицо опять одев
Покровом, тихо удалилась
И в воздухе ночном,
Как будто с ним слиянная, пропала.
И стало пусто
Опять в шатре, лишь на востоке
Багряней сделалось небо,
И одиноко там горела
Денницы тихая звезда.
Рустем не знал, что виделось ему;
В бессонном забытии сидел он
И думал смутно: это сон.
Когда ж при восхожденье солнца
Он снял с умершего покров,
Чтоб утренний привет свой
Ему сказать, – на голове его
Увидел он венок из роз и лавров.

VIII

В десятый день из Семенгама
Зевар с дружиной возвратился.
Вступив в шатер, увидел он,
что там сидел над мертвым сыном
Рустем, приникнув головою
К его холодному челу, –
И волосы его седые
Лежали в диком беспорядке
На бледных мертвого щеках.
При входе брата приподнял
Он голову. Зевар
На тело молча положил
Окровавленную повязку.
При этом виде содрогнувшись,
Рустем спросил: «Зачем, мой брат Зевар,
Принес назад мою повязку?»
Зевар отвечив: «Там никому
Она уж боле не нужна». Поняв
Значенье этих слов, в молчанье
Прижал опять лицо свое Рустем
К челу Зораба. И никто
Не смел его ужасного покоя
Нарушить. На другое утро,
Когда, с зарей поднявшись,
Все войско стало в строй, Рустем,
Всю ночь без сна проведши
Над сыном, так сказал Зевару:
«Зевар, мой брат, теперь шатер зеленый
Над головой моею опрокиньте
И от меня возьмите прочь Зораба;
Но прежде привести сюда
Его коня». Когда же конь
Был приведен, – как будто от недуга
Шатаясь, сокрушенный, бледный,
Он вышел из шатра...
И он заплакал взрыд,
Когда коня без седока
Перед собой увидел. Полы
Шатра отдернув,
На господина мертвого коню
Он указал. В шатер взглянувши быстро,
Могучий конь оторопел,
Его поникла голова,
И до земли упала грива.
Обеими руками
Обнявши голову его, Рустем
Ее поцеловал, потом
Коню, сложив с него узду,
Сказал: «Отныне никому
Ты не служи, Зорабов конь;
Ты волен». Понял конь разумный
Его слова: он жалобно и грозно
Заржал, ужасно прынул
Вбок от шатра, и вихрем побежал,
И скрылся – и его с тех пор
Никто нигде не встретил.
Рустем, оборотясь к брату,
Ему сказал: «Тебе, мой брат Зевар,
И войску моему я сына
Передаю; в Сабулистан
Несите сына моего;
Там на кладбище царском,
Где я охотно лег бы, если б мог
Тем пробудить его от смерти,
Пусть будет с предками своими
Он в землю положен.
А нашей матери, так часто

желавшей внуков от Рустема,
Скажи, Зевар, что я прислал ей внука,
Что в красоте души и тела,
В отважности и в силе богатырской
Ему подобного земля
С создання не видала;
Что был бы он во всем по сердцу ей,
Когда б в нем только одного
Порока не было – кинжала,
Ему во грудь вонзенного отцом.
Идите. Я останусь здесь –
Зачем останусь? Что со мною будет?
О том узнать никто не любопытствуй.
Поклон прощальный от меня
Отдайте царству и народу.
Тебе, Зевар, я поручаю
Мое исполнить завещанье; сам же
В сабул я не пойду: я не могу увидеть
Ни матери, ни сродников, ни ближних; здесь,
В пустыне, самого себя
Хочу размыкать я и змея –
Грызущее мне душу горе –
Убить. То будет мой последний,
Мой самый трудный подвиг: змей
Свиреп, он дышит пламенем и ядом.
Идите ж; добрый путь вам, будьте
Все счастливы и не крушитесь,
Что, вслед за мной сюда пришедши,
Назад пойдете без меня,
Так должно быть. Простите;
Когда же о Рустеме
Там станут говорить и спросят:
Куда пошел Рустем?
Ответствуйте: не знаем».

Илиада*

Песнь первая

□□Гнев нам, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Гибельный гнев, приключивший ахейнам много великих
Бедствий и воинов многих бесстрашные души низведший
В область Аида, их трупы оставя на пищу окружным
Птицам и псам. – Так свершалася воля Крониона Зевса –
С тех пор, как сильной враждою разрознены были владыки,
Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес богоравный.
□□Кто из бессмертных зажег в их груди толь свирепую злобу?
Феб, сын Латоны и Зевса. Атридом прогневанный, язву
Он ниспослал на ахейскую рать, и бесчисленно гибли
Люди, понеже был жрец Аполлонов Хрисес недостойно
Сыном Атрея обижен. Чтоб выручить дочь из неволи,
С выкупом старец богатый пришел к кораблям крепкозданным,
Жреческий жезл золотой Аполлоновым лавром обвивши.
Всех обходил он ахейан, склоняя сердца их на жалость;
Паче ж других убеждал двух Атридов, вождей над вождями:
«Вы, Атриды, и вы, броненосцы ахейане, сила
Вечных богов олимпийских да вам ниспровергнуть поможет
Город Приамов и путь вам успешный устроит в отчизну;
Вы же отдайте мне дочь, за нее многоценный принявши
Выкуп и сына Зевесова чтя, стрелоносного Феба».
□□Так он молил: восклицаньем всеобщим решили ахейцы
Просьбу исполнить жреца и принять предложенный им выкуп.
Но Агамемнону, сыну Атрея, то было противно;
Старца моленье отверг он и так раздраженный примолвил:
«Если, докучный старик, от моих кораблей крепкозданных
Ты не уйдешь во мгновенье иль снова дерзнешь подойти к ним,
Жезл твой и лавр Аполлонов тебя от беды не избавят.
Дочь же твоя из неволи не выйдет; до старости поздней
В доме моем, в отдаленном Аргосе, с домашними розно,
Будет работать она и моею наложницей будет;
Но удались и меня не гневи: иль домой ты отсюда

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
Цел не пойдешь». Так сказал он; испуганный жрец удалился.
Берегом моря широкошумящего молча пошел он;
Стал вдалеке от судов, сокрушенный, и начал молиться
фебу царю, светлокудрой Латоной рожденному богу:
«Бог, облетающий с луком серебряным Хрису и Киллы
Светлый предел, Тенедоса владыка, Сминтей всемогущий,
Если тебе я когда угодил, изукрасив священный
Храм твой и жирные коз и быков пред тобою сожегши
Бедра, мое благосклонно услышь и исполни моление:
Слезы мои отомсти на данаях твоими стрелами».
□□Так говорил он, моляся, и был Аполлоном услышан.
Гневный поспешно сошел Аполлон с высоты олимпийской,
Тул затворенный и лук за спиною неся; и ужасно
Стрелы гремели, стуча о плеча раздраженного бога
В грозном его приближенье; как черная ночь подходил он.
Сев на виду кораблей, он пустил неизбежные стрелы;
Страшно серебряный лук зазвучал, разогнувшись. Сначала
В мулов и вольнобродящих собак он стрелял, напоследок
Горькие стрелы свои обращать и на ратных данаев
Начал: всечасно бесчисленны трупы пламенели.
Девять уж дней облетала погибель весь стан, на десятый
Созвал Пелид Ахиллес на собранье все войско ахеян.
Мысли его обратила на то светлорукая Ира:
В страхе богиня была, погибающих видя аргивян.
Все собрались они, и собрание сделалось полным;
Первый, поднявшись, так им сказал Ахиллес быстроногий:
«Видно, Атрид, нам придется опять, избраздивши все море,
В дома свои возвратиться, ежели только удастся
Смерти кому избежать; нас война и чума совокупно
Губят: спросить надлежит нам пророка, жреца иль какого
Снов изъяснителя – сны равномерно приходят от Зевса –
Пусть истолкует он, чем Аполлон так ужасно прогневан?
Был ли обет не исполнен? принести ли ему экатомбу
Медлим? иль жертвенный запах отборных козлов и баранов
Должен его усладить, чтоб от нас отклонилась зараза?»
□□Кончив, он сел. И тогда поднялся птицеведатель зоркий,
Старец Кальхас Фесторид, из вещателей самый премудрый:
Ведал он все настоящее; ведал, что было, что будет;
Дар звездознания прияв от бессмертного сына Латоны,
Он управлял и судами данаев, плывущими в Трою.
Мыслей благих преисполненный, так он сказал Ахиллесу:
«Ведать желаешь, Пелид, многославный любимец Зевеса,
Чем раздражен далекопоражающий Феб Олимпиец:
Истину всю вам открою; но ты, Ахиллес, поклянися
Мне, что и словом и делом меня защитишь, поелику
Думаю я, что моим оскорбится пророческим словом
Муж, обладатель Аргоса и всех повелитель ахеян.
Сильного страшно царя человеку простому прогневать:
Если сперва и воздержит он гнев свой, то памятным сердцем
Будет досадовать тайно, покуда себя не насытит
Мщеньем. Размысли же, можешь ли ты даровать мне защиту?»
□□Вещему старцу отвечив так Ахиллес быстроногий:
«Смело открой нам – тебе откровенную волю бессмертных;
Я ж Аполлоном, любимцем Зевеса (ему же, Кальхас, ты
Молишься, волю богов возвещая данаям), клянуся
Здесь, что, покуда живу и сиянием дня утешаюсь,
Руку поднять на тебя не дерзнет ни один из данаев
Близ кораблей крепкозданных; хотя бы и сам Агамемнон,
Между ахейцами первым сльвущий, был назван тобою».
□□Тут, ободренный, сказал Ахиллесу Кальхас прорицатель:
«Бог раздражен не забвеньем обета, не ждет экатомбы;
Он за жреца, Агамемноном здесь оскорбленного, гневен;
Гневен за то, что не выдали дочери старцу, что выкуп отвергнут;
Вот что на нас навлекло все беды и еще навлечет их
Много. И Феб далекопоражающих рук не опустит
Прежде, покуда, отцу светлоокою деву без всякой
Платы, без выкупа выдав, святой не пошлем экатомбы
В Хрису: иначе ничто не смирит раздраженного феба».

□□Так говорил он; и быстро поднялся пространнодержавный
Пастырь народов Атрид, повелитель царей Агамемнон,
Гневом проникнутый; сердце его преисполнено было
Черною злобой, и очи как яркое пламя горели.

Грозно взглянув на Кальхаса, воскликнул Атрид Агамемнон:

«О зловещатель! ты доброго мне никогда не пророчил:
Сердце твое лишь напасти предсказывать любит; ни разу
Словом и делом благим от тебя я порадован не был.
Ныне в собранье ахейских вождей утверждать ты дерзаешь,
Будто за то нас казнит Аполлон стрелonosец, что мною
Был от отца Хрисеиды, невольницы пленной, не принят
Выкуп; но я несказанно желаю прекрасную деву
В дом свой у весть: мне она и самой Клитемнестры супруги
Стала милее, понеже ее превосходит высоким
Станом, лица красотою, и умом, и искусством в работе.
Но и ее уступить я согласен, когда уж так должно, –
Лучше, конечно, мне видеть спасенье, чем гибель народа.
Только от вас за убыток я должен иметь воздаянье.
Мне ль одному без возмездия быть? неприлично, то все вы
Видите сами, чтоб дар мой почетный был мною утрачен».

□□Тут, возражая, сказал Ахиллес богоравный Атриду:
«Ты, многосильный Атрид, ненасытный копитель корыстей,
Как же ты требовать можешь подарка себе от данаев?
Разве имеют в запасе какое богатство данаи?
Наши добычи из всех городов мы давно разделили;
Должно ли все разделенное вновь собирать, чтоб делиться
Снова? Отдай ты теперь Хрисеиду, покорствуя богу;
Втрое и вчетверо будет тебе воздаянье, когда нам
Град Илион крепкостенный Кронион разрушить позволит».

□□Царь Агамемнон, ответствуя, так возразил Ахиллесу:
«Сколь ты ни силен, Пелид богоравный, но мыслишь напрасно
Сердце мое обольстить; вам меня провести не удастся.

Или ты думаешь, сам награжденный богато, что буду
Я терпеливо сидеть без награды, твоей покорившись
Воле? Пускай за утрату мою отдадут мне данаи
То, что по мысли моей и достоинства равного будет.
Иначе, если откажут данаи, своею рукою
Я иль твое, иль Аяксово, или на часть Одиссею
Данное взять к вам приду, не заботясь о вашей досаде.
Но об этом и после есть время подумать, теперь же
Черный корабль на священное море немедленно спустим,
Выберем сильных гребцов и, корабль нагрузив экатомбой,
В нем Хрисеиду, прекрасную, светлокудрявую деву,
С миром отпустим к отцу, – корабля ж предводителем будет
Идомей, иль Аякс, иль герой Одиссей богоравный,
Или ты сам, Ахиллес, меж ахейян ужаснейший, бога
Злых посылателя стрел поспеши усмирить экатомбой».

□□Мрачно взглянув на Атрида, сказал Ахиллес быстроногий:
«Ты, облеченный в бесстыдство, копитель богатств ненасытный,
Кто из ахейян исполнить твое повеленье захочет,
Если пошлешь иль в сражение, иль в трудный поход за добычей?
Я же сюда с кораблями пришел не троян копыеносных
В битве губить: мне от них никакой не бывало обиды;
Не были ими ни кони мои, ни быки своевольно
Схвачены, также они и полей многоплодно-обильной
Фтии моей не топтали: покрытые тенистым лесом
Горы и море пространно-шумящее нас разлучают.
Здесь для тебя мы, чтоб ты веселился, бесстыдный, чтоб брату
Честь возвратил и чтоб Трою, собачьи глаза, ниспровергнул,
Мстя за свое оскорбленье: но ты и не мыслишь об этом;
Ныне ж и взять у меня мой участок добычи грозишься,
Стоивший мне несказанных трудов, мне ахейцами данный.
Здесь не бывало таких, как твои, мне участков, когда нам
Город какой многолюдный троянский разрушить случалось.
Бремя тревог утомительно шумного боя лежало
Все на плечах у меня, при разделе ж богатой добычи
Лучшая часть доставалась тебе, и, довольствуясь малым,
Я к кораблям возвращался, трудом боевым изнуренный.

Нет, мне пора возвратиться в мою плодоносную Фтию;
Время домой отвести корабли крутоносые. Ты же
Здесь, оскорбивши меня, ни добыч, ни богатства не скопишь».

□□Пастырь народов Атрид, возражая, сказал Ахиллесу:
«Хочешь бежать ты – беги! Умолять, уж конечно, не буду
я, чтоб остался ты здесь для меня; здесь найдется довольно
Бодрых вождей для добытия славы; за нас и Кронион.
Ты из питомцев Зевеса царей для меня ненавистней
Всех; ты всегдашний заводчик раздоров, смятений и брани.
Правда, ты силен; но сила даруется нам без заслуги
Небом. Веди же в отчизну свои корабли и дружины,
Властвуй спокойно своей плодоносной Фтией; ты здесь мне
Вовсе не нужен; о гневе твоём не забочусь; напротив,
Слушай: когда уж берет у меня Аполлон Хрисеиду,
В собственном я корабле и с своими людьми не замедлю
Деву послать; но зато из шатра твоего Брисеиду,
Дар твой почетный, своею рукою исторгну, чтоб знал ты,
Сколь я сильнее тебя, чтобы вперед и другие страшились
Дерзостно мне возражать и со мною надменно равняться».

□□Так он сказал. Закипело в косматой груди Ахиллеса
Сердце; меж двух волновался он, сильно озлобленный, мыслью:
Острый ли меч от бедра отхватив, сквозь данаев прорваться
Прямо к Атриду и разом его умертвить; иль кипучий
Гнев успокоить и руку свою воздержать от убийства.
Тою порой как рассудком и сердцем он так колебался,
Выхватив меч из ножен в половину великий, слетела
С неба Афина Паллада – ее светлорукая Ира,
Сердцем обоих любя, за обоих тревожась, послала;
Став позади Ахиллеса, его за густые схватила
Кудри богиня, ему лишь открывшись, незримая прочим.
Очи назад обратил, изумясь, Ахиллес; он Афины
Разом узнал, устранный ее пламенеющим оком.
К ней обратился лицом он и бросил крылатое слово:
«Дочь потрясателя грозной эгиды, зачем ты, богиня,
Здесь? Любоваться ль пришла самовластным нахальством Атрида?
Я же тебе говорю, и тому неминуемо сбыться:
Жизнию он за свою безрассудную гордость заплатит».

□□Так отвечала Афина богиня лазурные очи:
«Гнев успокоить твой, если покорен мне будешь, сошла я
С неба – меня светлорукая Ира, тебя и Атрида
Сердцем любя, за обоих вас сердцем тревожась, послала.
Вдвинь же убийственный меч свой в ножны и спокойся; словами
Можешь с ним ратовать сколько душа пожелает. Тебе же
Я предскажу, и мое предсказанье исполнится верно:
Некогда втрое богатою платой твое оскорбленье
Гордый загладит; теперь усмирися и будь нам покорен».

□□Так, отвечая богине, сказал Ахиллес быstroногий:
«Слово, богиня, уважить твое, без сомнения, должно,
Сколь бы ни злилась душа; то будет, конечно, полезней:
Смертный, покорный богам, завсегда и богами внимаем».

□□Тут, к рукояти серебряной крепкую руку притиснув,
Меч свой великий в ножны он, покорствуя слову богини,
Вдвинул. Она же на светлый Олимп улетела, в жилище
Зевса-эгидодержавца, в собрание прочих бессмертных.

□□Снова Пелид обратился с ругательной речью к Атриду.
Так он ему говорил, преисполненный яростным гневом:
«Пьяница, сердце оленьё, собачьи глаза, никогда ты,
В панцирь облекшись, воинства в бой не водил, ни однажды,
С первыми вместе вождями в засаду засев, не решился
Выждать врага – ты в сраженьё лишь смерть неизбежную видел.
Легче, конечно, бродя по широкому стану ахеян,
Силой добычи у тех отымать, кто тебе прекословит;
Царь-душегубец, ты, видно, не смелых людей повелитель;
Иначе, думаю, ныне в последний бы раз так обидно
Здесь говорил. Но послушай меня: я священным клянуся
Этим жезлом, и столь верно, как то, что ни листьям, ни ветвей
Он уж не пустит, покинув, отрубленный, гору, и вечно
Зелен не будет – теперь от коры и листов он очищен

Острою медью; его скиптроносцы, владыки ахейян,
Правды блюстители, держат в руках, на земле сохраняя
Зевсов порядок. И ныне моей он великою клятвой
Будет. Наступит пора; Ахиллеса ахейяне станут
Все призывать. И не будешь ты им, сколь ни сетуй, защитой
Против людей истребителя Гектора, их беспощадно
В бое толпами губящего; сердце свое лишь измучишь,
Поздно раскаясь, что лучшего между ахейян обидел».

□□Так он сказал и, свой жезл, золотыми гвоздями обитый,
Бросив на землю, нахмуренный сел. Агамемнон
Гневно словами его оскорблять продолжал. Тут поднялся
Звонкоголосный, приветноречивый витязь пилийский
Нестор, которого речи лилися как мед благовонный
С сладостных уст; два колена людей говорящих, с ним вместе
Жившие, кончили жизнь и исчезли; во граде священном
Пилосе царствовал он уж над третьим людей поколеньем.
Мыслей благих преисполненный, так он сказал пред собраньем:

«Горе нам! злая печаль всю Ахейскую землю обьмет,
Будут Приам, и Приамовы все сыновья, и трояне
В сердце своем ликовать несказанно, когда к ним достигнет
Слух о раздоре, смутившем вождей знаменитейших наших,
Первых меж нами и мудрым советом и мужеством в битве.
Дайте, о дайте мне вас образумить! меня вы моложе
Оба; и с лучшими, нежели вы, современно на свете
Жил, и знавался, и не был от них за ничто принимаем.
Я уж не вижу теперь, не увижу и после, подобных
Славным любимцам богов Пирифюю, Дриасу, Кенею,
Или Эксадию, или владыке людей Полифему,
Или Тезею, Эгееву богоподобному сыну:

Силою с ними, конечно, никто на земле не равнялся;
Сами сильнейшие, в бой и сильнейших они вызывали;
Страшных кентавров они на горах истребили. В то время
Я их товарищем был, к ним пришед из далекого града
Пилоса, призванный ими самими, и подвигов много,
Ратуя вместе, тогда мы свершили; никто б из живущих
Ныне людей земнородных не в силах был с ними бороться.
Но и они мой ценили совет, моему покорялись
Слову. И вы покоритесь ему. Нам покорность полезна.
Пленницы ты у него не бери, Агамемнон, – ты властен
Взять, но ее получил он от рати ахейской в почетный
Дар; а тебе, благородный Пелид, неприлично так спорить
Дерзко с царем – ни один на земле из царей скиптроносных,
Зевсом прославленных, не был подобною честью украшен.
Если, рожденный богиней, ты в дар получил при рожденье
Более мужества, выше он властью, он царь над царями.
Ты же, Атрид, успокойся и к просьбе моей благосклонно
Слух преклони, не враждуй с Ахиллесом: ахейянам твердой
Он обороною служит в пылу истребительной брани».

□□Нестору так, возражая, отвечивал царь Агамемнон:
«Старец! ты правду сказал, и разумен совет твой; но этот
Гордый всегда перед всеми себя одного выставляет,
Всеми господствует, всем управляет как царь самовластный,
Хочет для всех быть законом, который никем здесь не признан.
Если искусно владеть он копьем научен от бессмертных,
Вправе ль за то раздражать здесь людей оскорбительным словом?»

□□Речь перебивши его, отвечал Ахиллес богоравный:
«Жалким, достойным презрения трусом пусть буду я признан,
Если во всем, что замыслишь ты, буду тебе покоряться.
Властвуй другими и все им предписывай, я же
Власти твоей признавать не хочу и тебе не поддамся.
Слушай, однако, и в сердце свое запиши, что услышишь.
Против тебя и других за невольницу рук подымать я
Вовсе не думаю: данное вами возьмите обратно;
Но до того, что мое на моих кораблях крепкозданных,
Я ни тебе, ни твоим не дозволю дотронуться. Если ж
Хочешь, отведай – тогда все ахейцы увидят, как черной
Кровью твоею мое боевое копье обольется».

□□Тут, разъяренные оба, ругательный бой прекративши,

Встали и собранных всех к кораблям распустили ахеян.
К черным своим кораблям Ахиллес возвратился с Патроклом,
Сыном Менетия, с ним и другие друзья мирмидоны.
Тот порою корабль на соленую влагу, избравши
Двадцать гребцов, повелел Агамемнон спустить с экатомбой,
Фебу назначенной; сам Хрисеиду прекрасно-младую
Взвел на корабль и его Одиссею премудрому вверил.
Все собрались мореходцы и в путь устремились влажный.
Тут повелел очищаться ахеянам царь Агамемнон;
Разом омывшись, они все нечистое бросили в море.
После ж, дабы усмирить Аполлона, сожгли экатомбу
Коз и быков на берегу неприятно бесплодной пучины.
С облаком дыма возшло к небесам благовоние жертвы.
Так очищалась рать. Той порою Атрид Агамемнон,
Все, чем грозил Ахиллесу, спеша совершить, Эврибата
Вместе с Талфибием, царских глашатаев, призвал.
Были проворные слуги они; им сказал Агамемнон:
«Оба идите в шатер Ахиллеса, Пелеева сына;
За руку взяв Брисеиду, ко мне возвратитесь с прекрасной
Девой; а если ее не захочет он выдать, за нею
Сам я с другими приду, и тогда огорченье сильнее
Будет ему». Так сказав, их послал он с грозящим к Пелиду
Словом. Пошел неохотно ко берегу бесплодного моря,
Скоро они к кораблям и шатрам мирмидонским достигли.
Близ корабля и шатра своего Ахиллес богоравный
Мрачный сидел; и не радостно было ему их явленье.
Полные страха, глашатаи в смутном молчанье
Оба стояли, к нему обратити не дерзая вопроса.
Он же, их робким смятеньем растроганный, кротко сказал им:
«Милости просим, глашатаи, воли людей и бессмертных
Вестники; смело приближьтесь; виновны не вы – Агамемнон,
Взять у меня Брисеиду сюда вас приславший, виновен.
Друг, благородный Патрокл, приведи Брисеиду и выдай
Им; пусть за ними последует! Я же в свидетели ныне
Вас пред судом и блаженных богов и людей земнородных,
Также равно и пред ним, необузданным, здесь призываю:
Если случится, что снова в беде я ахеянам буду
Нужен... Безумный! он сам на себя и других накликает
Злую беду, ни назад, ни вперед не глядя и ахеян,
Бьющихся близ кораблей крепкозданных, защиты лишая».
Так говорил он. Патрокл благородный, покорству другу,
Вывел Брисееву дочь из шатра и глашатаям выдал
Милую деву. И с нею к ахейским шатрам возвратились
Оба. За ними ж она с отвращеньем пошла. И, заплакав,
Сел Ахиллес одиноко, вдали от друзей, на пустынном
Береге моря седого. Смотря на свинцовые волны,
Руки он поднял и, милую мать призывая, воскликнул:
«Милая мать, на недолгую жизнь я рожден был тобою.
Славу за то даровать обещал мне высокогремющий
Зевс Олимпиец. Но что ж даровал он? какая мне слава?
Царь Агамемнон, владыка народов, меня обесчестил,
Взял достоянье мое и теперь им бесстыдно владеет».
Так говорил он в слезах, и услышала жалобы сына
Мать в глубине неиспытанной моря, в жилище Нерея.
Легким туманом с пучины седой поднялася богиня;
К сыну, лиющему горькие слезы, приближась, с ним рядом
Села она и сказала ему, потрепавши рукою
Щеки: «О чем же ты плачешь, дитя? что твою сокрушает
Душу? Скажи, не скрывайся, со мной поделися печалью».
Так ей, вздохнув глубоко, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Ведаешь все ты сама; мне не нужно рассказывать. В Фивы,
Град Этеонов священный, ходили мы сильной дружиной;
Град истребив, мы сюда воротились с великой добычей;
Все разделили как следует между собою ахейцы;
Сыну Атрееву даром почетным была Хрисеида,
Дочь молодая Хрисеса, жреца Аполлонова. Тяжким
Горем крушимый, чтоб выручить милую дочь из неволи,
С выкупом старец богатым пришел к кораблям крепкозданным,

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu
Жреческий жезл золотой Аполлоновым лавром обвивши;
Всех обходил он ахеян, склоняя сердца их на жалость;
Паче ж других убеждал двух Атридов, вождей над вождями.
Всех он молил; восклицаньем всеобщим решили ахейцы
Просьбу исполнить жреца и принять предложенный им выкуп.
Но Агамемнону, сыну Атрея, то было противно;
Старца моление отверг он, жестокое слово примолвив.
Жрец удалился разгневанный; Феб, издалека разящий,
Жалобный голос им многолюбимого старца услышал;
Злую стрелу истребления послал он, и начали гибнуть
Люди; и, смерть разнося по широкому стану ахеян,
Фебовы стрелы ужасно летали. Тогда прорицатель,
Ведатель воли далекогрозящего бога, открыл нам
Гнева причину; и первый подал совет примириться
С Фебом. Атрид раздражился; стремительно встав, он грозил мне
Яростным словом: и ныне его совершилась угроза.
В Хрису на быстром везут корабле Хрисеиду, младую
Деву, ахейцы с дарами царю Аполлону. И были
Присланы два уж глашатая в царский шатер мой Атридом
Взять Брисеиду, за подвиги данную мне от ахеян.
Если ты можешь, вступи за честь оскорбленного сына,
Милая мать; полети на Олимп к Громовержцу, и если
Словом иль делом когда угодила ему, помолися
Ныне за сына. Не раз от тебя я в Пелеевом доме
Слышал, как Зевс чернооблачный некогда был лишь тобою,
Прочим богам вопреки, от беды и позора избавлен:
Против него сговорясь, олимпийцы Афина Паллада,
Ира и бог Посидон замыслили связать Громоносца;
В помощь к нему ты, богиня, пришла, и от срама избавлен
Был он тобой; на Олимп привела ты сторукого – звали
Боги его Бриареем, он слыл у людей Эгеоном.
Грозный титан, и отца своего превзошедший великой
Силою, рядом с Кронионом сел он, огромный и гордый;
Им устрашенные, боги связать не посмели Зевеса.
Ныне и ты близ Крониона сядь и, рукою колена
Тронув его, помолись за меня, чтобы послал он троянам
Помощь, чтоб к морю они оттеснили ахеян, чтоб, гибель
Видя, ахейцы своим похвалились царем, чтоб и сам он,
Гордый, пространнодержавный владыка людей Агамемнон
Горько постигнул, что лучшего между ахеян обидел».
□□Сыну Фетида в слезах, сокрушенная, так отвечала:
«Горе! дитя, для чего я тебя родила и вскормила!
Здесь, близ твоих кораблей, не крушась и не плача, сидеть бы
Должен ты был, на земле обреченный так мало, так мало
Жить. Но безвременно здесь умереть, в сокрушенье истратив
Жизнь – для того ли тебя мне родить повелела судьбина?
С этою жалобой к молниелюбцу Зевесу отсюда
Я подымусь на Олимп снегоносный. Меня он услышит.
Ты же вблизи кораблей крепкозданных спокойно, питая
Гнев на Атрида, седи и в сраженье отнюдь не мешайся.
Зевс на поток Океан к эфиопам вчера беспорочным
Вместе со всеми богами на праздник пошел; он оттуда
Прежде двенадцати дней возвратиться не может.
В дом меднокованный к Зевсу тогда я приду и, колена
Тронув его, помолюсь о тебе, и молитвы, конечно,
Он не отринет». С сим словом исчезла богиня, оставя
Гневного сына в тоске по красноопоясанной деве, насильно,
Сердцу ее вопреки, от него уведенной к Атриду.
□□В Хрису тем временем плыл Одиссей с экатомбой; когда же
Быстрый корабль их в глубокую пристань проникнул, свернули
Все паруса и уклали на палубе их мореходцы,
Мачту потом опустили в хранилище крепким канатом,
Быстро на веслах корабль довели до притонного места,
Якорный бросили камень, канатом корабль прикрепили
К берегу, сами сошли на волной орошаемый берег.
С ними была снесена и великая Фебова жертва;
С ними сошла с корабля и сопутница их Хрисеида.
Деву немедля приведши во храм, Одиссей многоумный

Сам ее отдал руками отцу и сказал, отдавая:
«Прислан к тебе, о Хрисес, я Атридом, владыкой народов,
Дочь возвратить и принести экатомбу священную фебу
В дар за ахеян, чтоб гнев укротился великого бога,
Им приключившего тьмы сокрушающих сердце напастей».
□□Так говоря, Хрисеиду он отдал; с веселием принял
Старец любезную дочь. По порядку потом экатомбой
Фебов высокий алтарь окружили ахейцы, омыли
Руки и горсти наполнили жертвенным чистым ячменем;
Стал посреди их Хрисес и, молясь Аполлону, воскликнул:
«Бог, облетающий с луком серебряным Хрису и Киллы
Светлый предел, Тенедоса владыка, Сминтей всемогущий,
Ты благосклонно услышал мою и исполнил молитву,
Честь мне воздав ниспосланием бед на ахеян:
Выслушай вновь и исполни молитву мою благосклонно –
Гнев свой великий смири и беды отврати от ахеян!»
□□Так говорил он моляся и был Аполлоном услышан.
Те ж приготовленным в жертву скотам, их ячменем осыпав,
Шеи загнули назад, всех зарезали, сняли с них кожу,
Тучные бедра отсекали, кругом обложили их жиром,
Жир же кровавого мяса кусками покрыли; все вместе
Старец зажег на костре и вином оросил искрометным;
Те ж приступили, подставив ухваты с пятью остриями;
Бедра сожегши и сладкой утробы вкусив, остальное
Все раздробили на части; на вертелы вздев осторожно,
Начали жарить; дожаривши, с вертелов сняли и, дело
Кончив, обильно-богатый устроили пир; началось
Тут пированье, и все насладились пищей; когда же
Был удовольствован голод их сладостно-вкусною пищей,
Юноши, чашу до края наполнив вином благовонным,
В кубках его разнесли, по обычаю справа начавши.
Целый день славив мирительным пением феба, ахейцы
Громко хвалебный пеан воспевали ему; совокупно
Пели они стрелоносного бога; им благосклонно внимал он.
Солнце тем временем село, и тьма наступила ночная;
Все улеглись на бреге они у причал корабельных.
Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос;
Плыть собрались они к отдаленному стану ахеян.
Ветер попутный им дал Аполлон, и они, совокупно
Мачту подняв и блестящие все паруса распустивши,
Поплыли; парус середний надулся, пурпурные волны
Шумно под килем потекшего в них корабля закипели;
Он же бежал по волнам, разгребая себе в них дорогу.
□□К берегу пристав и достигнув широкого стана ахеян,
Быстрый корабль свой они на песчаную сушу встянули;
Там на подпорах высоких его утвердили и сами
Все разошлись, кто в шатер, кто на черный корабль крутобокий.
□□Близко своих кораблей крепкозданных сидел, продолжая
Гнев свой питать, Ахиллес богоравный крылатые ноги;
Он никогда не являлся уже на совете вождей многославных,
Он не участвовал в битвах; в бездействии милое сердце
Он изнурял, по тревогах и ужасах брани тоскуя.
□□Тою порою с двенадцатым небо украсившим утром
Вечноживущие боги на светлый Олимп возвратились
Все, Предводимые Зевсом. Фетида, желание сына
Помня, из моря глубокого с первым сиянием утра
Вышла; взлетев на высокое небо Олимпа, богиня
Зевса нашла там; один, от богов отделяясь, всю землю
Видя, на высшей главе многоглавого был он Олимпа.
Сев близ него, окружила колено священное бога
Левой рукою Фетида, а правой его подбородок
Глядя, Крониону туч собирателю нежно сказала:
«Если, отец, я тебе меж богами когда угодила
Словом иль делом, мое благосклонно исполни моленье:
Сына утешь моего, осужденного рано покинуть
Жизнь; обесчестил его повелитель царей Агамемнон,
Дерзко похитивши данный ему от ахеян подарок.
Ты же отмсти за него, миродержец, всесильный Кронион!

Пусть побеждают ахеян трояне, пока воздаянья
Полного сын за обиду свою от царя не получит».

□□Так говорила она, и не вдруг отвечал Громовержец;
Долго сидел он в молчанье; Фетида ж, к объятому прежде
Ею колону прижавшись крепче, вторично сказала:
«Прямо ответствуй, Зевес; никого ты страшиться не можешь;
Иль согласишься, тогда утверди головы мановеньем обет свой;
Иль откажи, чтоб узнала я, сколь пред тобою ничтожна».

□□Тяжко вздохнув, воздымающий тучи Зевес отвечал ей:
«Трудное дело ты мне предлагаешь; меж Ирой и мною
Ссора опять загорится; ругательным словом рассердит
Ира меня; перед всеми бессмертными вечно со мною
Вздорит она, утверждая, что я за троян заступаюсь.
Ты же отсюда уйди, чтоб тебя не приметил Ира.
Способ найду я тебе угодить; на меня положися;
Слово свое головы мановеньем[2]

Знаменья это для всех олимпийцев есть знак величайший
Власти моей: неизменно мое, непреложно и твердо
Слово, когда подтверждаю его головы мановеньем».

□□Кончил и черногустыми бровями повел Громовержец;
Благоуханные кудри волос потряслись на бессмертном
Бога челе: содрогнулись кругом все вершины Олимпа.

□□Тайную кончив беседу, они разлучились; с Олимпа
В бездну соленую быстрым полетом слетела Фетида;
Зевс возвратился к себе, поднялися почтительно боги
С тронов своих перед вечным отцом; ни единый
Сидя его не отважился выждать, но, встав, все навстречу
Вышли к нему. На высоком престоле он сел. От очей же
Иры не скрылось, что с ним приходила беседовать тайно
Дочь среброногая старца морского Нерея Фетида;
К Зевсу немедленно грубое слово она обратила:

«Кто из богов, лицемер, там шептался так скрытно с тобою?
Вечно ты любишь, я знаю, себя от меня отклонивши,
В тайне с другими советы держать, и ни разу еще ты
Мне наперед не сказал откровенно о том, что замыслил».

□□Ире отвечивал так повелитель бессмертных и смертных:
«Ира, не мни, что мои все советы постигнуть возможно
Было тебе; и супруга верховного бога не в силах
Вынести их. Что тебе сообщить я признаю приличным,
Прежде тебя не услышат о том ни бессмертный, ни смертный;
Если же что от богов утаить я намерен, не смей ты
Спрашивать дерзко о том и моей не разведывай тайны».

□□Ира-богиня воловьи глаза отвечала Зевесу:
«Странное слово сказал ты, ужасный Зевес; никогда я
Делать вопросы и в тайны твои проникать не дерзала.
Все, как хотел, ты задумывал, все исполнял без помехи.
Но я тревожуся, мысля теперь, что тебя оболестила
Дочь среброногая старца морского Нерея Фетида,
Утром с тобой здесь сидя и колена твои обнимая:
Ей головы мановеньем, конечно, ты дал обещанье
Честь Ахиллесу воздать погублением многих ахеян».

□□Ире отвечивал так воздымающий тучи Кронион:
«Вечно, безумная, ты примечать и подсматривать любишь!
Труд бесполезный! ничто не удастся тебе! от себя лишь
Только меня отдалишь; то стократно прискорбнее будет!
Быть ли, не быть ли тому, что тебя устрашает, на это
Воля моя. Замолчи же и мне не дерзай прекословить.
Иди тебе не поможет никто из богов олимпийских,
Если я, встав, подыму на тебя неизбежную руку».

□□Так отвечал он. Богиня воловьи глаза ужаснулась;
Было прискорбно то собранным в доме Зевеса бессмертным.
Начал тогда многославный художник Ифест, чтоб утешить
Мать светлорукую, так говорить, обратясь к ней и к Зевсу:

«Горько и всем нам, богам, на Олимпе живущим, несносно
Будет, когда вы так ссориться здесь за людей земнородных
Станете, всех возмущая бессмертных; испорчен веселый
Будет наш пир; и чем дале, тем хуже. К тебе наперед я,
Милая мать, обращаюсь, хотя и сама ты разумна:

Зевсу-отцу уступи, чтоб не гневался боле отец наш,
Сильный Зевес, и чтоб весело мы пировать продолжали:
Он громовержец, он царь на Олимпе, он, если захочет,
С наших престолов нас всех опрокинет; он бог над богами.
Словом приветным порадуй его и к нему приласкайся;
Снова он милостив будет ко всем нам, богам олимпийским».
□□Так он сказал и, поспешно приблизившись, кубок двудонный
Подав божественной матери в руки, примолвив: «Терпенье,
Милая мать; покорися, хотя то тебе и прискорбно;
Здесь ненавистных побоев твоих мне своими глазами
Видеть не дай: за тебя заступиться не в силах я буду,
Как бы того ни хотел; одолеть Олимпийца не можно.
Было уж раз, что, когда за тебя я поспорил, меня он,
За ногу взявши, с Олимпа швырнул, и летел я оттуда
Целый, кувыркаясь, день и тогда лишь, как стало садиться
Солнце, совсем бездыханный ударился оземь в Лемносе;
Дружески был я синтейцами добрыми поднят полмертвый».

□□Так говорил хромоногий ифест[3]
Ира с улыбкой взяла от него поднесенный ей кубок.
Стал он потом подносить по обычаю, справа начавши,
Сладостный нектар, его из глубокой черпая кратеры;
Подняли смех несказанный блаженные боги Олимпа,
Видя, как с кубком ифест, суется, ковылял по чертогу.
Вечные боги весь день, до склонения солнца на запад,
Шумно пируя, себя услаждали роскошною пищей,
Дивными звуками цитры, игравшей в руках Аполлона,
Также и муз очередным, сердца проникающим пеньем.
Но когда уклонилось на запад блестящее солнце,
Боги, предаться желая покойному сну, разошлись
Все по домам. Им построены были те дома
Дивно искусной рукой хромоногого бога ифеста.
Также и молний метатель могучий Кронион в чертоге,
Где отдыхал он обычно, блаженному сну предаваясь,
Лег и заснул; с ним на ложе легла златотронная Ира.
Песнь вторая

.
.

Были вождями дружин беотийских Леит, Пенелеос,
Аркесилай, Профоэнор и Клоний; их рать составляли
Жители тучных Гирийских лугов, каменистой Авлиды,
Схойния, Скола, лесисто-глубоких долин Этеонских,
Феспии, Греи, широкопространных полей Микалесса,
Светлых окрестностей Гармы, Эгифры, Илесия, Илы,
Жители града Петеона, жители стен Элеона,
Копы, Эвтресы, Окалии, жившие в зданьях красивых
Града Медеона, в Тизбе, стадам голубиным привольной,
Вкруг Коронеи, на пышно-зеленых лугах Галиарта,
Жители града Платеи, полей обработанных Глиса,
Фив крепкостенных, прекрасными зданьями славного града,
Града Онхеста, где лес посвящен Посидону заветный,
Арны, златым виноградом богатой, лугов благовонных
Нисы, Мидеи и стен Анфедона, на крайних лежащего гранях;
С ними пришло пятьдесят кораблей крепкозданных, и в каждом
Было сто двадцать отборных бойцов молодых беотийских.

□□Но аспледонян и всех, Орхомен населявших Минейский,
Были вождями Ареевы дети, Иалмен с Аскалафом, –
Их родила Астиоха, Акторова дочь; потаенно
В верхнем покое царева жилища стыдливая дева,
Свидясь с Ареем могучим, упала в объятия бога, –
Тридцать они кораблей привели к берегам Илиона.
□□Были вождями дружины фокеев Эпистроф и Схедий,
Их же отцом знаменитый был ифит, потомок Навбола;
Жители стен Кипариссы, утесов Пифона суровых,
Жители града прекрасного Криссы, богатых полей Панопея,
Давлии, Анемореи, соседней с Гиамполем, также
Пахари тучных полей, вкруг Кефиссы священной лежащих,
С ними и жители близкой к истокам Кефиссы Лилеи,
Сорок судов темноносых оснатив, пришли за вождями.

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh

В строй меднолатых фокеев поставив, вожди их дружину
Левым крылом к беотийскому ближнему строю примкнули.

□□ Был полководцем локриян Аякс Оилей быстроногий;
Ростом своим Теламонову сыну, другому Аяксу,
Он уступал, но хотя невелик и холстинною тонкой
Броней покрыт был, могучим метаньем копья побеждал он
Между ахейцами всех; населяли ж локрияне грады
Кинос, плодами обильную Авгию, Бессу, Фронийский
Луг, орошенный Боагрием, Тарфу, Опунт, Каллиарий;
Сорок привел он с собой кораблей из Локриды, лежащей
Против святых берегов окруженной волнами Эвбеи.

□□ Но боелюбных абантов, эвбейский народ, населявший
Халкис, Эретрию, область вина Гистиэю, приморский
Город Коринф, на горе неприступно построенный Дион,
Стены Кариста и роскошью нив окруженную Стиру,
Вел Эльпенор, многославный потомок Арея; рожден был
Он Халкодонтом, Эвбеи царем; и с веселием в битву
Шли с ним абанты его, заплетенные густо на тыле
Косы носившие, ясенных копий метатели, броней
Медь на груди у врага пробивать приобывшие ими.
Сорок пришло кораблей крепкозданных с эвбейской дружиной.

□□ Строем к эвбейской дружине примкнули афиняне; градом
Их и всей областью властвовал прежде питомец Паллады
Царь Эрехтей, дароносной Землею рожденный; Палладой
Был он воспитан во храме великом, где жертвой обильной
Агнцев и тучных быков утешали ей сердце молодые
Девы и юноши, празднуя кругосвершение года.
Ратью Афин Менестей полководствовал, сын Петеона,
С ним же из всех на земле обитающих в трудном искусстве
Конных и пеших устраивать в битву никто не равнялся,
Кроме великого Нестора – старше, однако, его был
Нестор годами. Привел пятьдесят кораблей он с собою.

□□ Сын Теламонов Аякс от берегов Саламины двенадцать
Черных привел кораблей: он придвинул их к строю афинян.

□□ Жителей Аргоса, башневенчанного града Тиринфа,
Асины, скрытой в глубоком заливе морском Гермियोны,
Винобогатых холмов Эпидавра, Эйоны, Трезены,
Юношей Масия, жителей волнообъятой Эгины
Был полководцем герой Диомед, вызыватель в сраженье;
Вождь их второй был Сфенел, многославного сын Капанея;
Третий же вождь Эвриал, богоравный герой, Мекистеев
Сын, Талаона державного внук; но главою над ними
Был Диомед, вызыватель в сраженье; пришел от Аргоса
Он к берегам Илиона с осьмьюдесятью кораблями.

□□ Жители древней Микены, домов велелепием славной,
Арефиреи прекрасной, Коринфа богатого, светлых
Зданий Клеонии, жители града Орнеи, старинных
Стен Сикиона, Адрасту подвластного в прежнее время,
Жившие в древних стенах Гипересии, в граде Пеллене,
В Эгии, в крепко-нагорных стенах Гоноэссы твердынной
Пахари тучных приморских полей, достигавших до самой
Гелики, – вслед за царем Агамемноном, сыном Атрея,
Сто кораблей привели; полководец избраннейших, сам он
Шел перед ними, сияющий медной броней, прекрасный,
Гордый; величие прочих вождей затмевал он, понеже
Был их глава и сильнейшей дружиной начальствовал в войске.

□□ Жители скрытого между холмов Лакедемона, Спарты,
Феры, Мессаны, где много слетается стад голубиных,
Пахари тучных полей, окружающих грады Брисею,
Авгию, Амиклы, жители Гелоса, близкого к морю,
Лааса, светлых равнин, орошенных Этилосом, были
Братом царя предводимы, отважным в боях Менелаем;
Вывел на смотр шестьдесят кораблей он; но строем отдельным
Ратных поставил и их, на себя одного уповая,
В бой возбуждал: пламенело его нетерпением сердце –
Мщенье свершить за позор, приключенный обидой Елены.

□□ К ним примкнули пилияне, жители тучных аренских
Пажитей, Фрия, где был перевоз чрез Алфей, Кипариссы,

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu

Эпии крепкой, Птелеона, Гелоса, Амфигенеи,
Также и града Дориона, где Фамириса фракийца
Встретили музы и в нем уничтожили дар песнопенья:
Он из Эхалии шел; посетивши там Эврита, хвастал
Он перед ним, что победу одержит, хотя бы и сами
Музы, Зевеса-эгидоносителя дочери, спорить
С ним в песнопении стали; и в гневе его ослепили
Музы, и дар пробуждать сладкопенье в струнах он утратил.
Был полководцем дружины пилиян[4]

Нестор; он в Троию привел девяносто судов крепкозданных.
□□Люди Аркадии – храбрый народ – на покате Киллены
Жившие (там, где находятся Эпитов памятник древний),
Жители паств Орхомена, лугов, окружающих Фенос,
Рипы, Стратии, напору всех ветров открытой Эниспы,
Злачнополяннй Тегеи, пределов Стимфала, Паррасии, тучной
Жатвой обильных полей Мантинеи, прекрасного града, –
Агапенора, Анкеева сына, вождем признавали:
В Троию привел шестьдесят кораблей он, и много аркадских
Воинов храбрых пришло с ним в его кораблях крепкозданных.
Сам Агамемнон, владыка народов, его кораблями
<Теми> снабдил для отплытия в темное море, понеже[5]
Было аркадянам вовсе неведомо дело морское.

□□Живших в Элиде священной, в Бупрасии, в крае, который
Грады Мирсин пограничный, Гирмину, Алисий до самых
Скал Оленийских в пределах своих заключает, четыре
Храбрых вождя предводили – у каждого девять летучих,
Полных эпейцами, было в строю кораблей: Амфимаху,
Сыну Ктеата, одна из дружин покорялась; другая
Фалпию, сыну Эвритоса Акториада; вождем был
Третьей эпейской дружины Диор, Амаринков отважный
Сын, а четвертой начальствовал вождь Поликсен богоравный,
Сын Агасфена-властителя, внук знаменитый Авгея.

□□Мужи Дулихия, люди святых островов Эхинадских,
Жившие на море шумном соседственно с берегом Элиды,
Власть признавали Мегеса, подобного силой Арею;
Был он Филея, коней обуздателя, сыном, Филея,
Ссорой с отцом принужденного скрыться на остров Дулихий;
Сорок Мегес кораблей быстроходных привел к Илиону.

□□Царь Одиссей предводителем был кефалонян могучих,
Живших в Итаке суровой, на шумно-лесистых вершинах
Нерита, вдоль берегов Крокилеи, меж скал Эгилипы;
Жители Сама, полей хлебодарных Закинфа и твердой
Близко лежащей Эпирской земли матерой, равномерно
Все Одиссею, как Зевс многомудрому, были подвластны.
В Троию с собой он двенадцать привел кораблей красногрудых.

□□Сын Андрононов Фоант полководствовал ратью этолян,
Живших в стенах Плеурона, в Халкиде приморской, в Олене,
В горном краю Каледонском, в окрестностях града Пилены;
Войско ж этолян избрало Фоанта вождем, поелику
Был Оиней уж в Аиде, и не было боле на свете
Храбрых его сыновей, и давно Мелеагр светлокудрый
В область сведен был подземную; сорок пришло кораблей с ним.

□□С Идоменеем пришли копьеносные критяне; жили
В Гноссе они, в окруженной <стенами> твердой Гортине, [6]
В Ликте, в Милете, окрест белостенного града Ликаста,
В Фесте, в Ритионе, множеством жителей шумно-кипящем,
Также и в прочих краях многолюдных стоградного Крита.
Идоменей, копьeverжец могучий, был главным вождем их;
С ним Мерион, истребителю ратей Арею подобный;
Вместе они обладали осьмьюдесятью кораблями.

□□Силы Иракла великого сын Тлеподем из Родоса
Девять привел кораблей с необузданно храброй дружиной.
Люди его населяли три города: в твердом Камире
Жили одни, в светлостенном Ялиссе другие и в Линде
Третьи; их вождь Тлеподем, копьеборством герой знаменитый,
Был Астиохой Ираклу рожден; Астиоху ж похитил
Сильный Иракл с берегов Селлеэнта, потока Эфиры,
Там, где он многих питомцев Зевесовых грады разрушил.

. [7]

Старца седого, питомца Ареева. В страхе, что будет
Мсть за убийство ему от сынов и от внуков Иракла,
Он поспешил корабли изготовить и с верной дружиной
Храбрых товарищей в темно-пустынное море пустился;
Много тревог испытавши, достигли они до Родоса,
Где и остались жить, разделившись на три колена,
Свыше хранимые Зевсом, владыкой бессмертных и смертных;
Пролил на них изобилие щедрой рукою Кронион.

□□Прибыло три корабля легкокрылых из Симы с Ниреем,
Сыном Харопа-царя и Аглаи, с Ниреем, который
Всех затмевал красотой своею данаев, пришедших
В Трою; с одним лишь не мог беспорочным Пелидом равняться;
Был он не мужествен; войско его малочисленно было.

□□Жителей волнообъятого Нисира, Каса, Крапафа,
Коса (где град свой имел Эврипил), островов Калиднийских
Были вождями Фидипп и Антифос, два брата; отец их
Был знаменитый Фессал Ираклид, повелитель народов;
Тридцать они кораблей привели к берегам Илиона.

□□Те же, которыми был обитаем Аргос Пеласгийский,
Жители Алоса, града Алопы, Трахин многолюдных,
Фтии, Эллады, прекрасноразцветущими девами славной
(Имя же общее им мирмидоны, эллены, ахейцы), –
С ними привел пятьдесят кораблей Ахиллес богоравный.
Но в то время они не готовились к бою, в то время
Некому было вести их могучего строя в сраженье:
Праздно сидел посреди кораблей Ахиллес быстроногий,
Злясь за свою Брисеиду, прекраснокудрую деву,
Взятую некогда в плен им с трудом несказанным в Лирнесе:
Он ниспровергнул тогда и Лирнес и высокие Фивы,
После того как Минет и Эпистроф, метатели копий,
Дети царя Селепида Эвена, сраженные в бое им, пали.
Праздно он гневный сидел... но воздвигнуться должен был скоро.

□□Жителей тучной Филаки, лугов цветonoсных Пираса,
Агнцам привольной Итоны (Деметре любезного края),
Морем омытой Антроны, травяных равнин Птелеонских
Протесилай многославный вождем был, покуда сияньем
Дня веселился; но был он землей уж покрыт, и в Филаке
Тяжко о нем тосковала вдова, раздирая ланиты.
Дом недостроенным свой он оставил: из всех он ахеян
Первый убит был дарданцем, ступя на Троянскую землю
Первый. Был избран другой вождь; но войско о прежнем скорбело;
Вождь же избранный был храбрый Подаркес, питомец Ареев,
Сын обладателя стад Ификлая, Филакова сына,
Протесилага родной, но гораздо родившийся позже
Брат: был и старше годами и силою крепче
Протесилай богоравный, Арею подобный. Имело
Войско вождя, но крушилось оно, поминая о мертвом.
Сорок в Дарданию прибыло с ним кораблей чернобоких.

□□Живших близ вод Бебенского озера, в Фере и Бебах,
Жителей пышного града Иолка и светлой Глафиры
Вождь знаменитый Эвмел предводил, сын Адметов, Алкестой,
Самой прекрасной из всех дочерей Пелиаса, рожденный;
Было одиннадцать с ним кораблей у берегов Илиона.

□□Живших в Метоне, окрест Таумакии, между суровых
Скал Олизона, среди цветonoсных лугов Мелибеи
Был предводителем дивный стрелок Филоктет.

.
Комментарии

Орлеанская дева*

Написана в 1817–1821 гг. (окончена, как видно из записей в дневнике Жуковского, 4 апреля 1821 г. в Берлине). Впервые напечатана в отрывках: «Список действующих лиц и пролог» в сборнике «Für wenige. Для немногих», М., 1818, № VI; «Прощание Иоанны со своею родиною. Отрывок из Орлеанской девы, трагедии Шиллера» – в «Полярной звезде» на 1823 г.; «Сцена из Орлеанской девы. Действие 4, явление I» – в «Полярной звезде» на 1824 г. Полностью напечатана в 3-м издании

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
«Стихотворений В. Жуковского», 1824. Трагедию Ф. Шиллера «Die Jungfrau von
Orleans», написанную в 1801 г., Жуковский перевел с некоторыми сокращениями.

Шиллер назвал свое произведение «романтической трагедией»; Жуковский, не желая применять неопределенный термин «романтический», пугавший цензуру, особенно театральную, заменил этот подзаголовок другим, более нейтральным, – «драматическая поэма».

События, изображенные в трагедии Шиллера, происходят в 1429–1430 гг. и относятся к последнему периоду Столетней войны между Францией и Англией. В это время положение Франции было близким к полной катастрофе: вследствие победы при Азенкуре (1415 г.) английские войска овладели всей северной половиной страны, до берегов Луары; страну раздирали феодальные междоусобия, народ был угнетен и разорен войнами. В 1428 г. англичане начали осаду Орлеана, падение которого должно было отдать в их руки весь юг Франции.

В это критическое для Франции время французский народ встал на путь освободительной борьбы. Исключительное значение имел героический подвиг, совершенный молодой крестьянской девушкой Жанной д'Арк (1412–1431). Возглавив военный отряд, поддержанный народным ополчением, она освободила Орлеан, расчистила дорогу в Реймс и привела туда Карла VII для коронования.

Однако французские феодалы, напуганные народным движением, поднятым Жанной д'Арк, совершили акт предательства: они отказали ей в военном подкреплении в битве под Парижем, а в мае 1430 г. под Компьеном она была взята в плен бургундцами, перешедшими на сторону англичан, и выдана противнику при попустительстве спасенного ею короля Карла VII. По приказу англичан французская католическая церковь начала судебный процесс против Жанны д'Арк, обвиненной в ереси и колдовстве, ибо свою патриотическую освободительную миссию она, соответствующе характеру того времени, истолковала в религиозном духе, считая себя избранницей бога. 30 мая 1431 г. Жанна д'Арк была сожжена на костре. Карл VII впоследствии вынужден был реабилитировать ее посмертно, а католическая церковь, сыгравшая зловещую роль в судьбе народной героини Франции, причислила ее к лику святых.

Если в первых трех действиях «Орлеанской девы» исторические события воспроизведены довольно точно, то в финале трагедии Шиллер сознательно отступил от подлинных фактов. Он отказался от изображения казни Жанны д'Арк, ибо это не соответствовало его пониманию сущности трагического, которое должно раскрываться через внутреннюю душевную борьбу, вследствие чего социально-общественные столкновения, приведшие к гибели Жанну д'Арк, уступили место моральному конфликту – борьбе «разумного» начала с чувством, охватившим героиню (любовью к английскому рыцарю Лионелю). И чудесное освобождение из плена, и просветленная смерть Иоанны должны, по замыслу Шиллера, символизировать торжество той «идеальной свободы» (употребляя шиллеровскую терминологию), которую она как подлинная трагедийная героиня обретает в победоносной борьбе с чувственными искушениями.

В своем переводе «Орлеанской девы» Жуковский сохранил основной ее размер – белый пятистопный ямб с необязательной цезурой. К этому стиху Жуковский был подготовлен предшествующими переводами из Гебеля («Деревенский сторож в полночь», «Тленность», 1816), но в русской драматургии это был один из первых опытов применения подобного размера, одновременно с Катениным («Пир Иоанна Безземельного», 1820), Кюхельбекером («Аргивяне», 1822–1824), Жандром («Венцеслав», 1825). В двух сценах трагедии (д. II, явл. VI и VII), где Шиллер обращается к античному триметру, последний у Жуковского передан шестистопным ямбом без рифм и почти без цезур; в монологе Иоанны (д. IV, явл. II) строфы, в которых у Шиллера чередуются мужские и женские рифмы, написаны Жуковским с дактилическими рифмами. Следует отметить, что перевод «Орлеанской девы», несмотря на его поэтические достоинства, был запрещен к постановке театральной цензурой и явился одним из оснований к изданию в 1824 г. постановления о запрещении принимать на сцену императорских театров пьесы, написанные белыми стихами.

Переводя трагедию, Жуковский ничего не прибавлял к ее тексту, но допустил некоторые пропуски и отклонения от него. Так, изменены имена членов семьи Иоанны: ее сестры – у Шиллера Марго и Луизон – названы Алиной и Луизой; жених Луизы – у Шиллера Клод-Мари, у Жуковского – Арман; отсутствуют деление пролога

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu на четыре явления, а также многие ремарки оригинала; опущены отрывки текста, отдельные стихи и реплики в ряде сцен: в действии I, явл. VII, VIII, IX, X; действии II, явл. II; действии III, явл. II, III; действии V, явл. IX и XI. Некоторые из этих пропусков сделаны для устранения длиннот, замедляющих действие; но большая часть, и притом важнейших, купюр относится к роли королевы-матери и служит для смягчения ее образа, в чем нельзя не видеть «самоцензуры» Жуковского, моралиста и монархически настроенного поэта. Вмешательство цензуры здесь также возможно; во всяком случае, при напечатании трагедии какие-то цензурные препятствия возникли. Трагедия Шиллера была в глазах Жуковского своего рода «наставлением царям», подсказанным недавними событиями 1812 г. – народной войной против захватчиков (характерно, что первая мысль о ее переводе явилась у него в 1812 г.).

В изданиях сочинений Шиллера на русском языке пропуски, сделанные Жуковским, обычно восстанавливаются, в примечаниях или в самом тексте, в переводах Л. А. Мея, П. Загарина (Льва Поливанова) и др. См.: Собрание сочинений Шиллера под ред. С. А. Венгерова, т. II, СПб., изд. Брокгауз-Ефрон, 1901, стр. 557–563; Фридрих Шиллер. Собрание сочинений в семи томах, т. III, М., Гослитиздат, 1956, стр. 651–665; Иоганн Христоф Фридрих Шиллер. Собрание сочинений в восьми томах, т. V, М. – Л., Гослитиздат, 1949, стр. 510–511 и 515–526. В последнем издании перевод Жуковского приведен в точное соответствие с текстом Шиллера; в нем восстановлены пропуски и отсутствующие ремарки.

Карл VII (1403–1461) – вступил на французский престол в 1422 г., после смерти своего отца, Карла VI. До коронации, происшедшего в 1429 г., он именовался дофином (то есть наследным принцем), а не королем.

Королева Изабелла, или Изабо (1371–1435) – по происхождению баварская принцесса, вдова Карла VI и мать Карла VII; с последним боролась много лет в союзе с Генрихом V, английским королем (1413–1422), которого признала наследником французского престола, выдав за него замуж свою дочь Екатерину. Изабо известна была распущенностью, расточительностью и жестокостью.

Агнеса Сорель (1422–1450) – знаменитая своей красотой возлюбленная Карла VII. У Шиллера анахронизм: Агнеса Сорель стала фавориткой Карла VII значительно позднее изображаемых событий.

Филипп Добрый (1396–1467) – герцог Бургундский с 1419 г., вступивший в союз с англичанами; он примирился с Карлом уже после гибели Жанны д'Арк (а не при ее посредстве, как изображается в трагедии).

Граф Дюнуа (1403–1468) – прозванный «бастард Орлеанский», внебрачный сын Людовика Орлеанского, брата Карла VI. Один из виднейших французских военачальников при Жанне д'Арк и после нее.

Ла Гир Этьен де Виноль (1390–1443) – французский военачальник, пытавшийся освободить Жанну д'Арк из английского плена.

Дю Шатель Таннги (ок. 1368–1458) – военачальник, сторонник Карла VII, главный участник убийства бургундского герцога Иоанна Бесстрашного, отца Филиппа (1419).

Тальбот Джон, граф Шрусбери (ок. 1373–1453) – один из наиболее выдающихся английских полководцев. Вскоре после освобождения Орлеана Тальбот был ранен и взят в плен (но не убит, как изображено в трагедии) и затем выпущен Карлом VII. Тальбот был убит в сражении при Кастийоне (1453), где англичане потерпели последнее поражение, завершившее войну.

Лионель – лицо не историческое.

Фастольф или Фальстаф, сэр Джон (1377–1459) – английский военачальник.

...древняя корона Дагоберта... – Дагоберт – франкский король с 629 по 639 г., при котором были объединены франкские земли; его имя являлось символом древней власти королей Франции.

Иноземец – Генрих VI, английский король (1422–1461), десятилетним мальчиком коронованный в 1431 г., после смерти Жанны д'Арк, французской короной (см. д. I,

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
явл. V – у Шиллера анахронизм).

Внук королей – дофин Карл (король Карл VII).

Знатнейший пэр – Филипп Добрый, герцог Бургундский.

Родная мать – королева Изабелла.

Под этим деревом друидов... – Друиды – жрецы-прорицатели древних кельтов. Дубы, под которыми они совершали жертвоприношения, считались обиталищем злых духов.

Вокулёр – город в Лотарингии, близ Дом-Реми, деревни, где жили Тибо д'Арк и его семейство.

Мы в двух больших сражениях разбиты... – Имеются в виду, вероятно, поражения французов при Криване (1423) и Вернейле (1424); у Шиллера анахронизм.

Салисбури – граф Томас Сольсбери, английский полководец, руководивший осадой Орлеана, под которым был убит в 1428 г.

Сантраль – Потон де Сентраль (умер в 1461 г.), французский военачальник, участник Столетней войны; изображая его смерть во время осады Орлеана, Шиллер допускает анахронизм.

Шинон – город и королевский замок в Южной Франции, на реке Луаре.

Бодрикур – Робер де Бодрикур, комендант города Вокулёра, принял Иоанну и, по ее желанию, привел к Карлу VII.

Святой Людовик – Людовик IX, король Франции с 1226 по 1270 г. Умер во время крестового похода в Тунисе; причислен католической церковью к лику святых.

Иерусалим отсюда завоеван... – Первый крестовый поход (1096–1099) закончился взятием Иерусалима; в нем принимали участие по преимуществу рыцари из Лотарингии и других северо-восточных областей Франции.

Реймс – город к востоку от Парижа, где в знаменитом соборе короновались французские короли, начиная с Филиппа-Августа (1179).

Сен-Дени – старинное аббатство близ Парижа, основанное Дагобертом; место погребения французских королей.

Орифламма – в средние века военное знамя французских королей.

Коннетабль – здесь: командующий всеми королевскими войсками. Коннетаблем при Карле VII был граф Артю де Ришмон, герцог Бретанский (1393–1458), видный деятель войны против англичан.

Король Рене – Рене Анжуйский, граф Прованский (1408–1480), король Неаполя и Сицилии. Рене пытался при своем дворе восстановить старинную рыцарскую галантность и «пастушеские» нравы, устраивал «суды любви» и пас овец. Называя его «незлобным старцем», Шиллер отступает от истории: Рене было в изображаемое в трагедии время лишь двадцать лет.

Рошепьер – имя, вымышленное Шиллером.

Дуглас – Арчибалд III Дуглас, шотландский граф, прибыл с войском шотландцев на помощь французам и был убит при Вернейле в 1424 г., то есть за пять лет до изображаемых в драме событий.

...на мосту у Монтеро... – Место, где в 1419 г. был убит сторонниками Карла VII герцог Бургундский Иоанн Бесстрашный; главным организатором убийства Иоанна называли Дю Шателя.

Парламентом и ты и весь твой род отрешены... – Акт парламента (тогда – высшего судебного органа Франции), лишивший дофина Карла прав на французский престол, был издан в 1420 г.

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu
Ланкастер – английский король Генрих VI.

Бедфорд, герцог (1389–1435) – брат английского короля Генриха V, управляющий от его имени занятыми областями Франции и регент при Генрихе VI.

Глостер, герцог – брат Генриха V и опекун своего племянника Генриха VI.

Род Валуа – династия французских королей, начатая в 1328 г. Филиппом VI и сменившая Капетингов.

Ты ль, дивная... – Эти слова Дюнуа, ответ Иоанны и вся сцена «испытания» заимствованы Шиллером из хроники Шекспира «Король Генрих VI» (д. I, явл. II).

Найду ли здесь я Карла Валуа? – У Шиллера вопрос герольда звучит еще более издевательски: «Кто здесь Карл Валуа, граф де Понтье?» Такой титул носил Карл VII до того, как он стал дофином; обращение к нему как к «графу де Понтье» показывает непризнание его англичанами не только королем, но и наследником престола.

...при Пуатье, Крепи и Азинкуре... – три крупнейшие битвы во время Столетней войны, в которых французы потерпели поражение: при Креси (у Жуковского: Креки) в 1346 г., при Пуатье в 1356 г. (в ней был взят в плен французский король Иоанн II), при Азенкуре в 1415 г. (одна из последних побед англичан перед переломом войны).

И в низкой хижине, откуда ныне... – Намек Шиллера на французскую революцию 1789 г. и казнь Людовика XVI.

Могущие, они с двух славных тронов... – «Пророчество» Иоанны: потомки Филиппа Бургундского (внуки его внучки Марии) стали императорами – Карлом V (1519–1558) и Фердинандом I (1558–1564).

Скажи, что ты невинна, что врага нет в сердце у тебя... – Тибо говорит о «враге» – дьяволе, вселившемся, как он думает, в сердце Иоанны; последняя же думает о «враге» – Лионеле, овладевшем ее сердцем; отсюда – ее молчаливое признание своей вины.

...вслед за ним жандармы. – Жандармами в средневековой Франции назывались отборные дворянские войска.

Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване-Царевиче, о хитростях Кощея Бессмертного и о премудрости Марьи-Царевны, Кощеевой дочери*

Написана 2 августа – 1 сентября 1831 г. Впервые напечатана в сборнике «Новоселье» (СПб., 1833, стр. 37–68).

Сказка написана была в Царском Селе, где Жуковский прожил лето и осень 1831 г. в тесном общении с Пушкиным. Она была первой в ряду сказок, созданных Жуковским в ходе «состязания» в народно-сказочном жанре между обоими поэтами, когда, кроме нее, Жуковский написал «Спящую царевну» и «Войну мышей и лягушек», а Пушкин – «Сказку о царе Салтане». Об этом поэтическом состязании вспоминал Н. В. Гоголь в письме к А. С. Данилевскому от 2 ноября 1831 г. «Все лето я прожил в Павловске и Царском Селе... Почти каждый вечер собирались мы – Жуковский, Пушкин и я. О, если бы ты знал, сколько прелестей вышло из-под пера сих мужей. У Пушкина... сказки русские народные – не то что «Руслан и Людмила», но совершенно русские... У Жуковского тоже русские народные сказки, одни гекзаметрами, другие просто четырехстопными стихами и, чудное дело! Жуковского узнать нельзя. Кажется, появился новый обширный поэт, и уже чисто русский. Ничего германского и прежнего...» (Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. X., изд. Академии наук СССР, 1940, стр. 214).

Основные моменты сюжета «Сказки о царе Берендее» почерпнуты Жуковским из полученной от Пушкина записи народной сказки, сделанной в конце 1824 г. со слов, по-видимому, Арины Родионовны. Жуковский переложил стихами пушкинскую записку, обработав ее местами в духе «арзамасского» юмора, например, отзывы Ивана-царевича о Кошее (об обществе «Арзамас» см. во вступительной статье, в I т. наст. изд.). Вместе с тем он ввел некоторые детали, восходящие, как указал Ц. Вольпе (В. А. Жуковский. Стихотворения, т. II, Л., «Советский Писатель», 1940,

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский (1795–1852, стр. 471), к другим русским и западноевропейским источникам. Одним из источников следует считать бывальщину «Садков корабль стал на море» из сборника Кирши Данилова «Древние российские стихотворения», где дан образ Кощея бессмертного как царя «подземельного» или подводного царства, не совпадающий с традиционной трактовкой Кощея в русских народных сказках (последняя соблюдена в позднейшей сказке Жуковского «О Иване-царевиче и Сером Волке»); другим источником служила немецкая народная сказка из сборника братьев Grimm, Якова и Вильгельма, «Kinder und Haus Märchen» («Детские и домашние сказки»), переведенная Жуковским прозой и напечатанная в журнале «Детский собеседник» (1826, ч. I, стр. 116–119) под заглавием «Милый Роланд и девица Ясный Цвет»; отсюда, например, взяты эпизоды превращения Марьи-царевны в камень, потом в цветок. Жуковский, в отличие от Пушкина, применявшего в сказках четырехстопный хорей с парными рифмами, близкий к народно-песенному стиху, или раешный стих без метра (в «Сказке о попе и работнике, его Балде»), обработал «Сказку о царе Берендее» в сказовом гекзаметре, выработанном им при переводах рассказов Гегеля.

Спящая царевна*

Написана 26 августа – 12 сентября 1831 г. Впервые напечатана в журнале «Европеец», 1832, № 1, январь, стр. 24–37, под заглавием «Сказка о спящей царевне». Сказка написана была в Царском Селе, так же как и «Сказка о царе Берендее». Источником для нее послужили публикации и литературные обработки западноевропейских – немецких и французских – сказок. Немецкую сказку под заглавием «Dornröschen» («Шиповник») опубликовали братья Grimm в указанном выше сборнике, а Жуковский напечатал перевод, озаглавленный «Царевна-шиповник», в журнале «Детский собеседник» (1826, ч. I, стр. 106–110). Французский вариант сказки литературно обработал, под заглавием «La belle au bois dormant» («Красавица, спящая в лесу»), французский писатель Шарль Перро в своем известном сборнике «Contes de Fées» («Волшебные сказки»). Жуковский объединил оба варианта сказки и переложил их четырехстопным хореем с одними мужскими парными рифмами, то есть стихом, почти тождественным стиху пушкинских сказок «О царе Салтане», «О мертвой царевне», «О золотом петушке», где, однако, мужские парные рифмы чередуются с женскими. Жуковский русифицировал сказку, введя некоторые русские народные черты; но все же литературный элемент проступает в ней очень заметно и чувствуется стилистическая близость к французскому источнику.

Война мышей и лягушек (отрывок)*

Сказка написана 24 августа – 22 сентября 1831 г. в Царском Селе. Впервые напечатана в журнале «Европеец» (1832, № 2, январь, стр. 143–164), с подзаголовком: «Отрывок из неоконченной повести».

Источником для сказки Жуковского послужила древнегреческая сатирическая поэма «Батрахомиомахия» – «Война мышей и лягушек». Автором поэмы в древности считался Гомер, якобы пародировавший в ней свой собственный героический эпос. Современная филология признает наиболее вероятным автором поэмы Пигрета Карийского, поэта конца VI – начала V века до н. э. «Батрахомиомахия» действительно сатирически пародирует героический эпос, в том числе и гомеровский, отражая кризис старого, аристократического общественного строя в борьбе с поднимающейся демократией городов. Но этот сатирический смысл поэмы почти не сохранен в сказке Жуковского, да и сюжет ее взят далеко не весь, а лишь в самых начальных моментах. В поэме Пигрета Карийского рассказывается, как, после беседы между лягушачьим царем и царевичем-мышонок, последний, приглашенный царем в лягушачье царство, случайно утонул при переправе через лужу, что послужило поводом к войне между мышами и лягушками. Перипетии войны, идущей с переменным успехом, служат материалом для пародирования «Илиады» и других эпических поэм. Вся эта часть повествования осталась за пределами «Отрывка» Жуковского.

Более близким источником для сказки Жуковского следует, по-видимому, считать поэму немецкого писателя XVI века Ролленхагена «Froschmäusler» («Лягушкомышатник») и ее позднейшие переделки. Некоторые эпизоды взяты Жуковским из басен Крылова и Дмитриева. При этом социальная сатира немецкого оригинала, имеющего антифеодалное направление, очень ослаблена, а выдвинуты комические моменты и ситуации, рассказанные в «арзамасском» стиле (см. «Арзамасские стихи» в т. I наст. изд.), в которых чувствуется легкая литературная сатира современного значения. Кот – Федот Мурлыка – в черновом автографе носил имя

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu...
Фаддея Мурлыки, что было явным указанием на Ф. В. Булгарина; в таком случае мыши изображают группу литераторов, близких к Пушкину и к «Литературной газете», против которой Булгарин вел ожесточенную войну, используя все средства, вплоть до шантажа, клеветы и доносов. Премудрая крыса Онуфрий – сам Жуковский. Поэт мышиного царства Клим, по прозвищу Бешеный Хвост – возможно, изображает Пушкина, а мышенок Петр Долгохвост – племянника Жуковского И. В. Киреевского, издателя «Европейца». Возрождение в творчестве Жуковского литературной сатиры «арзамасского» типа, но направленной уже не против Шишкова и «Беседы», а против Булгарина и «Северной пчелы», в 1831 г. вполне объяснимо: 1830–1831 гг. были временем наиболее ожесточенной борьбы Пушкина и его соратников по «Литературной газете», к которым был близок Жуковский, против Булгарина и Греча. В 1831 г., после смерти Дельвига и прекращения «Литературной газеты», борьба не кончилась, но приняла новые формы: именно летом этого года в Царском Селе, в пору постоянного и близкого общения с Жуковским, Пушкин писал свол памфлеты, подписанные «Феофилакт Косичкин»; второй из них – «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» – писался в сентябре, одновременно со сказкой Жуковского. В этих условиях последний и сделал попытку вернуться к давно оставленному жанру литературной сатиры. Но в печати намеки были ослаблены, и сатирический смысл сказки стал почти незаметен.

Кот в сапогах*

Сказка написана 22–23 марта 1845 года. Впервые напечатана в «Современнике» (1846, т. XLIV, стр. 5–12), с подзаголовком: «Сказка» и с пометой «1845, в марте». Стихотворное переложение сказки Ш. Перро из сборника «Волшебных сказок» – «Le Maître Chat, ou le Chat botté» («Дядюшка кот, или кот в сапогах»), представляющей литературную обработку народной сказки. Жуковский, в общем, точно следовал оригиналу, но местами развивал сжатый, лаконичный текст Перро, внося в него черты юмора, характерные для русского поэта, но не свойственные французскому автору–классицисту.

Тюльпанное дерево*

Сказка написана 27 марта 1845 г. Впервые напечатана в «Современнике» (1846, т. XLIII, стр. 5–16), с подзаголовком «Сказка» и с пометой «1845, Франкфурт-на-Майне», затем в переработанном виде вошла в 5-е издание «Стихотворений В. Жуковского» (1849). В рукописи Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ, № 53, л. 25 об. – отчет императорской публичной библиотеки (ИПБ) за 1884 год, Приложение, стр. 121) озаглавлено «Миндальное дерево». Сказка представляет собою переложение прозаического текста из названного выше сборника братьев Гримм (см. стр. 538) «Von dem Machandelboom» («О миндальном дереве»). Печатавая сказку, Жуковский неоднократно пересматривал и переделывал текст; при этом он ослаблял чисто сказочные черты стиля и усиливал религиозно-дидактический элемент рассказа, придавая последнему характер притчи, соответственно своим религиозным настроениям в последние годы жизни.

Сказка о Иване-Царевиче и Сером Волке*

Написана в 1845 г., между 27 марта и 6 апреля. Впервые напечатана о «Современнике» (1845, т. XXXIX, стр. 225–263), с пометой; «1-го июля 1845. Франкфурт-на-М.<айне>» (дата относится, вероятно, к завершению работы над сказкой). Сказка в сюжетном отношении представляет собою стихотворное переложение нескольких русских народных сказок, с введением некоторых мотивов и образов, взятых из сказок других народов. Сложное и вместе с тем органически цельное построение сказки, так же, как и художественная обработка множества фольклорных мотивов и образов, показывают в Жуковском глубокое восприятие русского народного творчества. Однако в сказочное повествование внесено немало литературных элементов стиля и книжных, литературных понятий: таков, например, рассказ о приезде Серого Волка ко двору царя Демьяна Даниловича и о дальнейшей жизни Волка, напоминающий изображение королевского двора в сказках Перро. Изложение усложнено деталями и описаниями, не свойственными русскому сказочному стилю. Поэтом, несмотря на близость к народно-сказочным образцам и на народность сюжета и основных образов, на сказочную манеру ведения повествования, сказка Жуковского уступает в смысле народности сказкам Пушкина или

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
«Коньку-Горбунку» Ершова. Литературный характер сказки подчеркнут тем, что в ней применен повествовательный белый ямбический стих, излюбленный Жуковским в 40-х гг., которому сознательно придана простота синтаксиса, граничащая с прозой (см. высказывания Жуковского о белом ямбическом стихе повестей 40-х гг. в письмах к П. А. Плетневу и И. В. Киреевскому 1843 и 1844 гг. – Сочинения, изд. 7-е, т. VI, 1878, стр. 590–591, 48).

Слово о полку Игореве*

Переложение написано в 1817–1819 гг. (более точная дата неизвестна). При жизни Жуковского не публиковалось. Впервые напечатано Е. В. Барсовым в «Чтениях в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1882, кн. 2, по копии, находящейся в архиве А. С. Пушкина. Барсов считал автором переложения «Слова о полку Игореве» Пушкина. Вскоре, однако, В. Е. Якушкин высказал сомнение в его авторстве («Русская старина», 1884, т. XLIV, декабрь, стр. 543). Принадлежность переложения Жуковскому была установлена затем публикацией И. А. Бычковым текста «Слова о полку Игореве» по черновому автографу Жуковского, находящемуся в ГПБ, № 27 (см. отчет ИПБ за 1884 г., СПб., 1887, Приложение, стр. 80 и 182–199). Этот черновой автограф, носящий многочисленные, в несколько слоев, поправки, был, по-видимому, тогда же (около 1819 г.) перебелен Жуковским. Беловая рукопись до нас не дошла, но с нее позднее (вероятно, не ранее 1833 г.) была снята писарская копия, вновь пересмотренная и исправленная Жуковским. В конце 1833 или в 1835 г. он передал эту копию А. С. Пушкину, изучавшему «Слово о полку Игореве». Пушкин нанес на копию свои поправки и замечания. Копия находится в Институте русской литературы (Пушкинский дом), ф. 244, оп. 1, № 1093, и напечатана Т. Г. Зенгер-Цявловской, с подробным комментарием, в сборнике «Рукою Пушкина», М. – Л., «Academia», 1935, стр. 127–145. В 1837 г., при подготовке посмертного издания сочинений Пушкина, с этой копии, исправленной Жуковским и Пушкиным, были изготовлены две другие писарские копии, ошибочно вpletенные в сборник материалов для этого издания (ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, № 93). Текст, далеко не исправный, одной из этих двух копий и был напечатан Е. В. Барсовым как принадлежащий Пушкину.

Настоящий текст «Слова о полку Игореве» печатается по копии ИРЛИ № 1093 с учетом поправок, внесенных в нее Жуковским. Некоторые места, пропущенные, искаженные или недописанные в этой копии, исправлены по автографу ГПБ № 27; поправки и замечания Пушкина в текст не вводятся.

Работая над переложением «Слова о полку Игореве» на современную русскую ритмизованную прозу, Жуковский применял следующий способ: на двух соседних развернутых страницах своей черновой рукописи он писал слева древнерусский текст (причем текст разбит – очевидно, им самим – абзацами на смысловые отрезки), справа – переложение, разбитое на те же смысловые и отчасти ритмические отрезки, то есть на одинаковое с левой колонкой количество строк – своего рода стихов. В черновом тексте переложения к строке 21 («И сами они славу князьям рокотали») сделано Жуковским примечание, позднее зачеркнутое карандашом: «Сие место изображает великое дарование Бояна, о коем мы не имеем никакого понятия: он был богат вымыслами; не следовал одним простым былям, но украшал их воображением. Он показывает любовь наших предков к песням и дает думать, что мы имели своих бардов, прославл. <явших> героев, и что сии песни, петье перед войсками или в собраниях, пелись по жеребью, и здесь означается, в чем состояло это жеребье. Боян же не входил в жеребий: струны его сами знали и пели. Какая похвала!»

Вследствие того, что древнерусский текст, служивший оригиналом Жуковскому (первопечатное издание «Слова о полку Игореве» 1800 г. с русским переводом и комментариями), содержит ряд ошибочных чтений, неразобранных мест и неточных переводов, текст Жуковского также во многих случаях отличается от современных чтений и современного понимания. Нередко Жуковский дает свое собственное толкование неясному древнерусскому тексту или переводит места, оставленные в издании 1800 г. без перевода. Так, выражение «и своя милья хоти красныя Глебовны свычая и обычая» (в переводе 1800 г. – «все милые прихоти, обычаи и приветливость прекрасной своей супруги Глебовны») Жуковский в автографе передал: «О красной Глебовне, милом своем желании, свычае и обычае», а в исправленной копии, печатаемой нами, – «О свычае и обычае милой супруги своей Глебовны красныя»; фраза в издании 1800 г.: «Се Урим кричат под саблями Половецкими», где неверно прочтенные слова «у Рим», то есть «у <города> Римова» поняты как собственное имя «Урим» с объяснением: «Один из воевод или из союзников князя

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu... Игоря, в сем сражении участвовавший», – Жуковский понял иначе и вместо «Урим» написал сначала (в черновике) «Роман», а затем в копии внес поправку: «Вот и у Ромена кричат...» – поняв, очевидно, «Рим» правильно, как название города, но неточно передав его. фраза «великому хр̄сови вльком путь прерыскаше», опущенная в переводе издания 1800 г. с примечанием «Не вразумительно», передана Жуковским: «К Херсоню великому волком он путь перерыскивал»; слово «Хиновьския (то есть Половецкие) стрелки» в плаче Ярославны, оставленное непереуведенным, понято Жуковским как «стрелы ханские» (в другом месте слово «Хинови» – половцам – в фразе: «и великое буйство подасть Хинови» переведено в издании 1800 г. и у Жуковского как «Хану»).

Сопоставление подобных переложений Жуковского с современными чтениями, а также с поправками, предложенными Пушкиным, – см. в указанном выше издании «Рукою Пушкина», а также в некоторых современных изданиях «Слова о полку Игореве» – Академии наук СССР, в серии «Литературные памятники», под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.–Л., 1950, стр. 372–374; Гослитиздата, под ред. В. В. Водовозова, М., 1954. Следует еще отметить, что в диалоге Гзак с Кончаком во время преследования Игоря вторая реплика, вследствие простой описки, ошибочно приписана Жуковским Гзаку вместо Кончака. В печатном тексте 1800 г. мы читаем в подлиннике: «Рече Кончак ко Гзъ аже сокол к гнъзду летит, а въ соколца опутаевъ красною дъвицею», и в переводе: «Кончак Гзаку ответственвал: естли сокол к гнезду полетел, то мы опутаем соколика красною девицею». Жуковский ошибочно перевел в черновике: «Гзак в ответ Кончаку: Если сокол ко гнезду долетит...» и т. д., и это чтение идет через все дальнейшие рукописи; в наст. издании оставлено без исправления.

Текст Жуковского перепечатывается в ряде современных изданий «Слова о полку Игореве» как одно из лучших поэтических переложений «Слова» на современный русский язык.

Разрушение Трои (из «Энеиды» Вергилия)*

Написано в мае–июне (?) 1822 г. (помета на черновой рукописи – ГПБ, № 30, л. 3. – «Начато 12 мая 1822 в Павловске»). Впервые напечатано в отрывках: в альманахе «Полярная звезда» на 1823 г. под заглавием «Смерть Приама. Отрывок из II песни «Энеиды». С латинского»; в «Полярной звезде» на 1824 г., под заглавием «Приступ к чертогам Приама. Из II песни «Энеиды». Полностью – в 3-м издании «Стихотворений В. Жуковского», 1824. Перевод второй песни «Энеиды», эпической поэмы в 12 песнях Публия Вергилия Марона.

Источниками «Энеиды» являлись гомеровские поэмы «Илиада» и «Одиссея», а также «киклические» поэмы (об окончании Троянской войны) и древнеримские народные предания. Герой поэмы – троянский вождь Эней, сын Анхиза и богини Венеры (Афродиты), с несколькими троянскими воинами и сыном Асканием (Иулом) избежавший гибели при падении Трои. Сюжет поэмы, построенный по образцу гомеровских поэм, охватывает странствия Энея, пребывание его у Дидоны, царицы Карфагена, его прибытие в Италию и войны с итальянскими владетелями, давшие ему и его потомству власть над Италией. Эней является, по Вергилию, родоначальником рода Юлиев, из которого происходят Юлий Цезарь и Октавиан Август. Вергилий утверждает, таким образом, божественное происхождение Августа в соответствии с культом императоров в Риме.

Переведенная Жуковским вторая песнь поэмы содержит рассказ Энея, после ночного пира во дворце Дидоны, о падении и гибели Трои. Перевод сделан Жуковским с латинского подлинника и представляет значительное явление в литературе своего времени. «Энеида» Вергилия, оказавшая столь большое влияние на западноевропейскую поэму эпохи Возрождения и классицизма и русскую поэму XVIII века, передавалась до этого по–русски не гекзаметрами, а прозой или alexandрийским стихом; таков был перевод В. П. Петрова, выполненный в 1781–1786 гг. и далекий от подлинника. Перевод Жуковского обладает высокими художественными достоинствами и может считаться лучшим образцом русского героического гекзаметра наряду с переводом «Илиады» Гнедича. В общем, он довольно точен, хотя Жуковский местами сжал текст, отчего в его переводе 794 стиха вместо 804 стихов подлинника. Соблюдены встречающиеся в девяти случаях у Вергилия неполные стихи, вызванные тем, что автор «Энеиды» умер, не успев обработать поэму; соблюден в переводе и римский колорит, довольно заметный у Вергилия (в именах божеств, мифах). Однако характерные для Вергилия тонкие

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zhu... звуковые и ритмические оттенки гекзаметров в зависимости от смысла и характера текста Жуковским не везде сохранены, и его гекзаметры в значительной мере унифицированы.

Дева закланная. – Ифигения, дочь Агамемнона. Была принесена в жертву Фебу (Аполлону) при отплытии греков из Аргоса в Трою; по предсказанию Дельфийского оракула, попутный ветер боги даруют после принесения человеческой жертвы.

...с тех пор как преступный сын Тидеев и с ним Улисс... – Диомед, сын Тидея, вместе с Одиссеем (Улиссом) похитил из троянского акрополя Палладиум – изображение богини Паллады (Тритоны), присутствие которого в Трое охраняло город от гибели; похищение было совершено по наущению самой Паллады, покровительствовавшей грекам и желавшей гибели Трои.

Некогда Азия стены Пелопсовы... – то есть войска Трои (Азия) будут осаждать города греков, потомков Пелопса – Аргос, Микены.

...в Ахилловой броне... – Энею является тень Гектора в Ахилловой броне потому, что Гектор, убив на поединке друга Ахилла Патрокла, по обычаю надел на себя его доспехи, которые Ахилл дал Патроклу для боя с Гектором; видение тени Гектора напоминает Энею эпизоды, изображенные в «Илиаде».

Троя пенатов своих тебе поверяет... – пророческое указание на то, что Энею суждено основать новое государство и возродить Трою, то есть стать родоначальником основателей Рима; Пенаты – по римской мифологии боги домашнего очага.

...лики богов побежденных... – Вместе с троянцами побеждены и их боги-покровители.

...видел Гекубу и сто невесток ее... – У Приама и Гекубы было пятьдесят сыновей; но здесь, помимо жен сыновей, говорится вообще о женщинах во дворце Приама.

То ли Ахилл... сделал с Приамом-врагом? – Имеется в виду эпизод в «Илиаде» (песнь XXIV), когда Приам пришел в ставку Ахилла, чтобы просить его выдать для погребения тело убитого Гектора.

Тиндарова дочь – Елена Спартанская, жена Менелая, похищение которой Парисом стало причиной Троянской войны.

...предстала мать... – Имеется в виду мать Энея Афродита (Венера), покровительница Елены и троянцев.

...Тритона-Паллада... страшной Горгоной блистая... – Голова Медузы Горгоны, имевшая свойство обращать в камень всякого, кто на нее смотрел, укреплена была на щите Афины Паллады.

...зреть и однажды погибель своих... – Троя уже однажды, при отце Приама Лаомедонте, была взята и сожжена Гераклом.

Тут несказанное... совершилось чудо... – Пророчество богов о великой судьбе, ожидающей Иула (Аскания) (то есть о судьбе его потомков – рода Юлиев).

О Эней, о сладостный друг... – Речь тени Креузы, обращенная к Энею, является пророчеством богов о его будущем.

Там в Гесперии, где волны лидийского Тибра... – Указание на место, где будет основан Рим.

...невеста-царевна – Лавиния, дочь царя Латина, которая должна, став женою Энея, принести ему власть над Лапиумом.

...великая мать бессмертных... – Имеется в виду фригийская (троянская) богиня Кибела, пожелавшая при гибели Трои взять Креузу к себе; таким образом, Иул и его потомство связывались, по толкованию Вергилия, помимо греко-римских, с азиатскими божествами. Культ Кибелы был в правление Августа установлен и в Риме как символ его власти над Азией.

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
Отрывки из «Илиады»*

Из песней VI, XVII, XVIII, XIX, XX. Написано в 1828 г. Впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1829 год», СПб., 1828, стр. 76–119. В первой публикации текст сопровождался следующим примечанием, опущенным потом в 5-м издании: «Сей перевод сделан по некоторым особенным причинам. Переводчик, не знающий по-гречески, старался только угадывать Гомера, имея перед глазами немецкие переводы «Илиады» – Фоссов и Штольбергов. Сей опыт его не должен быть сравниваем и не может выдержать сравнения с переводом Н. И. Гнедича, который передает нам самого Гомера, вслушиваясь в природный язык его. Здесь, так сказать, один отголосок отголоска. Стихи, напечатанные курсивом, принадлежат самому переводчику: они служат соединением отрывков, вполне переведенных из «Илиады» и заимствованных из VI, XVII, XVIII, XIX и XX песней».

Отрывки из «Илиады» в переводе Жуковского появились ровно за год до выхода в свет перевода, выполненного Н. И. Гнедичем, и последний, по словам Пушкина (в письме к П. А. Вяземскому, около 25 января 1829 г.), сердился на Жуковского и, в особенности, на издателя «Северных цветов» А. А. Дельвига, «как откупщик на контрабанду». Перевод Жуковского, сделанный не с греческого подлинника, потому что Жуковский не знал древнегреческого языка, а с немецких переводов XVIII века, не мог, конечно, равняться по значению с переводом Гнедича: это был лишь эксперимент, основанный на опытах Жуковского в гекзаметрических переводах с немецкого («Аббадонна», 1814) и латинского («Цейкс и Гальциона», 1819; «Энеида», 1822). Впоследствии, переводя в 40-х гг. «Одиссею» и вернувшись в конце жизни к «Илиаде», Жуковский в корне изменил методику переводческой работы. Тем не менее Гнедич, учитывая поэтический дар и переводческое мастерство Жуковского, мог по справедливости видеть в нем соперника. Жуковский ограничился напечатанными в «Северных цветах» отрывками и на много лет отошел от «Илиады».

Источниками текста для перевода служили Жуковскому, как отмечено выше, немецкие переводы: ученого-эллиниста и поэта-переводчика Иоганна Фосса (1751–1826), вышедший в 1781 г. и считавшийся в начале XIX века классическим по выполнению, и Фридриха-Леопольда Штольберга (1750–1819); известен ему был также более старый перевод, принадлежащий одному из крупнейших поэтов английского классицизма Александру Попу (1688–1744), вышедший в 1725 г. Переводы Фосса и Попа были известны Жуковскому уже в 1810 г., как это видно из письма его к А. И. Тургеневу (см. т. IV наст. изд., стр. 472). Впоследствии Жуковский, начав переводить отрывки «Илиады», отказался от обращения к переводу Попа, подчинявшего Гомера требованиям классицизма XVIII века, и обращался лишь к более точным немецким переводам.

В переводе «Илиады» 1828 г. Жуковский дает местами точный перевод отрывков текста, местами – пересказ с переводом лишь немногих пассажей; отрывки в четырех местах соединяются стихами, сочиненными самим Жуковским для связи и понимания рассказа и содержащими краткий пересказ непереваденных песен поэмы. Первый отрывок, кончая словами: Мнили они, он погибнет; мы вечно его не увидим, содержит 99 стихов, соответствующих стихам 390–502 VI песни в переводе Гнедича, с некоторыми сокращениями; за этим следует пересказ из восьми стихов, резюмирующий события от VI до XVII песней, включая описание битвы, возгоревшейся за тело убитого Гектором Патрокла. Второй отрывок обнимает стихи 708–734 песни XVII, в слегка сокращенном переводе; окончание XVII песни пересказано в пяти стихах. Далее следуют эпизоды из XVIII песни, частью в почти полном переводе (стихи 2–180, 202–242), частью в кратком изложении (стихи 181–201); стихи 243–283 (речь троянца Полидаманта – у Гнедича Полидамаса) выражены пересказом в четырнадцать стихов, за которым идет перевод речи Гектора, плача Ахиллеса над телом Патрокла и описания убранства тела Патрокла для погребения (стихи 284–353). Вслед за этим следует несколько сокращенный перевод начала XIX песни (стихи 1–39), пересказ из пяти стихов, содержащий краткое изложение рассказа о примирении Ахиллеса с Агамемноном, и перевод (с небольшими сокращениями) двух отрывков той же песни, слитых воедино: стихи 238–247 и 303–424. К ним непосредственно примыкает начало XX песни (стихи 1–65), повествующее о вмешательстве богов в битву ахейцев с троянами. Таким образом, выборочный и творчески обработанный перевод Жуковского носит очень своеобразный и, несомненно, своего рода экспериментальный характер.

Сид (отрывок)*

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
Написано в январе 1831 г. (см. ГПБ, № 35, л. 8 об. – Отчет ИПБ за 1884 год, Приложение, стр. 98). Впервые напечатано в сборнике «Баллады и повести В. А. Жуковского», СПб., 1831 (в одном томе), под заглавием «Отрывки из испанских романсов о Сиде».

«Отрывок» Жуковского представляет собою вольный перевод и изложение отдельных частей известной поэмы Иоганна-Готфрида Гердера «Der Cid. Geschichte des Don Ruy Diaz, grafen von Bivar. Nach spanischen Romanzen» («Сид. История Дона Рун Диаца, графа Биварского, по испанским романсам»). «Сид» Гердера является сводом, творчески созданным из старинных испанских народных песен лирико-эпического характера («романсов»), сложившихся в XIII–XV веках, с добавлением отрывков из поэмы о Сиде, составленной неизвестными народными певцами в XII веке; некоторые отрывки и вставные пассажи принадлежат самому Гердеру. Из четырех частей и семидесяти глав-романсов, составляющих поэму Гердера, Жуковский воспользовался материалом первых двух частей (тридцати трех глав), и то не полностью и в ином, произвольном порядке. В первой части поэмы («Сид в царствование короля Фердинанда») главы I–II представляют у Жуковского своего рода пролог, куда вошло содержание 8, 18 и 10 глав Гердера (первые две – частично, последняя – полностью). Главы III–VI – точный перевод 1–4 глав Гердера; VII глава Жуковского соответствует 5, 6 и 9 главам Гердера, VIII – 14 главе, IX – 15-й, X – 21 и 22 главам Гердера; во второй части («Сид в царствование короля Дон-Санха Кастильского») I глава содержит материалы 23, 24 и 25 глав Гердера, II глава является переводом 26 главы Гердера, III содержит материал 27, 28, 29-й глав, IV – 31, 32, 33 глав Гердера.

Жуковский, переводя поэму Гердера, везде сжимает текст оригинала, иногда коротко излагает его; соблюдая размер гердеровской поэмы и ее испанских источников (четырёхстопный хорей без рифм), он не всегда соблюдает деление текста на строфы с заключающим каждую строфу стихом мужского окончания. Но он превосходно сумел передать героический, суровый, простой и выразительный стиль и дух оригинала. В некоторых случаях Жуковский добавляет детали. Так, во II главе первой части (10-й по Гердеру) он вводит новую сцену – явление испанскому войску покровителя Кастилии Сан-Яго, отворяющего испанцам «неприступную Коимбру», а также вставляет три стиха об «акколаде» (ударе мечом или шпагой плашмя по плечу при посвящении в рыцари).

Переложение Жуковского занимает виднейшее место в ряду подражаний и переводов испанской народной поэзии, вошедших в русскую литературу, начиная с Карамзина («Граф Гваринос», 1789), и в художественном отношении, несомненно, превосходит современный ему перевод отрывков из поэмы Гердера о Сиде, принадлежащий П. А. Катенину («Романсы о Сиде», 1822–1823; напечатаны в 1832 г., уже после издания поэмы Жуковского), хотя Катенин местами ближе, чем Жуковский, передает текст Гердера.

Исторические события, отраженные народным творчеством в романсах о Сиде, происходили в XI веке, в эпоху подъема «реконквисты» – национально-освободительной борьбы испанского народа против арабских завоевателей (мавров). Король Фердинанд (Фернандо) I правил Кастилией в 1033–1065 гг.; его сын дон-Санчо (Санчо) Кастильский – с 1065 по 1072 г. К их царствованиям относится деятельность прославленного рыцаря и полководца дона Родриго Диаса, графа Бивара, прозванного маврами Сидом (господином), а испанцами – Кампеадором (воителем). Исторический граф Бивар, умерший в 1099 г., сыграл выдающуюся роль в борьбе за освобождение Испании из-под владычества мавров. Он, однако, был, при всем своем патриотизме и доблести, типичным представителем феодальной аристократии, своевольным и честолюбивым, который то сражался за своего сюзерена – короля кастильского, то поддерживал его противников – феодалов или даже вступал в союз с врагами – мавританскими владетелями. Но народное предание, помня о его битвах с маврами, о его столкновениях с королем, уже в XII веке сделало Сиду своим любимым эпическим героем, видя в нем патриота, бесстрашного в бою, защитника слабых и угнетенных, бескорыстного и скромного, смело говорящего правду королям и обличающего их несправедливые и злые дела. Таким героем, воплощающим народный идеал человека, изобразил Сиду и Гердер в своей поэме, и таким сохранил его Жуковский.

Наль и Дамаянти*

Написано между 21 мая 1837 и 16 декабря 1841 г.; посвящение, предшествующее

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
повести, – 16 февраля 1843 г. Впервые напечатано в отдельном издании: «Наль и
Дамаянти. Индейская повесть В. А. Жуковского. Рисунки по распоряжению автора
выполнены Г. Майделем». СПб., изд. Фишера, 1844. Повести предпослано посвящение,
адресованное великой княжне Александре Николаевне, дочери Николая I; примечание
Жуковского к повести мы даем в тексте (см. стр. 309).

Повесть Жуковского представляет собою переложение отрывка величайшего памятника древнеиндийского героического эпоса «Махабхарата», выполненное не с санскритского подлинника, которого не знал Жуковский, а с помощью немецких вольных переводов – прозаического, сделанного ученым-лингвистом, санскритологом францем Боппом, и стихотворного, принадлежащего ученому-востоковеду и поэту Фридриху Рюккерт; перевод последнего, выпущенный в 1819 г., служил основным для Жуковского источником, которому он следовал. Рюккерт писал повесть старонемецким коротким стихом с вольно расставленными ударениями и парными (иногда и тройными) рифмами (так называемым книттельферсом, каким написан, например, «Лесной царь» Гете). Жуковский еще в 1832 г. пробовал начать свой перевод стихом, близко передающим дольник Рюккерта, но написал всего семнадцать отрок (ГПБ, № 38, л. 13; отчет ИПБ за 1884 год, Приложение, стр. 104):

Жил царь, сильный, могучий и славный,
Нала, сын Виразены державный,
Был он создан людям на радость;
Все он имел: красоту, мужество, младость.
Он возвышался над всеми земными царями,
Словно как бог богов над всеми другими богами.
Всю землю <он как> солнце в лучах озарял,
Премудро Нишадской страной обладал,
Слыл он в Индии первым царем,
Сильный рукою и сильный умом,
Усердный духовных мужей почитатель,
Умный писаний святых толкователь,
В храме набожный жертв сожигатель,
Смиритель буйных желаний своих,
Радость для добрых, ужас для злых,
Тайная дума пламенных дев,
Агнец с друзьями, с противными лев...

(ср. стихи 1–12 первой главы печатного текста). Отказавшись от этого метра, Жуковский вторично начал перевод в 1837 г., выбрав для него гекзаметр как наиболее подходящий размер для плавного, широко развертывающегося эпического повествования. Перевод Рюккерта разделен на тридцать песен; Жуковский сохранил это строение, лишь объединив тридцать песен в десять глав, по три песни в каждой.

Поэма «Махабхарата», имеющая около ста тысяч двустиший, создавалась многими народными певцами Индии с начала первого тысячелетия до н. э. Она включила в себя большое число мифов, сказаний, легенд. Упомянутые в поэме названия царств и городов, имена царей и героев в большинстве случаев не имеют реально-исторических и географических соответствий и принадлежат к сказочно-мифологическому миру.

Предшествующее повести посвящение построено в форме трех снов поэта о прошлом и настоящем. Жуковский вспоминает о празднике, данном в Берлине 27 января 1821 года (см. стихотворение «Лалла Рук» т. I, стр. 359).

Невеста севера – великая княгиня Александра Федоровна, позднее императрица, изображавшая на празднике индийскую принцессу Лалла Рук.

...на двух родных... могилах... – Жуковский вспоминает о сестрах Протасовых, на могилах которых он поставил одинаковые надгробные плиты: о М. А. Мойер, умершей в 1823 г. в Дерпте, и об А. А. Воейковой, умершей в 1829 г. в Ливорно.

Но он уж не один, их два... – Имеется в виду великая княгиня Александра Федоровна и ее дочь Александра Николаевна. Цитируемый Жуковским в примечании Август-Вильгельм Шлегель (1767–1845) – известный немецкий писатель, поэт, критик и переводчик. Цитата заимствована из его труда «Indische Bibliothek» («Индийская библиотека»).

Рустем и Зораб*

Написано в 1846–1847 гг. (с начала 1846 г. до 12 апреля 1847 г.). Впервые напечатано в «Новых стихотворениях В. Жуковского», СПб., 1849, с подзаголовком в оглавлении «Вольное подражание Рюккерту». Поэма представляет собою вольное переложение перевода Фридриха Рюккерта «Rostem und Suhrab, eine Heldengeschichte in zwölf Büchern», Erlangen, 1838 («Ростем и Зураб, героическое повествование в двенадцати книгах»); последний, в свою очередь, является переложением одного эпизода поэмы «Шах-наме» (или «Шахнаме») великого поэта таджикского и персидского народов Абуль Касима Фирдоуси.

«Шах-наме» («Книга царей» или «О царях») – грандиозная эпопея иранских народов, основанная на богатейших источниках народных преданий и на обширной литературе иранских исторических хроник. В этой эпопее в форме сказаний о последовательно сменяющих друг друга династиях, о царях и богатырях, изложена история иранских народов. Почти через всю «Шах-наме» проходит тема борьбы иранцев против туранцев, воинственных племен, живших на северо-восток от Ирана, за Джейхуном (Аму-дарьей). Эта тема вместе с тем является выражением морально-религиозного учения зороастризма – доисламской религии Ирана, об извечной борьбе двух начал – добра и зла, света и тьмы, Ормузда и Ахримана. Согласно этому учению в Иране воплощено начало добра, в Туране – начало зла. Борьбу ведут в древнейшие, мифологические времена герои-богатыри, олицетворяющие собою силы всего иранского народа. Из этих богатырей самым могучим и любимым для автора эпопеи и для народов Ирана является Ростем (у Жуковского – Рустем). Его подвиги составляют содержание длинного ряда эпизодов поэмы, относящихся к героической части эпопеи. К правлению шаха Кей-кавуса приурочен и один из наиболее ярких, художественно совершенных и известных эпизодов «Шах-наме» – о Ростеме и его сыне Сохрабе или Сухрабе (у Жуковского – Зораб). В этом эпизоде особенно поэтически разработана основная идея поэмы – идея борьбы добра и зла.

Один из новейших исследователей «Шах-наме» так формулирует содержание и смысл эпизода: «Иран побеждает в борьбе с Тураном. Этим он обязан Ростему, с которым Афрасиаб и туранские богатыри не в силах справиться. Только погубив Ростема, можно спасти дело Турана, но все попытки Ахримана убить богатыря не достигают цели. Ахриман готовит ему последний удар. Ростем должен пасть от руки своего сына – могучего Сохраба. Целый ряд «случайностей», казалось бы, неизбежно ведет к роковой развязке. Бой, трагический по своим перипетиям и исходу для Сохраба, не приводит, однако, Ахримана к цели. Ростем, готовый в безумном порыве убить себя, спасен и вновь разрушает все надежды туранцев» (А. А. Стариков. Фирдоуси и его поэма «Шахнаме». В кн.: Фирдоуси. Шахнаме, т. I. М., изд. Академия наук СССР, 1957, стр. 566).

Переложение Жуковского значительно отходит от этой схемы; в отдельных моментах Жуковский отступает и от поэмы Рюккерта. Отступления Рюккерта от подлинника, Жуковского – от Рюккерта сводятся в основном к следующему. Жуковский резко изменил размер произведения. Стих Рюккерта довольно близок к стиху «Шахнаме» – его вольный перевод написан двустопиями (иногда – трехстопиями) шестистопного ямба с парной (или тройной) рифмовкой, со свободным чередованием мужских и женских двустопий. Жуковский пишет свое переложение вольными, большей частью короткими ямбами без рифм, почти ритмизованной прозой, что придает несколько замедленному, длинному стиху Фирдоуси и Рюккерта большую свободу, быстроту и разнообразие; это – едва ли не единственный в русской поэзии пример подобного стиха в большом произведении.

Далее, Рюккерт делит свое повествование на двенадцать книг и сто восемнадцать глав; Жуковский свободно komponует эти главы, нередко сливая их вместе, соединяет также и книги, переставляя их границы; вся поэма делится им на десять книг, причем Жуковский дает каждой книге отсутствующее у Рюккерта краткое заглавие. В первых восьми книгах Рюккерт довольно близко следует тексту Фирдоуси, а Жуковский так же близко следует Рюккерту, лишь иногда сжимая рассказ и отбрасывая лишние фактические подробности. Единственный случай внесения Жуковским имени от себя – имя коня Рустема Гром вместо непереводаемого «Рехш» Фирдоуси, переданного Рюккертом как «Rachs». Но в XI и XII книгах Рюккерта, соответствующих IX–X книгам Жуковского, увеличиваются расхождения Рюккерта с Фирдоуси, а Жуковского – с Рюккертом.

Рассказ об излишке силы, переданном Рустемом на хранение горному духу и

ний в четырех томах. Том 3. Орлеанская дева. Эпические произведения. Василий Андреевич Жуковский zh
потребованном назад перед третьим боем с Зорабом (Рюккерт, кн. X, гл. 102, кн. XI, гл. 104) принадлежит Рюккерту – в поэме Фирдоуси лишь очень кратко упоминается о том, что излишек силы был взят у Ростема богом и возвращен по его молитве, Жуковский в своей поэме следует образному рассказу немецкого поэта. Фирдоуси подробно изображает горе Техмине (Темины), когда она узнает о гибели сына, и рассказывает затем, как она умерла через год; Рюккерт сокращает этот эпизод, опуская все детали бурного проявления отчаяния матери; Жуковский вводит новую версию, несравненно более сильную и трагическую: возвращенная из Семенгама повязка Зораба с кратким словом Зевара: Там никому она уж боле не нужна – говорит больше, чем самый подробный рассказ об отчаянии матери, не пережившей сына (кн. X, гл. VIII).

Фирдоуси, изобразив покушение Ростема на самоубийство после смерти Сохраба, затем продолжает рассказ о его дальнейших подвигах; история Сохраба (Зораба) является лишь эпизодом в ряду сказаний о жизни и подвигах Ростема; для Рюккерта и Жуковского история Ростема (Рустема) и его сына имеет самостоятельное значение, гибель Зораба знаменует собою и конец Рустема. Уход богатыря был прекрасной находкой Рюккерта; Жуковский придал заключительным словам Рустема еще большую силу.

Наконец, в последней книге поэмы Жуковского есть, помимо рассказа о возвращенной повязке, еще два эпизода, всецело ему принадлежащие, которых нет ни в «Шах-наме», ни у Рюккерта: это – ночное появление Гурдаферид у тела Зораба (гл. VII) и прощание коня Зораба с мертвым господином (гл. VIII). Обе эти сцены проникнуты такой высокой поэзией и такой трагической силой, что должны быть причислены к лучшим достижениям зрелого творчества Жуковского.

Илиада*

Написано в 1849–1850 гг.: с 2-го по 17-е октября 1849 г. Жуковский работал над II песнью; после почти годового перерыва, в августе 1850 г. переведена вся I песнь. При жизни Жуковского не публиковалось. Впервые напечатано – по авторизованному, но не до конца выправленному списку, до нас не дошедшему, – и издании «Прописи. Сборник статей по классической древности, издаваемый П. Леонтьевым», кн. IV, М., 1854.

Перевод «Илиады» начат был Жуковским почти тотчас после окончания работы над переводом «Одиссеи». В письме к П. А. Плетневу от 20 декабря 1848 года, когда «Одиссея» еще не была закончена, он писал о своем намерении «приняться за «Илиаду», дабы оставить по себе полного собственного Гомера» (см. Сочинения, изд. 7-е, 1878, стр. 593). Перевод был начат не с первой, а со второй песни – по-видимому, в качестве пробной. В черновой рукописи основному тексту перевода второй песни предшествует набросок перевода начала этой песни, не вошедший в исправленный и перебеленный текст. Этот набросок оставлен, и вместо него начат «каталог кораблей», то есть подробное перечисление греческих вождей и племен, высадившихся у Трои под предводительством Агамемнона и принявших участие в осаде. Набросок начала второй песни читается так:

Боги другие и мужи, коней обуздатели, спали
Мирно всю ночь, но от Зевса спокойствие сна убегало.
Сердцем колеблясь, он мыслил о том, как воздать Ахиллесу
Честь истребленьем ахейян при их кораблях крепкозданных.
Вот что, размыслив, нашел напоследок он самым удобным –
К богу сна обратился и бросил крылатое слово Кронион:
«Бог сновиденья, лети к кораблям крепкозданным ахейян;
В царский шатер Агамемнона, сына Атревеева, вшедши,
Все то ему повтори, что теперь от меня ты услышишь...»

Сохранившаяся часть перевода «Илиады» носит получерновой характер и является лишь началом работы, которую Жуковский, несмотря на болезнь и постепенную потерю зрения, думал продолжать. Об этом свидетельствует его письмо к П. А. Плетневу от 25 августа 1851 г.: «У меня уже есть точно такой немецкий перевод, с которого я перевел «Одиссею» (то есть подстрочник в двух вариантах, буквальном и смысловом. – Ред.), и я уже и из «Илиады» перевел две песни... Для «Илиады»... найду немецкого лектора, он будет читать стих за стихом. Я буду переводить и писать с закрытыми глазами <помощью изобретенной им самим машинки. – Примечание П. И. Бартенева>, а мой камердинер будет мне читать перевод, поправлять его и переписывать». Работа, однако, не возобновилась, и Жуковский умер, не завершив ее.

Перевод двух песен «Илиады» является началом работы над полным переводом поэмы, подобным переводу «Одиссеи». В этом его существенное отличие от перевода тех отрывков из «Илиады», который Жуковский осуществил в 1828–1829 гг. (см. прим. на стр. 546–548). Притом, переводя «Илиаду» через двадцать лет, он опирался на иные принципы построения русского гекзаметра: в 1828–1829 гг. им нередко применялись спондеи вместо дактилей, особенно в первой и в четвертой стопах стиха; в 1849–1850 гг., так же как в переводе «Одиссеи», спондеические стопы почти не встречаются. Это позволяет считать переводы «Илиады», соответственно хронологии, двумя отдельными произведениями Жуковского.

Примечания

1 Наль и Дамаянти есть эпизод огромной Индейской поэмы Магабараты. Этот отрывок, сам по себе составляющий полное целое, два раза переведен на немецкий язык; один перевод, Боппов, ближе к оригиналу; другой, Рюккертов, имеет более поэтического достоинства. Я держался последнего. Не зная подлинника, я не мог иметь намерения познакомить с ним русских читателей; я просто хотел рассказать им по-русски ту повесть, которая пленила меня в рассказе Рюккерта, хотел сам насладиться трудом поэтическим, стараясь найти в языке моем выражения для той девственной, первообразной красоты, которою полна Индейская повесть о Нале и Дамаянти. Вот что говорит А. В. Шлегель об этом отрывке: «По моему мнению, эта поэма не уступает никакой из древних и новых в красоте поэтической, в увлекательности страстей, в возвышенной нежности чувств и мыслей. Прелесть ее доступна всякому читателю, молодому и старику, знатоку искусства и необразованному, руководствующемуся одним естественным чувством. Повесть о Нале и Дамаянти есть самая любимая из народных повестей в Индии, где верность и героическое самоотвержение Дамаянти так же известны всем и каждому, как у нас постоянство Пенелопы».

2 Стих не окончен (ред.).

3 Стих не окончен (ред.).

4 Стих не окончен (ред.).

5 Стих не отделан (ред.).

6 Стих не отделан (ред.).

7 Два стиха отсутствуют; см. примечания (ред.).

8 В указатель включены имена писателей, произведения которых переводились В. А. Жуковским.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://zhukovskyvasily.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!